

808-14
2468

АДАМ СМИТ

И С С Л Е Д О В А Н И Е

179

О
П Р И Р О Д Е

228

И
П Р И Ч И Н А Х

Б О Г А Т С Т В А

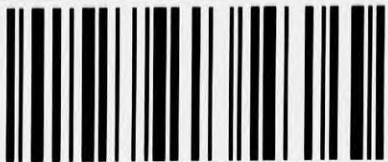
Н А Р О Д О В

Т О М I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА · 1935 · ЛЕНИНГРАД

2010456113

2526-35

Отв. редактор *И. Удальцов.*

Техн. редактор *Р. Шапиро.*

Отв. за выпуск *В. Антонов.*

Сдано в набор 7/III 1934. Подписано к печати 7/III 1935 г.
49120 знаков в печат. листе. Формат 62×94/16. Тираж 20.000 экз.
Объем 24 1/2 печ. листа. Уполномоченный Главлита Б 1664. Заказ 1254.
Цена 7 руб. Переплет 1 руб. 25 коп.

16-я типо

«Ленинградский полиграфический завод», Трехпрудный пер., 9.

ADAM SMITH.

I N Q U I R

INTO THE

NATURE

AND

CAUSES

OF THE WEALTH

OF NATIONS

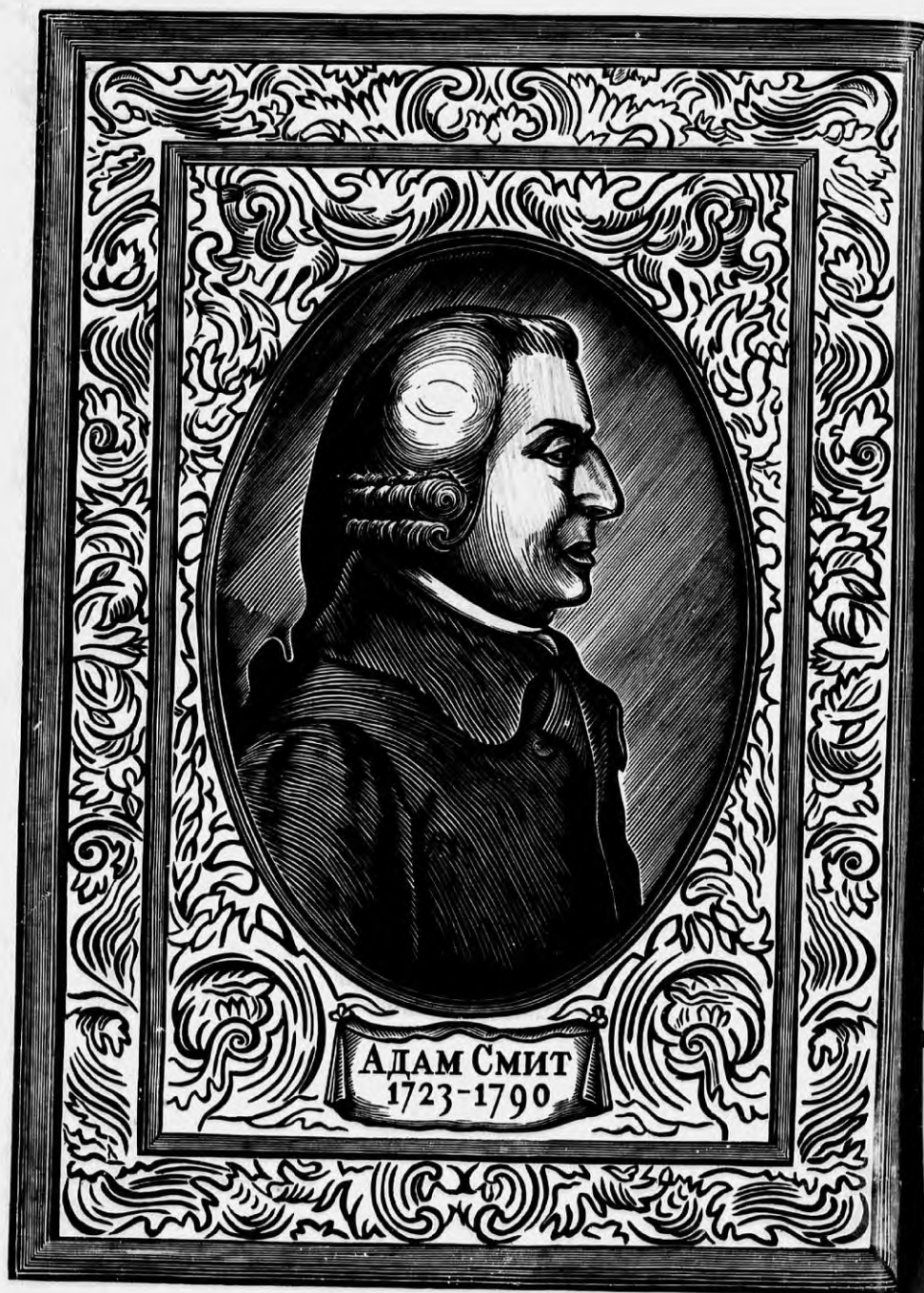
VOL. I

THE STATE
SOCIALE AND ECONOMIC PRESS

MOSCOW • 1935 • LENINGRAD

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	VII
ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРИРОДЕ И ПРИЧИНАХ БОГАТСТВА НАРОДОВ	
Предисловие к третьему изданию	3
Предисловие к четвертому изданию	—
Введение и план сочинения	4
Книга I. Причины увеличения производительности труда и порядок, ответственности с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами народа	
I. О разделении труда	9
I. О причине, вызывающей разделение труда	16
I. Разделение труда ограничивается размерами рынка	20
IV. О происхождении и употреблении денег	24
V. О действительной и номинальной цене товаров, или о цене их в труде и цене их в деньгах	30
I. О составных частях цены товаров	45
I. О естественной и рыночной цене товаров	52
I. О заработной плате	60
I. О прибыли на капитал	80
I. О заработной плате и прибыли при различных применениях труда и капитала	90
Отдел I. Неравенства, обусловливаемые самим характером занятий	—
Отдел II. Неравенства, вызываемые вмешательством государства	107
Земельная рента	130
Отдел I. О сельскохозяйственном продукте, который всегда доставляет ренту	132
Отдел II. О сельскохозяйственном продукте, который иногда дает ренту, а иногда не дает ее	146
Отдел III. О колебаниях в соотношении стоимости продуктов, всегда приносящих ренту, и продуктов, иногда приносящих и иногда не приносящих ренту	158
Очерк колебаний стоимости серебра в течение последних четырех столетий	159
Первый период	—
Второй период	171
Третий период	172

Колебания в соотношении между стоимостью золота и серебра . . .	
Основания, позволяющие предполагать, что стоимость серебра продолжает уменьшаться	
Различные последствия развития культуры для трех видов сырых продуктов	
Первый разряд	
Второй разряд	
Третий разряд	
Заключение обзора колебаний стоимости серебра	
Влияние хозяйственного развития на действительную цену промышленных изделий	
Заключение	
Книга II. <i>О природе капитала, его накоплении и применении</i>	
I. О подразделении накопленных запасов	
II. О деньгах, как особой части общих запасов общества, или об издержках для поддержания национального капитала	
III. О накоплении капитала, или о труде производительном и непродуктивном	
IV. О капитале, ссужаемом под проценты	
V. О различных помещениях капиталов	
Книга III. <i>О развитии благосостояния у разных народов</i>	
I. О естественном развитии благосостояния	
II. О препятствиях развитию земледелия в древней Европе после падения Римской империи	
III. Возникновение и развитие городов после падения Римской империи	
IV. Как торговля городов содействовала росту благосостояния сельских местностей	
Предметный указатель	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Адам Смит жил в ту эпоху, когда буржуазное общество «сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости»¹. Но на этом пути было еще не мало феодального мусора, мешавшего победному движению капитала. Еще сильнее были феодальные элементы, цепко державшие в своих руках парламент и исполнительную власть и выпавшие в обосновании своих привилегий на традиции, на историю. Обоснования своих притязаний и прав буржуазия искала в истории — для этого она тогда еще была слишком молода, — в принципе естественности, т. е. она утверждала, что только тот порядок, за который она боролась, соответствует человеческой природе. Одним из мыслителей, наиболее плодотворно использовавших этот принцип в интересах буржуазии, был автор «Богатства народов». Но это было давно. Если принцип естественности был хорошим риторическим оружием в борьбе буржуазии против феодального порядка, то он оказался непригодным для борьбы буржуазии против аристократии, штурмующего капиталистический строй под знаменем марксизма-ленинизма — знаменем того учения, которое вскрыло исходный характер капитализма, законы его движения и неизбежность его гибели под революционным натиском рабочего класса. Буржуазия от классиков отвернулась и выдвинула вульгарных экономистов, которые либо полностью отвергают классическую школу, либо интерпретируют ее так, что выхолащивают из нее любое научное содержание.

Для нас, марксистов-ленинцев, классическая политическая экономия — один из источников марксизма. Критикуя классиков и разоблачая ограниченность их буржуазного кругозора, мы в то же время выделяем *научное зерно* их системы, то зерно, которое в творчески переработанном виде вошло в железный инвентарь марксизма-ленинизма.

I. КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ А. СМИТА

А. Смита считают экономистом мануфактурного периода. И это правильно. Однако это слишком общо. Во-первых, сам мануфактурный период имеет свою историю: возникновение мануфактуры,

¹ Маркс, К критике политической экономии. (Введение), стр. 9, изд. 1933 г.

расцвет ее, переход от мануфактуры к машинному производству. Во-вторых, мануфактурный период есть: 1) период в истории развития капитализма вообще и 2) период в истории развития английского капитализма.

Смит, с одной стороны, был экономистом эпохи перехода от мануфактуры к машинному производству; другими словами, он был экономистом кануна промышленного переворота. Смит, с другой стороны, был английским экономистом, экономистом страны, шедшей вперед других стран и своим развитием показавшей последним картину будущего.

К тому времени, когда Смит начал свою деятельность, еще было машинного производства и настоящей свободы торговли. Предпосылки машинного производства и полной свободы торговли готовились всем развитием английского капитализма, ставшего мировой силой и создавшего огромную колониальную империю.

«Богатство народов» появилось до промышленного переворота, но шаги, подземные толчки приближающегося переворота Смит во время работы над своей книгой уже мог чувствовать. Ему в то время был известен ряд механических приспособлений, являвшихся первыми ласточками. К этим приспособлениям относятся самопрялка, самолетный челнок¹, валильная мельница и ряд усовершенствований — правда, еще незначительных — в ткацком деле. Смицу известна была и паровая машина Ньюкомена, изобретенная в 1705 г. Он также был знаком и сильно интересовался опытом знаменитого Уатта², имевшего свою мастерскую в Глазго. Уаттова паровая машина, явившаяся дальнейшим усовершенствованием машины Ньюкомена, появилась в 1769 г., т. е. за 7 лет до появления «Богатства народов».

Смит — уроженец Шотландии. Его родина — маленький шотландский городок Киркальди. Отец его был таможенным чиновником и умер еще за несколько месяцев до рождения сына. Однако Смит получил хорошее образование. Получив среднее образование в родном городке, четырнадцатилетний Смит поступает в Глазговский университет, где он усердно изучает математику и натурфилософию. Благодаря своему прилежанию и успехам Смит обращает на себя внимание, и ему удается (это тогда считалось большим счастьем молодежи из небогатых семей) попасть в аристократический Оксфордский университет. Но этот университет, некогда славившийся центром учености и *alma mater* знаменитостей Англии, после бурных революций XVII в. стал очагом невежества, мракобесия и реакции. Смит оставил замечательную характеристику оксфордской профессуры. «Для человека, одаренного, — пишет он, — здравым умом, должно быть делом тягостным сознавать, что лекции, кото-

читает студентам, суть чистый вздор или нечто весьма близко к нему подходящее. Должно быть также крайне неприятно видеть, что большая часть слушателей не посещает лекций или слушает их с сомнительным выражением неодобрения, насмешки или пренебрежения». А теперь о «методике» чтения лекций такими профессорами. Это того, — продолжает Смит, — чтобы самому объяснить преподаваемую своим слушателям науку, он может читать ее по книге, если эта книга написана на мертвом или иностранном языке, то переводить и толковать ее, или, для чего потребуется еще меньше труда, заставить самих слушателей переводить ее... В то же самое время строгость, заведенная в училище, дает ему средство принудить слушателей посещать самым аккуратным образом эти так называемые лекции».

Оксфордский университет стяжал себе «славу» как очаг *антиклерикального движения*: студенты, поощряемые своими наставниками, устраивали уличные демонстрации в пользу короля Якова (из свергнутой династии Стюартов). Там даже вспыхнул настоящий бунт против восстановления старой династии.

Смит в Оксфорде пробыл семь лет. Его намеревались готовить священники, но он сумел уберечь себя от тлетворного влияния своей *alma mater*. Он жил уединенно, замкнуто и много работал над своим образованием. В этот промежуток времени появился трактат о человеческой природе» Юма; этот трактат Смитом усиленно читался, и он имел на него большое влияние. Между Смитом и Юмом установилась немного позже и большая личная дружба.

В 1748 г. Смит прибыл в Эдинбург, где стал читать публичные лекции по риторике и литературе. А в 1751 г. он был приглашен Глазговским университетом на кафедру по логике. Спустя же четыре года он занял в этом же университете кафедру по «справственной философии». Курс этот носил энциклопедический характер и состоял из следующих частей: 1) теологии, 2) этики, 3) права, 4) политики. Последняя включала в себя и то, что мы теперь называем экономической политикой, и ряд проблем из области политической экономии. Лекции по этике получили литературное оформление: в 1759 г. вышла книга Смита «Теория нравственных чувств», доставившая ему большую известность.

Пребывание Смита в Глазго — а оно длилось до 1764 г. — было для него наиболее плодотворным. Помимо того, что его профессорская деятельность дала ему возможность развернуть свои разнообразные дарования и познания (ведь он же читал чуть ли не энциклопедический курс), в Глазго, крупнейшем центре Шотландии, Смит имел возможность наблюдать за экономическим развитием этой промышленной части Англии. В Шотландии, больше чем в других частях Англии, были особенно развиты железодельная и текстильная промышленность. Мы уже говорили о знакомстве Смита с Юмом и о том громадном интересе, который он проявил к опытам знаменитого изобретателя. В Глазго с сороковых годов XVIII в. существовал первый, как полагают, во всем мире клуб политической экономии. Смит принимал живейшее участие в жизни клуба.

¹ Самолетный челнок был изобретен Кэем в 1733 г.

² Когда в 1757 г. Глазговская цеховая корпорация запретила знаменитому изобретателю производить свои опыты, Смит принял живейшее участие в создании общественного мнения в пользу опытов Уатта. И последнему удалось получить разрешение продолжать их в университетской мастерской.

В 1764 г. заканчивается профессорская деятельность Смита добровольно отказавшись от нее; вначале он заменил ее деятельностью воспитателя английского аристократа, а затем, уединившись целиком отдался работе над главным своим трудом — «Богатство народов».

В этом же году Смит со своим воспитанником Берклеем приступил к путешествию по Европе, главным образом по Франции. Смит близко сошелся со всеми выдающимися людьми Франции; особое значение для него имело близкое знакомство с физиократами, в частности с Кэне и Тюрго. Во-первых, в концепции Смита есть элемент физиократизма. Во-вторых, критическое усвоение последнего, полемика против него, оплодотворили мысль автора «Богатство народов», дали ему возможность глубже понять и развить собственную теорию.

Пребывание Смита во Франции является бесспорно важным моментом в творчестве Смита как экономиста.

После трехлетней деятельности в качестве воспитателя молодого герцога Берклея Смит вернулся в свою родную городок Кирккалди, где он в глубоком уединении работал над своим главным трудом, который появился в 1776 г. Даже близкие друзья не знали, чем занимался Смит; отшельничество его приводило их в большое раздражение. Юм писал ему: «Я не принимаю в оправдание твоих заявлений о расстройстве здоровья и смотрю на них лишь как на отговорку, подсказанную ленью и страстью к уединению». В самом деле, мой любезный Смит, если вы будете поддаваться своим склонностям подобного рода, то вы кончите тем, что порвете все личные связи с человеческим обществом к великому вреду обеих сторон.

«Исследование о причинах и природе богатства народов» — шумный успех и не преходящий, а довольно прочный и длительный. История политической экономии знает мало таких экономистов, которых оказал бы такое громадное влияние на современную и на последующие поколения, как работа шотландского мудреца (так стали называть Смита). Слава Смита скоро распространилась далеко за пределы Англии: везде и всюду на него смотрели как на творца новой науки — политической экономии. В самой Англии тогдашние государственные люди, как Питт¹, объявили себя его учениками; в парламенте часто стали цитировать его книгу при обсуждении или иного законопроекта.

Смит был смелый экономист, проложивший новые пути, но в жизни он был робок и напичкан множеством мещанских добродетелей. В «Теории нравственных чувств» мы читаем: «Благоразумие не допускает нас рисковать нашим здоровьем, нашим благосостоянием, на-

¹ Питт Младший (1759—1806) сын Питта Старшего (1708—1778). Оба — сыны, были премьер-министрами. Питт Младший, «ученик» Смита, во внешней политике отличился как организатор войны против революции во Франции, во внутренней политике — как реакционный «борец» против революционного движения, особенно против свободы рабочих коалиций; он был борющимся сторонником «экономической свободы», т. е. свободы эксплуатации пролетариата.

шим, нашим добрым именем... Оно больше заботится о сохранении уже приобретенных выгод, чем о приобретении еще больших... Благоразумный человек не любит шумного общества, оно возмутило правильное течение его жизни и его занятий и нарушило привычную простоту и умеренность его жизни. Благоразумный человек относится с осторожным уважением ко всем принятым обычаям... Он не согласится пристать ни к одной из враждующих партий, — он ненавидит партии. Он боится беспокойства и ответственности, связанных с ведением общественных дел».

Если бы Смит и в своих экономических исследованиях соблюдал эти правила, вряд ли удалось бы ему создать не только великое, но вообще достойное внимания произведение.

Смит умер в 1790 г.

Смит долгое время носился с грандиозным, даже чудовищным, по замыслу некоторых биографов, планом дать миру целую социальную систему, охватывающую все стороны человека и общества. Но из-за всего этого плана ему удалось осуществить лишь две работы: «Теория нравственных чувств» и «Исследование о природе и причинах богатства народов». В первой он исследует нравственный мир, во второй — экономический; перекинуть между ними мост ему так и не удалось. Исходным пунктом исследования нравственного мира является *симпатия*, которая им определяется как «участие к счастью других»; исходным пунктом исследования экономического мира — *эгоизм*, преследование в хозяйственной жизни исключительно личных интересов.

Таким образом эгоист в «экономике» преобразуется в свою противоположность, — в альтруиста в «этике», — Смит не объяснил, как это произошло. Многие комментаторы пытаются за него это делать. Адам Смит представлял промышленную буржуазию в тот период, когда она боролась против остатков феодализма и идеологии торгового капитализма, проводившего меркантильную политику. Естественно, что идеология ее боролась промышленная буржуазия, представляла идеологам ее как естественный строй, а прежний строй — как искусственный строй. Основы этой «естественности» искали в природе человека, т. е. фактически в природе буржуа, который представлялся нормальным человеком. «Пророкам XVIII века, — писал Маркс, — на плечах которых еще целиком стоят Смит и Рикардо, этот индивид XVIII века, — продукт, с одной стороны, движения феодальных общественных форм, а с другой — развивающихся с XVI в. новых производительных сил, — представляется в своем существовании которого относится к прошлому, — не результатом истории, а ее исходным пунктом»¹.

Смит как честный мыслитель и добросовестный исследователь не мог сказать, что его естественный человек, т. е. буржуа, является результатом, преследующим только свои личные интересы, не мог брать действительность так, как она есть, ищет объяснений

экономических явлений в эгоизме, в борьбе и соревновании личных интересов. Но вывести отсюда и нравственные чувства и правовые идеалы — объяснить экономикой этику — Смит не мог. Ведь даже материалисты XVIII в. — материалисты в области философии и естествознания — исторические и социальные явления объясняют *идеалистически*, а Смит материалистом не был. Отсюда он для следования нравственности вынужден был искать иных предельных случаев, иных исходных пунктов.

Но в одном отношении между «Теорией нравственных чувств» и «Богатством народов» есть много общего, хотя построены они на разных началах. В той и другой работе Смитом применяется один и тот же методологический прием. Свою «Теорию нравственных чувств» Смит начинает словами: «Какую бы степень эгоизма мы предположили в человеке, *природе его очевидно свойственно участие к тому, что случается с другими*». Это участие и есть симпатия («Оно-то, — продолжает Смит, — и служит источником жалости или сострадания и различных ощущений, возбуждаемых в нас участием в счастьем посторонних»).

Как экономика развивается и должна развиваться согласно своим внутренним закономерностям, т. е. естественно и свободно, так и этика имеет свои внутренние закономерности. С этики снят божественный и мистический покров, — она *очеловечена*. Альтруизм по Смицу, такое же естественное свойство человека, как и эгоизм.

II. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА «БОГАТСТВА НАРОДОВ»

Структура и содержание

«Богатство народов» состоит из пяти книг; первые две посвящены тому, что мы сейчас называем политической экономией, т. е. политической экономии в узком смысле. Исследование первой книги начинается с анализа разделения труда: значения его для богатства народов, причины его возникновения, факторов, от которых зависит. От разделения труда Смит переходит к выяснению причин возникновения денег, а затем — к основной проблеме — меновой стоимости товаров. Разрешив эту проблему, Смит сразу переходит к проблеме распределения — к исследованию основных трех классов: заработной платы, прибыли, ренты. Таким образом по изложению первой книги, в теоретическом отношении решаются следующие: разделение труда, деньги, меновая стоимость товаров, распадение последней на три дохода трех основных классов. О смысле этой схемы будем говорить дальше. Отметим лишь пока, что обществу делится на классы в зависимости от их отношения к средствам производства и характера получения доходов; землевладельцы монополизировали земли и получают ренту; капиталисты как владельцы капиталов получают прибыль; рабочие, лишенные собственности и других, получают заработную плату.

Во второй книге исследуется капитал. Исходным пунктом исследования здесь являются *запасы*; из последних Смит выде-

...сть, которую он называет капиталом. Изучая капитал, он исследует его состав, делит его на основной и оборотный — роль капитала в процессе его накопления; разные виды капитала, ссудный капитал, различие от торгово-промышленного капитала; и наконец разные помещения капиталов, в частности капитал в промышленности и капитал в земледелии. В этой книге Смит возвращается к проблеме *запасов*, но ставит он ее уже в другом разрезе: его здесь интересуют не столько *запасы* как часть *запасов* и в какой мере они являются капиталом. Накопление капиталов он связывает с проблемой производительного и непроизводительного труда. И в трактовке производительного и непроизводительного труда, хотя она и страдает двойственностью, Смит делает значительный шаг вперед по сравнению с физиократами. Для него всякий труд, — независимо от того, где он применяется, в земледелии или в промышленности, — является производительным, раз он производит товар или капитал¹.

В первых двух книгах, как сказано, Смит излагает свои политико-экономические теории. В третьей книге он дает то, что может быть названо историей хозяйства, которую он начинает с падения Римской империи. Этому исследованию он предпосылает своего рода введение — под названием «О естественном развитии благосостояния». В названной главе им вновь ставится проблема разделения труда, в ином разрезе, чем в первой книге. Здесь Смит рассматривает разделение труда между городом и деревней и под этим же углом зрения рассматривает в следующих главах третьей книги историю хозяйства, в которой он отмечает два процесса, следовавших один за другим: вначале упадок городов, а затем их расцвет.

В четвертой книге мы имеем нечто вроде истории экономических учений. Большая часть книги посвящена меркантилизму, который подвергает всесторонней и уничтожающей критике.

Физиократию, которую он называет еще сельскохозяйственной экономией и которой посвящает всего одну главу, Смит критикует еще и гораздо снисходительнее².

В пятой книге Смит исследует финансово-налоговую политику. Она разделена на три отдела: в первом рассматриваются расходы государства, во втором — доходы государства, в третьем — государственные долги.

Теперь рассмотрим, в какой внутренней связи находятся перечисленные пять книг. На первый взгляд они представляют энцикло-

...Делая шаг вперед, он делает одновременно и шаг назад: по его определению производительным трудом является не только труд, создающий капитальную прибавочную стоимость, но также — товар и стоимость. Физиократы считали производительным только труд в земледелии, так как, согласно их мнению, только в земледелии создается «чистый продукт».

Сам Смит объясняет это так: «Вне всякого сомнения, не стоит труда пытаться выяснять ошибки теории, которая никогда не причиняла и вероятно никогда не причинит ни малейшего вреда ни в одной части земного шара» («Богатство народов», т. II, стр. 254, 1931 г.). «Вне всякого сомнения», — говорим мы, тут была и еще одна причина: Смит питает симпатию к физиократам и не совсем был свободен от ее влияния.

педию экономических знаний, которые между собой связаны не только тем, что все они относятся к области экономики. Однако при более внимательном рассмотрении «Богатства народов» нетрудно обнаружить внутреннюю связь, объединяющую все пять книг в одно целое. Единство заключается: 1) в предмете исследования, 2) в той основной идее, которая Смитом проводится на протяжении всех пяти книг.

Предмет исследования всего труда есть *богатство народов*. Смит ставил себе задачу раскрыть причины и факторы, способствующие или тормозящие развитие богатства народов. Первым и решающим фактором является разделение труда, способствующее развитию производительности труда, следовательно и росту богатства. Разделение труда является фактором, по Смицу, роста богатства, если происходит правильный обмен в обществе, между членами которого труд разделен, т. е. если обмен происходит согласно «естественной цене». Отсюда проблема разделения труда как фактор роста богатства включает в себя и проблему «естественной цены». А проблема «естественной цены» в свою очередь упирается, можно сказать, в проблему распределения доходов, так как, по Смицу, меновая стоимость товаров определялась трудом только при первобытном состоянии, в дальнейшем же она уже определяется доходами. Все эти три группы, проблемы, внутренне таким образом связанные между собой, и исследуются в первой книге, причем стержнем ее является разделение труда.

Вторым фактором роста богатства является, по Смицу, капитал. «Число полезных и производительных рабочих... зависит везде», — говорит Смит, — от количества капитала, затрачиваемого на то, чтобы дать им работу, и от особого способа его употребления»¹. Это исследуется во второй книге.

В третьей книге, хотя меняется характер исследования, привносится совсем иной материал (материал берется из истории хозяйства), но предмет исследования остается тот же, что в первых двух книгах.

Смита не интересует история хозяйства как таковая, его интересует другое: как разделение труда — в виде разделения труда между городом и деревней — развивалось на протяжении определенного отрезка истории, от падения Римской империи до его времен. Как правильная политика этому процессу содействовала, а неправильная ему мешала. Смит подходит таким образом к третьему фактору, играющему роль в развитии богатства народов, — к политике. Для Смита самой лучшей политикой является... отсутствие ее, невмешательство государственной власти в экономическую жизнь.

Четвертая книга является прямым продолжением третьей. Подобно тому как в третьей книге его не интересует история хозяйства как таковая, в четвертой книге его не интересует история экономических систем сама по себе. Смит хочет лишь показать, как неправильная экономическая политика, особенно меркантильная, ко-

действовала в течение многих веков, мешала свободному, т. е. лучшему, развитию¹ разделения труда.

Если в первых двух книгах Смит исследовал положительные факторы богатства, то в третьей и четвертой книгах он исследует отрицательный его фактор.

Богатство народов остается предметом исследования и в пятой книге, ибо доходы, расходы государства и займы Смит в основном рассматривает под углом зрения развития богатства.

Другим связующим началом «Богатства народов» является экономическая свобода, последовательно проведенная во всех пяти книгах. Идея эта изобретена была не Смицом, она подготовлена развитием капиталистического способа производства и постепенно, как сказать, зрела в умах людей как отражение этого развития. Смицу принадлежит та заслуга: 1) что он под нее подвел теоретический фундамент, 2) что он положил ее в основу своих исторических исследований и критики существовавших до него экономических теорий, 3) что он на ней построил цельную экономическую политику так называемого государственного хозяйства, т. е. государственного бюджета, доходов, расходов, займов.

Идея экономической свободы в свою очередь покоится у Смита на идее естественного порядка; и это также не было изобретением Смита. Это было краеугольным камнем системы физиократов и являлось идеей всего XVIII в., которая опять-таки была отражением экономического развития буржуазного общества. Смит сумел, если можно так выразиться, окончательно очеловечить эту идею от всяких феодально-религиозных, чуждых элементов, с которыми она была прочно спаяна у физиократов. Идея Смита естественный порядок есть порядок, базирующийся на личной инициативе, на личной заинтересованности, на эгоизме. Экономическая теория, данная в первых двух книгах, есть не что иное как выражение естественного порядка в экономических теориях. Разделение труда, деньги, естественная цена, естественная заработная плата, прибыль и рента, капитал, его составные части, накопление капитала и его различное применение — все это является сутью выражение и проявление естественного порядка. В третьей и четвертой книгах показано, как естественный порядок борется с искусственным, прокладывает себе путь через разные препятствия, чинимые ему разными системами экономической политики. А в пятой книге устанавливаются пределы государственного хозяйства, основы его доходов и расходов, вытекающие из естественного порядка.

Смит сумел все экономические знания своего времени объединить вокруг одного объекта исследования и пронизать его одной идеей. Это и доставило ему «Богатству народов» громадный успех. Это стало это произведение книгой, знаменующей собою эпоху в развитии экономической науки. Но идейная спаянность и идейное единство труда Смита

¹ Смит, Богатство народов, т. I, стр. 6.

¹ По Смицу, свободное развитие и наилучшее развитие разделения труда возможны.

не означают и теоретической и методологической монолитности. Наоборот, среди книг, сделавших эпоху, найдется мало таких, которые изобилуют столь многими кричащими противоречиями, как «Богатство народов». Смит непринужденно (не пытаясь согласовать) дает различные, зачастую друг друга исключая объяснения одних и тех же экономических феноменов, строит диаметрально противоположные теории, прибегая к разным методам.

Мы у него находим разные теории стоимости, прибыли, ренты. Но интересно здесь то, что сам автор противоречащих друг другу теорий не замечал этих противоречий. Тем не менее творение Смита в высшей степени оригинально; печать оригинальности лежит на самых противоречиях, а потому и они поучительны и явились важными пунктами для дальнейшего развития экономической мысли.

Смитовские противоречия по их классовой природе суть теоретическое воспроизведение противоречий буржуазной экономики. В основном они делятся на две группы: одни обусловлены противоречиями, вытекающими из недоразвитости капитализма времен Смита, другие (более глубокие) являются противоречиями самой капиталистической системы производства. Первые преодолены с дальнейшим развитием этого способа производства самими буржуазными экономистами, в первую очередь Рикардо; вторые — в пределах буржуазного кругозора и соответственной ему методологической методологии — не только не могли быть преодолены, но и не могли быть поняты. Смитианство с его *коренными* противоречиями присущими всей классической политической экономии, было преодолено только Карлом Марксом:

Методология «Богатства народов»

Общие смитовские принципы, как сказано, это — идеи естественного порядка и естественного права. Естественный порядок и естественное право — тот порядок и то право, которые вытекают из человеческой природы и ей соответствуют. А человек — животное, такова его природа; он преследует, особенно своей хозяйственной деятельностью, исключительно свои личные интересы. И поскольку преследование личного интереса вытекает из самой природы человека, оно законно; оно следовательно имеет право на существование. Личный интерес одного индивидуума ограничен лишь личными интересами самими других индивидуумов; иных ограничений нет и быть не может.

Ограничение личного интереса одного индивидуума интересами других тоже естественно. Ибо каждый нуждается в помощи других, а последняя наилучшим образом может быть получена, если все люди также заинтересованы и те, которые ее должны оказать. «Среди всех других видов животных, — говорит Смит, — каждая птица, достигнув зрелости, становится совершенно независимой и в естественном состоянии не нуждается в помощи других животных существ; между тем человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, и тщетно будет он ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и

сказать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что требует от них. Всякий, предлагающий другому сделку какого-либо рода, предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, получишь то, что тебе нужно, — таков смысл всякого подобного предложения... Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих личных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах»¹. Это заставляет одного эгоиста считаться с интересами других людей. Отсюда и обоюдные интересы и общие интересы. Согласно этой концепции общество состоит из отдельных индивидов, а интерес общества — из интересов его членов. Характерным для этой концепции является таким образом индивидуализм. Смит не отрицает общества и общественных интересов, но он их выводит из природы индивидуума и общественных отношений должен базироваться на анализе индивидуума, его природы, его интересов. И первая дедукция, которую Смит делает и которая является исходным пунктом последних дедукций, сводится к следующему: 1) люди нуждаются друг в друге, 2) но как эгоисты они оказывают друг другу услугу на основе взаимности, 3) единственно рациональной формой последней, формой, при помощи которой наилучшим образом достигается взаимное оказание услуг, является обмен. Следовательно обмен — явление естественное, ибо он обусловлен самой природой человека. Обмен в свою очередь вызывает разделение труда. «Точно так же, — продолжает Смит, — посредством договора, мены и покупки приобретаем друг у друга большую часть необходимых нам взаимных услуг, так и эта самая склонность к обмену породила первоначально и разделение труда»².

Смитовские исходные пункты и основанная на них дедукция есть явление — наиболее общее, т. е. наиболее абстрактное, — буржуазных отношений, возникающих в виде простых товарных отношений, достигающих своего законченного развития при капиталистическом способе производства. «В этом обществе свободной конкуренции, — пишет Маркс, — отдельный человек выступает освобожденным от естественных связей и т. д., которые в прежние исторические времена делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата»³. Буржуа, «освобожденный от естественных связей», выступает в сознании буржуазного идеолога как продукт истории, а как ее исходный пункт, как человек вообще, наделенный неизменной, раз навсегда данной природой. «Естественный порядок» Смита, лишенный историзма, т. е. вытекающий не как результат истории, а как творящая ее сила, есть метафизический принцип. И метафизическая является вся его методология. Особенность одной исторической эпохи *абсолютизируется*,

¹ «Богатство народов», т. I, стр. 19.

² Там же.

³ «К критике политической экономии» (Введение), стр. 9, изд. 1933 г.

и категории буржуазной экономики фиксируются как надклассовые категории. Смит историю знал, он ее, как мы видели, исследует, но метафизически ее трактует: она, по его мнению, с одной стороны, представляет собой ряд заблуждений, уклонившихся от естественного пути, а с другой — борьбу природы человека против всяких препятствий, нагромождавшихся на ее пути. И только в свободной конкуренции она получает надлежащие условия своего нормального развития.

Результат исследования таким образом должен был получиться двойным: прошлое абсолютно отвергалось, настоящее абсолютно признавалось.

Считая буржуазные отношения абсолютными, Смит при них не исследует, он не исследует также их возникновения, их развития, их форм проявления. Беря эти отношения за данные, изучает лишь то, что происходит внутри этих отношений. Скажем, товарные отношения; Смит интересуется не стоимостью, а формой выражения этих отношений; его интересует количественная пропорция, в которой один товар обменивается на другой. Это — анализ первых. Во-вторых, его анализ преимущественно является количественным; качественный анализ у него отсутствует. При анализе заработной платы, рента и другие категории его интересуют не определенные формы выражения определенных классовых отношений, — они его интересуют лишь с количественной стороны и чем они количественно определяются.

Однако идея естественного порядка, освобожденная от феодальной внешности, сыграла значительную положительную роль в развитии экономической науки. Об этом свидетельствует не только идеология, но и идеология самого Смита. Как методологический принцип идея эта заставляла его, как и его истинных последователей, искать происхождения экономических феноменов не в сознательных соглашениях людей и не в творчестве политиков, а в бессознательных действиях масс. Они (экономические феномены) возникают произвольно, стихийно, в результате массового повторения одних и тех же действий. «Разделение труда, приводящее, — говорит Смит, — к таким выгодам, отнюдь не является результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей то общее благосостояние, которое будет порождено им: оно представляет собою последствие, хотя очень медленно и постепенно развивающееся — определенной склонности человеческой природы, которая отнюдь не имела в виду такой полезной цели, а именно склонности к мене, торговле, к обмену одного предмета на другой»¹.

Пусть то, что говорит Смит о природе человека и ее склонности, есть сущая метафизика, однако не должно быть упущено из виду то ценное, что скрыто за этой метафизической оболочкой, а именно принцип рассмотрения экономических явлений как естественных, возникающих, т. е. как возникающих в результате массовых действий. Человеческая природа, о которой говорит Смит, или

¹ «Богатство народов», т. I, стр. 18.

«*homo oeconomicus*» — «экономический человек», наделенный определенными свойствами, — есть продукт определенного способа производства, возникшего на определенной ступени развития человечества. Смит не знает; но само конструирование этого понятия было значительным шагом вперед, ибо это понятие не было выдуманно, а было снимком с буржуа, вылупившегося из феодального общества в результате развития буржуазных отношений соответственно развитию буржуазного способа производства.

Маркс рассматривает капиталиста как «персонализацию» капитала, его природа определяется природой последнего; и это — единственно научное, т. е. диалектически-материалистическое, понятие природы человека, который в классовом обществе всегда является представителем класса. Буржуазный ограниченный кругозор Смита не дает ему возможности подняться до такого понимания природы человека; у него поставлено все на голову: у него буржуазные отношения определяются природой человека, т. е. фактически природой буржуа. Однако и такое изображение экономических отношений представляло значительный прогресс, ибо они были представлены объективные отношения, как отношения, независимые от сознания людей. Этим самым Смит окончательно утвердил в политической экономии принцип каузальности и изгнал телеологию: для экономических отношений как объективных он ищет причины, а не цели. В заключение отметим, что индивидуализм Смита ничего общего не имеет с так называемым субъективизмом в социологии; Смит более резко высказывается против тех взглядов, которые гораздо позже оформились, особенно в русской литературе, в теорию «героев»: будто «герои» двигают историю или являются творцами ее. Смит героев вообще не признает. Характерно в этом отношении следующее его заявление: «Многие породы животных, признаваемые нами надлежащими к одному и тому же виду, отличаются от природы гораздо более резко выраженным несходством способностей, чем это наблюдается повидимому у людей, пока они остаются свободными от действия привычек и воспитания. Ученый по своему уму и способностям и наполовину не отличается так от уличного носильщика, дворничья собака от гончей, или гончая от болонки, или последняя от овчарки»¹.

Под индивидуумом Смит понимает средний, если можно так выразиться, человеческий экземпляр, «массовидного» человека, *homo oeconomicus* — олицетворение определенных черт, наиболее часто встречающихся в массовом масштабе проявляющихся в хозяйственной жизни. Индивидуализм Смита означает лишь то, что общество состоит из отдельных индивидов и что социальные феномены, в том числе и экономические, являются результатами действия этих неделимых элементов общества — индивидов, являющихся своего рода атомами, на которые может быть разложено целое, т. е. общество. Смит вследствие своего метафизического подхода не может понять единства противоположностей, поэтому он и не может понять, что товаропроизводитель — смитов-

¹ «Богатство народов», т. I, стр. 20.

ский homo aeconomicus — является в одно и то же время и обособленным индивидуумом, частным лицом и частицей целого, общества. Маркс пишет: «Лишь в XVIII веке, в «буржуазном обществе» различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей как внешняя необходимость. Однако эпоха, которая порождает эту позицию — обособленного индивида, — есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) связей. Человек, есть в самом буквальном смысле *zoon politikon*, не только общественное животное, но животное, которое только в обществе может обособляться»¹.

Вот этого-то Смит понять не может; он не может понять единства общественного и индивидуального, обособленного и связанного. Но видя, что общественные связи используются индивидуумом как «внешняя необходимость», он их рассматривает как результат действий индивидуумов.

Смитовский индивидуализм — идеологическое отражение буржуазных отношений, выступающих на поверхности общества как частные отношения отдельных индивидов. Субъективизм русских народнических идеология гибнущей при капитализме мелкой буржуазии, стремящаяся задержать или толкнуть назад колесо истории. Объективному историческому процессу народник противопоставляет некий идеал, некую утопию, служащую для него критерием для оценки — точнее, осуждения — действительности. Ближайшим предком русских народников был Сисмонди, резко критиковавший индивидуализм классиков

* *

Современные буржуазные экономисты твердят о банкротстве идеи «естественного порядка», объявляя ее и «антиэтической». Лев в своей классической статье против Струве «Еще одно уничтожение социализма»² пишет: «Как раз наоборот. Именно «ток от естественного знания к обществоведению» подкреплял, подкрепляет и делает неизбежной эту идею. Именно «материалистический историзм» окончательно обосновал эту идею, очистив ее от метафизических (в материалистическом значении этого термина, т. е. антидиалектических) впадок и недостатков... Ибо классики нащупывали и нащупали целый ряд «естественных законов» капитализма, не понимая его настоящего характера, не видя классовой борьбы внутри его. Оба эти недостатка исправлены материалистическим историзмом, и «этическое дискредитирование» тут ни к селу, ни к городу»³.

Идея естественных законов, очищенная «от метафизических нелепостей и недостатков», есть одна из идей марксизма-ленинизма. Недостаток методологии Смита не в том, что она базируется на идее, а в том, что названная идея автором «Богатства народов» понята и трактуется *метафизически*.

Д.Р.

¹ «К критике...» (Введение), стр. 10.

² «Уничтожает» Струве социализм в своей книге «Хозяйство и цели» борясь против марксизма, он нападает и на классиков, в том числе и на Ад. Сисмонди.

³ Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 386.

*

ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРИРОДЕ И ПРИЧИНАХ БОГАТСТВА НАРОДОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Второе издание этой книги печаталось в конце 1775-го и в начале 1776-го года. Поэтому, когда в большей части этой книги говорится о нынешнем положении вещей, надо иметь в виду положение вещей, существовавшее в то время, когда я писал эту книгу, или в несколько предшествующий период. В третьем издании я сделал несколько добавлений к главе о возвратных пошлинах и к главе о премиях. Кроме того, я прибавил новую главу, под заглавием «Заключение о антилиберальной системе», и новый параграф в главе о расходах. Во всех этих добавлениях, говоря о *настоящем положении* вещей, я всегда имею в виду положение вещей в 1783-м и в 1784 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

В четвертом издании я не сделал никаких изменений. Однако считаю нужным выразить величайшую благодарность мистеру Гоцу из Амстердама. Этому лицу я обязан очень точными и подробными сведениями о весьма интересном и важном предмете, Амстердамском банке, о котором я не нашел удовлетворительных сведений ни в одном печатном отчете. Имя этого человека так известно в Европе, сведения, исходящие от него, делают честь всякому, кто их получил, и это признание так льстит моему самолюбию, что я не могу отказать себе в удовольствии предпослать к этому новому изданию настоящее предисловие.

ВВЕДЕНИЕ И ПЛАН СОЧИНЕНИЯ

Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года. Эти продукты или состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого года, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты у других народов.

В зависимости поэтому от большего или меньшего количества продуктов или того, что приобретается в обмен на них, сравнительно с числом тех, кто их потребляет, народ оказывается лучше или хуже снабженным всеми необходимыми предметами и удобствами, в чем он нуждается.

Но это отношение у каждого народа определяется двумя различными условиями: во-первых, искусством, умением и сообразительностью, с какими, в общем, применяется его труд, и, во-вторых, отношением между числом тех, кто занят полезным трудом, и числом тех, кто им не занят. Каковы бы ни были почва, климат или пространство территории того или иного народа, обилие или скудость его годового снабжения всегда будут зависеть в таком случае от этих двух условий.

Обилие или скудость этого снабжения зависят, повидимому, в равной степени от первого из этих условий, чем от второго. У охотников и рыболовов каждый человек, способный к труду, более или менее занят полезным трудом и старается по мере сил обеспечивать все необходимое для жизни для самого себя или для своей семьи из своего семейства и племени, которые по своей старости, молодости или слабости не могут заниматься охотой и рыбной ловлей. У земледельческих народов, однако, бывают так ужасно бедны, что нужда подчас ожидает их, — или, по крайней мере, они думают, что она вынуждает их, — прямо убивать своих детей, стариков и страдающих хроническими болезнями или же покидать их на голодную смерть и на съедение диким зверям. Напротив, у народов цивилизованных и работающих, — хотя у них большое число людей совсем не работает, — многие неработающие потребляют продукты в десять, а часто и в двадцать раз большего труда, чем большинство работающих, — продукт годового труда общества в целом так велик, что часто все бывает в изобилии снабжены им, так что работник даже низшего и беднейшего разряда, если он бережлив и трудолюбив, может пользоваться большим

количеством предметов необходимости и удобств жизни, чем какой бы то ни было дикарь.

Причины этого прогресса в области производительности труда и богатства, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами и группами людей в обществе, составляют предмет первой книги настоящего исследования.

Ново бы ни было состояние искусства, умения и сообразительности, применяемых при работе данным народом, обилие или скудость годового снабжения должны зависеть, при неизменности этого состояния, от соотношения между числом людей, занятых полезным трудом, и числом лиц, не занимающихся им. Число полезных и производительных рабочих, как это будет выяснено в дальнейшем, зависит везде от количества капитала, затрачиваемого на то, чтобы нанять эту работу, и от особого способа его употребления. Поэтому эта книга рассматривает природу капитала, способы его постепенного накопления, а также изменения в количествах труда, привлекаемого им в движение, в зависимости от различных способов его применения.

В истории народов, довольно далеко подвинувшиеся вперед в отношении искусства, умения и сообразительности в применении своего труда, употребляли весьма различные методы для того, чтобы придать труду свойственный характер или направление, причем не все применявшиеся методы были одинаково благоприятны для умножения их производительности. Политика одних народов особенно сильно поощряла земледелие, политика других — городскую промышленность. Вряд ли хотя бы один народ относился одинаково ко всем родам промышленности. В эпоху падения Римской империи политика Европы более благоприятствовала ремеслам, мануфактуре и торговле, — одним словом, городской промышленности, чем земледелию — труду сельскому. Причины, которые, повидимому, повели к такой политике, были рассмотрены, а также объяснены в третьей книге.

Эти различные методы были, может быть, обусловлены частными интересами и предрассудками отдельных групп населения, которые не принимали во внимание или не предусматривали возможных последствий от этого для благосостояния общества в целом, но они послужили основанием для весьма различных теорий политической экономии; при этом одни из последних особенно подводят значение городской промышленности, другие — сельской. Эти теории имели значительное влияние не только на мнения образованных людей, но и на политику государей и государственной власти. В четвертой книге я пытался возможно полнее и точнее объяснить различные теории и главные результаты, к которым они привели в разные века и у различных народов.

Задачу первых четырех книг, таким образом, входит выяснение в чем состоял доход главной массы народа или какова была доля тех фондов, которые в различные века и у различных народов влияли их годовое потребление. Пятая, последняя, книга рас-

сматривает доход государя или государства. В этой книге я стараюсь показать, во-первых, каковы необходимые расходы государства, какие из этих расходов должны покрываться за счет сборов со всего общества и какие—только определенной частью общества или отдельными его членами; во-вторых, каковы различные методы привлечения всего общества к покрытию расходов, падающих на все общество, и каковы главные преимущества и невыгоды каждого из этих методов; и, в-третьих, наконец, какие причины и соображения побуждали почти все современные правительства отдавать своих доходов в долгосрочный залог или заключать долги и какое влияние имели эти долги на действительное богатство общества и его годовой продукт его земли и его труда.

КНИГА I

ПРИЧИНЫ
УВЕЛИЧЕНИЯ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ
ТРУДА
И ПОРЯДОК,
В СООТВЕТСТВИИ
С КОТОРЫМ
ЕГО ПРОДУКТ
ЕСТЕСТВЕННЫМ
ОБРАЗОМ
РАСПРЕДЕЛЯЕТСЯ
МЕЖДУ
РАЗЛИЧНЫМИ
КЛАССАМИ
НАРОДА

Глава I

О РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА

Самый значительный прогресс в развитии производительной силы труда заключается в значительной доле искусства, умения и сообразительности, с которыми он направляется и прилагается, явились, повидимому, следствием разделения труда. Результаты разделения труда для хозяйственной жизни общества в целом легче всего уяснить себе, если вспомнить с тем, как оно действует в каком-либо отдельном производстве. Обыкновенно полагают, что дальше всего оно проведено в некоторых мануфактурах, имеющих второстепенное значение. На самом деле действительности оно, может быть, и не идет там так далеко, как в других, более крупных; но в небольших мануфактурах, предназначенных обслуживать небольшой спрос лишь незначительного числа покупателей, общее число рабочих должно быть по необходимости невелико; поэтому рабочие, занятые различными операциями в данном производстве, часто могут быть соединены в одной мастерской и находиться в одном месте сразу на виду. Напротив, в тех крупных мануфактурах, которые предназначены удовлетворять обширный спрос большого количества покупателей, каждая отдельная часть работы занимает столь значительное количество рабочих, что уже представляется невозможным соединить их в одной и той же мастерской. Здесь нам приходится видеть вместо одного только рабочего, занятого одною частью работы. И потому, хотя в некоторых крупных мануфактурах разделение труда может быть в действительности проведено гораздо дальше, чем в мануфактурах меньшего значения, в них оно не так заметно и ввиду этого гораздо меньше привлекало на себя внимание.

В качестве примера возьмем поэтому весьма маловажную отрасль промышленности, но такую, в которой разделение труда очень часто встречается, а именно производство булавок. Рабочий, не обученный специально производству (разделение труда сделало последнее особой профессией) и не умеющий обращаться с машинами, употребляемыми в этом производстве (толчок к изобретению последних, вероятно, тоже был дан этим разделением труда), едва ли может, пожалуй, при всем своем старании сделать одну булавку в день и, во всяком случае, не сделает двадцати булавок. Но при той организации, которую имеет теперь это производство, не только оно само в целом представляет собою особую

профессию, но и подразделяется на ряд специальностей, из кото- каждая в свою очередь является отдельным специальным занятием. Один рабочий тянет проволоку, другой выпрямляет ее, третий о-зает, четвертый заостряет конец, пятый обтачивает один конец насаживания головки; изготовление самой головки требует двух трех самостоятельных операций; насадка ее составляет особую операцию, полировка булавок—другую; самостоятельной операцией является даже завертывание готовых булавок в пакетики. Таким образом сложный труд производства булавок разделен приблизительно на восемнадцать самостоятельных операций, которые в различных мануфактурах все выполняются различными рабочими, так как в других один и тот же рабочий нередко выполняет две или три операции. Мне пришлось видеть одну небольшую мануфактуру такого рода, где было занято только десять рабочих и где, следовательно, некоторые из них выполняли по две и по три различных операции. Хотя они были очень бедны и потому недостаточно снабжены необходимыми приспособлениями, они могли, работая с напряжением, выработать все вместе двенадцать с лишним фунтов булавок в день. А так как в фунте считается несколько больше 4 000 булавок средних размеров, то эти десять человек выработывали свыше 48 000 булавок в день. Следовательно, считая на человека одну десятую часть 48 000 булавок, можно считать, что один рабочий выработывал 4 800 булавок в день. Но если бы все они работали в одиночку и независимо от друга и если бы они не были приучены к этой специальной работе, несомненно, ни один из них не смог бы сработать двадцати, а может быть, даже и одной булавки в день. Одним словом, они, несомненно, не выработали бы $\frac{1}{240}$, а, может быть, и $\frac{1}{4800}$ доли того, что они в состоянии выработать теперь в результате надлежащего разделения и сочетания их различных операций.

Во всяком другом ремесле и мануфактуре последствия разделения труда подобны описанным в этом весьма мало важном производстве, хотя во многих из них труд не может быть в такой степени разбит и сведен к таким простым операциям. Однако разделение труда в любом ремесле, в каких бы размерах оно ни было введено, вызывает соответствующее увеличение производительности труда. Повидимому, это деление друг от друга различных профессий и занятий вызывает этим преимуществом. Вместе с тем такое выделение обыкновенно идет дальше в странах, достигших более высокой ступени промышленного развития: то, что в диком состоянии общества составляет работу одного человека, в более развитом обществе выполняется несколькими людьми. Во всяком развитом обществе фермер обыкновенно занимается только фермерством, владелец мануфактуры занят только своей мануфактурой. Труд, необходимый для производства какого-нибудь законченного предмета, тоже почти всегда распределяется между большим количеством людей. Сколько различных профессий занято в каждой отрасли производства полотна или сукна, начиная с тех, кто выводит лен и овец, доставляющих шерсть, и кончая теми, которые занимаются белением и лощением полотна или крашением и аширетурой су-

гда, земледелие по самой природе своей не допускает ни такого однородного разделения труда, ни столь полного отделения друг от друга различных работ, как это возможно в мануфактуре. Невозможно вполне отделить занятие скотовода от занятия хлебопашца, это обычно имеет место с профессиями плотника и кузнеца. Пряжильщик и ткач почти всегда два разных лица, тогда как работник, который пахет, боронит, сеет и жнет, часто представляет собою одно лицо. Ввиду того, что эти различные виды труда должны выполняться в различные времена года, невозможно, чтобы каждым из них в течение всего года был постоянно занят отдельный работник. Невозможность столь полного выделения всех различных видов труда, выполняемых в земледелии, является, пожалуй, причиной того, что увеличение производительности труда в этой области не всегда соответствует росту ее в промышленности. Самые богатые народы, конечно, обыкновенно идут впереди своих соседей как в области земледелия, так и в промышленности, но их превосходство обычно больше проявляется в промышленности, чем в земледелии. Их земля по общему количеству лучше обработана, и ввиду того, что в нее вложено больше средств и издержек, она производит больше, чем это соответствовало бы ее размеру и естественному плодородию. Но это увеличение производительности редко превосходит добавочное вложение труда и издержек. В земледелии богатой страны труд не всегда значительно более производительен, чем в бедной стране, или, во всяком случае, это различие в производительности никогда не бывает так значительно, как это обыкновенно наблюдается в промышленности. Поэтому хлеб богатой страны, при равном качестве, не всегда продается на рынке дороже хлеба страны бедной. Хлеб из Польши стоит столько же, сколько французский хлеб того же качества, несмотря на большее богатство и техническое превосходство Франции. Хлеб во Франции, особенно в богатых провинциях, столь же хорош и почти всегда имеет такую же цену, что и хлеб Англии, хотя по богатству и уровню техники Франция, наверное, стоит ниже Англии. А между тем поля Англии обрабатываются лучше полей Франции, а поля Франции, как утверждается, лучше возделываются, чем поля Польши. Но хотя бедная Франция не может соперничать с богатой страной в отношении дешевизны и качества своего хлеба, она не может претендовать на такую конкуренцию в отношении продуктов своих мануфактур, по крайней мере, если ее продукты соответствуют почвенным условиям, климату и географическому положению богатой страны. Шелк Франции лучше и дешевле шелков Англии, так как шелковая промышленность менее соответствует климату Англии, особенно при существующих ныне высоких ввозных пошлинах на шелк-сырец. Но железные товары Англии, особенно сукна Англии несравненно превосходят французские, а их цена во много дешевле их при одинаковом качестве. В Польше, как и в Англии, отсутствует какая бы то ни было промышленность, исключая только очень небольшой грубой домашней промышленности, без которой не может существовать ни одна страна.

Такое значительное увеличение количества работы, которое можно выполнить в результате разделения труда одно и то же число рабочих зависит от трех различных условий: во-первых, от увеличения скорости каждого отдельного рабочего; во-вторых, от сбережения времени, которое обыкновенно теряется на переход от одного вида работы к другому; и, наконец, от изобретения большого количества машин, облегчающих и сокращающих труд и позволяющих одному человеку выполнять работу нескольких.

I. Развитие ловкости рабочего обязательно увеличивает количество работы, которое он в состоянии выполнить, а разделение труда сводя работу каждого рабочего к какой-нибудь простой операции и делая эту операцию единственным занятием всей его жизни, ходимо в значительной мере увеличивает ловкость рабочего. Обывенный кузнец, хотя и привычный к работе молотом, но никогда выделывавший гвоздей, в случае поручения ему этой работы в состоянии, я в этом уверен, выделывать больше 200 или 300 гвоздей в день, и притом очень плохих. Кузнец, привыкший выделывать гвозди, но не занимавшийся исключительно или преимущественно этим делом, редко может при крайнем старании выделывать больше 800 или 1 000 гвоздей в день. Я видел многих юношей достигших 20 лет, которые никогда не занимались другим делом, кроме выделки гвоздей, и которые при напряженном труде выделывали каждый свыше 2 300 гвоздей в день. А между тем выделывать гвоздей отнюдь не является одною из простейших операций. Тот же рабочий раздувает мехи, по мере нужды сгребает или сбивает жар, раскаливает железо и кует отдельно каждую часть гвоздя, притом при ковании шляпки ему приходится менять инструменты. Различные операции, на которые расчленяется работа по выделке булавок или металлической пуговицы, гораздо более просты; ловкость рабочего, работа которого в течение всей жизни сводится к одной этой операции, обыкновенно бывает гораздо больше, простота, с которой выполняются некоторые операции в этих мануфактурах, превосходит всякое вероятие, и кто не видел этого собственными глазами, не поверит, что рука человека может достигнуть такой ловкости.

II. Выгода, получаемая от сбережения времени, обыкновенно затрачиваемого на переход от одного вида работы к другому, значительно больше, чем мы в состоянии с первого взгляда представить себе. Невозможно очень быстро переходить от одного вида работы к другому, поскольку она выполняется в другом месте и с совершенно иными инструментами. Деревенский ткач, обрабатывающий небольшую ферму, должен терять очень много времени на переход от станка в поле и с поля к станку. Когда две различные работы выполняются в одной и той же мастерской, потеря времени, естественно, значительно меньше. Однако даже и в этом случае она весьма значительна. Рабочий обыкновенно делает небольшую передышку, переходя от одного вида работы к другому. Когда он принимается за новую работу, он редко проявляет сразу большое усердие и

его голова, как выражаются, занята еще другим, и некоторое время он смотрит по сторонам, но не работает, как следует. Привычка смотреть по сторонам и работать небрежно, естественно или, вернее, неизбежно приобретаемая каждым деревенским работником, который принужден каждые полчаса менять работу и инструменты и ежедневно направляться в течение всей своей жизни к двадцати различным видам работ, почти всегда делает его ленивым и нерадивым и неспособным к всякому напряженному труду даже в случаях настоятельной необходимости. Независимо поэтому от недостатка у него ловкости, эта причина должна всегда значительно уменьшать количество работы, которое он способен выполнить.

Наконец, всем должно быть понятно, как облегчается и сокращается труд благодаря применению надлежащих машин. Нет необходимости приводить примеры. Должен только заметить поэтому, что применение всех машин, облегчающих и сокращающих труд, следует приписывать разделению труда. Люди скорее открывают легкие и быстрые способы для достижения какого-нибудь результата, когда все внимание их умственных способностей направлено к одной лишь определенной цели, чем когда оно рассеивается на большое количество разных предметов. Но вследствие разделения труда все внимание каждого работника естественно направляется на какой-нибудь один очень простой предмет. Естественно поэтому заметить, что кто-либо из тех, кто занят в каждой специальной операции, скорее откроет более легкий и быстрый способ выполнения этой специальной работы, поскольку ее характер допускает это. Главная часть машин, употребляемых в тех мануфактурах, где введено наибольшее разделение труда, была первоначально изобретена простыми рабочими, которые, будучи заняты каждый какой-нибудь весьма простой операцией, естественно прилагали все усилия к тому, чтобы найти более легкие и быстрые способы их выполнения. Те, кому приходилось часто посещать такие мануфактуры, должны были видеть весьма хорошие машины, изобретенные простыми рабочими в целях ускорения и облегчения выполняемой ими главной работы. К первым паровым машинам постоянно приставлялся подросток для того, чтобы попеременно открывать и закрывать сообщение между котлом и цилиндром в зависимости от приподнятия и опускания поршня. Один из этих мальчиков, любивший играть со своими товарищами, подметил, что, если привязать веревку к штоку клапана, открывающего это сообщение, к другой части поршня, клапан будет открываться и закрываться без его помощи, и это позволит ему свободно забавляться с товарищами. Таким образом одно из важнейших улучшений, сделанных в паровой машине, по-прежнему, как она была изобретена, было придумано подростком, который хотел сократить свой собственный труд.

Однако далеко не все усовершенствования машин явились изобретениями тех, кому приходилось работать при машинах. Многие усовершенствования были произведены благодаря изобретательности строителей, когда производство машин сделалось особой

отраслю промышленности, а некоторые—теми, кого называют учеными или теоретиками, профессия которых состоит не в изобретении каких-либо предметов, а в наблюдении окружающего мира. В силу этого в состоянии комбинировать силы наиболее отдаленных друг от друга и несходных предметов. С прогрессом общественной науки, или умозрение, становится, как и всякое другое занятие, главной или единственной профессией и занятием особого класса граждан. Подобно всякому иному занятию, она тоже распадается на большое число различных специальностей, из которых каждая доставляет занятие особому разряду или классу ученых; и в разделении занятий в науке, как и во всяком другом деле, уважает умение и сберегает время. Каждый отдельный работник становится более опытным и сведущим в своей особой специальности в целом производится больше работы, и значительно возрастают достижения науки. Получающееся в результате разделения труда значительное увеличение производства всякого рода предметов приводит в обществе, надлежащим образом управляемом, к всеобщему благосостоянию, которое распространяется и на самые низшие слои народа. Каждый работник может располагать значительным количеством продуктов своего труда сверх того количества, которое необходимо для удовлетворения его собственных потребностей; и поскольку все остальные работники находятся точно в том же положении, он оказывается в состоянии обменивать большее количество своих продуктов на большое количество изготовляемых другими продуктами или, что то же самое, на цену этих продуктов. С избытком снабжает их тем, в чем они нуждаются, а они в той мере снабжают его тем, в чем он нуждается, и таким образом достигается общее благосостояние во всех слоях общества.

Присмотритесь к домашней обстановке большинства ремесленников или поденщиков в цивилизованной и богатой стране,—и вы увидите, что невозможно даже перечислить количество людей, труд которых, хотя бы в малом размере, был затрачен на доставку всего необходимого им. Шерстяная куртка, например, которую носит поденный рабочий, как бы груба и проста она ни представляется собою продукт соединенного труда большого количества рабочих. Пастух, сортировщик, чесальщик шерсти, красильщик, прядильщик, ткач, ворсистик, аппретурщик и многие другие все должны соединить свои различные специальности, чтобы выработать даже такую грубую вещь. А сколько, кроме того, купцов и торговцев должно было быть занято для доставки материалов от отдаленных концов страны! Сколько нужно было торговых сделок и водных перевозок, сколько, в частности, нужно было судостроителей, матросов, выделывателей парусов, канатов, чтобы доставить различные материалы, употребляемые красильщиком и нередко привозимые из отдаленных концов земли! А какой разнообразный труд необходим для того, чтобы изготовить инструменты для этих рабочих. Не говоря уже о таких сложных машинах, как судно матроса

мельница и даже станок ткача, подумаем только, какой разнообразный труд необходим для того, чтобы изготовить тот весьма простой инструмент—ножницы, которыми пастух стрижет шерсть. Или, строитель печи для руды, дровосек, угольщик, доставляющий древесный уголь для плавильной печи, выделыватель кирпича, рабочий при плавильной печи, строитель завода, кузнец, поденщик—все они должны соединить свои усилия, чтобы изготовить ножницы. Если мы таким же образом рассмотрим все различные предметы обстановки и одежды упомянутого простого ремесленника, поденщика,—грубую холщевую рубаху, которую он носит на ногах, обувь на его ногах, постель, на которой он спит, и все различные части ее в отдельности, плиту, на которой он приготавливает пищу, уголь, употребляемый им для этой цели, добытый из глубокого расстояния, всю остальную утварь его кухни, все предметы, которыми он ест и режет свою пищу; если подумаем о всех рабочих, занятых изготовлением для него хлеба и пива, оконных стекол, пропускающих к нему солнечный свет и тепло и защищающих от дождя, если подумаем о всех знаниях и ремеслах, необходимых для изготовления этого прекрасного и благодетельного предмета, без которого эти северные страны света вряд ли могли бы служить удобным местом для жилья; об инструментах всех различных ремесленников, занятых в производстве этих различных предметов немалой стоимости и удобств; если мы рассмотрим все это, говорю я, подумаем, какой разнообразный труд затрачен на все это, мы увидим, что без содействия и сотрудничества многих тысяч людей садоводный обитатель цивилизованной страны не мог бы вести тот образ жизни, который он обычно ведет теперь и который мы весьма высоко считаем весьма простым и обыкновенным. Конечно, в цивилизации с чрезвычайной роскошью богача его обстановка должна быть весьма крайне простой и обыкновенной, и, тем не менее, может быть, что обстановка европейского государя не всегда настолько превосходит обстановку трудолюбивого и бережливого крестьянина, насколько обстановка последнего превосходит обстановку многих европейских царьков, абсолютных владык жизни и свободы десяти тысяч нагих дикарей.

Глава II

О ПРИЧИНЕ, ВЫЗЫВАЮЩЕЙ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Разделение труда, приводящее к таким выгодам, отнюдь не является результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей это общее благосостояние, которое будет порождено им: оно представляет собою последствие—хотя очень медленно и постепенно развивающееся—определенной склонности человеческой природы, которая отнюдь не имела в виду такой полезной цели, а именно склонности к мене, торговле, к обмену одного предмета на другой.

В нашу задачу в настоящий момент не входит исследование является ли эта склонность одним из тех основных свойств человеческой природы, которым не может быть дано никакого дальнейшего объяснения, или, что представляется более вероятным, она является необходимым следствием способности рассуждать и дара речи. Эта склонность обща всем людям и, с другой стороны, не наблюдается ни у какого другого вида животных, которым, повидимому, даже вид соглашений, как и все другие, совершенно неизвестен. Когда гонимые преследуют одного и того же зайца, то иногда кажется, что они действуют по какому-то соглашению. Каждая из них гонится в сторону другой или старается перехватить, когда другая гонится к ней. Однако это отнюдь не результат какого-либо соглашения, а проявление случайного совпадения их страстей, направленного в данный момент в сторону одного и того же предмета. Никому когда не приходилось видеть, чтобы собака сознательно менялась костью с другой собакой. Никому никогда не приходилось видеть, чтобы какое-либо животное жестами или криком показывало другому: «это—мое, то—твое, я отдам тебе одно в обмен на другое. Когда животное хочет получить что-либо от человека или другого животного, оно не знает других средств убеждения, как снискать милость тех, от которых ожидает пощадки. Щенок ласкается к своей матери, а болонка старается бесчисленными уловками привлечь внимание своего обедаящего хозяина, когда хочет, чтобы он накормил ее. Человек иногда прибегает к таким же уловкам со своими ближними, и если у него нет другого средства побудить их действовать в соответствии с его желаниями, он пытается приобрести их расположение угождением и всяческими льстиями. Однако у него нехватало бы времени действовать так во

всех. В цивилизованном обществе он непрерывно нуждается в помощи и сотрудничестве множества людей, между тем как в диком состоянии всей своей жизни он едва успевает приобрести дружбу нескольких лиц. Почти у всех других видов животных каждая особь, достигнув зрелости, становится совершенно независимой и в своем собственном состоянии не нуждается в помощи других живых существ; между тем человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, и тщетно будет он ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет заставить их, что в их собственных интересах сделать для него то, что требует от них. Всякий, предлагающий другому сделку какого-либо рода, предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и получишь то, что тебе нужно,—таков смысл всякого подобного соглашения. Именно таким путем мы получаем друг от друга значительную часть услуг, в которых мы нуждаемся. Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах. Никто, кроме нищего, не может зависеть главным образом от благоволения своих сограждан. Нищий нищий не целиком зависит от него. Милосердие добрых людей помогает ему, правда, средствами, необходимыми для существования. Хотя этот источник в конечном счете дает ему все необходимое для жизни, он не снабжает и не может снабжать его непосредственно теми предметами жизненной необходимости в тот момент, когда нищий испытывает в них нужду. Большая часть его нужд удовлетворяется тем же способом, как и нужды других людей, а именно посредством обмена, покупки. На деньги, которые нищий получает от других людей, он покупает пищу. Старое платье, которое ему дарят, он меняет на другое, более подходящее для него или на жилище, или на деньги, на которые он может купить пищу, одежду, помещение, в зависимости от потребности. Таким же, как посредством договора, мены и покупки мы приобретаем друг от друга большую часть необходимых нам взаимных услуг, так и эта самая склонность к обмену породила первоначально разделение труда. В охотничьем или пастушеском племени один человек выделяет, например, луки и стрелы с большей быстротой и искусностью, чем кто-либо другой. Он часто выменивает их у своих соседей на скот или дичь; в конце концов он видит, что может лучше путем получать больше скота и дичи, чем если сам будет заниматься охотой. Соображаясь со своей выгодой, он делает из выделки луков и стрел свое главное занятие и становится таким образом своего рода оружейником. Другой выделяется своим умением строить и выстилать крышей маленькие хижины или шалаши. Он привыкает помогать в этой работе своим соседям, которые вознаграждают его тем же способом,—скотом и дичью, пока, наконец, он не признает себя единственным для себя целиком отдаться этому занятию и сделаться своего рода плотником. Таким же путем третий становится кузнецом

или медником, четвертый—кожевником или дубильщиком и кож, главных частей одежды дикарей. И таким образом уверяю в возможности обменять весь тот излишек продукта своего который превышает его собственное потребление, на ту часть труда других людей, в которой он может нуждаться, побуждая каждого человека посвятить себя определенному специальному занятию и развить до совершенства свои природные дарования в этой специальной области.

Различные люди отличаются друг от друга своими естественными способностями гораздо меньше, чем мы предполагаем, и саморазличие способностей, которыми отличаются люди в своем зрелом возрасте, во многих случаях является не столько причиной, а следствием разделения труда. Различие между самыми несхожими характерами, между ученым и простым уличным носильщиком, например, создается, повидимому, не столько природой, сколько привычкой, практикой и воспитанием. Во время своего появления на свет и в течение первых шести или восьми лет своей жизни они были почти похожи друг на друга, и ни их родители, ни сверстники их не могли заметить сколько-нибудь заметного различия между ними. В более позднем возрасте или немного позже их начинают приучать к различным занятиям. И тогда становится заметным различие способностей, которое делается постепенно все больше, пока, наконец, тщательный ученый отказывается признавать хотя тень сходства между ним и простым ремесленником. Если бы существовала склонность к торговле и обмену, каждому человеку пришлось бы самому добывать для себя все необходимое ему для жизни. Всем приходилось бы выполнять одни и те же обязанности и вести одну и ту же работу, и не существовало бы тогда такого разнообразия занятий, которое только и могло породить значительное различие в способностях.

Эта склонность к обмену не только создает различие способностей, но и столь заметное у людей различных профессий, она также делает это различие полезным. Многие породы животных, принадлежащими к одному и тому же виду, отличаются от друг друга гораздо более резко выраженным несходством способностей, чем это наблюдается, повидимому, у людей, пока они остаются свободными от воздействия привычки и воспитания. Ученый по своим способностям и наполовину не отличается так от уличного носильщика, как дворцовая собака от гончей или гончая от болонки или последняя от овчарки. Однако эти различные породы животных, хотя и принадлежащие все к одному виду, почти бесполезны для друга. Сила дворцовой собаки ни в малейшей степени не зависит ни быстротой гончей, ни понятливостью болонки, ни послушанием овчарки. Все эти различные способности и свойства, в отсутствие способности или склонности к обмену и торговле, не могут быть использованы в общих целях и ни в какой мере не содействуют лучшему приспособлению и удобствам всего вида. Каждое животное вынуждено заботиться о себе и защищать себя отдельно и независимо от других и не получает решительно никакой выгоды от раз-

личия способностей, которыми природа наделила подобных ему животных. Напротив того, среди людей самые несходные дарования обмениваются одно другому; различные их продукты, благодаря склонности к торговле и обмену, собираются как бы в одну общую массу, в которой каждый человек может купить себе любое количество товаров, произведенных другими людьми, в которых он нуждается.

Глава III

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА ОГРАНИЧИВАЕТСЯ
РАЗМЕРАМИ РЫНКА

Так как возможность обмена ведет к разделению труда, то степень последнего всегда должна ограничиваться пределами этой возможности обмена или, другими словами, размерами рынка. Рынок незначителен, ни у кого не может быть побуждения посылать себя целиком какому-либо одному занятию ввиду невозможности обменять весь излишек продукта своего труда, превышающий собственное потребление, на нужные ему продукты труда других людей.

Существуют профессии, даже самые простые, которыми можно заниматься только в большом городе. Носильщик, например, в каком другом месте не может найти себе занятие и прокормиться. Деревня является слишком узким поприщем для приложения труда, даже город средней величины вряд ли достаточно велик, чтобы обеспечить ему постоянную работу. В уединенных местах и маленьких деревушках, разбросанных в такой редко населенной стране, как горная Шотландия, каждый фермер должен вместе с тем мясником, булочником и пивоваром для своей семьи. В таких условиях трудно ожидать встретить даже кузнеца, плотника или каменщика на расстоянии менее 20 миль от его собрата профессии. Редко разбросанные семьи, живущие на расстоянии 8 миль друг от друга, вынуждены приучаться сами выполнять множество мелких работ, за выполнением которых в более населенных местностях они обратились бы к содействию этих ремесленников. Деревенские ремесленники почти повсеместно вынуждены заниматься самыми разнообразными промыслами, имеющими лишь то общее, что для них употребляются одинаковые материалы. Деревенский плотник выполняет всякого рода работу по дереву, деревенский кузнец выделывает все изделия из железа. Первый является не только плотником, но и столяром, краснодеревцем и даже резчиком по дереву, а также изготовляет колеса, телеги и плуги. Работа кузнеца еще более разнообразна. В отдаленных и внутренних частях горной Шотландии немислима даже профессия гвоздари. Такой рынок при выработке в день 1 000 гвоздей и при 300 рабочих днях в

остаёт за год 300 000 гвоздей. Но в такой местности невозможно сделать и 1 000 гвоздей в год, т. е. продукт однодневного труда. Так как благодаря водному транспорту для всех видов труда открывается более обширный рынок, чем это мыслимо при существовании одного лишь сухопутного транспорта, то разделение труда и совершенствование всякого рода промыслов естественно вводятся раньше в приморских местностях и по берегам судоходных рек; часто эти улучшения спустя лишь долгое время проникают во внутренние части страны. Большой фургон, запряженный 8 лошадьми и с 2 работниками, в продолжение шести недель свезет из Лондона в Эдинбург и обратно около 4 тонн товара. Приблизительно в то же время парусное судно с экипажем в 6 или 8 человек, курсирующее между портами Лондона и Лейта, свезет туда и обратно 200 тонн товара. Таким образом 6 или 8 человек при помощи водного транспорта могут свезти туда и обратно между Лондоном и Эдинбургом такое же количества товаров, сколько свезут 50 больших фургонов при 100 работниках и 400 лошадях. Следовательно, на 200 тонн товаров, перевозимых самым дешевым способом сухим путем из Лондона в Эдинбург, должны ложиться расходы по содержанию в течение трех недель 100 человек и 400 лошадей; к этому надо присоединить увеличение стоимости лошадей—сумма, приблизительно равная содержанию их,—равно как и 50 фургонов. Между тем на такое же количество товаров, перевозимых водою, приходится наложить только расход по содержанию 6 или 8 человек и стоимость снашивания судна вместимостью в 200 тонн плюс оплата большего риска разницы между морским и сухопутным страхованием. Поэтому если бы между этими двумя пунктами не было иного сообщения, кроме сухопутного, и из одного из них можно было бы перевозить в трой только такие товары, цена которых весьма значительна в сравнении с их весом, эти пункты могли бы вести между собою ничтожную торговлю по сравнению с тою, которая существует в настоящее время, и, следовательно, могли бы поощрять промышленность друг друга в значительно меньшей степени, чем ныне. В таких условиях совсем не могла бы существовать никакая бы то ни было торговля между различными частями света или эта торговля имела бы ничтожные размеры. Какие товары могли бы выдержать расходы по сухопутной перевозке между Лондоном и Калькуттой? И если бы даже нашлись столь дорогие стоящие товары, чтобы оправдать такие расходы, то разве перевозка их через территории диких варварских народов могла бы быть безопасна? Между тем два города в настоящее время ведут между собою очень значительную торговлю, и каждый из них, представляя рынок для другого, в большой мере поощряет промышленность последнего. При таких преимуществах водного транспорта представляется естественным, что первые успехи ремесла и промышленности имели место там, где это удобство сообщений открывало весь мир для сбыта продуктов всех видов труда, и что они всегда позднее начинали развиваться во внутренних областях страны. Последние в течение

долгого времени не могут иметь для большей части своих то другого рынка, кроме прилегающих к ним местностей, отделяющих их от морского берега и больших судоходных рек. Размеры их поэтому в течение продолжительного времени должны соответствовать богатству и населению этих местностей, и потому рост богатства всегда будет отставать от роста богатства упомянутых местностей. В наших северо-американских колониях плантации построены на берегу моря или по берегам судоходных рек и простирались на сколько-нибудь значительное расстояние от них.

Народы, которые, согласно самым достоверным историческим точникам, представляются первыми носителями цивилизации, по берегам Средиземного моря. Это море, величайшее из известных на земле внутренних морей, не знающее ни приливов и отливов, ни волнений, кроме вызываемых ветром, благодаря спокойной своей поверхности, а также обилию островов и близости окаймляющих его берегов, чрезвычайно благоприятствовало зарождавшемуся мореплаванию в то отдаленное время, когда люди, не знавшие компаса, боялись терять из виду берег и вследствие слабого развития кораблестроения того времени не решались пускаться в бушующие волны океана. Проплыть Геркулесовы столбы, т. е. выйти за Гибралтарский пролив в открытое море, долго считалось в древнем мире самым удивительным и опасным подвигом. Много прошло времени, пока финикийцы и карфагеняне, самые искусные мореплаватели и кораблестроители тех отдаленных времен, попытались сделать и еще долгое время только эти народы предпринимали такие попытки.

Из всех стран по берегам Средиземного моря Египет, повидимому, первый занялся в сколько-нибудь значительных размерах земледелием и промышленностью и усовершенствовал их. Верхний Египет в одном месте не отделяется более чем на несколько миль от Нижнего, а в Нижнем Египте эта великая река разветвляется на множество рукавов, которые при помощи несложных искусственных сооружений обеспечивали, повидимому, водное сообщение не только между всеми крупными городами, но и между всеми значительными селениями и даже многими отдельными поместьями, что и в настоящее время имеет место по Рейну и Маасу в Голландии. Обширность и легкость этого внутреннего водного сообщения служили, вероятно, одной из главных причин ранней цивилизации Египта.

Земледелие и промышленность развились, повидимому, так же в весьма глубокой древности в провинциях Бенгалии в Индии и в некоторых из восточных провинций Китая; впрочем, отдаленность этого времени не может быть установлена вполне достоверными для нас историческими источниками. В Бенгалии Ганг и ряд других больших рек разветвляются на множество судоходных рукавов, подобно Нилу в Египте. В восточных провинциях Китая несколько больших рек с их притоками тоже образуют много судоходных путей и, соединяясь между собою, порождают внутреннее судоходство, еще бо-

лее, чем по Нилу и Гангу или, пожалуй, по обоим вместе. Конечно, что ни древние египтяне, ни индусы, ни китайцы не имели внешней торговли, а свои большие богатства все они извлекали из этого внутреннего судоходства. Конечно, повидимому, из этого внутреннего судоходства, внутренняя часть Африки и вся та часть Азии, которая отдалена далеко к северу от Черного и Каспийского морей, древняя и современная Татария и Сибирь во все века находились, по крайней мере, в таком же варварском и диком состоянии, в каком они находятся и в настоящее время. Единственным морем Татарии является Ледовитый океан, который не допускает судоходства; и хотя несколько величайших рек в мире протекают по этой стране, они находятся на слишком большом расстоянии друг от друга, чтобы по ним можно было поддерживать сношения и вести торговлю с большей частью страны. В Африке совсем не существует таких больших внутренних морей, как Балтийское и Адриатическое в Европе, Средиземное и Черное в Европе и Азии и заливы Аравийский, Персидский, Бенгальский и Сиамский в Азии, а потому внутренние области этого великого материка недоступны морской торговле, и те же реки Африки находятся на слишком большом расстоянии друг от друга, чтобы делать возможным сколько-нибудь значительное внутреннее судоходство. Помимо того, торговля, которую ведет народ, пользуясь рекой, не имеющей большого числа рукавов и рукавов и протекающей перед впадением в море по чуждой территории, никогда не достигает очень значительных размеров, потому что всегда во власти народов, обладающих этой территорией, воспрепятствовать сообщению между истоками реки и морем. Судоходство по Дунаю приносит очень мало пользы различным государствам, через которые он протекает, — Баварии, Австрии, Венгрии, — в сравнении с тем, что оно могло бы давать, если бы одно из этих государств владело рекою на всем ее протяжении до впадения в Черное море.

Глава IV

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ ДЕНЕГ

Как только повсеместно устанавливается разделение труда, весьма малая доля потребностей каждого человека может быть влетворена продуктом его собственного труда. Значительную часть их он удовлетворяет обменом того излишка продукта своего труда, который остается после удовлетворения его потребностей, на излишки продукта труда других людей, в которых нуждается.

Таким образом, каждый человек живет обменом или становится известной мере торговцем, а само общество превращается, так сказать, в торговый союз.

Но когда разделение труда только еще начинало зарождалось, эта возможность обмена часто должна была встречать очень большие затруднения. Предположим, что один человек обладал большим количеством определенного продукта, чем сам нуждался в нем, а другой человек испытывал в нем недостаток. Поэтому первый охотно отдал бы часть этого излишка, а второй охотно приобрел бы его. Но если последний в данный момент не имел бы ничего такого, в чем нуждается первый, то между ними не могло бы произойти никакого обмена. Мясник имеет в своей лавке больше мяса, чем сам может потребить, а пивовар и булочник охотно купили бы часть этого мяса; они не могут ничего предложить ему в обмен на ближайшее время. В таком случае между ними не может состояться обмен. Мясник не может явиться поставщиком пивовара и булочника, а они его потребителями; и таким образом они все ничем не могут служить друг другу. В целях избежания таких неудобных положений каждый разумный человек на любой ступени развития общества после появления разделения труда естественно должен стараться так устроить свои дела, чтобы постоянно, наряду с необходимыми продуктами своего собственного промысла, иметь некоторое количество такого товара, который, по его мнению, никто не откажется взять в обмен на продукты своего промысла.

Надо думать, что самые различные товары выбирались и употреблялись последовательно для этой цели. В варварском состоянии общества таким общим орудием обмена, как говорят, был скот; но скот был весьма неудобен для этой цели, однако мы находим, что в древние времена предметы часто оценивались по тому количеству скота, которое давалось в обмен на них. Вооружение Диомеда, как говорит Гомер, стоило только 9 быков, а вооружение Главка стоило 100 быков. Как передают, в Абиссинии обычным средством обмена служит соль; на берегах Индии таким средством служат раковины особого вида, в Нью-Фаундленде — сушеная трава, в Виргинии — табак, в некоторых наших вест-индских колониях — сахар, в некоторых других странах — шкуры или выделанная кожа, и, как мне рассказывали, в настоящее время в Шотландии существует деревня, где рабочий нередко вместо денег приносит булочную или пивную гвозди.

Однако во всех странах люди, повидимому в силу бесспорных причин, сочли, в конце концов необходимым дать предпочтение для этой цели металлам, по сравнению со всеми другими предметами. Металлы не только можно сохранять с наименьшею потерей, ибо вряд ли какие-нибудь другие предметы обладают большею прочностью в сравнении с ними, но их можно также делить без всяких потерь на любое количество частей, которые потом опять могут быть легко соединены в один кусок; этим качеством не обладает никакой другой продукт, отличающийся такою же прочностью, и именно это качество, больше чем какое-нибудь другое, делает их пригодными для употребления в качестве орудия обмена и обращения. Например, человек, которому надо было купить соль и который в обмен на нее мог дать только одну овец, вынужден был купить соль в количестве, равном цене целого овца или целой овцы. Он редко мог купить меньше этого количества, потому что то, что он мог отдать за нее, редко можно было разделить на части без убытка; а если ему хотелось купить больше, то ему пришлось бы по той же причине он вынужден был покупать двойное или тройное количество, т. е. на стоимость двух или трех быков или двух или трех овец. Напротив, если вместо овцы или быка он мог дать в обмен за соль металл, он легко мог отделить количество металла, соответствующее количеству того товара, в котором он в данный момент нуждался.

Различные народы пользовались для указанной цели различными металлами. Древние спартанцы употребляли в качестве средства обмена железо, древние римляне пользовались для этого золотом и серебром, а все богатые и торговые народы.

Первоначально, повидимому, металлы употреблялись для этой цели в слитках, а не в монете. Так, Плиний¹ рассказывает нам, ссылаясь на свидетельство Тимея, что до Сервия Туллия римляне не знали чеканной монеты, а для покупки нужных им предметов пользовались слитками меди без всякого чекана. Таким образом эти

¹ Plin., Hist. Nat. lib. 33, cap. 3.

неоформленные слитки металла в то время выполняли функцию денег.

Пользование такими слитками металла сопровождалось очень значительными неудобствами: во-первых, трудностью взвешивать металл и, во-вторых, трудностью определения их пробы в отношении к драгоценным металлам, когда даже ничтожная разность в количестве обуславливает громадную разницу в их стоимости. Такое взвешивание с надлежащей точностью требует, по крайней мере, очень точных весов и гирь. Взвешивание золота в особенности представляет собою очень кропотливую и тонкую операцию. Конечно, с более грубыми металлами, когда небольшая ошибка не имеет большого значения, требуется меньшая точность. Однако мы нашли в высшей степени неудобным, если бы бедный человек, собирающийся купить или продать что-нибудь на мелкую монету, должен был каждый раз отвешивать надлежащее количество металла. Операция удостоверения чистоты металла еще более затруднительна, требующая еще большей кропотливости, и если металл не расплавлен надлежащим образом в тигле и не обработан надлежащими кислотами, то такое определение пробы его будет в высшей степени неточно. При введении чеканной монеты люди всегда должны были подвергаться самым грубым обманам и надувательствам, если не производилась этой трудной и отнимающей много времени операции. Вместо чистого серебра или чистой меди они могли получать в обмен на свои товары подделанный сплав из самых грубых и дешевых материалов, которые однако по внешнему виду походили на эти металлы. Для предотвращения таких злоупотреблений, для облегчения обмена и содействия, таким образом, развитию всех видов промышленности и торговли во всех более или менее развитых странах было сочтено необходимым отмечать публичным клеймом определенные количества тех металлов, которые в этих странах обычно употреблялись при покупке товаров. Так возникли чеканная монета и те государственные учреждения, которые получили название монетных дворов. Учреждения эти имеют совершенно такой же характер, как и учреждения, созданные для надзора за правильностью мер и для клеймения тканей и полотен. Все эти учреждения имеют одну и ту же задачу — удостоверять наложением публичных клейм количество и установленное качество различных товаров, поступающих на рынок. Первые публичные клейма такого рода, которые накладывались на находившиеся в обращении металлы, во многих случаях, по видимому, имели в виду удостоверять то, что было труднее и важнее всего удостоверять, а именно доброкачественность или чистоту металла; они походили на пробу, которою в настоящее время клеймят слитки серебра или серебряная посуда, или на испанскую пробу, которою иногда накладывалась на слитки золота и которая, будучи нанесена только на одну сторону слитка, не покрывая всю его поверхность, удостоверяет только чистоту металла, а не его вес. Авраам Ефрон весил Ефрону четыреста сиклей серебра, которые обещал заплатить за Махпельское поле. Хотя сикли, по видимому, были ходячей монетой

в торговле, однако они принимались по весу, а не по счету, точно так же, как слитки золота и серебра в настоящее время. Как передают, древних саксонских королей Англии получались ими не только монеты, а натурой, т. е. всякого рода съестными и другими припасами. Вильгельм Завоеватель установил обычай уплачивать эти налоги монетой. Однако эта монета в течение долгого времени принималась в казначействе по весу, а не по счету.

Из-за хлопотства и затруднения, связанные с точным взвешиванием металлов, повели к установлению чекана монет, причем клейма, наносимые на покрывающие обе стороны монеты, а иногда также ее ребра, должны были удостоверять не только чистоту, но и вес металла. Раньше такие монеты принимались, как и в настоящее время, по весу, без взвешивания их.

Введение этих монет первоначально, по видимому, выражали вес, а не количество металла, содержащегося в них. Во времена Сервия Туллия, который первый стал чеканить в Риме монету, римский фунт, называвшийся пондо, содержал римский фунт чистой меди. Подобно нашему тройскому фунту, он подразделялся на 12 унций, из которых каждая содержала унцию чистой меди. Во времена Эдуарда I английский фунт стерлингов содержал фунт серебра (по тауэрскому установленной пробы). Тауэрский фунт, по видимому, был несколько больше римского фунта и несколько меньше тройского. Последний был введен в английском монетном дворе только в 1204 году царствования Генриха VIII. Французский ливр во времена Карла Великого содержал тройский фунт серебра установленной пробы. Ярмарка в Труа в Шампани в это время посещалась народами Европы, и потому меры и веса столь известной ярмарки были всюду известны и всеми признавались. Шотландская монета в фунт со времени Александра I до Роберта Брюса содержала фунт серебра того же веса и пробы, как и английский фунт стерлингов. Английские, французские и шотландские пенни содержали тоже первоначально действительный пенс серебра, т. е. одну двадцатую часть унции, или $\frac{1}{240}$ часть фунта. Шиллинг тоже первоначально, по видимому, обозначал вес. Когда пшеница стоит 12 шиллингов за четверть, говорит старинный статут Генриха III, пшеничный фунт ценною в один фартинг должен весить 11 шиллингов и 4 пенса. Такое соотношение между шиллингом и пенни, с одной стороны, и фунтом, с другой стороны, не было, по видимому, так постоянно, как соотношение между пенни и фунтом. Во время правления династии французских королей французское су, или шиллинг

Смит отличает *тройский* фунт (Troyes pound) от *тауэрского* фунта (Tower pound). Под тройским фунтом понимается известная мера веса, употребляемая до сих пор при взвешивании золота и серебра. Что касается термина Tower pound, то русский переводчик Бибинов, по образцу французского перевода, перевел его как «турский фунт». На самом же деле Смит, по видимому, имеет в виду весовую единицу, употреблявшуюся в то время на монетном дворе в Тауэре, откуда и название тауэрский фунт. Ср. Rogers, History of agriculture and commerce in England. Vol. I, 1866, p. 173].

линг, в различных случаях содержал, повидимому, пять, двадцать и сорок пенсов. У древних саксов шиллинг одно содержал только пять пенсов; и представляется вероятным, что он был у них столь же неустойчив, как и у их соседей, древних франков. Со времени Карла Великого у французов и со времени Гельма Завоевателя у англичан соотношения между фунтом, лингом и пенни установились, повидимому, такие же, как и в настоящее время, хотя стоимость их была совсем другая. Ибо во всех странах мира, как я полагаю, скупость и несправедливость дарей и государственной власти, злоупотребляющих доверием их подданных, постепенно уменьшили действительное содержание металла, первоначально содержавшееся в их монетах. Римский асс в последние времена республики был уменьшен до $\frac{1}{24}$ части первоначальной стоимости и стал весить только полунции сто фунта. Английские фунт и пенни содержат в настоящее время только около трети, шотландские фунт и пенни—около $\frac{1}{36}$, а французские фунт и пенни—около $\frac{1}{66}$ части своей первоначальной стоимости. Посредством таких операций государи и правительства, совершавшие их, получали, как казалось, возможность уплачивать свои долги и выполнять свои обязательства при помощи меньшего количества серебра, чем требовалось бы без такой подделки. Однако это была только видимость, ибо их кредиторы фактически обманутыми и лишались части того, что им следовало получить. Все другие должники в государстве получали такую же привилегию и могли теперь погашать долги, сделанные ими в старой монете, такую же номинальную сумму новой и испорченной монеты. Поэтому подобные операции всегда оказывались выгодными для должников и разорительными для кредиторов; нередко они приводили к более значительным расстройствам и всеобщим потрясениям в имущественном состоянии частных лиц, чем потрясения, производимые великими общественными бедствиями.

Таким образом у всех цивилизованных народов деньги стали главным орудием торговли, при посредстве которого продаются и покупаются всякого рода товары или же обмениваются один на другой. Теперь я приступлю к выяснению правил, согласно которым обмениваются товары друг на друга или за деньги. Эти правила делятся на так называемую относительную, или меновую, стоимость товара.

Надо заметить, что слово *стоимость* имеет два различных значения: иногда оно обозначает полезность какого-нибудь предмета, а иногда возможность приобретения других предметов, которую дает обладание данным предметом. Первую можно назвать потребительной стоимостью, вторую—меновую стоимостью. Предметы, обладающие великой потребительной стоимостью, часто имеют совсем небольшую меновую стоимость или даже совсем ее не имеют; напротив, предметы, имеющие очень большую меновую стоимость, часто имеют совсем небольшую потребительную стоимость или совсем ее не имеют. Например, ничего полезнее воды, но на нее почти ничего нельзя купить, и

нельзя получить в обмен на нее. Напротив, алмаз почти не имеет никакой потребительной стоимости, но часто в обмен на него можно получить очень большое количество других товаров. Для выяснения основных правил, определяющих меновую стоимость товаров, я попытаюсь показать:

1) каково действительное мерило этой меновой стоимости, в чем состоит действительная цена всех товаров; 2) из каких частей состоит эта действительная цена; 3) наконец, какие причины повышают иногда некоторые или все части этой цены над ее естественным или обычным уровнем, а иногда понижают ее ниже этого уровня; или какие причины иногда препятствуют точному совпадению рыночной цены, т. е. фактической цены товаров, с их естественной ценой.

Вопросы эти я попытаюсь выяснить со всей возможной полнотой и ясностью в трех последующих главах, причем должен весьма просить у читателя внимания и терпения: терпения—для рассмотрения подробностей, которые могут в некоторых местах казаться, может быть, излишне утомительными; внимания—для выяснения того, что может показаться в некоторой степени неясным после самых обстоятельных объяснений, какие я в состоянии дать. Я всегда предпочитаю заслужить упрек в недостатке краткости, нежели бы быть уверенным, что мое изложение понятно; однако, несмотря на все мое старание быть возможно более понятным, вопрос этот все же может показаться недостаточно разъясненным ввиду его обыкновенно абстрактного характера.

Глава V

О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ И НОМИНАЛЬНОЙ ЦЕНЕ ТОВАРОВ
ИЛИ О ЦЕНЕ ИХ В ТРУДЕ И ЦЕНЕ ИХ В ДЕНЬГАХ

Каждый человек богат или беден в зависимости от того, в какой степени он может пользоваться предметами необходимости, удобства и удовольствия. Но после того как установилось разделение труда, собственным трудом человек может добывать лишь очень небольшую часть этих предметов: значительно большую часть их он должен получать от труда других людей; и он будет богат или беден в зависимости от количества того труда, которым он может распорядиться или которое он может купить. Поэтому стоимость всякого товара для лица, которое обладает им и имеет в виду не использовать его или лично потребить, а обменять на другие предметы, равна количеству труда, которое он может купить на него или получить в свое распоряжение. Таким образом труд представляет собою действительное мерило меновой стоимости всех товаров.

Действительная цена всякого предмета, т. е. то, что каждый предмет действительно стоит тому, кто хочет приобрести его, есть количество труда и усилия, нужные для приобретения этого предмета. Действительная стоимость всякого предмета для человека, который приобретает его, и который хочет продать его или обменять на какой-либо другой предмет, состоит в труде и усилиях, от которых он может извлечь для себя и которые он может возложить на других людей. То, что приобретается на деньги или приобретается в обмен на другие предметы, приобретается трудом в такой же мере, как и предметы, приобретаемые нашим собственным трудом. В самом деле, эти деньги представляют собою определенное количество труда, которое мы обмениваем на то, что, по нашему предположению, содержит в данное время стоимость такого же количества труда. Труд был первоначальной ценой, первоначальной покупной суммой, которая была уплачена за все предметы. Не золото или серебро, а только на труд первоначально были приобретены все богатства мира; и стоимость их для тех, кто владеет ими, равна количеству труда, которое он может купить на них или получить в свое распоряжение.

Как говорит Гоббс, богатство, это—сила¹. Но человек, который приобретает или получает по наследству большое состояние, не обязательно приобретает вместе с ним или наследует политическую власть, гражданскую или военную. Его состояние, может быть, дает ему средства приобрести ту или другую, но одно лишь обладание им состоянием не дает ему непременно такую власть. Обладание им состоянием дает ему немедленно и непосредственно лишь возможность покупать, располагать всем трудом или всем продуктом труда, который имеется на рынке. Богатство его более или менее точно в прямом соответствии с размерами этой возможности, т. е. количеством труда других людей, или, что то же самое, с количеством продукта труда других людей, которое он благодаря своему богатству может купить или получить в свое распоряжение. Меновая стоимость всякого предмета должна быть всегда в точности равна количеству той власти, которую данный предмет дает своему обладателю. Однако, хотя труд является действительным мерилом меновой стоимости всех товаров, стоимость их обычно расценивается не по количеству труда, а по количеству денег. Часто бывает трудно установить отношение между двумя различными количествами труда. Время, затраченное на две различные работы, не всегда само по себе определяет это взаимоотношение. В расчет должна быть принята также различная степень затраченных усилий и необходимого искусства. Один час какой-либо тяжелой работы может заключать в себе больше труда, чем два часа легкой работы; точно так же один час занятия таким ремеслом, обучению которому потребовало десять лет труда, может содержать в себе больше труда, чем работа в течение месяца в каком-нибудь простом занятии, не требующем обучения. Не легко найти точное мерило для определения степени трудности или ловкости. Правда, можно при обмене продуктов различных видов труда принимается во внимание степень трудности и ловкости. Однако при этом не имеется никакого точного мерила, и дело решает рыночная конкуренция в соответствии с той грубой справедливостью, которая, не будучи совсем точной, достаточна все же для обычных житейских дел. Кроме того, товары гораздо чаще обмениваются, а потому и сравниваются с другими товарами, чем с трудом. Поэтому более естественно является расценивать их меновую стоимость количеством какого-либо другого товара, а не количеством труда, которое можно на них купить. К тому же большинство людей лучше понимает, что такое определенное количество какого-нибудь товара, чем определенное количество труда. Первое представляет собою осязательный предмет, тогда как второе— абстрактное понятие, которое, хотя и может быть объяснено, но не отличается такою простотою и очевидностью.

С тех пор как прекратилась меновая торговля и деньги сделались принятым средством торговли, каждый отдельный товар гораздо чаще обменивается на деньги, чем на какой бы то ни было другой

товар. Мясник редко тащит своего быка или барана к булочнику и пивовару для того, чтобы обменять их на хлеб или на пиво; он отплетается с ними на рынок, где выменивает их на деньги, а затем обменивает эти деньги на хлеб и на пиво. Количество денег, которое получает за них, определяет в свою очередь количество хлеба и пива, которое он может затем купить. Поэтому для него гораздо естественнее и проще расценивать их стоимость по количеству денег—товаров на который он непосредственно выменивает их, чем по количеству хлеба и пива—товаров, на которые он может обменять их только при посредстве третьего товара. Проще сказать, что мясо стоит три или четыре пенса за фунт, чем сказать, что оно стоит три или четыре фунта хлеба или три или четыре кварты пива. В результате это меновая стоимость каждого товара чаще расценивается по количеству денег, чем по количеству труда или какого-нибудь другого товара, которое можно получить в обмен на него.

Однако, подобно всем другим товарам, золото и серебро мянются в своей стоимости, они бывают то дешевле, то дороже, их то легче, то труднее купить. Количество труда, которое можно получить в обмен на определенное количество этих металлов, или количество других товаров, которое можно выменять на них, всегда находится в зависимости от обилия или скудости разрабатываемых в данное время рудников. В XVI столетии открытие богатых рудников в Америке уменьшило в Европе стоимость золота и серебра приблизительно на целую треть. Так как добыча этих металлов и доставка их на рынок стоила теперь меньшего труда, то рудников и доставка их на рынок, золото и серебро могли уже купить меньшее количество труда. И эта, пожалуй, величайшая революция в стоимости золота и серебра отнюдь не единственная известная в истории. Подобно тому как естественные меры, вроде ступни, локтя или горсти постоянно меняющиеся в своих размерах, никогда не могут служить точным мерилем количества других предметов, так и товар, который сам постоянно подвергается колебаниям в своей стоимости, никоим образом не может быть точным мерилем стоимости других товаров. Можно сказать, что во все времена и во всех местах одинаковое количество труда имели всегда одинаковую стоимость для рабочего. При обычном состоянии своего здоровья, силы и способностей, при обычной степени искусства и ловкости он всегда должен пожертвовать той же самой долей своего досуга, своей свободы и спокойствия. Цена, которую он уплачивает, всегда остается неизменной, каково бы ни было количество товаров, которое он получает в обмен за свой труд. Правда, он может иногда купить большее количество этих товаров иногда меньшее, но в данном случае изменяется стоимость этих товаров, а не стоимость труда, на который они покупаются. Во все времена и повсюду дорогим считалось то, что трудно достать или на приобретение чего требуется больше труда, а дешевым то, что легче достать или что требует затраты меньшего количества труда. Таким образом, один лишь труд, стоимость которого никогда не меняется, является единственным и действительным мерилем, при помощи кото-

го во все времена и во всех местах можно было расценивать и сравнивать стоимость всех товаров. Именно труд составляет их действительную цену, а деньги составляют лишь их номинальную цену. Но хотя равные количества труда имеют всегда одинаковую стоимость для работника, однако для его нанимателя они представляют собою то большую, то меньшую стоимость. Он покупает эти количества труда то за большее, то за меньшее количество товаров, и ему представляется, что цена труда меняется так же, как и цена всех других предметов. В одних случаях она кажется ему дорогой, а в других дешевой. Но в действительности именно товары дешевы в одном случае и дороги в другом.

Таким образом, в этом обычном смысле можно говорить, что труд, подобно товарам, обладает действительной и номинальной ценой. Можно сказать, что его действительная цена состоит в количестве предметов необходимости и удобства, которые даются за него, а номинальная цена состоит в количестве денег. Рабочий бывает богат или беден, он хорошо или плохо вознаграждается в зависимости от действительной, а не номинальной цены его труда.

Различие между действительной и номинальной ценой товаров труда имеет не только чисто теоретическое значение, но нередко имеет и важное практическое значение. Одна и та же действительная стоимость золота и серебра одна и та же номинальная цена может иметь весьма различные стоимости. Поэтому если продается какое-нибудь имущество с обеспечением продавцу постоянной ренты, то при желании, чтобы эта рента всегда сохраняла одну и ту же стоимость, для семейства, в пользу которого устанавливается эта рента, важно, чтобы она была выражена в какой-либо определенной сумме денег. Действительно, в таком случае стоимость этой ренты подвергалась бы двойного рода колебаниям: во-первых, тем, которые обуславливаются колебаниями количества золота и серебра, содержащегося в различных эпохи в монете одного и того же наименования; и, во-вторых, тем, которые обуславливаются различием стоимости одинаковых количеств золота и серебра в разное время.

Государь и правительства нередко воображали, что в данный момент им выгодно уменьшить количество чистого металла, содержащегося в их монете, но им редко приходило в голову увеличивать его. Я поэтому думаю, что количество металла, содержащегося в монетах всех народов, почти непрерывно уменьшалось и вряд ли когда-нибудь увеличивалось. Такие изменения поэтому почти всегда ведут к уменьшению стоимости денежных рент.

Открытие рудников в Америке уменьшило стоимость золота и серебра в Европе. Как обыкновенно полагают,—хотя, думается мне, бездоказательно,—это уменьшение все еще постепенно продолжается и как будто будет продолжаться еще в течение значительного времени. Если это верно, то такие изменения в стоимости золота и серебра скорее уменьшат стоимость денежных рент, чем увеличат их, даже если платеж их будет выговорен не в определенном количестве монет

того или другого наименования (например, столько-то фунтов лингов), но в определенном количестве унций чистого серебра серебра определенной пробы.

Ренты, установленные в зерне, гораздо лучше сохранили стоимость, чем ренты, установленные в деньгах, даже если червонцы не изменились. В 18-й год правления Елизаветы было издано распоряжение, чтобы третья часть ренты по арендным договорам заключаемым университетскими коллегиями, устанавливалась в виде и выплачивалась либо натурой, либо соответственно фактической цене зерна на ближайшем рынке. Деньги, получающиеся от реализации этой натуральной доли ренты и первоначально составляли лишь третью часть всей ренты, в настоящее время, по словам сэра Блэкстона, обычно вдвое больше той суммы, которая получается от остальных двух третей. Соответственно этому сообщения старинные денежные ренты университетских коллегий уменьшились до четвертой части своей прежней стоимости или стоят немного больше четвертой части того количества зерна, которому они раньше равнялись по стоимости. Но со времени правления Филиппа и Марии качество английской монеты подверглось небольшому изменению, а, может быть, и совсем не изменялось, и потому одно и то же количество фунтов, шиллингов и пенсов содержало все время неизменное количество чистого серебра. Таким образом, это уменьшение стоимости денежных рент университетских коллегий обусловлено исключительно уменьшением стоимости серебра.

Когда уменьшение стоимости серебра соединяется с уменьшением количества его, содержащегося в монете одного и того же наименования, потери часто бывают еще больше. В Шотландии, где ухудшение монеты имело место в гораздо больших размерах, чем когда было в Англии, и во Франции, где оно производилось в еще больших размерах, чем даже в Шотландии, некоторые старинные ренты первоначально имевшие значительную стоимость, свелись таким образом почти к нулю.

В отдаленные друг от друга эпохи одинаковые количества товаров можно скорее приобрести за одинаковые количества хлеба, — главного средства существования рабочего, — чем на равные количества золота и серебра или вообще какого-либо другого товара. Ввиду этого равные количества зерна скорее сохранят в отдаленные друг от друга эпохи одну и ту же действительную стоимость или будут давать возможность его обладателю купить или получить в распоряжение приблизительно то же самое количество труда других людей. Я говорю, что хлеб «скорее» сохранит свою стоимость, почти все другие товары, так как даже равные количества хлеба не сохраняют вполне одну и ту же стоимость. Средства существования труда, или действительная цена труда, как я постараюсь показать в дальнейшем, подвергаются значительным изменениям в зависимости от различных обстоятельств; их размеры бывают более значительными в обществе, прогрессирующем на пути к богатству, чем в обществе, которое не прогрессирует, а в этом последнем значительнее,

в обществе, kloпящемся к упадку. Но любой другой товар будет обмениваться во всякое время на большее или меньшее количество хлеба в зависимости от количества необходимых средств существования, на которые он в данное время может быть обменен. Поэтому рента, установленная в зерне, изменяется только соответственно изменениям количества труда, которое можно купить за определенное количество зерна, тогда как рента, установленная во всяком другом товаре, меняется не только в зависимости от колебаний количества хлеба, которое можно купить за определенное количество зерна, но и в зависимости от колебаний количества зерна, которое можно приобрести в обмен за определенное количество данного товара.

В этом следует заметить, что, хотя действительная стоимость хлеба в зерне гораздо меньше изменяется на протяжении целого столетия, чем действительная стоимость денежной ренты, но из года в год она колеблется гораздо сильнее. Денежная цена труда, как я постараюсь ниже показать, не колеблется из года в год соответственно изменениям денежной цены зерна, а, повидимому, везде приспособляется не к временной или случайной, а к средней или обычной цене необходимого средства существования. Средняя же или обычная цена зерна в свою очередь определяется, как я тоже постараюсь еще показать, стоимостью серебра, богатством или скудостью рудников, открывающих рынок этим металлом, или количеством труда, который может быть затрачен, а следовательно и количеством зерна, которое может быть потреблено, чтобы доставить определенное количество хлеба из рудников на рынок. Но стоимость серебра, хотя очень мало колеблется на протяжении целого столетия, редко подвергается большим изменениям из года в год; нередко она держится на том же уровне или незначительно изменяется в течение целого столетия или даже целого столетия. Поэтому обычная или средняя денежная цена зерна может оставаться неизменной в течение долгого периода или же изменяться незначительно, а вместе с тем остается неизменной или изменяется незначительно также и денежная цена труда, при том условии, конечно, что в других отношениях в обществе не имели места никакие серьезные перемены. Таким образом, временная и случайная цена хлеба часто может быть в одну минуту в два раза больше, чем в предыдущем году, или колебаться, например, от 25 до 50 шилл. за квартал. Но когда хлеб имеет эту единую цену, то не только номинальная, но и действительная стоимость ренты в зерне будет в два раза больше, чем при цене в 25 шилл., и будет обмениваться на двойное количество труда или на двойное количество других товаров; денежная же цена труда, а вместе с ним и номинальная стоимость других вещей останется неизменной, несмотря на эти колебания.

Таким образом, очевидно, что труд является единственным всеобщим мерилем, равно как и единственным точным мерилом стоимости, или единственной мерой, посредством которой мы можем сравнивать между собою стоимости различных товаров во все времена и во всех странах. Как уже было указано, мы не можем определять действитель-

ную стоимость различных товаров от одного столетия к другому количествами серебра, которые даются за них. Мы не можем отсчитывать ее от одного года к другому количествами хлеба. Но количествами труда мы можем с величайшей точностью определять ее от столетия к столетию, так и от одного года к другому. Для продолжительных периодов времени хлеб представляет собой лучшее мерило, чем серебро, потому что от столетия к столетию равные количества хлеба обмениваются скорее на то же количество труда, чем одинаковые количества серебра. Напротив, от одного столетия к другому серебро представляется лучшим мерилом, чем хлеб, потому что одинаковые количества серебра скорее могут быть обменены на одинаковое количество труда.

Но хотя при установлении вечных рент или даже при весьма срочных арендах может быть полезно различать между реальной и номинальной ценой, такое различие не имеет практического значения при покупках и продажах, этих наиболее распространенных и обычных сделках в человеческой жизни.

В данное время и в данном месте действительная и номинальная цена всех товаров точно соответствуют одна другой. Чем больше или меньше денег вы получите, например, на лондонском рынке за какой-либо товар, тем большее или меньшее количество труда вы сможете приобрести на них в данное время и в данном месте. Поэтому в определенное время и в определенном месте деньги представляют собою точное мерило действительной меновой стоимости всех товаров, но только в определенное время и в определенном месте.

Поскольку речь идет о различных местах, не существует полного соответствия между действительной и денежной ценой товаров. Несмотря на это, купец, доставляющий товары из одного места в другое, может принимать во внимание только их денежную цену или разницу между количеством серебра, за которое он покупает их, и тем количеством, за которое он может их продать. Одна унция серебра в Кантоне в Китае может означать большее количество как труда, так и средств существования и удобств, чем одна унция в Лондоне. Поэтому товар, который в Кантоне продается за пол-унции серебра, может быть в действительности там дороже, чем тот же товар, который продается в Лондоне за одну унцию серебра. Человек, обладающий им в Лондоне. Однако, если лондонский купец может купить в Кантоне за пол-унции серебра товар, который он может затем продать в Лондоне за одну унцию, он наживается на этой сделке, как и в том случае, если бы унция серебра в Лондоне ту же стоимость, что и в Кантоне. Для него не имеет значения тот факт, что пол-унции серебра в Кантоне дали бы ему возможность получить больше труда или большее количество средств существования и удобств, чем одна унция может доставить ему в Лондоне. Одна унция в Лондоне всегда дает ему возможность приобретения двойного количества всего того, что можно приобрести за пол-унции, а в этом именно для него заключается сущность

как поэтому номинальная, или денежная, цена товаров в каком-либо счете определяет разумность или неразумность всех сделок при покупке и продаже и таким образом регулирует почти все дела повседневной жизни, связанные с ценой, нам не приходится удивляться, что на денежную цену люди обращали гораздо большее внимание, чем на действительную цену.

Но в сочинениях, подобных настоящему, иногда бесполезно выискивать колебания действительных цен какого-нибудь одного товара в различное время и в различных местах, т. е. различные цены власти над трудом других людей, которую этот товар при различных условиях дает лицу, им обладающему. В подобном случае должны сравнивать не столько различные количества серебра, которые этот товар обыкновенно продавался, сколько различные количества труда, которые могли быть куплены на эти количества серебра. Но рыночная цена труда в отдаленное время и в отдаленных местах вряд ли может быть установлена с какой-либо точностью. Цены хлеба, хотя они регулярно отмечались лишь в немногих местах, обыкновенно лучше известны и чаще отмечались историками и другими писателями. Мы поэтому должны по общему правилу удовлетворяться ценами хлеба, и не потому, что они всегда точно соответствуют рыночным ценам труда, но потому, что они ближе всего к ним. Дальнейшем мне не раз придется делать такого рода сравнения.

По мере развития промышленности торговые народы находили удобным чеканить монету из различных металлов; золотую монету чеканили для более крупных платежей, серебряную — для покупок мелких размеров и медную или из какого-либо другого грубого металла — для совсем небольших покупок. Однако эти народы всегда отдавали один из этих металлов более подходящим мерилом стоимости, чем другие два; такое предпочтение, повидимому, обычно зависело от того металла, который впервые стали употреблять в качестве орудия обмена. Раз начав пользоваться им в качестве мерила, — это они вынуждены были делать в те времена, когда у них не было других денег, — они обыкновенно продолжали пользоваться им, когда в этом уже не было необходимости.

Говорят, что римляне имели лишь медные деньги почти до первой пунической войны и лишь за пять лет до нее впервые стали чеканить серебряную монету¹. Медь поэтому всегда оставалась, повидимому, основным мерилом стоимости в этой республике. В Риме все счета велись и ценность всех имуществ определялась, повидимому, в *ассах* или *сестерциях*. Асс всегда оставался обозначением медной монеты. Слово *сестерция* означает два *асса* с половиной. Хотя, таким образом, *сестерция* был первоначально серебряной монетой, стоимость его определялась в меди. В Риме про человека, который наделал долгов на большую сумму денег, говорили, что он имеет много чужой меди.

Северные народы, утвердившиеся на развалинах Римской империи, самого начала своей оседлой жизни имели, повидимому, серебряную

¹ Plin., lib. 33, cap. 3.

монету и в течение нескольких веков после того не знали ни золотой, ни медной монеты. В Англии во времена саксов была серебряная монета, в ней до эпохи Эдуарда III чеканилось очень мало золота, а до Якова I, короля Великобритании, совсем не было медной монеты. В Англии поэтому — и по той же самой причине, как я полагаю, у других современных народов Европы — все счета ведутся и стоимости всех товаров и всех имуществ обыкновенно исчисляются в серебре, и если мы хотим определить размеры состояния какого-либо лица, мы редко называем число гиней, а называем число фунтов стерлингов, которое, по нашему мнению, дадут за него.

Первоначально, как я думаю, во всех странах законным платежным средством могла служить только монета из того металла, который специально признавался мерилем стоимости. В Англии золото до недавнего времени после того, как стали чеканить золотую монету, не признавалось законным платежным средством. Соотношение между стоимостью золотой и серебряной монеты не было установлено никаким законодательным актом или указом, это было предоставлено установлению рынка. Если должник предлагал уплатить золотом, кредитор мог или отвергнуть такой платеж или согласиться на него, причем золотом при этом расценивалось по соглашению между ним и его должником. Медь в настоящее время не является законным платежным средством, исключая случаев размена мелкой серебряной монеты. При таком положении вещей различие между металлом, являвшимся мерилем стоимости, и металлом, не являвшимся им, имело не только номинальное значение.

С течением времени, по мере того как народ приучался к употреблению монет из различных металлов и таким путем ближе узнавало соотношение их стоимости, в большинстве стран, как мне кажется, нашли целесообразным определенно установить это соотношение, объявив законом, что гиней, например, такого-то веса и такой-то пробы соответствует 21 шиллингу или является законным платежным средством для погашения долга этого размера. При таком положении вещей и при сохранении указанного определенного соотношения различия между металлом, который служит мерилем стоимости, и металлом, который таким мерилом не служит, имеет лишь номинальное значение.

Однако, если произойдет какое-либо изменение в этом установленном соотношении, то указанное различие может приобрести, — по меньшей мере, нам кажется, что оно приобретает, — уже не только номинальное значение. Так, например, если установленная стоимость гиней будет уменьшена до 20 или повышена до 22 шиллингов, при исчислении всех счетов и при выражении почти всех обязательств в серебряных деньгах, большая часть платежей сможет быть выплачиваемая тем же количеством серебряной монеты, как и раньше, для этого будет требоваться совсем другое количество золотой монеты, большее в первом случае и меньшее во втором. Серебро покажется более устойчивым в своей стоимости, чем золото. Нам будет казаться, что серебро является мерилом стоимости золота, тогда как золото

является мерилом стоимости серебра. Стоимость золота, повидимому, будет зависеть от количества серебра, на которое его можно обменять, между тем как стоимость серебра не будет находиться в зависимости от количества золота, на которое его можно будет обменять. Однако это различие будет целиком обусловлено обыкновенным способом счета и выражать все крупные и мелкие суммы предпочтительно в серебряной, а не в золотой монете. Банкнота м-ра Друммонда в 25 или 50 гиней после изменения указанного рода будет оплачиваться 25 или 50 гинейми, точно так же, как и прежде. После указанной перемены она будет оплачиваться таким же количеством золота, как и раньше, но совсем другим количеством серебра. При плате такой банкноты золото покажется более устойчивым в своей стоимости, чем серебро. Золото покажется мерилом стоимости серебра, тогда как серебро, повидимому, не будет являться мерилом для стоимости золота. Если когда-либо получит общее распространение обычай вести счета и выражать всякие денежные обязательства кредитные билеты в золоте, то золото, а не серебро будет принято в качестве металла, специально служащего в качестве мерилла стоимости.

В действительности, пока держится определенное соотношение между стоимостями различных металлов в монете, стоимость самого дорогого металла определяет стоимость всех монет. 12 медных пенсов держат полфунта меди не самого лучшего качества, которая до переканки едва ли стоит 7 серебряных пенсов. Но поскольку, согласно установленному соотношению, 12 таких пенсов должны обмениваться на один шиллинг, на рынке они признаются имеющими стоимость шиллинга, и в любое время на них можно получить 1 шиллинг. Даже еще недавнего преобразования золотой монеты в Великобритании золотая монета или, по крайней мере, та часть ее, которая циркулировала в Лондоне и в его окрестностях, меньше отклонялась от установленного веса, чем большая часть серебряной монеты. Тем не менее 21 истертых и изрезанных шиллингов признавались равными по стоимости гинее, которая, правда, тоже была истерта и изрезана, но редко в столь большой степени. Недавно изданные правила довели золотую монету до ее установленного веса с такой точностью, которая только мыслима для находящейся в обращении монеты какого-либо народа; и распоряжение о принятии золота в государственных учреждениях только по весу обещает сохранить такую полновесность золотой монеты до тех пор, пока будет проводиться в жизнь это распоряжение. Серебряная же монета продолжает обращаться в том же истертом и изрезанном виде, как и до переканки золотой монеты. Несмотря на это, на рынке 21 шиллинг такой испорченной серебряной монеты все еще признаются равными по своей стоимости полновесной золотой гинее.

Переканка золотой монеты, очевидно, повысила стоимость серебряной монеты, которая может быть обменена на нее. На английском монетном дворе из фунта золота чеканятся 44½ гиней, которые, считая 21 шиллинг в гинее, равны 46 фунтам стерлингов

14 шиллингам 6 пенсам. Таким образом, унция такой золотой монеты стоит 3 ф. 17 шилл. 10½ пенс. серебром. В Англии за чеканку монеты не уплачивается никакая пошлина, и всякий, кто принесет на монетный двор фунт или унцию золота в слитке установленной пробы, получит взамен без всякого вычета фунт или унцию золота чеканной монетой. И потому принято говорить, что 3 ф. 17 шилл. 10½ пенс. представляют собою монетную цену золота в Англии, т. е. количество золотой монеты, которое монетный двор выдает в обмен на слитки золота установленной пробы.

До перечеканки золотой монеты цена слитка золота установленной пробы на рынке в течение многих лет держалась выше 3 ф. 18 шилл., иногда 3 ф. 19 шилл. и очень часто 4 ф. за унцию; весьма вероятно, что эта сумма в стертой и изрезанной золотой монете редко содержала более одной унции золота установленной пробы. Со времени перечеканки золотой монеты рыночная цена золотых слитков установленной пробы редко превышает 3 ф. 17 шилл. 7 пенс. за унцию. До перечеканки золотой монеты рыночная цена всегда держалась несколько выше монетной цены; после этой перечеканки рыночная цена постоянно держалась ниже монетной цены. Но эта рыночная цена всегда одна и та же, независимо от того, выплачивается ли она в золотой или в серебряной монете. Таким образом, последняя перечеканка золотой монеты повысила не только стоимость золотой монеты, но также и стоимость серебряной монеты по сравнению с золотом в слитках и, вероятно, также по сравнению со всеми другими товарами; но так как цена большей части других товаров колеблется в зависимости от многих других причин, то повышение стоимости золотой и серебряной монеты по сравнению с товарами не столь очевидно и чувствительно.

На английском монетном дворе из фунта серебра установлено 62 шиллинга, содержащие точно так же фунт серебра установленной пробы. Поэтому принято говорить, что монетная цена серебра в Англии является 5 шиллингов и 2 пенса за унцию или количество серебряной монеты, которое монетный двор дает в обмен на серебряный слиток установленной пробы. До перечеканки золотой монеты рыночная цена серебряных слитков установленной пробы была в различных случаях 5 шилл. 4 пенс., 5 шилл. 5 пенс., 5 шилл. 6 пенс., 5 шилл. 7 пенс. и очень часто 5 шилл. 8 пенс. за унцию. Однако наиболее обычной ценой было, повидимому, 5 шилл. 7 пенс. Со времени перечеканки золотой монеты рыночная цена слитков серебра установленной пробы падала временами до 5 шилл. 3 пенс., 5 шилл. 4 пенс. и 5 шилл. 5 пенс. за унцию, причем выше последней цены она не поднималась. Хотя рыночная цена серебряных слитков значительно понизилась со времени перечеканки золотой монеты, она все же превышала монетную цену.

Если при установлении пропорции между различными металлами в английской монете медь оценивается гораздо выше своей действительной стоимости, то серебро оценивается несколько ниже своей действительной стоимости. На европейских рынках унция чистого

золота в французской или голландской монете выменивается приблизительно на 14 унций чистого серебра; в английской же монете она выменивается на 15 унций, т. е. на большее количество серебра, чем стоит, согласно общепринятой в Европе расценке. Но подобно тому как высокая цена меди в английской монете не повышает даже в Англии цены меди в слитках, так и низкая цена серебра в английской монете не понижает цены серебра в слитках. Серебро в слитках все еще сохраняет свою надлежащую пропорцию к золоту; в силу той же самой причины медь в слитках сохраняет свое отношение к серебру.

После перечеканки серебряной монеты в правление Вильгельма III цена серебра в слитках продолжала держаться несколько выше монетной цены. Локк приписывал эту высокую цену разрешению вывозить серебро в слитках, при одновременном запрещении вывоза серебряной монеты¹. Он указывал, что это разрешение вывозить увеличивало спрос на серебро в слитках сравнительно с спросом на серебряную монету. Но количество людей, нуждающихся в серебряной монете для сделок по продаже и покупке у себя на родине, несомненно гораздо больше, чем число тех, кому нужны серебряные слитки для вывоза их за границу или для каких-либо других целей. В настоящее время существует такое же разрешение вывозить золото в слитках и запрещение вывозить золотую монету², и тем не менее цена золота в слитках упала ниже монетной цены. Но серебро в английской монете в то время, как и теперь, было оценено ниже его действительного отношения к золоту, и золотая монета (относительно которой в ту эпоху не полагали, что она требует какой-либо перечеканки) определяла тогда так же, как и теперь, действительную стоимость всех монет. Подобно тому как перечеканка серебряной монеты не понизила в то время цены серебра в слитках до уровня монетной цены, так весьма вероятно, что и в настоящее время перечеканка не приведет к такому результату.

Если бы серебряная монета была приведена к узаконенному весу так же близко, как приведена золотая монета, то, вероятно, гиней, при сохранении существующей пропорции, стала бы вымениваться за большее количество серебра в монете, чем она может купить в слитках. Если бы серебряная монета содержала в себе полностью узаконенный вес, было бы выгодно переплавить ее в слитки, чтобы сперва продать эти слитки за золотую монету, а затем обменять эту золотую монету на серебряную, с целью превращения последней опять в слиток. Повидимому, единственное средство для предупреждения таких нежелательных явлений заключается в некотором изменении установленной ныне пропорции между обоими металлами. Неудобство это было бы, пожалуй, меньше, если бы серебро в мо-

¹ [Locke, Considerations concerning Raising the value of Money, 2nd, edit. (1695), 35 sqq.]

² [Закон, запрещающий вывоз золотой и серебряной монеты, был отменен в 1819 г.]

нете было оценено настолько выше надлежащего соотношения к золоту, насколько оно ныне оценивается ниже этого соотношения при условии, конечно, что одновременно с тем был бы издан закон, что серебро может служить законным платежным средством на сумму не более одной гинеи, подобно тому как в настоящее время монета служит законным платежным средством для сумм не более одного шиллинга. В таком случае ни один кредитор не оказался бы в убытке в результате высокой оценки серебра в монете, так же как ни один кредитор в настоящее время не терпит убытка от высокой оценки меди. При таком порядке теряли бы только банкиры. Кредиторы же и им предъявляются усиленные требования платежей, они не стараются выиграть время, выплачивая деньги шестипенсовыми монетами, а вышеуказанное правило помешало бы им пользоваться таким сомнительным средством для избежания немедленного платежа. В результате этого они вынуждены были бы постоянно держать в своих денежных шкафах большее количество наличных денег, чем в настоящее время. И хотя это, без сомнения, могло бы являться большим неудобством для них, это в то же самое время послужило бы солидным обеспечением для их кредиторов.

3 фунта 17 шиллингов и $10\frac{1}{2}$ пенсов (монетная цена золота) содержат, конечно, даже в нашей теперешней превосходной золотой монете больше одной унции золота установленной пробы, и потому, казалось бы, на эту сумму нельзя было бы купить большого количества золота в слитке. Но золото в монете более удобно, чем золото в слитках; и хотя в Англии всем предоставлена свобода возвращать свое золото в монету, тем не менее золото, приносимое монетный двор в слитках, обычно может быть возвращено его владельцу в монете лишь по прошествии нескольких недель. А при перешней загруженности монетного двора владелец может получить обратно свое золото в монете лишь через несколько месяцев. Проволочка равносильна небольшому налогу и делает золотую монету несколько более ценной, чем такое же количество золота в слитках. Если бы английская серебряная монета расценивалась соответственно ее надлежащему соотношению с золотом, то цена серебряных слитков наверное упала бы ниже монетной цены даже при отсутствии какой бы то ни было перечеканки серебряной монеты; ибо стоимость даже нынешней стертой и обрезанной серебряной монеты регулируется стоимостью вполне хорошей золотой монеты, на которую она может быть обменена.

Установление небольшой пошлины за чеканку золотой и серебряной монеты, наверное, еще более повысило бы стоимость этих металлов в монете над стоимостью того же количества их в слитках. В таком случае при чеканке монеты стоимость металла поднялась бы соответственно размерам этой пошлины, подобно тому как рисунок повышает стоимость золотого или серебряного блюда на стоимости этого рисунка. Большая стоимость монеты сравнительно со слитком устранила бы переплавку монеты в слитки и остановила бы их вывоз за границу. И если бы какая-либо общественная необходимост

обудила к вывозу монеты, то большая ее часть сама собою скоро вернулась бы обратно. За границей эта монета ценилась бы только по ее весу в слитках, внутри же страны она обладает большею покупательною силою, чем это соответствует ее весу. Поэтому выгодно возвращать ее обратно внутрь страны. Во Франции установлена пошлина на чеканку монеты приблизительно в 8%, и французская монета, как передают, в случае вывоза за границу сама собою возвращается на родину¹.

Такие или иные случайные колебания рыночных цен золота и серебра в слитках происходят от тех же причин, как и подобные же колебания рыночных цен всех остальных товаров. Частые потери этих металлов благодаря различным несчастным случаям на море на суше, постоянная затрата их на позолоту и на выделку посуды, позументы и вышивки, на снашивание монеты и на снашивание обуви требуют во всех странах, не обладающих собственными рудниками, постоянного ввоза для возмещения этих потерь и этого расхищения. Мы имеем основания полагать, что купцы, занимающиеся ввозом этих металлов, подобно всем остальным купцам, стараются в мере возможности приспособить свой ввоз к существующему, по нашему мнению, в данный момент непосредственному спросу. Но при всем своем старании они иногда преувеличивают нужное количество, иногда преуменьшают его. И если они ввозят больше слитков, чем нужно, они, чтобы избежать риска и хлопот, связанных с обратным ввозом их, предпочитают продать часть этих слитков несколько дешевле их обычной или средней цены. Когда же, с другой стороны, они ввозят менее нужного количества, они получают несколько выше средней цены. Но если при всех таких случайных колебаниях рыночная цена золотых или серебряных слитков в течение нескольких лет устойчиво держится на уровне несколько выше или несколько ниже по сравнению с их монетною ценою, мы можем быть уверены, что такое устойчивое отклонение цены вверх или вниз является следствием таких изменений в состоянии самой монеты, которые в данное время придают определенному количеству монеты большую или меньшую стоимость, чем стоимость того количества металла, которое эта монета должна содержать. Устойчивость и постоянство результата предполагают соответствующую устойчивость постоянства причины.

В каждый данный момент и в каждом данном месте деньги какой-либо страны представляют собою более или менее точное мерило стоимости в соответствии с тем, насколько находящаяся в обращении монета более или менее точно соответствует своему узаконенному составу или содержит более или менее точно то самое количество чистого золота или чистого серебра, которое она должна содержать. Если в Англии, например, $44\frac{1}{2}$ гинеи содержали бы ровно фунт золота установленной пробы или 11 унций чистого золота и 1 унцию

¹ [Это ошибка. Смита ввел в заблуждение «Словарь монет» Базингена. Во Франции пошлина за чеканку монеты не превышала $1\frac{1}{2}\%$.

лигатуры, то золотая монета Англии могла бы служить наиболее точным мериллом фактической стоимости товаров в любое время и в любом месте, поскольку это допускается самой природой вещей. Но если благодаря стиранию и обрезыванию $44\frac{1}{2}$ гиней обыкновенно содержат меньше 1 фунта золота установленной пробы, причем уменьшение в весе в одних монетах больше, чем в других, само мерило стоимости оказывается подверженным такой же неустойчивости и неточности, каким подвержены обыкновенно все остальные веса и меры. Так как эти последние редко соответствуют в точности установленному для них образцу, то купец сообразует цены своих товаров не с теми весами и мерами, какими они должны были бы быть, а с теми средними весами и мерами, какими, по его опыту, они фактически являются. Вследствие подобных же отклонений в монетах цена товаров точно таким же образом должна сообразовываться не с количеством чистого золота или серебра, которое должна бы содержать монета, а с тем количеством, которое в среднем она фактически содержит, как это установлено опытом.

Надлежит заметить, что под денежной ценой товаров я всегда понимаю количество чистого золота или серебра, за которое они продаются, совершенно не принимая во внимание названия монет. В 6 шилл. и 8 пенс. времен Эдуарда I я признаю, например, имеющую ту же самую денежную цену, что и фунт стерлингов в настоящее время, потому что они содержали, насколько мы можем судить, все же самое количество чистого серебра.

Глава VI

О СОСТАВНЫХ ЧАСТЯХ ЦЕНЫ ТОВАРОВ

В обществе первобытном и мало развитом, предшествовавшем накоплению капиталов и обращению земли в частную собственность, отношение между количествами труда, необходимыми для приобретения разных предметов, было, повидимому, единственным основанием, которое могло служить руководством для обмена их друг на друга. Так, например, если у охотничьего народа обычно приходится затратить вдвое больше труда для того, чтобы убить бобра, чем на то, чтобы убить оленя, один бобр будет естественно обмениваться на двух оленей, или будет иметь стоимость двух оленей. Вполне естественно, что продукт, изготовляемый обычно в течение двух дней или двух часов труда, будет иметь вдвое большую стоимость, чем продукт, изготовляемый обычно в течение одного дня или одного часа труда.

Если один вид труда тяжелее какого-либо другого вида, то естественно делается надбавка соответственно этой большей тяжести, и благодаря этому продукт одного часа первого вида труда может часто обмениваться на продукт двух часов более легкого труда.

Точно так же, если какой-либо вид труда требует особенного искусства и ловкости, то уважение, с которым люди относятся к таким способностям, придает их продукту большую стоимость, чем это соответствовало бы времени, затраченному на него. Такие способности и таланты редко могут быть приобретены при отсутствии продолжительного предварительного упражнения, и высшая стоимость их продукта часто является лишь вполне разумным возмещением того времени и труда, которое надо было затратить на приобретение их. В развитом обществе в заработную плату рабочего обыкновенно включается надбавка этого рода за добавочную тяжесть и большее искусство работника; вероятно, нечто в этом роде имело место и в более ранних периодах развития общества.

При таком положении вещей весь продукт труда принадлежит работнику, и количество труда, обыкновенно затрачиваемого на приобретение или производство какого-нибудь товара, представляет собою единственное условие, определяющее количество труда, которое может быть куплено, приобретено в распоряжение или обменено на него.

Лишь только в руках частных лиц начинают накапливаться капиталы, некоторые из них естественно стремятся использовать эти капиталы для того, чтобы занять работой трудолюбивых людей, которых они снабжают материалами и средствами существования в расчете получить выгоду на продаже продуктов их труда или на том, что эти работники прибавили к стоимости обрабатываемых материалов. При обмене готового товара на деньги, на труд или на другие продукты, помимо оплаты цены материалов и заработной платы работников, должна быть еще дана некоторая сумма для прибыли предпринимателя, рискующего своим капиталом в этом деле. Поэтому стоимость, которую рабочие прибавляют к стоимости материалов, распадается сама в этом случае на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а другая—на оплату прибыли предпринимателя на весь капитал, который он авансировал в виде материалов и заработной платы. У него не было бы никакого интереса нанимать этих рабочих, если бы он не мог рассчитывать получение от продажи изготовленных ими произведений что-нибудь сверх суммы, достаточной лишь на возмещение его капитала; точно так же он не был бы заинтересован затрачивать больший капитал, а не меньший, если бы его прибыли не соответствовали величине употребленного в дело капитала.

Но могут подумать, что прибыль на капитал представляет собой лишь другое обозначение для заработной платы за особый вид труда, а именно за труд по надзору и управлению делом. Однако эта прибыль совершенно не похожа на заработную плату, она устанавливается совсем на иных началах и не стоит ни в каком соответствии с количеством, тяжестью или сложностью этого предполагаемого труда по надзору и управлению. Прибыль определяется вообще стоимостью употребленного в дело капитала и бывает больше или меньше в зависимости от размеров этого капитала. Предположим, например, что в каком-либо месте, где обычная годовая прибыль промышленного капитала доходит до 10%, имеются две различных мануфактуры, в каждой из которых работают по 20 рабочих за плату по 15 фунтов в год или при расходе 300 фунтов в год на заработную плату в каждой мануфактуре. Предположим далее, что сырой материал, идущий в обработку на одной мануфактуре в течение года, стоит только 700 фунтов стерл., тогда как более дорогое сырье для другой мануфактуры стоит 7000 фунтов стерл. В таком случае капитал, ежегодно затрачиваемый на первой мануфактуре, будет достигать лишь 1000 фунтов, тогда как капитал, затрачиваемый на второй, достигнет 7300 фунтов. При норме в 10% предприниматель первой мануфактуры будет ожидать прибыль лишь в 100 фунтов, тогда как предприниматель второй будет ожидать прибыль в 730 фунтов. Но характер размер их прибыли так различен, их труд по надзору и управлению делом может быть одинаков или почти одинаков. Во многих крупных предприятиях почти весь труд этого рода выполняется главным образом самим владельцем или управляющим. В его заработной плате надлежащим образом выражается стоимость этого труда по надзору и управлению

при установлении ее обычно принимается во внимание не только труд и умение, но также и доверие, которое оказывается ему, ибо эта заработная плата никогда не находится в каком бы то ни было соответствии с размерами капитала в предприятии, которым он руководит. А владелец этого капитала, хотя он таким образом является освобожденным почти от всякого труда, все же ожидает, что его прибыль будет соответствовать размерам его капитала. Поэтому эта в цене товаров прибыль на капитал образует составную часть совершенно отличную от заработной платы, и определяется совершенно другими началами.

В таком положении вещей работнику не всегда принадлежит продукт его труда. В большинстве случаев он должен делить этот продукт с владельцем капитала, который нанимает его. В таком случае количество труда, обычно затрачиваемого на приобретение или производство какого-либо товара, не является единственным условием определения количества труда, которое может быть куплено за определенную сумму. Очевидно, что добавочное количество труда, полученное в обмен за него. Очевидно, что добавочное количество труда делится на долю прибыли с капитала, авансированного на заработную плату и доставившего сырой материал для рабочего.

В тех пор, как вся земля в той или иной стране превратилась в частную собственность, землевладельцы, подобно всем другим людям, хотят пожинать там, где не сеяли, и начинают требовать ренты за естественные плоды земли. Теперь устанавливается определенная добавочная цена за деревья в лесу, траву на лугах и за естественные произведения земли, которые прежде, когда земля была в общественной, не стоили работнику ничего, кроме труда собрать их. Теперь работник должен платить за разрешение собирать их, он должен отдавать землевладельцу часть того, что собирает или производит его труд. Эта часть, или, что то же самое, цена этой части, составляет земельную ренту, и эта рента образует третью составную часть цены большей части товаров.

Следует иметь в виду, что действительная стоимость всех различных составных частей цены определяется количеством труда, которое может купить или получить в свое распоряжение каждая из них. Труд определяет стоимость не только той части цены, которая идет на заработную плату, но и тех частей, которые приходятся на прибыль.

В всяком обществе цена каждого товара в конечном счете складывается из одной из этих основных частей или ко всем им, а в каждом обществе все эти три составные части в большей или меньшей мере входят в цену громадного большинства товаров.

Например, в цене хлеба одна ее доля идет на оплату ренты землевладельца, вторая—на заработную плату или содержание рабочих и рабочего скота, занятых в его производстве, и третья доля идет на прибыль фермера. Эти три части, повидимому, либо не являются, либо в конечном счете составляют всю цену хлеба. Нет сомнения, что необходима еще четвертая часть для возмещения капитала фермера, т. е. для возмещения снашивания его ра-

бочего скота и других хозяйственных орудий. Но надо иметь в виду, что цена любого хозяйственного орудия, хотя бы рабочей лошадью, в свою очередь состоит из таких же трех частей: из ренты за землю на которой она была вскормлена, из труда, затраченного на ее изготовление, за ней и содержание ее, и прибыли фермера, авансировавшего за землю и заработную плату за труд. И потому, хотя в цену орудия должна входить оплата цены и содержания лошади, в целом все же сводится—непосредственно или в конечном счете—к трем составным частям: к ренте, заработной плате и прибыли.

В цене муки мы должны прибавлять к цене зерна прибыль мельника и заработную плату его рабочих; в цене печеного хлеба—прибыль пекаря и заработную плату его рабочих, а в обоих случаях—затрату на оплату труда по перевозке зерна от фермера до мельника и от мельника до пекаря, а также прибыль тех, кто авансировал деньги на оплату этого труда.

Цена льна распадается на такие же три части, как и цена хлеба. В цене полотна мы должны прибавить к цене льна заработную плату чесальщика льна, прядильщика, ткача, отбельщика и т. п., а также прибыль их предпринимателей.

Чем больше какой-либо товар нуждается в обработке, тем большей становится та часть цены, которая приходится на заработную плату и прибыль, сравнительно с той частью, которая приходится на ренту. С развитием обрабатывающей промышленности не только увеличивается последовательный ряд прибылей, но и каждая следующая прибыль становится больше прибыли, полученной на предыдущей стадии; это обуславливается тем, что капитал, с помощью которого она получается, становится все больше. Капитал, занимаемый ткачей, например, должен быть больше капитала, занимаемого прядильщиками, потому что он не только замещает последний капитал с его прибылью, но, кроме того, выплачивает заработную плату ткачам, а прибыль всегда должна быть в известной пропорции к капиталу.

Впрочем, даже в наиболее развитых обществах всегда имеется небольшое число товаров, цена которых сводится лишь к двум составным частям, а именно к заработной плате и к прибыли на капитал, и еще меньшее число товаров, цена которых состоит только из заработной платы. Так, например, в цене морской рыбы одна часть оплачивает труд рыбаков, а другая—прибыль на капитал, затраченный на рыбную ловлю. Рента очень редко входит составной частью в эту цену, хотя это иногда и бывает, как я покажу в дальнейшем. Иначе обстоит дело, по крайней мере в большей части рек и речном рыболовстве. За ловлю форелей уплачивается рента, и она, хотя ее и нельзя назвать земельной рентой, так же составляет часть цены форели, как и заработная плата и прибыль. В некоторых местах Шотландии бедняки промышляют собиранием на морском берегу различных камешков с крапинками, известных под названием шотландских голышей. Цена, которую им платит за камешки гранильщик, представляет собою только плату за их труд, в нее не входят ни рента, ни прибыль.

Цена всякого товара в конечном счете должна все же сводиться к той или другой или ко всем этим трем частям, так как всякая часть цены, остающаяся после оплаты земельной ренты и цены всего труда, затраченного на добычу материала, обработку и доставку на рынок, должна по необходимости оказаться чьей-либо прибылью.

Так как цена, или меновая стоимость любого товара, взятого в абстрактности, сводится к той или другой или ко всем трем указанным составным частям, то к таким же трем составным частям должна сводиться цена, или меновая стоимость, всех товаров, составляющих годичный продукт труда каждой страны, взятых в общей абстрактности; при этом она должна распределяться между различными частями данной страны или в виде заработной платы за их труд, или в виде прибыли на их капитал, или в виде ренты за их землю. Таким именно способом распределяется между различными членами общества все, что ежегодно собирается или производится трудом данного общества, или, что то же самое, вся цена годичного продукта труда. Заработная плата, прибыль и рента являются тремя первоначальными источниками всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости. Всякий иной доход в конечном счете получается из одного или другого из этих источников.

Всякий человек, который получает свой доход из источника, принадлежащего лично ему, должен получать его либо от своего труда, либо от своего капитала, либо от своей земли. Доход, получаемый от своего труда, называется заработной платой; доход, получаемый с капитала, называется прибылью; доход, получаемый с земли, называется рентой; доход, получаемый с него лицом, которое не употребляет его в дело, а ссужает его другому, называется процентом или денежным ростом. Он представляет собою вознаграждение, уплачиваемое заемщиком заимодавцу за ту прибыль, которую он имеет возможность извлечь при помощи этих денег. Часть этой прибыли, естественно, принадлежит заемщику, который берет на себя риск и отвечает по употреблению капитала в дело, а часть, естественно, принадлежит заимодавцу, который предоставляет заемщику возможность извлекать прибыль. Ссудный процент всегда представляет собою часть производной, который, если он не выплачивается из прибыли, а из другого-либо иного источника дохода, должен быть выплачен из первоначального источника дохода, поскольку, конечно, заемщик является расточителем, делающим новый долг для уплаты процентов по первоначальному долгу. Доход, получающийся целиком от земли, называется рентой и достается землевладельцу. Доход фермера получается частью от его труда, частью с его капитала. Для земледельца земля является лишь орудием, дающим ему возможность получить заработную плату за свой труд и извлекать прибыль с своего капитала. Все налоги и всякий основанный на них доход,—все окладные, пенсии, ежегодные рентные доходы всякого рода,—в конечном счете получают из того или другого из этих трех первоначальных источников дохода и выплачиваются непосредственно или

посредственно из заработной платы, из прибыли с капитала или из ренты с земли.

Когда эти различные виды дохода принадлежат различным лицам, их легко отличают друг от друга, но когда они принадлежат одному и тому же лицу, их нередко смешивают один с другим в крайней мере в обыденной речи.

Землевладелец, обрабатывающий часть своего поместья, получает расходы по обработке земли и ренту с земли, и прибыль фермера. Но он склонен называть всю сумму ренты и прибыль фермера, по крайней мере в обыденной речи, ренту с прибылью. Большая часть наших американских и вест-индских плантаторов находится в таком положении. Они в большинстве своем сами ведут хозяйство в поместьях, и в соответствии с этим мы редко слышим о ренте, но часто слышим о прибыли, приносимой ею.

Рядовые фермеры редко держат управляющего для руководства работами на ферме. Они обыкновенно не мало работают сами с своими рабочими, сами пахут и боронят и т. п. И потому после урожая, остающийся после уплаты ренты, должен не только возместить им капитал, употребленный на обработку земли, вместе с прибылью на него, но и оплачивать им заработную плату, которую они читают им в их двойном качестве рабочих и управителей. Весь излишек, остающийся после уплаты ренты и возмещения капитала, называется прибылью. Между тем часть этого излишка очевидно, составляет заработная плата. Фермер, сберегая на эту заработную плату, должен сам получать ее. Следовательно заработная плата в этом случае смешивается с прибылью.

Какой-нибудь независимый ремесленник, который обладает капиталом, достаточным для приобретения материала и для содержания впрямь до продажи продукта на рынке, получает заработную плату поденщика, работающего на хозяина, так же как и прибыль, которую получил бы хозяин от продажи продукта поденщика. Но вся его выручка обыкновенно называется прибылью, и заработная плата в данном случае тоже смешивается с прибылью.

Огородник, который обрабатывает собственный огород своими руками, соединяет в своем лице три различных лица: землевладельца, фермера и рабочего. Его продукт поэтому должен оплачивать ренту первого, прибыль второго и заработную плату третьего. Однако вся его выручка обыкновенно признается заработной платой за его труд. Рента и прибыль в этом случае смешиваются с заработной платой.

Так как в цивилизованной стране найдется лишь немного товаров, стоимость которых создается одним только трудом, и стоимость большинства товаров содержит в себе в значительной мере ренту и прибыль, то годичный продукт труда этой страны всегда всегда достаточным для того, чтобы купить или продать в свое распоряжение гораздо большее количество труда, чем количество его, которое было затрачено на добычу, обработку

этого продукта на рынок. Если бы общество ежегодно употребляло в дело весь тот труд, который оно в состоянии ежегодно производить, то вследствие того, что количество этого труда ежегодно значительно возрастает, продукт каждого последующего года имел бы значительно большую стоимость, чем продукт предыдущего года. Но не существует страны, в которой весь годичный продукт употреблялся бы только на содержание лиц, занятых трудом. Повсюду значительная часть этого продукта потребляется самими людьми; и в зависимости от различной пропорции, в какой этот продукт ежегодно распределяется между этими двумя классами, его обычная или средняя стоимость должна ежегодно возрастать или уменьшаться или оставаться из года в год неизменной.

Глава VII

О ЕСТЕСТВЕННОЙ И РЫНОЧНОЙ ЦЕНЕ ТОВАРОВ

В каждом обществе или каждой местности существует обычная или средняя норма как заработной платы, так и прибыли для каждого из различных приложений труда и капитала. Эта норма, как я покажу в дальнейшем, естественно регулируется частью в зависимости от общих условий общества, от его богатства или бедности, от процветания, застоя или упадка, частью же в зависимости от особенностей природы того или иного приложения труда и капитала.

В каждом обществе или каждой местности, равным образом, существует обычная или средняя норма ренты, которая, как я покажу в дальнейшем, тоже регулируется частью общими условиями общества или местности, где расположена земля, частью же естественными или искусственным плодородием почвы.

Эти обычные или средние нормы могут быть названы естественными нормами заработной платы, прибыли и ренты для того времени и местности, когда и где они обычно преобладают.

Если цена какого-либо товара не выше и не ниже того, что требуется для оплаты в соответствии с их естественными нормами заработной платы, заработной платы и прибыли на капитал, затраченными при добыче, обработке и доставке его на рынок, то товар этот продается, можно сказать, по его естественной цене.

Товар в таком случае продан за столько, сколько он стоит, — сколько он обошелся тому лицу, которое доставило его на рынок, — хотя в обыденной речи так называемые издержки производства товара не включают в себя прибыль лица, перепродающего товар, — все же, если оно продает товар по цене, не дающей ему обычную для местности норму прибыли, оно, очевидно, теряет от такой торговой сделки; в самом деле, затратив свой капитал каким-либо образом, оно могло бы получить эту прибыль. Его прибыль, следовательно, составляет его доход, действительный фонд, из которого он черпает средства для своего существования. Подобно тому как производитель при изготовлении и доставке на рынок своих товаров авансирует своим рабочим их заработную плату или средства их существования, он точно таким же образом авансирует и самому себе средства своего существования, которые обычно находятся в соответствии с

прибылью, которую он имеет основание ожидать от продажи своих товаров. И потому, если товары не приносят ему эту прибыль, можно сказать, что они не возмещают ему того, что они действительно ему стоили.

Поэтому, хотя цена, доставляющая ему эту прибыль, не всегда представляет собою самую низкую цену, за которую торговец соглашается продавать свои товары, но она будет самой низкой ценой, за которой он согласен продавать их сколько-нибудь продолжительное время, по крайней мере там, где существует полная свобода или где он может по желанию менять профессию.

Фактическая цена, за которую обычно продается товар, называется рыночной ценой. Она может или превышать его естественную цену, или быть ниже ее, или же в точности совпадать с нею.

Рыночная цена каждого отдельного товара определяется отношением между количеством его, фактически доставленным на рынок, и спросом на него со стороны тех, кто готов уплатить его естественную цену или полную стоимость ренты, заработной платы и прибыли, которые надлежит оплатить для того, чтобы товар доставлялся на рынок. Эти лица могут быть названы действительными покупателями, их спрос — действительным спросом, так как этот спрос достаточен для того, чтобы вызвать доставку товара на рынок. Он отличается от абсолютного спроса. Про очень бедного человека можно в известном смысле сказать, что он предъявляет спрос на карету с шестеркой лошадей; он может желать иметь ее; но его спрос не является действительным спросом, ибо товар ни в коем случае не может быть доставлен на рынок для удовлетворения его.

Если количество товара, доставленного на рынок, не покрывает действительного спроса, то лица, соглашающиеся заплатить полную стоимость ренты, заработной платы и прибыли, которые надлежит заплатить для того, чтобы товар был доставлен на рынок, не могут получить то именно количество товара, которое им нужно. Не желая всем остаться без него, некоторые из них предпочитают в таком случае заплатить за него несколько больше. Среди них начнется сейчас же конкуренция, и рыночная цена более или менее повысится в сравнении с естественной ценою в зависимости от того, насколько недостаток предложения товара или богатство и расточительность конкурентов обостряют их конкуренцию. При наличии конкурентов, отличающихся одинаковым богатством и одинаковой склонностью к расточительности, определенная нехватка товара обыкновенно вызывает более или менее обостренную конкуренцию в зависимости от большей или меньшей важности для них приобретения этого товара. Отсюда непомерно высокая цена предметов необходимости во время осады города или во время голода.

Если количество товара, доставленного на рынок, превышает действительный спрос, то он не может быть полностью продан тем, кто готов заплатить всю стоимость ренты, заработной платы и прибыли, которые надлежит оплатить для того, чтобы товар был доставлен на рынок. Некоторая часть товара должна быть продана лицам,

которые согласны заплатить меньше этой суммы, и более высокая цена, даваемая ими, должна понизить цену всего товара в рыночной цене падает больше или меньше сравнительно с уровнем естественной цены в зависимости от того, насколько избыток предложения товара обостряет конкуренцию между продавцами в зависимости от того, насколько им необходимо немедленно с рук этот товар. Избыточный ввоз скоропортящихся продуктов вызывает гораздо большую конкуренцию, чем такой же ввоз товаров непортящихся, — ввоз апельсинов, например, гораздо больше, чем ввоз железного лома.

Если товар доставлен на рынок в количестве, как раз достаточном для удовлетворения действительного спроса, то рыночная цена совершенно совпадает или почти совпадает с естественной ценой. Все количество товара, имеющееся налицо, может быть продано именно по этой цене, но не по более высокой цене. Конкуренция между различными торговцами вынуждает их принять эту цену, а не вынуждает соглашаться на меньшую.

Количество каждого товара, доставляемого на рынок, естественно согласуется с действительным спросом на него. Все лица, которые производительно употребляют свою землю, труд или капитал для доставления какого-нибудь товара на рынок, заинтересованы в том, чтобы количество его не превышало действительного спроса, а остальные заинтересованы в том, чтобы оно никогда не падало ниже этого спроса.

Если в какой-либо момент количество товара на рынке превышает действительный спрос, та или другая из составных частей его должна оказаться оплаченной ниже своей естественной нормы. Если это будет рента, то интерес землевладельцев немедленно побуждает их изъять из обработки часть их земли; а если это будет заработная плата или прибыль, то интерес рабочих в одном случае и интерес предпринимателей в другом побудит их изъять часть их труда или капитала из данного производства. И количество товара, доставляемого на рынок, скоро окажется как раз достаточным для удовлетворения действительного спроса. Все различные части его повысятся до размеров своей естественной нормы, а вся цена в целом — до естественной цены товара.

Если, напротив, в какой-либо момент количество товара, доставляемого на рынок, будет ниже действительного спроса, та или другая из составных частей его цены должна будет подняться выше своей естественной нормы. Если это будет рента, интерес всех остальных землевладельцев естественно побудит их использовать больше земли для производства этого товара; если это будет заработная плата или прибыль, то интерес всех остальных рабочих и капиталистов побудит их затратить больше труда и капитала для производства этого товара и доставки его на рынок. Количество товара, доставляемого на рынок, скоро окажется достаточным для удовлетворения действительного спроса. Все составные части цены товара скоро упадут до своей естественной нормы, а цена в целом — до естественной цены товара.

Таким образом, естественная цена как бы представляет собою центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда держать их на уровне выше или ниже естественной, но в конечном счете они стремятся к естественной цене. Если цены держатся на уровне выше естественной, то сравнение с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые мешают ценам от этого устойчивого центра, они постоянно тяготеют к нему.

То же количество труда, затрачиваемого ежегодно на доставление того-либо рода товаров на рынок, естественно сообразуется, таким образом, с действительным спросом, — оно естественно стремится доставить на рынок ровно такое количество товара, какое требуется для удовлетворения этого спроса.

В некоторых отраслях производства одно и то же количество труда производит в различные годы весьма различные количества товаров, тогда как в других отраслях количество это неизменно или почти неизменно из года в год. Одно и то же число рабочих в сельском хозяйстве производит в различные годы весьма различные количества зерна, вина, масла, хмеля и т. п., между тем как одно и то же количество прядильщиков и ткачей каждый год производит одинаковое или почти одинаковое количество полотна и сукна. Только средний размер производства какой-либо отрасли промышленности может во всех отношениях согласоваться с действительным спросом; а так как фактический размер ее производства часто значительно превышает средний размер производства и часто значительно отстает от него, то количество товаров, доставляемых на рынок, иногда намного превышает действительный спрос и иногда намного отстает от него. Поэтому даже при неизменности этого спроса рыночная цена этих товаров подвержена большим колебаниям, она иногда намного отстает от их естественной цены и иногда намного превышает ее. В других отраслях производства, где продукция равных количеств труда всегда неизменна или почти неизменна, она может более точно согласоваться с действительным спросом. И потому, пока этот спрос остается неизменным, рыночная цена товаров тоже не изменяется и совпадает или почти совпадает с естественной ценой. Собственный опыт каждого человека говорит ему, что цена полотна и сукна не подвержена столь частым и столь большим колебаниям, как цена хлеба. Цена одного рода товаров изменяется лишь в зависимости от изменений в спросе; цена другого рода товаров изменяется не только в зависимости от изменений в спросе, но и в зависимости от гораздо больших и гораздо более частых колебаний количества товара, доставляемого на рынок для удовлетворения этого спроса.

Случайные и временные колебания рыночной цены товара происходят главным образом на те части его цены, которые сводятся к заработной плате и прибыли, и меньше отражаются на той части, которая приходится на ренту. Рента, установленная в известной сумме денег, ни в малейшей степени не подвергается влиянию этих колебаний ни в своем размере, ни в своей стоимости. Рента, уста-

повлеченная в известной доле или в известном количестве продукта в натуре, подвергается, без сомнения, в своей годичной стоимости влиянию всех случайных и временных колебаний рыночной цены этого продукта в натуре, но при этом редко изменяется ее годичный размер. Устанавливая условия аренды, землевладелец и фермеры стараются по силе своего разумения сообразовать размер ренты с временной и случайной, а с средней и обычной ценой продукта.

Указанные колебания отражаются как на стоимости, так и на норме заработной платы и прибыли в зависимости от того, перенесен ли рынок или же он испытывает недостаток—в товарах в труде, в работе уже выполненной или подлежащей выполнению. Общественный траур повышает цену черной материи (в которой рынок в таких случаях почти всегда испытывает недостаток) и увеличивает прибыли купцов, обладающих сколько-нибудь значительным количеством ее. Он совсем не отражается на заработной плате ткачей. Рынок испытывает недостаток в товарах, но не в труде, недостаток в уже выполненной работе, но не в работе, подлежащей выполнению. Но этот же траур повышает заработную плату рабочих-портняжников. В этой области рынок испытывает недостаток в труде. Здесь наблюдается действительный спрос на большее количество труда или рабочей силы, подлежащей выполнению, чем сколько можно получить. Траур ведет к понижению цены цветных шелковых и шерстяных материй и таким образом сокращает прибыли купцов, имеющих на руках сколько-нибудь значительное количество их. Он понижает также заработную плату рабочих, занятых в изготовлении этих товаров, так как всякий спрос на эти товары приостанавливается на шесть месяцев, а может быть и на целый год. В данном случае рынок оказывается перенесенным как товарами, так и трудом.

Но хотя рыночная цена всякого отдельного товара, таким образом постоянно тяготеет, если можно так выразиться, к естественной цене, однако иногда случайные обстоятельства, иногда естественные причины и иногда особые распоряжения правительства могут продолжительное время держать рыночную цену многих товаров заметно выше их естественной цены.

Когда в результате увеличения действительного спроса рыночная цена какого-нибудь товара поднимется значительно выше его естественной цены, лица, затрачивающие свои капиталы для снабжения рынка этим товаром, обыкновенно стараются скрыть такое изменение. Если бы оно стало общеизвестным, их большая прибыль побудила бы столь многих новых конкурентов вложить в это дело свои капиталы, что действительный спрос оказался бы полностью удовлетворенным, и рыночная цена скоро понизилась бы до уровня естественной цены, а может быть на некоторое время и ниже ее. Если рынок находится на большом расстоянии от местожительства тех, кто снабжает его, они могут иногда сохранять секрет в течение ряда лет и все это время пользоваться своими чрезвычайными прибылями, не встречая новых конкурентов. Однако надо признать, что секреты подобного рода редко можно сохранять в течение продолжительного времени, а чрез-

вычайная прибыль может держаться лишь немного дольше, чем скрывается секрет.

Секреты в мануфактурном производстве можно сохранять дольше, в торговле. Красильщик, открывший способ окрашивать ткани какой-нибудь цвет при помощи материалов вдвое более дешевых, которые обыкновенно применяются для этой цели, может, правильно постановке дела, пользоваться выгодами своего изобретения всю свою жизнь и даже передать его в виде наследства своему потомству. Его чрезвычайный доход имеет своим источником высокую цену, уплачиваемую ему за его специальный труд. Он представляет собою высокую заработную плату за его труд. Но так как этот доход получается с каждой единицы его капитала и так как общая его сумма, в соответствии с этим, пропорциональна величине капитала, то обычно этот доход рассматривается как чрезвычайная прибыль с капитала.

Такие повышения рыночной цены являются, очевидно, следствием тех обстоятельств, действие которых, однако, может иногда длиться много лет подряд.

Некоторые естественные продукты требуют таких особых свойств и расположения ее, что вся земля какой-нибудь обширной области, годная для производства их, может оказаться недостаточной для удовлетворения действительного спроса. Поэтому все количество этого продукта, доставляемое на рынок, может быть продано тем покупателям, которые готовы дать за него больше, чем необходимо для оплаты ренты за землю, на которой произведен этот продукт, и для оплаты по их естественным нормам заработной платы и прибыли за затраченный капитал, затраченные при производстве и доставке этого продукта на рынок. Такие товары могут в течение целых столетий продаваться по такой высокой цене, и в этом случае именно та часть цены, которая сводится к земельной ренте, оплачивается обычно своей естественной нормой. Рента с земли, доставляющей такие дорогие и высоко ценимые продукты, подобно ренте с некоторых виноградников во Франции, находящихся на особенно благоприятной и удачно расположенной почве, не стоит в каком-нибудь определенном соотношении с рентой с одинаково плодородных и столь же плодотворных обрабатываемых земель в данной местности. Напротив, заработная плата и прибыль за труд и капитал, затрачиваемые для вывозки таких товаров на рынок, редко отклоняются от своего обычного соотношения к заработной плате и прибыли, которые существуют в этой местности в других отраслях производства.

Такие повышения рыночной цены представляют собою, очевидно, следствие естественных причин, которые препятствуют полному удовлетворению действительного спроса и поэтому могут действовать

в течение ряда лет и все это время монополия, предоставленная отдельному лицу или торговой фирме, оказывает то же действие, что и секрет в торговле или мануфактурном производстве. Монополисты, поддерживая постоянный недостаток продуктов на рынке и никогда не удовлетворяя пол-

ностью действительный спрос, продают свои товары намного дороже естественной цены и поднимают свои доходы, — состоят ли они в заработной плате или прибыли, — значительно выше их естественной нормы.

Монопольная цена во всех случаях является высшей ценой, которую только может быть получена. Естественная цена, или цена свободной конкуренции, напротив, представляет собою самую низкую цену, на которую можно согласиться, — конечно, поскольку речь идет не об отдельном случае, а о продолжительном времени. Первая во всех случаях является высшей ценой, какую только можно выжать у покупателей или какую, как предполагается, они согласны заплатить, вторая представляет собою низшую цену, которую продавцы соглашаются взять, не прекращая в то же время своего дела.

Такую же тенденцию, хотя и в меньшей степени, имеют искусственные привилегии корпораций, законы об ученичестве и другие законы, которые в отдельных отраслях производства сокращают число конкурентов по сравнению с тем, каким оно было бы в других условиях. Они являются своего рода расширенными монополиями и часто могут в течение целых столетий и в целом ряде отраслей производства держать рыночную цену отдельных товаров выше естественной цены и удерживать как заработную плату за труд, так и прибыль на капитал, применяемый в этих производствах, на уровне несколько превышающем их естественную норму.

Подобные повышения рыночной цены могут держаться до тех пор, пока сохраняют силу правительственные постановления, устанавливающие их.

Рыночная цена любого товара редко может продолжительное время держаться ниже естественной цены, хотя и может долгое время оставаться на более высоком уровне. Какая бы часть ее ни оказалась вала ниже своей естественной нормы, лица, интересы которых этим страдают, немедленно почувствуют ущерб и сейчас же извлекут столько земли, труда или капитала из производства этого товара, что количество последнего, доставляемое на рынок, окажется достаточным только для удовлетворения действительного спроса на него. Его рыночная цена поэтому скоро повысится до его естественной цены. Так будет, по крайней мере, в случае существования свободы.

Те же законы об ученичестве и другие законы о корпорациях, которые при процветании данной отрасли промышленности дают работнику возможность поднять свою заработную плату значительно выше ее естественной нормы, вынуждают его, когда она перестает застой, понизить ее значительно ниже этой нормы. Подобно тому, как в первом случае эти законы не дают другим лицам возможности конкурировать с данным работником в его производстве, во втором случае они не дают самому этому работнику возможности заняться иными промыслами. Однако влияние таких ограничительных постановлений в смысле понижения заработной платы работников ниже ее естественной нормы не бывает столь продолжительным,

как и в смысле повышения ее над этой нормой. Воздействие в последнем направлении может длиться в течение многих столетий, тогда как в первом направлении оно может проявляться лишь в тех пор, пока живы те рабочие, которые были обучены данному промыслу во время его процветания. Когда они умрут, число тех рабочих, которые в дальнейшем будут обучаться этой профессии, естественно будет сообразоваться с действительным спросом. Нужна была насильственная политика, как в Индии или в древнем Египте, чтобы каждый человек в силу религиозных правил обязан был наследовать профессию своего отца и где самым ужасным святотатством считалось менять ее на другую профессию), чтобы в течение нескольких поколений держать в каком-либо промысле заработную плату за труд или прибыль на капитал ниже их естественной нормы.

Вот все, что я полагаю необходимым заметить в настоящее время относительно временных и постоянных отклонений рыночной цены от ее естественной цены.

Такая естественная цена изменяется вместе с естественной нормой каждой из ее составных частей — заработной платы, прибыли и ренты; на каждом обществе эта норма изменяется в зависимости от его условий, в зависимости от его богатства или бедности, его прогресса, застоя или упадка. В последующих четырех главах я постараюсь выяснить с возможной для меня полнотой и отчетливостью причины этих разнообразных изменений.

Я постараюсь, во-первых, выяснить, какие условия естественно определяют норму заработной платы и как отражаются на этих условиях богатство или бедность общества, его прогресс, застой или упадок.

Я постараюсь, во-вторых, показать, какие условия естественно определяют норму прибыли и как, равным образом, на этих условиях отражаются указанные перемены в состоянии общества.

Хотя денежная заработная плата и прибыль весьма различны в различных сферах приложения труда и капитала, однако, повидимому, обычно существует известная пропорция как между денежной заработной платой во всех различных сферах приложения труда, так и между денежной прибылью во всех различных сферах приложения капитала. Эта пропорция, как выяснится в дальнейшем, зависит отчасти от природы различных промыслов и отчасти от различных законов и общей политики, существующих в данном обществе. Но эта пропорция, хотя она во многих отношениях зависит от законов и общей политики, зависит, повидимому, лишь в малой степени от богатства или бедности этого общества, его прогресса, застоя или упадка; она остается неизменной или почти неизменной при всех состояниях общества. Я постараюсь, в-третьих, выяснить все различные условия, определяющие эту пропорцию.

В-четвертых, наконец, я постараюсь показать, каковы условия, ограничивающие земельную ренту и повышающие или понижающие рыночную цену всех различных продуктов, производимых в ней.

Глава VIII

О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ

Продукт труда составляет естественное вознаграждение за или его заработную плату.

В том первобытном состоянии общества, которое предшествует присвоению земли в частную собственность и накоплению капитала, весь продукт труда принадлежит работнику. Ему не приходится делиться ни с землевладельцем, ни с хозяином.

Если бы такое состояние сохранилось, заработная плата возрастала бы вместе с увеличением производительной силы труда порождаемым разделением труда. Все предметы постепенно становились бы более дешевыми. На производство их требовалось бы меньшее количество труда; и так как товары, на производство которых затрачено одинаковое количество труда, при таком положении вещей естественно обменивались бы друг на друга, то их образом можно было бы покупать на продукт меньшего труда.

Но хотя все предметы в действительности стали бы дешевле, на первый взгляд могло бы показаться, что многие предметы дороже, чем прежде, так как они обмениваются на большее количество других продуктов. Предположим, например, что в большинстве отраслей производства производительная сила труда увеличилась в десять раз, или что в течение рабочего дня можно произвести десять раз больше, чем прежде, между тем как в данной отрасли производства производительная сила труда увеличилась всего только в два раза, или в течение рабочего дня теперь можно произвести только вдвое больше, чем прежде. При обмене продукта труда одного рабочего дня большинства отраслей производства на продукт труда одного рабочего дня данной отрасли, за десятикратное по сравнению с прежним количеством продуктов этих отраслей производства можно было бы приобрести лишь двойное количество продуктов труда данной отрасли. Поэтому определенное количество продукта данной отрасли, например один фунт, окажется, по видимости, в пять раз дороже прежнего, но в действительности станет дешевле. Хотя для приобретения его необходимо отдать в пять раз большее количество других продуктов, но для приобретения продукта производства его приходится теперь затратить вдвое меньше

труда, чем прежде. Следовательно, приобрести его будет теперь все легче.

Однако такое первобытное состояние общества, в котором рабочий получает полный продукт своего труда, не может сохраниться с момента присвоения земли в частную собственность и накопления капитала. Это положение вещей, следовательно, отошло в область прошлого задолго до того, как были достигнуты наиболее крупные успехи в увеличении производительной силы труда, и поэтому было бесполезно исследовать дальше, какое влияние это положение вещей могло бы оказать на вознаграждение или заработную плату труд.

Как только земля становится частной собственностью, землевладелец требует долю почти со всякого продукта, который работник может взрастить на этой земле или собрать с нее. Его рента составляет первый вычет из продукта труда, затраченного на обработку земли. Далее, только в редких случаях лицо, обрабатывающее землю, имеет средства для содержания себя до сбора жатвы. Эти средства существования обычно авансируются ему из капитала его хозяина, который нанимает его и который не имел бы никакого интереса нанимать его, если бы он не получал долю с продукта его труда, а если бы его капитал не возмещался ему с некоторой прибылью. Эта прибыль составляет второй вычет из продукта труда, затраченного на обработку земли.

Какой же вычет для оплаты прибыли делается из продукта почти любого другого труда. Во всех ремеслах и производствах большинства работников нуждается в хозяине, который авансировал бы им материалы для их работы, а также заработную плату и средства существования до времени ее окончания. Этот хозяин получает долю продукта их труда, или долю стоимости, которую труд прибавляет обрабатываемому им материалу; эта доля и составляет прибыль хозяина.

Правда, бывает иногда, что самостоятельный рабочий-одиночка владеет капиталом, достаточным для покупки материала для своей работы, и средствами существования до времени ее окончания. Он является одновременно хозяином и работником и получает полностью продукт своего труда, или всю ту стоимость, которую его труд прибавляет к обрабатываемому им материалу. Продукт в таком случае содержит два различных дохода, принадлежащих обычно двум различным лицам, а именно прибыль на капитал и заработную плату труд.

Подобные случаи, однако, не очень часты, и в Европе повсюду одного самостоятельного работника приходится двадцать рабочих, работающих на хозяина. И поэтому под заработной платой повсюду подразумевают то, чем она является обычно, когда рабочий и обладатель капитала, употребляющий его в дело, являются двумя различными лицами.

Размер обычной заработной платы зависит повсюду от договора между этими обеими сторонами, интересы которых отнюдь не тождественны.

дественны. Рабочие хотят получать возможно больше, а хозяева хотят давать возможно меньше. Первые стараются сговориться для того, чтобы поднять заработную плату, последние же — чтобы ее понизить.

Не трудно, однако, предвидеть, какая из этих двух сторон доминирует при обычных условиях иметь преимущество в этом споре и подчиниться своим условиям. Хозяева-предприниматели, будучи менее многочисленны, гораздо легче могут сговориться между собою, и притом закон разрешает или, по крайней мере, не запрещает им входить в соглашение, между тем как он запрещает это делать рабочим. В Англии нет ни одного парламентского акта, который направлен против соглашений о повышении заработной платы, которые направлены против соглашений о понижении ее. Во всех таких спорах и столкновениях хозяева могут держаться гораздо дольше. Землевладелец, фермер, владелец мануфактуры или купец, не нанимая ни одного рабочего, могут обыкновенно прожить год или два на капиталы, уже приобретенные ими. Многие рабочие не могут просуществовать и неделю, немногие могут просуществовать месяц, и вряд ли хотя один из них может прожить год, не имея работы. В конечном счете рабочий может оказаться столь же недолгим для своего хозяина, как и хозяин для рабочего, но в первом случае необходимость не проявляется так непосредственно.

Говорят, что нам редко приходится слышать о соглашениях между хозяевами, зато часто слышим о соглашениях рабочих. Но те, которые на этом основании воображают, что хозяева редко вступают в соглашения, совершенно не знают ни жизни, ни данного предмета. Хозяева всегда и повсеместно находятся в своего рода молчаливой, но постоянной и единообразной стачке с целью не повышать заработной платы рабочих выше ее существующего размера. Нарушение этого соглашения повсюду признается в высшей степени неблагоприятным делом, и виновный в нем предприниматель навлекает на себя упреки со стороны своих соседей и товарищей. Мы, правда, редко слышим о таких соглашениях, но только потому, что они представляют собой обычное и, можно сказать, естественное состояние вещей, о котором никогда не говорят. Иногда хозяева входят также в особые соглашения с целью понижения заработной платы даже ниже этого уровня. Такие соглашения проводятся всегда с соблюдением крайней осторожности и секрета до самого момента их осуществления, и если рабочие, как это иногда бывает, уступают без сопротивления, то посторонние лица никогда не узнают о состоявшемся соглашении, и оно очень чувствительно отражается на рабочих. Однако таким соглашениям часто противопоставляется оборонительное соглашение рабочих; иногда же сами рабочие, без всякого вызова со стороны хозяев, вступают по своей инициативе в соглашение о повышении цены своего труда. Обычно они ссылаются при этом то на доро-

жестных припасов, то на большую прибыль, получаемую хозяевами от их труда. Но отличаются ли соглашения рабочих наступательным или оборонительным характером, они всегда вызывают много разговоров. Стремясь привести дело к быстрому решению, рабочие всегда поднимают большой шум, а иногда прибегают даже к нелицеприличным буйствам и насилиям. Они находятся в отчаянном положении и действуют с безумием отчаявшихся людей, вынужденных или помирать с голоду или нагнать страх на своих хозяев, или заставить их немедленно удовлетворить их требования. С другой стороны, хозяева в таких случаях поднимают не меньше шума и требуют вмешательства гражданских властей, а также строгого приказания тех суровых законов, которые были изданы против соглашений слуг, рабочих и поденщиков. Ввиду этого рабочие очень редко что-либо выигрывают от бурного характера таких соглашений, которые отчасти благодаря вмешательству гражданских властей, отчасти в силу большего упорства хозяев и отчасти вследствие необходимости для большинства рабочих сдаться, чтобы получить кусок хлеба, обычно кончаются лишь наказанием или разорением зачинщиков.

Хотя в своих столкновениях с рабочими хозяева обыкновенно имеют преимущество, однако существует известная граница, ниже которой невозможно, по видимому, сократить на сколько-нибудь продолжительное время обычную заработную плату даже низших классов труда.

Человек всегда должен иметь возможность существовать своим трудом, и его заработная плата должна по меньшей мере быть достаточной для его существования. Она даже в большинстве случаев должна несколько превышать этот уровень; в противном случае ему было бы невозможно содержать семью, и раса этих рабочих вымерла бы после первого поколения. Кантильон, по видимому, полагает¹, что рабочий самого низшего разряда должен зарабатывать по меньшей мере вдвое больше того, что необходимо для его личного содержания, дабы он мог вырастить двух детей; ввиду необходимости ухода за детьми, труд ее предполагается достаточным лишь для пропитания ее самой. Но половина детей, как установлено, умирает до достижения совершеннолетия. Следовательно, согласно такому расчету, чета беднейших рабочих должна пытаться вырастить по меньшей мере четырех детей, чтобы двое из них достигли совершеннолетия. Но расход на содержание четырех детей, как полагают, приблизительно равен стоимости содержания взрослого рабочего. Труд сильного раба, добавляет указанный автор, признается имеющим большую стоимость, чем расход на его содержание, а труд слабого простого рабочего, как он полагает, не может стоить меньше расхода сильного раба. Ввиду этого представляется несомненным, что содержание семьи труд мужа и жены, даже для низших разрядов простейшего труда, должен приносить несколько больше того,

¹ [Смит имеет в виду законы против стачек и коалиций рабочих, отмененные впоследствии, в 1824 году.]

[См. *Cantillon, Essai sur la nature du commerce en général*, глава XI, 1756.]

что абсолютно необходимо для их собственного содержания; берусь, впрочем, определить, насколько именно больше в упомятой ли пропорции или в иной.

Однако бывают определенные условия, которые иногда ставят рабочих в благоприятное положение и позволяют им увеличить заработную плату значительно выше этой нормы, очевидно, самой той, которая только совместима с простой человечностью.

Когда в данной стране постоянно возрастает спрос на тех, кто живет заработной платой, а именно на рабочих, поденщиков, слугу всякого рода, когда каждый год дает занятие большему числу лиц, чем было занято в предыдущем году, то рабочим не приходится вступать в соглашения для повышения их заработной платы. Недостаток рабочих рук вызывает конкуренцию между хозяевами, которые для того, чтобы заполучить рабочих, предлагают один другому и таким образом сами нарушают естественное соглашение хозяев не увеличивать заработную плату.

Очевидно, что спрос на лиц, живущих заработной платой, не возрастает лишь пропорционально увеличению фондов, предназначенных для выплаты заработной платы. Фонды эти бывают двух родов: во-первых, избыток дохода сверх размера, необходимого для содержания хозяев; во-вторых, избыток капитала сверх размера, необходимого для предоставления занятий самим хозяевам.

Когда землевладелец, или получатель ежегодной ренты, или капиталист имеет больший доход, чем сколько нужно, по его мнению, для содержания его семьи, он затрачивает весь этот излишек на содержание одного или нескольких слуг. И когда этот излишек возрастает, он, естественно, увеличивает число этих слуг.

Когда самостоятельный ремесленник, например ткач или сапожник, накопил капитал больший, чем нужно ему для приобретения материалов для его собственной работы и для содержания себя до производства продукта, он, естественно, употребляет остающуюся сумму на содержание одного или нескольких поденщиков, чтобы извлекать прибавочный продукт их труда. При возрастании этой свободной суммы он, естественно, будет увеличивать число своих рабочих.

Таким образом, спрос на лиц, живущих заработной платой, естественно увеличивается по мере возрастания дохода и капитала в той стране и никоим образом не может увеличиваться при отсутствии такого возрастания. Возрастание же дохода и капитала означает возрастание национального богатства. Следовательно, спрос на лиц, живущих заработной платой естественно возрастает по мере возрастания национального богатства и не может возрастать в отсутствие последнего.

Не размеры национального богатства, а его постоянное возрастание вызывает увеличение заработной платы за труд. В соответствии с этим заработная плата выше всего не в наиболее богатых странах, а в странах, больше всего накапливающих или быстрее богатящихся. Англия в настоящее время является, без сомнения, гораздо более богатой страной, чем любая часть Северной Америки. Однако

заработная плата рабочих гораздо выше в Северной Америке, чем в любой части Англии. В провинции Нью-Йорк чернорабочие зарабатывают¹ 3 шилл. 6 пенсов, т. е. 2 шилл. на английские деньги в день; опытные плотники получают 10 шилл. 6 пенсов и пинту рома стоимостью в 6 пенсов на английские деньги, — всего 6 шилл. 6 пенсов на английские деньги; строительные плотники и каменщики получают 8 шилл. или 4 шилл. 6 пенсов на английские деньги; портные — 4 шилл., т. е. около 2 шилл. 10 пенсов на английские деньги. Все эти цифры выше лондонских, и, как утверждают, в других колониях заработная плата столь же высока, как и в Нью-Йорке. Цена на продукты продовольствия при этом повсюду в Северной Америке ниже, чем в Англии. Недостаток продовольствия там неизвестен. Самые худшие времена года там всегда имеется достаточно продовольствия для собственного потребления, хотя и меньше остается для вывоза. Если поэтому денежная цена труда выше, чем где бы ни было в метрополии, то его действительная цена, т. е. количество предметов необходимости и удобств, которое рабочий действительно получает в свое распоряжение, должна быть выше еще в большей пропорции.

Хотя Северная Америка еще не так богата, как Англия, она быстрее прогрессирует и гораздо быстрее подвигается по пути к дальнейшему приобретению богатств. Самым бесспорным свидетельством процветания всякой страны служит возрастание численности ее населения. В Великобритании и в большинстве других европейских стран население, как полагают, удваивается приблизительно в пятьсот лет. В британских колониях Северной Америки, как установлено, население удваивается в 20 или 25 лет. И в настоящее время этот рост населения обуславливается главным образом не постоянной иммиграцией новых жителей, а быстрым размножением населения. Как утверждают, лица, доживающие до старости, часто насчитывают от 10 до 100, а нередко и больше собственных потомков. Труд там вознаграждается так хорошо, что большое количество детей не только не живет обузой, но является источником богатства и благополучия своих родителей. Труд каждого ребенка до той поры, когда он в состоянии покинуть родительский дом, приносит родителям, как выкупают, сто фунтов стерлингов чистого барыша. За молодой вдовой с четырьмя или пятью малыми детьми на руках, которая среди бедных или низших слоев населения в Европе имела бы мало шансов выйти вторично в брак, здесь часто ухаживают, как за какой-то вдовой первой руки. Тот факт, что дети представляют такую большую стоимость, является величайшим из всех поощрений к браку. Нам не приходится поэтому удивляться, что жители Северной Америки обыкновенно вступают в брак очень молодыми. И несмотря на боль-

¹ Это было написано в 1773 г., до возникновения последних волнений. [В этом месте Смит имеет в виду происходившие в 1775—1776 гг. революционные волнения в североамериканских колониях, которые имели своим результатом отложение этих колоний от Англии и образование Североамериканских независимых штатов].

шой прирост населения, вызываемый столь ранними браками, в верной Америке не прекращаются жалобы на недостаток рабочих рук. Спрос на рабочих и фонды, предназначенные на оплату, возрастают, повидимому, еще быстрее, чем число рабочих, предлагающих свой труд.

В стране, обладающей значительным богатством, которое, однако, в течение продолжительного времени не возрастает, мы не должны ожидать встретить очень высокую заработную плату. Фонд, предназначенный на заработную плату, доход и капитал ее жителей могут быть очень велики, но если они в течение нескольких столетий оставались неизменными или почти неизменными, то количество рабочих, занятых в течение данного года, легко может покрыть, и даже больше чем покрыть, потребность в них в последующем году. В какой стране редко может чувствоваться недостаток рабочих и хозяева не вынуждены перебивать их друг у друга. Количество рабочих рук, напротив, в таком случае окажется превышающим спрос на них. Постоянно будет ощущаться недостаток работы, и рабочим придется перебивать ее друг у друга. Если бы в такой стране заработная плата превысила размер, достаточный для существования рабочего и содержания его семьи, конкуренция между рабочими и интересы хозяев скоро понизили бы ее до наименьшего предела, который только совместим с простым человеколюбием. Китай долгое время был одной из самых богатых, т. е. наиболее процветающих, лучше всего обрабатываемых, наиболее трудолюбивых и богатых населенных стран мира. Однако он оставался, повидимому, долгое время в состоянии застоя. Марко Поло, который посетил Китай пятьсот лет тому назад, описывает его сельское хозяйство, промышленность и населенность почти в таких же выражениях, в каких они описываются путешественниками нашего времени. Можно, что задолго до Марко Поло Китай приобрел все те богатства, которые можно было приобрести при его законах и учреждениях. Сообщения всех путешественников, которые расходятся во многих других отношениях, согласно говорят о низкой заработной плате за труд и о трудности для рабочего в Китае содержать семью. Рабочий доволен, если за тяжелую земляную работу в течение целого дня получит столько, что сможет купить вечером маленькую порцию риса. Условия существования ремесленников, если это возможно, еще хуже. Вместо того, чтобы спокойно ожидать в своих мастерских заказов от своих потребителей, как это принято в Европе, они постоянно рыщут по улицам, имея при себе орудия своего ремесла, предлагая свои услуги и как бы вымаливая работу. Бедность низших слоев народа в Китае далеко превосходит бедность беднейших наций Европы. В окрестностях Кантона многие семьи, как обычно утверждают, даже тысячи семейств не имеют совсем никакого жилища на суше и живут постоянно в маленьких рыбацких лодках по рекам и каналам. Пропитание, которое они добывают здесь, настолько скудно, что они жадно выуживают самые негодные отбросы, выкидываемые за борт европейских судов. Лишь

например дохлая собака или кошка, хотя бы совсем разложившаяся и испускающая зловоние, столь же лакомая пища для них, как самая здоровая пища для народа других стран. Браки поощряются в Китае не выгодой, получаемой от детей, а дозволением умерщвления их. Во всех больших городах каждую ночь много детей оставлено на улице или топят, как щенят, в реке. Утверждают даже, что исполнение этого ужасного дела является признанной профессией, которая дает пропитание многим людям.

В Китае, может быть, и находится в состоянии застоя, но, по крайней мере, он не идет назад. Его города нигде не покидаются жителями. Земли, когда-либо пущенные в обработку, нигде не забрасываются. Поэтому ежегодно должно выполняться одно и то же или почти одно и то же количество труда, и, следовательно, фонд, предназначенный на оплату его, не должен заметно уменьшаться. Следовательно, рабочие низшего разряда, несмотря на свое скудное существование, так или иначе умудряются продолжать свой род на родине, чтобы обычное их число не уменьшалось.

В Китае не будет в стране, где фонд, предназначенный на содержание рабочих, заметно сокращается. С каждым годом спрос на прислугу рабочих во всех отраслях труда будет уменьшаться в сравнении с предыдущим годом. Многие рабочие, принадлежащие к высшим слоям труда, не имея возможности найти занятия по своей специальности, будут рады найти его в низшем разряде. В низших слоях труда, переполненных не только своими собственными рабочими, но и пришельцами из всех других групп, конкуренция в погоне за работой будет столь велика, что сократит заработную плату до предела, при котором рабочий будет владеть самым жалким и скудным существованием. Многие не смогут найти занятия даже на таких тяжелых условиях, — они или погибнут с голоду, или вынуждены будут искать пропитания посредством нищенства или же тягчайших преступлений.

Нужда, голод и усиленная смертность станут немедленно распространяться на этот разряд рабочих и отсюда будут распространяться на все высшие разряды, пока население страны не уменьшится до того предела, при котором существование жителей, которое легко может просуществовать на достаточном капитале, оставшиеся в стране и пощаженные всеобщим бедствием. Приблизительно таково, пожалуй, состояние Бенгалии и некоторых других английских поселений Ост-Индии. Если в плодородной стране, население которой раньше значительно уменьшилось, поэтому не очень трудно найти себе средства к существованию, тем не менее ежегодно умирают от голода триста или четыреста тысяч человек, то нет сомнения, что в такой стране фонд, предназначенный на содержание труда бедных классов, быстро сокращается. Различие между духом британской конституции, под влиянием которой и управлением которой находится Северная Америка, и меркантильным духом торговой компании, которая господствует в Ост-Индии и угнетает ее, не может быть, пожалуй, иллюстрировано лучше, чем различием положения этих стран.

Низкая оплата труда является поэтому как неизбежным след-

ствием, так и естественным симптомом роста национального богатства. Скудное существование трудящихся бедняков, с другой стороны, служит естественным симптомом того, что странаживает застой, а их голодание—что она быстро идет к упадку.

В Великобритании заработная плата за труд в настоящее время, по видимому, стоит выше того уровня, который необходим для поддержания рабочего возможности прокормить семью. Для того чтобы удостовериться в этом, нет необходимости входить в утомительные и сомнительные вычисления минимальной суммы, обеспечивающей такую возможность. Имеется много очевидных симптомов того, что заработная плата нигде в нашей стране не определяется этой нормой, совместимой с простой человечностью.

Во-первых, почти повсеместно в Великобритании, даже для низших видов труда, существует разница между летней и зимней заработной платой. Летняя заработная плата всегда выше, несмотря на чрезвычайного расхода на топливо содержание семьи обходится дороже всего зимою. Поэтому, поскольку заработная плата в настоящее время в ту пору, когда расходы на содержание семьи ниже, представляется очевидным, что она определяется не этими необходимыми расходами, а количеством и предполагаемой стоимостью труда. Правда, могут сказать, что рабочий сберегает часть летней заработной платы для того, чтобы покрывать свои зимние расходы, и что заработная плата за весь год не превышает необходимой на содержание его семьи в течение всего года. Но мы не стали бы содержать таким образом раба или человека, если бы в средствах своего существования находился бы в безусловной зависимости от нас. Его дневная получка точно соответствует его дневным потребностям.

Во-вторых, заработная плата в Великобритании не испытывает колебаний в зависимости от колебания цены съестных продуктов. Эта последняя изменяется повсеместно из года в год, а заработная плата остается неизменной в течение целого полувека. В некоторых местностях неизменной в течение целого полувека, таким образом, рабочие имеют возможность содержать свои семьи в годы дороговизны, то в годы умеренных цен они должны довольствоваться достатком, а в годы особенной дешевизны должны довольствоваться изобилием. Высокие цены на предметы продовольствия в последние десятилетия не сопровождались во многих частях королевства повышением денежной цены труда. В некоторых местностях последнее, правда, имело место, но, вероятно, было вызвано увеличением спроса на труд, чем ростом цен на предметы продовольствия.

В-третьих, в то время как цены на предметы продовольствия колеблются из года в год больше, чем заработная плата, — заработная плата, с своей стороны, колеблется от одной местности к другой меньше, чем цены на предметы продовольствия. Цены на хлеб и мясо в большей части Соединенного королевства обыкновенно одинаковы или почти одинаковы. Эти и большинство

тов, продающихся в розницу,—а именно в розницу рабочие получают все нужные им продукты,—обычно столь же дешевы или еще дешевле в больших городах, чем в отдаленных частях страны, по причинам, которые я еще буду иметь случай выяснить. Заработная плата в большом городе и его окрестностях часто на 20 или 25 процентов, выше, чем на расстоянии нескольких миль от него. 18 пенсов в день можно считать обычной платой за труд в Лондоне и его окрестностях. На расстоянии нескольких миль от него она падает до 14 и 15 пенсов. В 10 милях от него можно принять заработную плату в Эдинбурге и его окрестностях. В нескольких милях от него она падает до 8 пенсов, обычной платой за труд в большей части Нижней Шотландии, где она колеблется гораздо меньше, чем в Англии. Такая разность в цене, которая, как кажется, не всегда достаточна для того, чтобы заставить человека переселиться из одного прихода в другой, можно повела бы к такому значительному передвижению самых дешевых товаров не только из одного прихода в другой, но и из одного конца королевства, пожалуй даже с одного конца света, в другой, которое скоро привело бы цены к почти одинаковому уровню. Несмотря на все то, что говорят о легкомыслии и непостоянстве человеческого характера, опыт очевидно доказывает, что перемещение человека связано с большими трудностями, чем перемещение какого бы то ни было другого груза. И потому, если рабочий-бедняк может содержать свою семью в тех местностях королевства, где заработная плата ниже всего, то там, где она стоит на высшем уровне, она, конечно, достаточна для этой цели.

Во-вторых, колебания цен на труд не только не совпадают с колебаниями цен на предметы продовольствия, но часто прямо противоположны им.

В-третьих, ржаной хлеб, главная пища простого народа, дороже в Шотландии, чем в Англии, откуда первая почти ежегодно получает весьма значительные количества его. Но английское зерно должно продаваться по более дорогой цене в Шотландии, в стране, в которую оно поступает, чем в Англии, стране, откуда оно получается; и при одинаковом качестве оно не может продаваться в Шотландии по более дорогой цене, чем шотландское зерно, которое поступает на тот же рынок и конкурирует с ним. Качество зерна определяется главным образом количеством муки, которое оно дает при размоле, и в этом отношении английское зерно настолько превосходит шотландское, будучи часто по видимости или по объему более дорогим, оно оказывается обычно более дешевым в действительности или ввиду того лучшего качества, или даже по весу. Цена труда, напротив, в Англии дороже, чем в Шотландии. Если поэтому рабочие в состоянии содержать свои семьи в одной части Соединенного королевства, то они могут жить в довольстве в другой части королевства, а именно в Англии. Правда, овсяная мука составляет в Шотландии главную и лучшую пищу простонародья, которая по общему мнению гораздо хуже питания того же класса людей в Англии. Однако

эта разница в условиях питания рабочих является не при- а следствием разницы в их заработной плате, хотя, по стран- доразумению, в ней нередко видят причину. Не потому, что человек держит карету, а его сосед ходит пешком, первый является богатым, а второй бедным, но, наоборот, потому что богат, он держит карету, и потому что второй беден, он пешком.

В течение прошлого столетия зерновой хлеб, в среднем, в частях Соединенного королевства был дороже, чем в текущем тип¹. Этот факт, который не допускает ныне никаких сколько- обоснованных сомнений и который доказан еще более неопровер- если это возможно, для Шотландии, чем для Англии. Для Шт он подтверждается свидетельством официальных записей еже- рыночной цены овса и всех видов зернового хлеба во всех п- вах Шотландии². Если же такое прямое доказательство требуе- косвенного подтверждения, то я укажу, что тот же факт имел- также во Франции, и, вероятно, в большей части остальной Ев- Что касается Франции, то имеются несомненные доказательства. Но если бесспорно, что в обеих частях Соединенного короле- хлеб в прошлом столетии был несколько дороже, чем в настоя- столь же несомненно, что труд был значительно дешевле. И ес- бочие могли содержать свои семьи в ту пору, то теперь их поло- должно быть более благоприятным. В минувшем столетии на- распространенной поденной заработной платой чернорабочего в- шей части Шотландии было 6 пенсов летом и 5 пенсов зимой. И- такая же заработная плата, а именно 3 шиллинга в неделю, и п- существует в некоторых частях горной Шотландии и на Запа- островах. В большей части Нижней Шотландии обычная зараб- плата чернорабочего доходит ныне до 8 пенсов в день и до 10 п- а иногда и до шиллинга в окрестностях Эдинбурга, в графствах- ничащих с Англией, — вероятно по причине этого близкого с- ства, — и в немногих других местах, где в последнее время наблю- значительное увеличение спроса на труд, — в Глазго, Карроне, шире и др. В Англии развитие сельского хозяйства, промышлен- и торговли началось значительно раньше, чем в Шотландии. Сп- труд и, следовательно, его цена должны были неизбежно возр- по мере этого развития. Ввиду этого как в минувшем столетии, в настоящем заработная плата была в Англии выше, чем в Шотла- Она, правда, значительно возросла с того времени, но бла- большому разнообразию заработной платы в разных местах т- установить, насколько именно. В 1614 году жалование пехо- солдату было такое же, как и в настоящее время, а именно 8 п- в день. Когда оно было впервые установлено, оно, естеств-

¹ [Это верно для XVIII столетия только до 1765 г. С 1765 г. по 1820 г. всякого рода хлеба в Англии значительно превышала среднюю цену пре- вавших периодов. С 1820 г. она упала снова до прежнего уровня.]

² [Записи эти, называвшиеся в Шотландии *фиараму*, представляли рыночные книги для записывания цен различных товаров и хлеба.]

согласовано с обычной заработной платой чернорабочих, из- ов которых обыкновенно рекрутировались пехотинцы. Лорд- ный судья Гэлс, писавший в эпоху Карла II, исчисляет необ- емые расходы семьи рабочего, состоящей из шести лиц, — отца, ери, двух детей, способных к какому-нибудь труду, и двух не- доспособных, — в 10 шиллингов в неделю, или в 26 фунтов в год. и семья не может заработать эту сумму своим трудом, она должна- ыть ее, как он полагает, нищенством или воровством. Он пови- ому, весьма тщательно исследовал данный предмет¹. В 1688 г. стори Кинг, искусство которого в политической арифметике так- хваляется доктором Дэвенантом, определил обычный доход рабо- и батраков в 15 фунтов в год на семью, состоящую, по его- поположению, в среднем из 3½ лиц². Таким образом, его исчис- не почти совпадает с цифрой судьи Гэлса, хотя на первый взгляд- будто и расходится с нею. Оба принимают недельный расход- их рабочих семейств приблизительно в 20 пенсов на душу. ежный доход и расход рабочих семей с того времени значительно- росли в большей части королевства, в некоторых местах больше, ругих меньше, однако вряд ли где бы то ни было в таких размерах, орые указывались в недавно опубликованных преувеличенных- бщениях о заработной плате в настоящее время. Следует, впрочем, етнить, что вполне точно нельзя установить для данного пункта- ду за труд, ибо в одном и том же месте и за ту же самую работу- то платят неодинаковую плату в зависимости не только от неоди- овых способностей рабочих, но и от сговорчивости или упорства- яев. В тех случаях, когда заработная плата не устанавливается- оном, мы можем, в лучшем случае, определить обычный ее раз- о, а опыт как будто свидетельствует, что закон ни в коем случае- может надлежащим образом регулировать заработную плату, хотя- сто пытался это делать.

Реальное вознаграждение труда, т. е. действительное количество- предметов необходимости и жизненных удобств, которое оно может- поставить рабочему, возросло на протяжении текущего столетия,- скалуй, еще значительно, чем денежная цена труда. Не только не- только подешевел хлеб, но значительно понизились в цене также- многие другие предметы, которые вносят приятное и здоровое раз- образие в пищу трудолюбивого бедняка. Так, например, карто- нь в настоящее время стоит в большей части королевства не более- половины того, что он стоил обыкновенно тридцать или сорок лет- му назад. То же самое можно сказать о репе, моркови, капусте, —- овощах, которые прежде возделывались только с помощью лопаты, а- теперь обыкновенно возделываются с помощью плуга. Всякого рода- продукты и овощи стали дешевле. Большая часть яблок и даже лука,

¹ См. его проект о содержании бедных в книге *Burn, History of the Poorlaws*

² [Это вычисление можно найти у Дэвенанта в его «*Essay upon the Probable Methods of Making a People Gainers in the Balance of Trades. Davenant's Works, edit. 1771, vol. II, p. 184.*]

потреблявшихся в Великобритании, привозились в прошлом столетии из Фландрии. Крупные улучшения в производстве дешевых тканей, льняных и шерстяных, дают рабочим более дешевую и лучшую одежду, а прогресс в производстве грубых металлов дает им более дешевые и лучшие инструменты, а также много приятных и удобных предметов домашнего обихода. Мыло, соль, свечи, кожа и спиртные напитки, правда, значительно вздорожали, главным образом благодаря обложению налогами. Но рабочие потребляют столь незначительное количество этих предметов, что вздорожание их не уравновешивает понижения цен столь многих других продуктов. Обычные жалобы на то, что роскошь распространяется даже среди низших слоев народа и что рабочие не довольствуются теперь той пищей, одеждой и жилищем, какими довольствовались в прежние времена, могут убедить нас, что возросла не только денежная цена труда, а и его реальное вознаграждение.

Следует ли считать такое улучшение положения низших слоев народа выгодным или невыгодным для общества? Ответ на первый взгляд представляется совершенно ясным. Прислуга, рабочие и поденщики всякого рода составляют преобладающую часть всякого крупного государства. А то что ведет к улучшению условий существования большинства, никоим образом не может быть признано вредным для целого. Ни одно общество, без сомнения, не может процветать и быть счастливым, если значительнейшая часть его членов бедна и несчастна. Да кроме того, простая справедливость требует, чтобы люди, которые кормят, одевают и строят жилища для всего народа, получали такую долю продуктов своего собственного труда, чтобы сами могли иметь сносную пищу, одежду и жилище.

Бедность не всегда предупреждает браки, хотя, несомненно, затрудняет их. Она, как кажется, даже благоприятствует размножению. Истощенная голодом женщина в горной Шотландии часто имеет более двадцати детей, тогда как изнеженная пресыщенная дама часто неспособна произвести на свет и одного ребенка и обыкновенно оказывается совершенно истощенной после рождения двух или трех детей. Бесплодие, столь частое среди светских женщин, весьма редко встречается у женщин из низших слоев народа. Роскошь, может быть, порождает в прекрасном поле страсть к наслаждениям, но, по видимому, всегда ослабляет и часто совершенно уничтожает способность к деторождению.

Но бедность, хотя она и не предупреждает деторождение, чрезвычайно неблагоприятна для воспитания детей. Нежное растение, рожденное на свет, но в столь холодной почве и суровом климате оно скоро чахнет и погибает. Как мне часто приходилось слышать, в горной Шотландии нередко встречаются матери, родившие двадцать детей и сохранившие в живых только двух. Некоторые обладающие большим опытом офицеры уверяли меня, что число детей, родившихся у их солдат, не было бы достаточным не только для укомплектования их полков, но даже для замещения должностей одних только бар-

шников и флейтчиков. А между тем редко где можно встретить такое большое число маленьких детей, как около солдатских казарм. Очень немногие из них, по видимому, достигают тринадцатилетнего возраста. В некоторых местах половина рождающихся детей умирает, не достигнув четырехлетнего возраста, во многих местах семилетнего и почти повсюду, не дожив до девяти или десяти лет. Однако такая смертность повсеместно встречается, главным образом, среди детей простонародья, которое не может окружить их таким уходом, каким пользуются дети более обеспеченных родителей. Хотя браки у простонародья обычно более плодовиты, чем в высших кругах общества, однако до совершеннолетия доживает меньшая часть их детей. В воспитательных же домах и среди детей, воспитываемых на счет приходской благотворительности, смертность еще больше, чем среди детей простонародья.

Все виды животных естественно размножаются в соответствии с различными средствами их существования, и ни один вид не может размножиться за пределы последних. Но в цивилизованном обществе только у низших слоев народа недостаток средств существования может ставить предел дальнейшему размножению рода человеческого, что может происходить только одним путем — уничтожением большей части детей, рождающихся от плодовитых браков этих низших классов народа.

Щедрая оплата труда, позволяющая рабочим лучше содержать своих детей и, следовательно, взрастить большее число их, естественно, имеет тенденцию расширить эти пределы размножения. Следует заметить при этом, что это расширение происходит в соответствии с размерами спроса на труд. Если этот спрос непрерывно возрастает, оплата труда необходимо должна в такой степени поощрять браки и размножение среди рабочих, чтобы этот непрерывно растающий спрос мог быть удовлетворен столь же непрерывно растающим населением. Если заработная плата в какой-либо момент опустится ниже того уровня, который требуется для этого, недостаток рабочих рук скоро повысит ее, а если она поднимется выше этого уровня, чрезмерное размножение скоро понизит ее до ее нормальной нормы. Рынок в одном случае будет настолько недостаточно снабжен рабочей силой, а в другом случае снабжен ею в таком объеме, что это скоро приведет ее цену к надлежащей норме, требуемой различными условиями общества. Таким образом, спрос на людей, и спрос на всякий иной товар, необходимо регулирует производство людей, — ускоряет его, когда оно идет слишком медленно, и сдерживает, когда оно происходит слишком быстро. Этот именно спрос регулирует и определяет размножение рода человеческого во всех решительно странах мира, в Северной Америке, в Европе и Китае. Во второй и держит население на стационарном уровне.

Обычно говорят, что утрата трудоспособности раба происходит за счет его хозяина, а утрата трудоспособности свободного работ-

ника—за его собственный счет. Между тем утрата трудоспособности последнего в действительности ложится на хозяина в такой же мере, как и утрата трудоспособности первого. Заработная плата, выплачиваемая поденщикам и рабочим всякого рода, должна достигать в среднем таких размеров, чтобы давать им возможность поддерживать общее число поденщиков и рабочих на том уровне, какой требуется возрастающим, уменьшающимся или стационарным состоянием спроса общества на них. Однако, хотя утрата трудоспособности свободного работника тоже производится за счет хозяина, она обходится ему меньше, чем утрата трудоспособности раба. Физическое восстановление или, если можно так выразиться, на ремонт раба, обыкновенно находится в распоряжении небрежного хозяина или невнимательного управляющего. Физическое восстановление предназначенный для той же цели по отношению к свободному работнику, находится в распоряжении его самого. Беспорядочность, обильность и преобладающая в хозяйстве богатого человека, естественно усиливается и в заведывании тем фондом, на который содержится рабская семья; напротив, строгая умеренность и бережливость бедняка естественно проявляются в расходовании его средств существования. При столь различном ведении хозяйства одна и та же цель требует для своего выполнения совершенно различных издержек. В соответствии с этим, как мне кажется, опыт всех веков и народов говорит за то, что труд свободных людей обходится в конечном счете дешевле труда рабов. Это установлено даже в Бостоне, Нью-Йорке и Филадельфии, где заработная плата за простой труд весьма высока.

Итак, высокая оплата труда, будучи последствием возрастания богатства, вместе с тем является причиной возрастания населения. Жаловаться по поводу нее значит оплакивать необходимые средства и причины величайшего общественного благосостояния.

Следует, пожалуй, отметить, что положение рабочих, этой главной массы народа, становится, повидимому, наиболее счастливым и благоприятным скорее при прогрессирующем состоянии общества, когда оно идет вперед в направлении дальнейшего обогащения, чем когда оно приобрело уже всевозможные богатства. Положение рабочих тяжело при стационарном состоянии общества и падает при упадке его. Прогрессирующее состояние общества ознаменовано в действительности радостью и изобилием для всех его классов, а регрессирующее состояние общества лишено радости, а регрессирующее состояние полно печали.

Щедрое вознаграждение за труд, поощряя размножение свободного народа, вместе с тем увеличивает его трудолюбие. Заработная плата за труд поощряет трудолюбие, которое, как и всякое иное человеческое свойство, развивается в соответствии с получаемым им питанием. Обильная пища увеличивает физические силы работника, а приятная надежда улучшить свое положение и кончить свои дни в довольстве и изобилии побуждает его к максимальному напряжению своих сил. Поэтому при наличии высокой заработной платы всегда найдем рабочих более деятельными, прилежными и смелыми,

чем при низкой заработной плате; в Англии, например, мы найдем таких рабочих, чем в Шотландии; вблизи крупных городов скорее, чем в отдаленных сельских местностях. Конечно, встречаются такие рабочие, которые, если они могут заработать в течение дня пропитание на всю неделю, остальные три дня проводят сложа руки, однако они отнюдь не составляют большинства. Напротив, когда рабочие получают высокую почасную плату, они склонны рываться над работой и таким образом разрушают в несколько раз свое здоровье и силы. Плотник в Лондоне и в некоторых других местах, как полагают, не может свыше восьми лет сохранить свою физическую силу. Нечто подобное имеет место во многих других промыслах, где рабочие оплачиваются почасно; таков обыкновенно порядок в мануфактурах и даже в сельском хозяйстве,—езде, где заработная плата выше обычного уровня. Почти все категории ремесленников подвержены каким-либо специальным болезням, порождаясь их постоянным занятием одним и тем же видом труда. Выдающийся итальянский врач Рамадзини написал особую книгу¹ относительно таких болезней. Мы не считаем наших солдат самой трудолюбивой частью нашего народа. Тем не менее, когда случалось брать их для какой-нибудь особой работы, за которую им давали хорошую почасную плату, их офицерам часто приходилось договариваться с предпринимателями, чтобы им не давали зарабатывать свыше определенной суммы в день, в соответствии с установленными нормами почасной оплаты. До заключения этого соглашения взаимное соревнование и стремление к большему заработку побуждали их чрезмерно напрягать свои силы и надирать здоровье усиленным трудом. Чрезмерное напряжение в течение трех дней в неделю часто бывает действительной причиной безделья в остальные три дня, по поводу которого так много и громко спорят. За напряженным трудом, умственным или физическим, следующимся должным образом отдыхом, у большинства людей возникает естественная потребность, которая требует удовлетворения иной, чем в виде простого отдыха, а иногда и в виде развлечений. Последствия неудовлетворения этой потребности часто опасны и иногда губительны и они почти всегда, раньше или позже, вызывают специальную профессиональную болезнь. Если бы хозяева прислушивались к велениям разума и человечности, они часто имели бы основания скорее умерять, чем возбуждать усердие многих из своих рабочих. Как я уверен, в любой профессии можно установить, что человек, который работает неспеша и потому способен работать постоянно, не только дольше сохранит свое здоровье, но в течение жизни выполнит большее количество работы.

Скорее говорят, что в годы, когда продукты дешевы, рабочие в среднем более ленивы, а в годы дороговизны более усердны, чем обыкновенно.

[Ramazzini, A Treatise on the Diseases of Tradesmen etc. Перевод с латинского на английский был издан в 1705 г.]

Отсюда заключают, что обилие средств существования ослабляет трудолюбие рабочих, а недостаток средств, напротив, усиливает трудолюбие. Не может подлежать сомнению, что достаток, несколько превышающий обычный, может сделать некоторых рабочих ленивыми, но представляется маловероятным, чтобы он оказывал такое влияние на большинство рабочих или чтобы люди вообще работали больше при скудном питании, подавленном настроении и частых болезнях, чем при обильном питании, бодром настроении и хорошем здоровье. Годы дороговизны, следует заметить, обыкновенно служат для простонародья годами болезней и усиленной смертности, что не может не вызывать уменьшения производительности труда.

В годы изобилия рабочие часто покидают своих хозяев и решаются добывать себе пропитание самостоятельным промыслом. Но даже дешевизна предметов продовольствия, увеличивая фонд, предназначенный на содержание рабочих, побуждает хозяев, в особенности фермеров, нанимать большее число их. Фермеры в таких случаях надеются извлечь больше прибыли из своего хлеба путем найма сколько большего количества работников, чем от продажи его по низкой рыночной цене. Спрос на работников увеличивается, тогда предложение их уменьшается. Таким образом, цена на труд в годы дешевизны часто повышается.

В годы дороговизны трудность и необеспеченность существования побуждает всех этих людей искать себе место в качестве рабочих. Но высокая цена предметов продовольствия, уменьшая фонд, предназначенный на содержание рабочих, побуждает хозяев скорее сократить, чем увеличить число своих рабочих. Вместе с тем в годы дороговизны бедные самостоятельные работники часто проедают свой небольшой капитал, на который они обыкновенно снабжают себя материалами для своего труда, и для поддержания своего существования вынуждены превратиться в наемных рабочих. Нежели лица, ищущие работу, могут ее получить; многие готовы поступить на работу на условиях более низкой оплаты, чем обычно, и потому в годы дороговизны заработная плата как батраков, так и поденных рабочих часто понижается.

Поэтому хозяева всякого рода извлекают больше выгоды из своих рабочих в годы дороговизны, чем в годы дешевизны, и в первом случае находят их более покорными и стоворчивыми, чем во втором. И потому они, естественно, признают годы дороговизны более благоприятными, чем годы дешевизны. Лэндлорды и фермеры, эти многочисленные группы хозяев, имеют, кроме того, другую причину приветствовать годы дороговизны. Рента первых и прибыль вторых в весьма большой степени зависят от цен на предметы продовольствия. Однако не может быть ничего нелепее, как воображать, что люди вообще станут работать меньше, когда они работают на себя, чем когда они работают на других. Бедный самостоятельный работник будет по общему правилу более трудолюбив, чем богатый наемный рабочий, получающий почасную плату. Первый получает весь продукт своего труда, второй делит его со своим хозяином

первый, работая в одиночку и самостоятельно, менее подвержен социальным влияниям плохого общества, которые в крупных мануфактурах так часто губят нравственность второго. Еще более значительно, конечно, превосходство самостоятельного работника сравнительно с теми рабочими, которых нанимают помесечно или на годовой срок, которые получают постоянную заработную плату и содержание независимо от количества сделанной ими работы. Годы дешевизны имеют тенденцию увеличивать количество самостоятельных работников в сравнении с числом поденных рабочих и батраков всякого рода, в годы дороговизны — уменьшать его.

Французский писатель, отличающийся большими знаниями и талантом, сборщик налогов в избирательном округе С.-Этьен, господин Мессанс¹, пытается доказать, что бедняки производят больше работы в годы дешевизны, чем в годы дороговизны, сравнивая количество и стоимость товаров, произведенных в том и другом случаях в трех различных производствах: грубых шерстяных материй Эльбефе, полотняном и шелковом по всему району Руана. Из его сообщения, основанного на регистрах официальных учреждений, следует, что количество и стоимость товаров, вырабатываемых в этих трех производствах, обыкновенно гораздо больше в годы дешевизны, чем в годы дороговизны. Все эти три производства, повидимому, находятся в состоянии застоя или, в общем, клонятся к упадку и не развиваются, хотя их продукция, может быть, колеблется несколько из года в год.

Полотняное производство в Шотландии и производство грубых шерстяных материй к западу от Йоркшира представляют собою развивающиеся промыслы; их продукция, по общему правилу, возрастает, хотя и с некоторыми колебаниями, как по количеству, так и по стоимости. Однако, рассмотрев опубликованные отчеты об их ежегодной продукции, я не мог обнаружить, чтобы колебания ее стояли в какой-либо заметной связи с периодами дороговизны или дешевизны. В 1740 г., когда был большой неурожай, оба эти производства пережили, правда весьма значительный, упадок. Но в 1756 г., когда также случился большой неурожай, шотландская промышленность развивалась быстрее, чем обычно. Йоркширская промышленность действительно падала, и ее продукция не достигала уровня 1755 г. вплоть до 1766 г., когда был отменен закон об американском сборе. В этот и следующие годы она значительно превысила прежние размеры и с того времени продолжала непрерывно возрастать.

Продукция всех значительных мануфактур, продающих свои товары на отдаленных рынках, зависит не столько от дороговизны или дешевизны в странах их нахождения, сколько от условий, влияющих на спрос в тех странах, где эта продукция потребляется: от мира или войны, от процветания или упадка других соперничающих ману-

¹ [См. Messance, Recherches sur la population des généralités d'Auvergne, de Lyon, de Rouen, Paris 1776.]

фактур, от благоприятного или плохого положения их главных потребителей. Кроме того, большая часть добавочного труда который вероятно, выполняется в годы дешевизны, никогда не входит в официальные отчеты о промышленности. Батраки и слуги, оставляющие своих нанимателей, становятся самостоятельными работниками женщины возвращаются к своим родителям и обычно занимаются прядением, чтобы изготовить одежду для себя и своих семей. Даже самостоятельные работники не всегда работают на открытом рынке, а изготовляют для своих соседей предметы домашнего обихода. Поэтому продукт их труда часто оказывается не внесенным в те официальные регистры, сводки которых нередко публикуются с такой торжественностью и на основании которых наши купцы и промышленники часто опрометчиво основывают свои суждения о процветании или упадке государства.

Хотя колебания цен на труд не только не всегда соответствуют колебаниям цен на предметы продовольствия, но часто прямо противоположны им, мы все же не должны на этом основании предполагать, что цена предметов продовольствия не оказывает никакого влияния на цену труда. Денежная цена труда необходимо определяется двумя моментами: спросом на труд и ценами на предметы необходимости и жизненного удобства. Спрос на труд, в зависимости от того, возрастает ли он, неподвижен или падает, т. е. в зависимости от того, требует ли он возрастающего, стационарного или уменьшающегося населения, определяет количество предметов необходимости и жизненных удобств, которые должны быть предоставлены рабочему, а денежная цена труда определяется той суммой, которая необходима для приобретения этого количества продуктов. Хотя, таким образом, денежная цена труда иногда бывает высока в то время, когда цена предметов продовольствия низка, она была бы еще выше при том же спросе на труд, но при высокой цене предметов продовольствия.

Именно потому, что спрос на труд возрастает в годы непредвиденного и чрезвычайного урожая и уменьшается в годы непредвиденного и чрезвычайного неурожая, денежная цена труда иногда повышается в первом случае и понижается во втором.

В годы непредвиденного и чрезвычайного урожая у многих промышленных предпринимателей имеются фонды, достаточные для содержания и производительного использования большего числа работников, чем было занято в предыдущем году; но не всегда возможно достать это добавочное число работников. Поэтому те хозяева, которые нуждаются в большем количестве рабочих, перебивают друг друга, благодаря чему нередко повышается как реальная, так и денежная цена труда рабочих.

Обратно этому происходит в год непредвиденного и чрезвычайного неурожая. Фонды, предназначенные для производительных целей, уменьшаются сравнительно с предыдущим годом. Значительное число людей лишается работы; они конкурируют друг с другом, чтобы получить ее, а это нередко понижает как реальную, так и

денную цену труда. В 1740 г., когда был чрезвычайный неурожай, то народа соглашалось работать за одни харчи. В последующие урожайные годы было труднее достать рабочих и батраков.

В год дороговизны скудость средств существования, уменьшая спрос на труд, имеет тенденцию понизить его цену, тогда как высокая цена предметов продовольствия имеет тенденцию повысить ее. Против, изобилие урожайного года, увеличивая спрос на труд, имеет тенденцию повышать цену труда, тогда как дешевизна предметов продовольствия ведет к ее понижению. При обычных колебаниях на предметы продовольствия эти две противоположные причины, видимо, уравнивают одна другую; это, вероятно, отчасти объясняет, почему заработная плата повсюду гораздо более устойчива и неизменна, чем цена предметов продовольствия.

Рост заработной платы необходимо ведет к возрастанию цены этих товаров, поскольку увеличивает ту часть ее, которая приходится на заработную плату, и, таким образом, имеет тенденцию уменьшить потребление этих товаров как внутри страны, так и за границей. Однако та же причина, которая повышает заработную плату за труд, а именно возрастание капитала, имеет тенденцию увеличить производительную силу труда, благодаря чему при затрате меньшего количества труда производится большее количество произведений. Владелец капитала, нанимающий большее количество рабочих, необходимо старается в своих выгодах установить такое надлежащее разделение и распределение работ, чтобы рабочие были в состоянии изготовить возможно большее количество произведений. Той же целью он старается снабдить их по возможности самыми лучшими орудиями. И то, что имеет место среди рабочих отдельной деревской, происходит по той же причине среди рабочих всего государства. Чем значительнее число их, тем больше, естественно, разделяются они на различные классы и виды занятий. Большее число умов занято изобретением наиболее подходящих орудий и машин для выполнения работы каждого, и поэтому тем вероятнее, что они будут изобретены. В результате этих усовершенствований цены труда при производстве многих товаров настолько уменьшаются, что возрастание цены труда более чем уравнивается уменьшением его количества.

Глава IX

О ПРИВЫЛИ НА КАПИТАЛ

Повышение или уменьшение прибыли на капитал зависит от тех же причин, которые вызывают повышение и уменьшение заработной платы за труд,—от возрастания или уменьшения богатства общества; но эти причины весьма различно отражаются на заработной плате и прибыли.

Возрастание капитала, увеличивающее заработную плату, ведет к понижению прибыли. Когда капиталы многих богатых купцов вкладываются в одну и ту же отрасль торговли, их взаимная конкуренция естественно ведет к понижению их прибылей; а когда во всех отраслях торговли данного общества происходит такое же увеличение капитала, та же конкуренция должна произвести подобное действие во всех отраслях.

Как было уже замечено, не легко установить размер средней заработной платы даже в отдельной местности и в определенное время. Даже в этом случае мы можем обыкновенно определить наиболее обычную заработную плату. Однако даже и это редко может быть сделано по отношению к прибыли на капитал. Прибыль так сильно колеблется, что человек, ведущий какое-нибудь торговое дело, не всегда может сам сказать вам, какова в среднем его обычная прибыль. На нее оказывают влияние не только каждое колебание цены товаров, которыми он торгует, но и удача и неудача конкурентов и потребителей, а также тысячи других случайных обстоятельств, которым подвержены его товары при перевозке морем или в пути или даже на складе. Прибыль поэтому колеблется не только из года в год, но и изо дня в день и почти с часу на час. Установить, какова средняя прибыль всех различных отраслей торговли, существующих в обширном королевстве, должно быть много труднее, а сказать с некоторой степенью точности о том, какова она могла быть раньше или в отдаленные от нас периоды, должно быть вообще невозможно.

Но хотя невозможно определить с некоторой степенью точности, какова в настоящее время и какова была прежде средняя прибыль на капитал, кое-какое представление об этом может быть составлено на основании обычного процента на деньги. Можно признать за правило, что процент на деньги будет выше в тех случаях, когда

нельзя получить большую прибыль от вложения денег в какое-нибудь дело, и, наоборот, за них дадут меньше, если употребление их приносит меньшую выгоду. Следовательно, мы можем быть уверены, что, соответственно колебаниям в данной стране обычной рыночной нормы процента, должна изменяться также обычная прибыль на капитал,—понижаться, когда понижается эта норма, и возрастать, когда она повышается.

Законом в 37-й год правления Генриха VIII процент, превышающий десять со ста, был объявлен незаконным. До этого, повидимому, проценты нередко были больше. В правление Эдуарда VI религиозное воспрещало всякий процент. Однако, как утверждают, это запрещение, подобно всем другим запрещениям такого же рода, не имело никакого действия и, вероятно, скорее увеличило, чем ослабило зло торговцев. Статут Генриха VIII был возобновлен пунктом 8-м закона, изданного в 13-й год правления Елизаветы, и десяти процентов продолжали быть законной нормой процента до закона, изданного в 21-й год правления Якова I, когда она была ограничена только шестью процентами. Она была понижена до шести процентов вскоре после Реставрации, а законом в 12-й год правления королевы Анны—до пяти процентов. Все эти различные законодательные ограничения устанавливались, повидимому, вполне соответственно обстоятельствам,—они, повидимому, не забежали вперед, а следовали за рыночной нормой процента, т. е. той нормой, по которой обычно занимали деньги вполне кредитоспособные люди. Со времени королевы Анны проценты на сто, как кажется, скорее превышали рыночную норму, чем отставали от нее. Перед последней войной правительство занимало три процента, а вполне кредитоспособные люди в столице и во всех других местах королевства—по три с половиной, четыре и пять процентов с половиной.

Со времени Генриха VIII богатство и доход страны непрерывно возрастали, и темп этого возрастания скорее постепенно ускорялся, чем замедлялся. Богатство и доходы, повидимому, не только возрастали, но возрастали все быстрее и быстрее. В течение этого периода заработная плата тоже непрерывно возрастала, а в большей части различных отраслей торговли и промышленности прибыль на капитал уменьшалась.

Обыкновенно для ведения какой-нибудь торговли требуется больше капитала в большом городе, чем в деревне. Крупные капиталы, вложенные во все отрасли торговли, и большое число конкурентов обыкновенно уменьшают норму прибыли в городе ниже того уровня, какой держится в деревне. Но заработная плата в большом городе обыкновенно выше, чем в деревне. В развивающемся городе лица, обладающие крупными свободными капиталами, часто не могут достать нужного им количества рабочих и потому перебивают их друг у друга, чтобы достать возможно большее число их, а это повышает заработную плату и сокращает прибыль на капитал. В отдаленных частях страны часто не хватает свободного капитала, чтобы занять всех рабочих, которые поэтому конкурируют друг с другом в поисках места,

а это понижает заработную плату и повышает прибыль на тал.

Хотя в Шотландии законная норма процента та же, что и в Англии, рыночная норма его несколько выше. Самые кредитоспособные лица редко занимают там меньше, чем по пяти процентов. Даже частные банкиры в Эдинбурге платят четыре процента по своим векселям, которые могут быть предъявлены к оплате, частично или полностью в любой момент. Частные банкиры в Лондоне совсем не платят процентов на деньги, вложенные у них. В Шотландии в большинстве отраслей торговли можно вести дело на меньший капитал, чем в Англии. Обычная норма прибыли должна быть поэтому несколько выше. Заработная плата, как уже указано, в Шотландии ниже, чем в Англии. К тому же страна эта не только много беднее, но и темп ее развития, — ибо она, бесспорно, развивается и богатеет, — повидимому гораздо более медленный.

Законная норма процента во Франции в течение настоящего столетия не всегда регулировалась рыночной ценой¹. В 1720 г. процент был понижен с одной двадцатой до одной пятидесятой пенини, с пяти до двух на сто; в 1724 г. он был повышен до одной тридцатой пенини, т. е. до трех с третью на сто; в 1725 г. он был снова повышен до одной двадцатой или до пяти на сто, а в 1766 г., во время управления г. Ляверди, уменьшен до одной двадцать пятой, т. е. до четырех на сто. Аббат Тэрре впоследствии повысил его до нормы в пять на сто. Многие из этих насильственных понижений процента, как предполагалось, имели в виду подготовить сокращение процента по государственному долгу, — цель, которая никогда и не достигалась. Франция в настоящее время, пожалуй, не столько богатая страна, как Англия, и хотя законная норма процента во Франции часто бывала ниже, чем в Англии, рыночная норма бывала обыкновенно выше, ибо там, как и в других странах, существует не только безопасных и легких способов обходить закон. Торговая прибыль, как уверяли меня британские купцы, торговавшие в обеих странах, выше во Франции, чем в Англии; и нет сомнения, что именно по этой причине многие британские подданные предпочитают применять свои капиталы в первой стране, где к торговле относятся с пренебрежением, чем в своей стране, где она пользуется большим почетом. Заработная плата во Франции ниже, чем в Англии. Когда вы приезжаете из Шотландии в Англию, различие, которое вы замечаете в одежде и внешнем виде простого народа в обеих странах, достаточно говорит о неодинаковости его положения. Контраст еще сильнее, когда вы возвращаетесь из Франции. Франция, хотя она, несомненно, богаче, чем Шотландия, прогрессирует, повидимому, не так быстро. В Шотландии общим и даже избитым местом является мнение, что она идет к упадку, — мнение, как я полагаю, плохо обоснованное даже по отношению к Франции и совершенно несостоя-

¹ См. *Denisart*, Article *Taux des Intérêts*, tome 111, p. 18.

по отношению к Шотландии в глазах, тех кто знает ее теперь, она была 20 или 30 лет тому назад.

Шотландия, напротив, в сравнении с размерами своей территории и численностью населения, является более богатой страной, чем Англия. Ее правительство занимает деньги из двух процентов, частные лица, пользующиеся прочным кредитом, из трех процентов. Заработная плата, как говорят, в Голландии выше, чем в Англии, голландцы, как хорошо известно, торгуют с меньшей прибылью, — какой бы то ни было народ в Европе. Согласно утверждениям некоторых лиц, торговля Голландии клонится к упадку, и это, может быть, верно в применении к некоторым отдельным ее отраслям. Вышеприведенные симптомы, как думается, достаточно указывают, что она не переживает общего упадка. Когда прибыль уменьшается, купцы очень склонны жаловаться на упадок торговли, хотя повышение прибыли является естественным результатом процветания торговли и вложения в нее больших капиталов, чем раньше. В время последней войны голландцы захватили всю транспортную торговлю Франции, весьма значительную долю которой они удерживают до сих пор. Крупные суммы, которыми они обладают в французских и английских государственных бумагах — около сорока миллионов только в последних (мне эта цифра представляется значительно преувеличенной), крупные суммы, которые они ссужают частным лицам в тех странах, где норма прибыли выше, чем у них, — это, без сомнения, свидетельствует об избытке у них капитала и о возрастании его в таких размерах, что они не могут излишки использовать со сносною прибылью в собственных предприятиях своей стране, но отнюдь не свидетельствует об упадке торговли и промышленности. Подобно тому как капитал частного лица, приобретенный в какой-нибудь отрасли торговли, может возрасти настолько, что это лицо уже не сможет использовать его в данной отрасли, несмотря на то, что последняя продолжает развиваться, — так может происходить и с капиталом целой нации.

В наших североамериканских и вестиндских колониях не только заработная плата, но и денежный процент, а следовательно и прибыль на капитал, выше, чем в Англии. В различных колониях как рыночная, так и законная норма процента колеблется от шести до десяти на сто. Высокая заработная плата и высокая прибыль на капитал, однако, почти нигде не наблюдаются одновременно, исключая недавно возникших колоний с их особыми условиями. Новая колония в течение некоторого времени всегда должна испытывать больший недостаток в капитале сравнительно с размерами ее территории и больший недостаток населения сравнительно с размерами ее капитала, чем это имеет место в большинстве других стран. Она имеет больше земли, чем капитала для обработки ее. И потому имеющиеся средства употребляются только на обработку наиболее плодородных и благоприятнее всего расположенных участков, а именно морскому побережью и вдоль берегов судоходных рек. Притом земля часто покупается по цене, не достигающей даже стои-

мости ее естественных произведений. Капитал, затраченный на покупку и возделывание таких земель, должен приносить весьма значительную прибыль и, следовательно, давать возможность уплатить очень высокий процент. Его быстрое накопление при столь большом приложении позволяет плантатору увеличивать число рабочих быстрее, чем он в состоянии найти в новом поселении. И потому те, кого он может найти, получают щедрое вознаграждение. По мере роста колонии прибыль на капитал постепенно уменьшается. После того как заняты самые плодородные и лучшие расположенные участки земли, меньшая прибыль может быть получена от обработки худших по своей почве и расположению участков и меньший процент может быть уплачиваем за капитал, вкладываемый в них. Ввиду этого в большей части наших колоний законная и обычная норма процента значительно понизилась в течение текущего столетия. В то время как богатство, культура земли и население росли, процент понизился. Заработная плата не понижается вместе с понижением прибыли на капитал. Спрос на труд возрастает вместе с возрастанием капитала, независимо от того, какова приносимая прибыль; и после того как прибыль начинает уменьшаться, капитал может не только продолжать возрастать, но даже возрастать гораздо быстрее, чем раньше. С трудолюбивыми нациями, которые прогрессируют в деле накопления богатств, повторяется то же, что и с отдельными трудолюбивыми лицами. Большой капитал, хотя и приносящий меньшую прибыль, обыкновенно возрастает быстрее, чем меньший капитал, приносящий большую прибыль. Деньги, говоря словами пословицы, создают новые деньги. Стоит вам добыть немного денег, и вам часто легко будет добыть больше. Главная трудность заключается именно в получении этих небольших денег. Связь между ростом капитала и развитием промышленности или спроса на полезный труд уже отчасти выяснена, но она будет выяснена более обстоятельно в дальнейшем, когда речь будет идти о накоплении капитала.

Приобретение новой территории или развитие новых видов торговли и промышленности может иногда повысить прибыль на капитал, а вместе с нею и размер денежного процента, даже в стране, быстро накапливающей богатство. Поскольку капитала страны не хватает в связи с указанными изменениями, для всей совокупности предпринимателей капиталовладельцев, он направляется только в те отрасли, которые дают наибольшую прибыль. Часть капиталовладельцев неизбежно извлекается из них и направляется в какие-либо новые и более выгодные отрасли. Поэтому во всех этих старых отраслях конкуренция ослабевает, рынок в меньшем изобилии охватывается многими видами товаров. Их цена неизбежно более или менее повышается и дает более значительную прибыль тем лицам, которые торгуют ими и которые поэтому могут теперь занимать деньги под более высокие проценты. В течение некоторого времени после окончания последней войны не только частные лица, облада-

лучшим кредитом, но и некоторые крупнейшие компании в Лондоне занимали обыкновенно по пять процентов, тогда как раньше они не больше четырех или четырех с половиной процентов. Знаменитое увеличение территории и торговли в результате наших приобретений в Северной Америке и Вест-Индии достаточно объясняет этот факт без необходимости относить его на счет уменьшения капиталов общества. Столь значительное расширение торговых дел имеет имеющегося налицо капитала должно было неизбежно уменьшить размеры капитала, вложенного во многие отдельные отрасли торговли, где благодаря ослаблению конкуренции прибыль должна была увеличиться. В дальнейшем я буду иметь случай привести соображения, которые склоняют меня к предположению, что капитал Великобритании не уменьшился даже в результате громадных расходов последней войны.

Уменьшение капитала общества, или фонда, предназначенного для ведения промышленности, понижая заработную плату, повышает прибыль на капитал и, следовательно, денежный процент. Благодаря понижению заработной платы владельцы оставшегося в обществе капитала могут доставлять на рынок свои товары с меньшими издержками, чем прежде, а благодаря уменьшению капитала, затрачиваемого на обслуживание рынка, они могут продавать их дороже. Их товары обходятся им дешевле, а выручают они за них больше. Прибыль поэтому возрастает в силу двух причин, и они ввиду этого могут платить более высокий процент. Столь быстрое и легкое приобретение больших состояний в Бенгалии и др. британских владениях в Ост-Индии свидетельствует нам о том, что при очень низкой заработной плате в этих разоренных странах очень высока прибыль на капитал. Денежный процент тоже соответственно этому высок. В Бенгалии деньги часто ссужаются фермерам по сорок, пятьдесят или шестьдесят процентов, и ожидаемый урожай закладывается в обеспечение уплаты. Подобно тому как прибыль, могущая оплачивать такой высокий процент, должна поглотить почти всю ренту земледельца, так и столь чрезмерное ростовщичество должно, в свою очередь, поглотить большую часть этой прибыли. Перед падением Римской республики подобное ростовщичество, повидимому, было особенно в провинциях при разорительном управлении их проконсулов. Из писем Цицерона мы узнаем, что добродетельный Брут ссужал деньги в Кипре из сорока восьми процентов¹.

В стране, которая достигла наибольшего благосостояния, соответствующего характеру ее почвы и климата и ее положению по отношению к другим странам, которая, таким образом, не может больше развиваться и вместе с тем не идет назад,—в такой стране заработная плата и прибыль на капитал будут, вероятно, очень высоки. В стране, густо населенной сравнительно с тем, что может прокормить ее почва или ее капитал, конкуренция в приискании занятий будет по необходимости так сильна, что сократит заработную плату

¹ [См. Cicero ad Att., VI, 1, 6.]

до уровня, необходимого для сохранения наличного числа рабочих и поскольку страна уже густо заселена, число это не сможет увеличиваться. В стране, насыщенной капиталом пропорционально объему ее промышленности и торговли, в каждую отдельную отрасль вкладывается такое количество капитала, которое допускается характером и размерами ее. Конкуренция поэтому во всех отраслях будет очень сильна, а, следовательно, обычная прибыль весьма низка.

Возможно, однако, что ни одна страна еще не достигла определенной степени богатства. Китай, повидимому, долгое время оставался в неподвижном состоянии и, вероятно, давно уже приобрел тот максимум богатств, который совместим с характером его законов и учреждений. Но возможно, что этот максимум богатств гораздо ниже того, который, при наличии других законов и учреждений, можно было бы приобрести при данном характере почвы, климата и положении страны. Страна, пренебрегающая внешнею торговлею или презирующая ее и допускающая иностранные корабли только в один или два порта, не может развить свою торговлю в таких размерах, в которых это было бы возможно при других законах и учреждениях. К тому же в этой стране, где богатые люди и обладатели крупных капиталов пользуются почти полной неприкосновенностью, а бедные или обладатели мелких капиталов совсем ею не пользуются, в любое время подвергаются, под предлогом отправления правосудия, грабегам со стороны низших мандаринов, — в такой стране количество капитала, вложенного во все различные отрасли ее торговли и промышленности, никогда не может достигнуть тех размеров, которые допускаются характером и объемом последних. В каждой отдельной отрасли притеснение бедных должно создать монополию богатых, которые, захватывая в свои руки всю торговлю, могут получать очень большую прибыль. В соответствии с этим, как утверждают, обычный денежный процент достигает в Китае двенадцать процентов, а обычная прибыль на капитал должна быть достаточною для оплаты такого высокого процента.

Недостатки существующих законов могут иногда повышать процент значительно выше того уровня, который обуславливается богатством или бедностью данной страны. Когда закон не обеспечивает выполнения договоров и обязательств, он ставит всех заемщиков почти в такое же положение, в каком в более благоустроенных странах находятся банкроты или люди с сомнительною кредитоспособностью. Неуверенность в обратном получении своих денег заставляет займодавца требовать такой же ростовщический процент, какой обычно требуется от банкротов. У варварских народов, воднивших западные провинции Римской империи, выполнение договоров в течение многих столетий было поставлено в зависимость исключительно от добросовестности договаривающихся сторон. Королевские суды редко вмешивались в эту область. Высокая норма процента, установившаяся в эти отдаленные времена, может быть, вероятно, объяснена отчасти этой причиною.

Когда закон вообще запрещает процент, он отнюдь не предупреждает взимание его. Многие лица вынуждены занимать деньги, кто не соглашается ссудить их, не взяв за пользование деньгами вознаграждение, соответствующее не только тому доходу, который могут приносить, но также трудности и опасности обхода закона. Высокую норму процента у всех магометанских народов Монтескье¹ объясняет не их бедностью, а запрещением взимания процента, отчасти же трудностью получить свои деньги обратно.

Минимальная обычная норма прибыли должна всегда быть несколько больше того, что достаточно для покрытия случайных возможных при любом помещении капитала. Только этот излишек представляет собою чистую прибыль. Так называемая валовая прибыль включает в себя часто не только этот излишек, но и ту сумму, которая удерживается для возмещения указанных чрезвычайных потерь. Процент, который могут платить заемщики, определяется лишь размером чистой прибыли.

Минимальная обычная норма процента точно таким же образом должна быть несколько выше того, что достаточно для возмещения случайных потерь, возможных при ссуде денег даже при соблюдении осторожности. Если бы норма процента не превышала этого предела, только благотворительность или дружба могли бы побуждать давать займы.

В стране, достигшей высших пределов богатства, где во все отрасли промышленности и торговли вложен максимальный капитал, который только может быть использован в них, обычная норма чистой прибыли будет очень низка, и в соответствии с этим обычная норма процента, которая может быть выплачена из нее, будет так низка, что только самые богатые люди смогут жить на проценты со своих денег. Все обладатели небольших и средних капиталов вынуждены будут сами производительно затрачивать свои капиталы, каждый должен будет заняться каким-либо торговым делом или промышленным предприятием. К такому состоянию приближается, повидимому, Голландия, где считается предосудительным не заниматься торговым или промышленным делом. Необходимость делает обычным почти для всех участие в торговых или промышленных предприятиях, а ведь обычай повсюду решает, что именно считается предосудительным. Подобно тому как смешно ходить одетым не так, как все, так в известной степени смешно не заниматься делами подобно другим людям. Как человек гражданской профессии кажется неловким в военном лагере или гарнизоне, даже подвергается некоторому риску вызвать там насмешки, так и тот, кто не занимается делами, среди деловых людей. Что касается высшей обычной нормы прибыли, то она может достигать таких размеров, при которых ею поглощается та часть цены большинства товаров, которая должна была бы приходиться на долю чистой ренты, и остается лишь столько, сколько необходимо для оплаты труда, затраченного на производство товара и доставку его

[См. *Montesquieu, Esprit des Lois, XXII, 19.*]

на рынок, и притом соответственно низшему возможному уровню оплаты труда, сводящемуся к абсолютно необходимому для существования работника. Рабочего так или иначе всегда надо кормить, когда он работает, тогда как землевладелец может и не получать ренты за свою землю. Прибыль от торговли, которую ведут в Бельгии служащие Остиндской компании, вероятно, близка к этой норме.

Соотношение между обычной рыночной нормой процента и обычной нормой чистой прибыли необходимо колеблется в зависимости от повышения или понижения прибыли. В Великобритании купцы признают хорошей, умеренной, справедливой прибыль, равную удвоенному обычному проценту; как мне думается, выражения имеют в виду именно среднюю и обычную прибыль. В стране, где обычная норма чистой прибыли доходит до восьми или десяти процентов, можно признать справедливым, если половина ее приходится на оплату процента в тех случаях, когда предприятие ведется на чужие деньги. Риск за судьбу капитала ложится на должника, который бы берет его на страх у займодавца; и четыре или пять процентов в большинстве отраслей промышленности могут быть признаны достаточной прибылью за риск такого страхования, и достаточно вознаграждением за хлопоты, связанные с производительным использованием капитала. Но соотношение между процентом и чистой прибылью может быть различным в странах с более низкой или более высокой обычной нормой прибыли. При низком уровне прибыли оплата процента не может быть уделена половина ее, а в тех случаях, когда она значительно выше, на оплату процента может быть и больше половины прибыли.

В странах, быстро богатеющих, высокая заработная плата может быть уравновешена в цене многих товаров низкой нормой прибыли; и это дает возможность этим странам продавать свои товары столь же дешево, как и их менее преуспевающие соседи, у которых заработная плата ниже.

Высокая прибыль в действительности больше влияет на повышение цены продукта, чем высокая заработная плата. Если, например, в полотняном производстве увеличить на 2 пенса в день заработную плату рабочих всех категорий—чесальщиков льна, прядильщиков ткачей и т. п., то окажется необходимым повысить цену штуки полотна только на такое количество двухпенсовых монет, сколько боковых было занято в ее изготовлении, помноженное на число дней в течение которых они работали. Та часть цены товара, которая относится к заработной плате возрастает во всех различных стадиях производства лишь в арифметической пропорции к этому увеличению заработной платы. Но при увеличении на пять процентов прибыли всех различных предпринимателей, которые нанимают эти боковые, та часть цены товара, которая сводится к прибыли, возрастает на всех различных стадиях производства в геометрической пропорции к этому увеличению прибыли. Чесальный фабрикант, продающий свой лен, будет требовать добавочные пять процентов на всю стоимость материалов и заработной платы, авансированных им своим

им. Прядильный фабрикант будет требовать добавочные пять процентов как на авансированную им цену льна, так и на заработную плату прядильщиков. А ткацкий фабрикант будет требовать эти же добавочные пять процентов на авансированную цену льняной пряжи и заработную плату ткачей. На повышение цены товаров увеличение заработной платы оказывает такое же действие, как и простые проценты на возрастание долга. Увеличение же прибыли действует по отношению к сложным процентам. Наши купцы и владельцы мануфактур часто жалуются на вредные результаты высокой заработной платы, уменьшающей цены и потому уменьшающей сбыт их товаров внутри страны и за границей. Но они ничего не говорят о вредных последствиях высоких прибылей. Они хранят молчание относительно губительных результатов своих собственных барышей, жалуясь лишь на то, что выгодно для других людей.

Глава X

О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ И ПРИВЫЛКИ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ПРИМЕНЕНИЯХ ТРУДА И КАПИТАЛА

Совокупность выгод и невыгод различных применений труда и капитала в одной и той же местности должна быть совершенно одинаковой или постоянно иметь тенденцию к равенству. Если в данной местности нашлось такое применение для труда и капитала, которое было бы очевидным образом более выгодно или менее выгодно, чем остальные применения, то к нему стремились бы в первом случае и его покинули бы во втором случае столько людей и капитала, что в скором времени его выгоды снова оказались бы на одном уровне с другими применениями. Так, по крайней мере, должно было бы случиться в обществе, в котором дела были бы предоставлены своему естественному течению, в котором существовала бы совершенная свобода и где каждый мог бы совершенно свободно выбирать себе занятие, которое считает подходящим для себя, и менять его, когда сочтет это нужным. Собственный интерес каждого человека заставит его искать выгодного и избегать невыгодного занятия.

Однако в действительности денежная заработная плата и прибыль повсюду в Европе чрезвычайно различны для различных видов применения труда и капитала. Но это различие зависит частью от некоторых условий, которые присущи самим этим различным отраслям и которые в действительности или только в воображении людей компенсируют малую денежную выгоду в одних и уравновешивают большую выгоду в других, частью же от господствующей в Европе политики, которая нигде ничему не предоставляет полной свободы.

Специальное рассмотрение этих обстоятельств и этой политики делит настоящую главу на два отдела.

Отдел I. Неравенства, обуславливаемые самим характером занятий

Пять следующих главных условий, насколько я мог наблюдать, компенсируют малый денежный заработок в одних занятиях и уравновешивают больший заработок в других: 1) приятность или неприятность самих занятий, 2) легкость и дешевизна или трудность

дороговизна обучения им, 3) постоянство или непостоянство занятия, 4) большее или меньшее доверие, оказываемое тем лицам, которые занимаются ими, и 5) вероятность или невероятность успеха в них.

Во-первых, заработная плата изменяется в зависимости от легкости или трудности, чистоты или неопрятности, почетности самого занятия или униженности его. Так, в большинстве мест портной зарабатывает в среднем за год меньше ткача. Его труд много легче. Он зарабатывает меньше кузнеца, — его труд не всегда легче, но много чище. Кузнец, хотя он и ремесленник, редко зарабатывает двенадцать часов работы столько же, сколько зарабатывает в восемь часов рудокоп, который является простым рабочим. Дело в том, что его работа не так грязна, менее опасна и производится на плодородности земли и при дневном свете. Почет составляет значительную часть вознаграждения во всех особо уважаемых профессиях; с точки зрения денежного вознаграждения эти профессии, принимая во внимание все обстоятельства, обыкновенно оплачиваются недостаточно, как я это еще постараюсь показать. Презрение, проявляемое некоторым занятиям, ведет к противоположному результату. Профессия мясника — грубая и отталкивающая профессия, но почти везде более выгоднее большей части промыслов. Самое отвратительное из всех занятий, это — должность палача, и однако она, принимая во внимание количество выполняемой работы, оплачивается лучше всех других простых занятий.

Хотя и рыбная ловля, самые важные занятия рода человеческого в первобытном состоянии общества, превращаются в дальнейшей развитии в наиболее приятную забаву людей, которые теперь занимаются с удовольствием тем, к чему их раньше толкала нужда. Поэтому в цивилизованном обществе лишь круглые бедняки занимаются как профессией тем, чем другие занимаются для времяпрепровождения. Рыбаки находились в таком положении со времен Феодала. Браконьерами в Великобритании повсюду являются совсем другие люди. В странах, где строгость законов не допускает браконьерства, охотники, обладающие надлежащим разрешением, находятся в немного лучшем положении. Естественная склонность к таким занятиям побуждает заниматься ими гораздо большее число людей, чем могут жить от них в некотором довольстве, и продукт их труда на рынке всегда продается слишком дешево в сравнении с затраченным трудом и потому едва обеспечивает занимающимся ими только самое скудное существование.

Неприятный характер занятия и общественное презрение к профессии оказывают на прибыль с капитала такое же влияние, как и на заработную плату. Владелец харчевни или кабака, который когда не является хозяином своего дома и подвергается грубому и первому пьяницы, занимается делом не весьма приятным и не весьма почетным. Но вряд ли существует другая какая-либо про-

См. «Idyllium», XXI.

фессия, в которой столь незначительный капитал приносил бы большой барыш.

Во-вторых, заработная плата изменяется в зависимости от трудности и дешевизны или трудности и дороговизны изучения данной профессии.

Когда сооружается какая-нибудь дорогая машина, обыкновенно рассчитывают, что большое количество работы, которое она выделит, пока не износится, возместит капитал, затраченный на нее, по меньшей мере с обычной прибылью. Человек, изучивший с затратой большого труда и продолжительного времени какую-либо из тех профессий, которые требуют чрезвычайной ловкости и искусства, может быть сравнен с такою дорогою машиною. Следует сказать, что труд, которому он обучается, возместит ему, сверх обычной заработной платы за простой труд, все расходы, затраченные на обучение, с обычной по меньшей мере прибылью на капитал, равный этой сумме расходов. И это должно быть осуществимо, в не слишком продолжительный промежуток времени, поскольку человеческая жизнь имеет весьма неопределенную продолжительность. Как это рассчитывается применительно к более определенному случаю работы машины.

На этом основано различие между заработной платой квалифицированного труда и труда обычного.

Европейская практика признает труд всех мастеровых, ремесленников и мануфактурных рабочих квалифицированным трудом, а труд сельских работников—простым трудом. Повидимому, предполагается, что труд первых более тонкого и деликатного свойства, чем труд последних. Может быть, это и так в некоторых случаях, но в большинстве их дело обстоит совершенно иначе, как я постараюсь показать. Законы и обычаи Европы поэтому устанавливают необходимые ученичества для приобретения права занятия тем или другим видом труда, хотя в различных местах требования эти отличаются неодинаковой степенью строгости. Другие занятия свободны и открыты для каждого. Во все время ученичества весь труд ученика принадлежит его хозяину. Все это время его должны содержать его родители или родственники, а почти во всех случаях они также должны снабжать его одеждой. Обыкновенно получает также мастер некоторую сумму денег за обучение ремеслу. Кто не может дать денег, дает свое слово, что есть обязывается работать большее количество лет, чем обычно принято,—условие, хотя и не всегда выгодное мастеру ввиду своей лениности учеников, но всегда невыгодное ученику. В деревне, напротив, работник занимается сперва более легкими работами, постепенно приучаясь к более трудным, причем его труд дает ему пропитание на всех ступенях его обучения. Справедливо предполагается, чтобы заработная плата мастеровых, ремесленников и мануфактурных рабочих была в Европе несколько выше заработной платы сельских рабочих. Так оно и есть на самом деле, и более высокий заработок этих групп рабочих ведет к тому, что в большинстве мест их причисляют к более высокому классу населения. Однако это

расходство обычно весьма незначительно; дневной или недельный заработок поденного рабочего на обыкновенных мануфактурах, например, суконных и грубого полотна, в среднем в большинстве случаев весьма мало превышает заработок простых чернорабочих. Правда, их занятие более устойчиво и более постоянно, и в среднем за целый год их заработная плата, может быть, окажется гораздо более значительной. Тем не менее она, повидимому, больше лишь потому, чтобы компенсировать большие расходы на обучение их. В искусствах и либеральных профессиях обучение еще гораздо дороже и продолжительнее. Ввиду этого денежное вознаграждение живописцев и скульпторов, юристов и врачей должно быть гораздо более щедрое, что в действительности и имеет место.

Второй, заработная плата, как кажется, очень мало зависит от трудности изучения отрасли промышленности или торговли, в которую он вложен. Все различные способы обычного вложения капитала в больших городах представляются почти одинаково легкими или трудными для изучения. Та или иная отрасль внешней или внутренней торговли не может отличаться значительно большею прибылью, чем всякая иная.

Третьих, заработная плата изменяется в различных занятиях в зависимости от постоянства или перерывов в работе.

В некоторых отраслях промышленности работа отличается гораздо большим постоянством, чем в других. В большей части мануфактур каменщик может быть почти уверен, что будет иметь работу круглый год, если только он сам будет работоспособен. Напротив, каменщик и штукатур не могут работать ни в сильный мороз, ни в плохую погоду, но и помимо того они будут иметь работу лишь в зависимости от случайных заказов их клиентов, а это означает частое сидение без работы. Поэтому заработок такого рабочего в те дни, когда он работает, должен не только хватать на существование и в дни безработицы, но и давать ему некоторую компенсацию за тревожные моменты и волнения, вызываемые подчас столь тяжелым положением. Поэтому в тех случаях, когда средняя заработная плата мануфактурных рабочих держится почти на одном уровне с поденной заработной платой простых чернорабочих, заработок каменщиков и штукатуров обыкновенно превышает ее в полтора-два раза. Если простые чернорабочие зарабатывают в неделю четыре и пять шиллингов, каменщики и штукатуры часто зарабатывают семь и восемь шиллингов; первые имеют шесть шиллингов, последние часто получают девять и десять, а если первые получают девять и десять шиллингов, как это бывает в Лондоне, последние обычно зарабатывают пятнадцать и восемнадцать шиллингов. Между тем из всех видов квалифицированного труда легче всего, кажется, обучиться труду каменщика и штукатура. Как передают, в Лондоне во время летнего сезона в качестве штукатуров и каменщиков часто употребляют новичков. Таким образом, высокая заработная плата этой группы рабочих представляет собою не столько вознаграждение за особое искусство, сколько возмещение за непостоянство работы.

Плотничье ремесло—как будто более тонкое и требующее больше ловкости, чем мастерство каменщика. Однако, если не везде, в большинстве случаев, поденная заработная плата плотника несомненно ниже. Его работа в значительной мере, но не целиком, зависит от случайных заказов его потребителей, а, кроме того, она не в какой-либо степени прерывается плохой погодой.

Если известный промысел, обычно доставляющий постоянное занятие, имеет в данной местности временный характер, то заработная плата рабочих всегда значительно превышает ее обычное соотношение к заработной плате чернорабочих. В Лондоне почти все рабочие ремесленники нанимаются и увольняются своими хозяевами на неопределенный срок, со дня на день и с недели на неделю, в то время как поденные рабочие в других местах. И потому самый низкий заработок ремесленных рабочих, портновские подмастерья, зарабатывают в день по три кроны, хотя общепринятой платой за простой труд следует считать восемнадцать пенсов. В небольших городах и селах заработок рабочих-портных часто едва достигает заработной платы чернорабочих, но в Лондоне они нередко много недель подряд оказываются без работы, в особенности в летнее время.

Когда непостоянство работы соединяется с особой трудностью и нечистоплотностью ее, это иногда повышает заработную плату за самый грубый труд сравнительно с платой за труд самых искусных ремесленников. Рудокоп, работающий сдельно в шахтах Шотландии почти втрое больше, чем простой рабочий. Такая высокая заработная плата объясняется вообще трудностью, нечистотой и нечистоплотностью его работы. В большинстве случаев этот рабочий может всегда иметь работу, если только он этого хочет. Грузчики угля в Лондоне заняты работой, которая в отношении трудности, нечистоты и неприятности не уступает труду рудокопов, и ввиду неизбежной нерегулярности прибытия судов с углем большинство их по необходимости имеет весьма непостоянную работу. И потому, если углекопы обычно зарабатывают вдвое и втрое больше простого чернорабочего, то не должно было бы казаться странным, что грузчики угля зарабатывают иногда вчетверо и в пять раз больше. При произведенном несколько лет тому назад обследовании их положения было установлено, что при расценке, по которой они тогда оплачивались, они могли зарабатывать от шестидесяти шиллингов в день. Шесть шиллингов составляют почти втрое больше заработной платы чернорабочего в Лондоне, а в какой-либо профессии наименьшим обычным заработком следует признавать заработок значительного большинства рабочих данной профессии. Если бы эти заработки ни казались чрезмерными, но если бы они показали размер, достаточный для вознаграждения рабочего за все неприятности, связанные с его работой, в данной профессии, не представляющей исключительной привилегии, появилось бы много конкурентов, что это быстро уменьшило бы заработную плату до более низкой нормы.

Постоянство или непостоянство занятия не может влиять на размер обычной прибыли на капитал в той или иной отрасли промышленности. Постоянство или непостоянство помещения капитала зависит не от данной отрасли промышленности, а от самого промышленника.

В четвертых, заработная плата изменяется в зависимости от степени доверия, которым должен пользоваться рабочий.

Заработная плата золотых дел мастеров и ювелиров повсюду выше заработной платы многих других рабочих, труд которых предполагает не только одинаковое, но и гораздо большее искусство; это объясняется дороговизной драгоценных металлов, которые им достаются.

Мы доверяем наше здоровье врачу, наше состояние, а иногда нашу репутацию—поверенному и адвокату. Такое доверие является безопасно оказывать людям, не занимающим солидного общественного положения. Поэтому их вознаграждение должно достигать таких размеров, чтобы обеспечивать им общественное положение, требуемое столь серьезным доверием. Продолжительное время значительные расходы, необходимые на их обучение, вместе с указанным вниманием неизбежно еще больше повышают цену их труда. Когда кто-либо вкладывает в свое предприятие лишь собственный капитал, не может быть вопроса о доверии; что же касается кредита, который он может получить у других лиц, то этот кредит зависит в зависимости не от характера его предприятия, а от мнений других лиц о его состоянии, честности и благоразумии. Поэтому обычные нормы прибыли в различных отраслях торговли и промышленности не может зависеть от различной степени доверия к предпринимателям.

В пятых, заработная плата в различных отраслях изменяется в зависимости от вероятности или невероятности успеха в них. Вероятность, что данное лицо окажется подходящим для занятия, которому оно обучается, весьма неодинакова для различных профессий. В большей части механических занятий успех в этом отношении почти обеспечен, но он весьма ненадежен в либеральных профессиях. Поместите своего сына учеником к сапожнику, и вы можете почти не сомневаться, что он выучится шить башмаки; но вы можете его изучать юриспруденцию, и можно поставить по крайней мере двадцать против одного, что он не достигнет таких успехов, которые позволили бы ему жить этой профессией. В правильно организованной лотерее вынимающие выигрышные номера должны получать все то, что теряют вынужденные пустые билеты. В профессии, в которой приходится двадцать терпящих неудачу на одного успеха, этот один должен выиграть все то, что должны были бы получить все двадцать неудачников. Адвокат, начинающий, может в сорок лет кое-что зарабатывать своей профессией, должен получить вознаграждение не только за свое столь продолжительное образование, но и за образование тех двадцати с лишним

других лиц, которым никогда не удастся что-нибудь извлечь из него. Как ни могут казаться иногда чрезмерными гонорары адвокатов, их действительное вознаграждение никогда не достигает заданного размера. Подсчитайте для какого-нибудь города приличный годовой заработок и годовой расход всех рабочих ка либо обычной профессии, положим—сапожников или ткачей, и увидите, что сумма заработка превышает, как общее правило, сумму расходов. Но произведите такой же подсчет относительно всех адвокатов и студентов в различных юридических школах, и вы увидите, что их годовой доход составляет лишь незначительную долю годового расхода, даже если вы преувеличите первый и преуменьшите второй. Таким образом, лотерея юридической профессии весьма несправедлива; эта профессия, как и многие другие либеральной и уважаемые профессии, с точки зрения денежной выгоды, очевидно недостаточно вознаграждается.

Тем не менее указанные профессии не уступают в привлекательности другим занятиям, и, несмотря на такое недостаточное поощрение, наиболее благородные и свободомыслящие люди стремятся попасть в эти профессии. Этому содействуют два различных обстоятельства. Во-первых, желание приобрести известность, которая дает наиболее выделившимся в одной из этих профессий, и, во-вторых, более или менее присущая каждому человеку вера не только в свои способности, но и в свое счастье.

Отличиться в профессии, в которой лишь немногие достигают даже посредственных успехов, значит обнаружить несомненную исключительность или выдающийся талант. Общественный почет, окружающий такие выдающиеся таланты, всегда составляет часть их вознаграждения, большую или меньшую в зависимости от степени почета. Он входит значительной частью в вознаграждение и еще большею частью, пожалуй, в вознаграждение юриста, поэта и философа этот почет составляет почти единственное вознаграждение.

Существуют такие очень приятные и прекрасные таланты, которые обеспечивают их обладателям своего рода восхищение, использование которых в целях заработка признается, справедливо или в силу предрассудка, своего рода общественной проституцией. Ввиду этого денежное вознаграждение тех лиц, которые пользуются такими талантами с указанной целью, должно быть достаточно только для того, чтобы оплатить время, труд и расходы, потраченные на приобретение этих талантов, но и вознаградить за потерю репутации, связанную с превращением их в источник существования. Непомерное вознаграждение актеров, оперных певцов, танцовщиков и пр. объясняется этими двумя причинами: редкостью красоты талантов и плохой репутацией, связанной с использованием их указанным образом. С первого взгляда представляется нелепым, что мы презираем этих людей и вместе с тем вознаграждаем их таланты с самой расточительной щедростью. Но одно неразрывно связано с другим. Если общественное мнение или предрассудок

изменится по отношению к этим профессиям, их денежное вознаграждение быстро уменьшится. Большое число людей устремится к этим профессиям, и конкуренция быстро понизит цену их труда. Великие таланты, хотя и далеко не широко распространенные, не так редки, как думают. Многие обладают ими в совершенстве, но пренебрегают использовать их таким образом, и еще большее число людей способно приобрести эти таланты, если окажется возможным использовать их без нарушения приличий.

Увеличенное мнение большей части людей о своих способностях представляет собою давнее зло, отмеченное философами и моралистами всех веков. На нелепую веру людей в свою счастливую звезду обращалось меньше внимания. А между тем она, если возбудит, еще более распространена. Нет ни одного человека, мало-мальски здорового и бодро настроенного, который не разделял бы ее. Каждый более или менее переоценивает шансы удачи, а шансы, которыми пользуются большинство людей недооцениваются, и вряд ли найдется человек, мало-мальски здоровый и бодро настроенный, который не преувеличивал бы их.

Поскольку шансы удачи естественно переоцениваются, мы можем говорить о всеобщем успеху лотерей. На свете никогда не было и не будет вполне справедливой и честной лотереи, т. е. такой, в которой выигрыши уравнивали бы все потери, ибо в таком случае владелец ее не имел бы никакой выгоды. В государственных лотереях билеты в действительности не стоят той цены, какую уплачивают за них первоначальные подписчики, а между тем они обычно продаются на рынке с надбавкой в двадцать, тридцать и иногда сорок процентов. Необоснованная надежда выиграть один из главных выигрышей является единственной причиной такого спроса. Трезвые люди не считают безумием уплатить небольшую сумму за шанс выиграть десять или двадцать тысяч фунтов, хотя знают, что даже эта небольшая сумма, может быть, на двадцать или тридцать процентов превышает ту стоимость, которую представляет шанс на выигрыш. В лотерее, в которой ни один выигрыш не превышает бы 20 фунтов, спрос на билеты был бы меньше, хотя бы лотерея в других отношениях была гораздо справедливее и честнее обычных государственных лотерей. Чтобы заручиться большими шансами на получение одного из крупных выигрышей, некоторые люди покупают по несколько билетов, а другие—мелкие доли большого количества их. Однако одно из наиболее достоверных эмпирических положений состоит в том, что чем больше билетов вы можете приобрести, тем скорее вы окажетесь в проигрыше. Если вы купите на все билеты лотерей, и вы наверняка проиграете, и чем больше число ваших билетов, тем несомненное ваше проигрыш.

Поскольку шансы потери часто недооцениваются и почти никогда не переоцениваются, может засвидетельствовать нам весьма умеренный процент, взимаемый при страховании. При страховании какого-либо предприятия от огня или риска на море необходимо, чтобы сумма премии всех страхований была достаточна для покрытия всех

потерь, для оплаты расходов по управлению и для получения были, какая может быть получена с капитала соответствующих мер, вложенного в любую отрасль торговли или промышленности. Лицо, уплачивающее не более этого, оплачивает, очевидно, действительную стоимость риска или низшую цену, по какой может разумно рассчитывать застраховать его. Но хотя многие, кто занимался страховым делом, нажили немного, очень многие составили на нем крупные состояния; из одного этого представляется вполне очевидным, что обычный баланс прибыли и убытков в этом деле не более благоприятен, чем во всякой другой из остальных отраслей торговли, в которых столько людей находится в состоянии. Но как ни умеренна обыкновенно страховая премия, многие слишком пренебрежительно относятся к риску, чтобы ботиться уплатить эту премию. Беря в среднем все королевства увидим, что девятнадцать домов из двадцати или, скорее, девять из ста не застрахованы на случай огня. Риск на море в большинстве людей внушает больше опасений, и потому отношение застрахованных судов к числу незастрахованных гораздо выше, но многие пускаются в плавание в любое время года и даже во время войны без всякой страховки. Возможно, что иногда в нельзя видеть неосторожности. В том случае, когда крупная партия или даже крупный купец имеет на море двадцать или тридцать судов, они могут как бы страховать одно судно другим судном, номия на премии за все эти суда может с избытком покрыть потери, которым они подвергаются при обычном течении событий. Пренебрежительное отношение к страхованию судов, как и в большинстве случаев обусловлено не такими точными вычислениями, а чисто беззаботным легкомыслием и самоуверенным пренебрежением к риску.

Пренебрежительное отношение к риску и преувеличенная надежда на успех ни в один период жизни не проявляются так сильно, как в том возрасте, когда молодые люди выбирают себе профессию. В какой малой степени опасение неудачи способно тогда уравнивать надежды на удачу, еще очевиднее сказывается в готовности простонародья завербоваться в солдаты или отправляться в армию, чем в стремлении людей из более достаточных классов вступить в так называемые либеральные профессии.

Достаточно очевидно, что может потерять рядовой солдат, однако, несмотря на опасность, юные добровольцы никогда не записываются в армию с такой готовностью, как в начале новой войны, и хотя у них нет почти ни малейшего шанса на повышение в армии, они в своей юношеской фантазии воображают себе тысячи шансов приобрести славу и награды, которые никогда не представляются им. Эти романтические надежды составляют всю плату за пролитую ими кровь. Их жалованье не достигает платы простого поденщика, а во время действительной службы их труд гораздо утомительнее.

Жребий моряка не столь неблагоприятен, как жребий солдата. Сын пользующегося уважением рабочего или ремесленника

не может пуститься в море с согласия своего отца, но идти в солдаты всегда приходится без такого согласия. Другие видят для него большие шансы выбиться в люди, если он станет моряком, но никто, кроме него самого, не ожидает этого от солдатской карьеры. Великий успех вызывает меньше общественного уважения, чем великий успех на морской службе сулит менее блестящее состояние и почет, чем такой же успех на суше. Такая же разница наблюдается на всех ступенях морской и армейской службы. В армии правил старшинства, капитан во флоте равен по чину полковнику, но он не равен ему в общественном уважении. Если человек имеет мало крупных выигрышей, тем больше должно быть в нем уважения к небольшим выигрышам. Поэтому рядовые матросы чаще соглашаются на небольшое состояние и получают повышение, чем офицеры, и именно надежда на эти счастливые номера делает главным образом и делает привлекательной профессию матроса. Умение и ловкость гораздо выше у матросов, чем почти у всяких других рабочих, и хотя вся их жизнь представляет собою одну непрерывную цепь лишений и опасностей, они за все это, пока остаются в положении рядовых матросов, не получают почти никакого вознаграждения, кроме удовольствия развивать свою ловкость и преодолевать лишения и опасности. Их заработная плата выше заработной платы простых чернорабочих в порту, которая составляет норму заработной платы моряков. Так как они постоянно выезжают из порта в порт, месячная плата тех, кто отправляется в различные порты Великобритании, несколько выше заработной платы рабочих других категорий в этих же местах, и норма того же, куда направляется и откуда отплывает большинство моряков, а именно лондонского порта, определяет заработную плату во всех остальных портах. В Лондоне заработная плата большей части из этих различных категорий почти вдвое превышает заработную плату соответствующих групп в Эдинбурге. Но матросы, отплывающие из лондонского порта, редко зарабатывают на три или четыре фунта в месяц больше, чем отплывающие из Лейта, а часто зарабатывают еще того меньше. В мирное время и в торговом флоте лондонская плата колеблется между гинеей и двадцатью семью шиллингами за календарный месяц. Простой чернорабочий в Лондоне, получающий заработную плату в девять или десять шиллингов в неделю, может заработать в календарный месяц от сорока до сорока пяти фунтов. Правда, матрос сверх своего жалованья получает проценты, однако стоимость его не всегда превышает разницу между его платой и оплатой простого чернорабочего, а если иногда превышает, то излишек этот не может составить чистого выигрыша матроса, потому что он не может поделить им с своей женой и детьми, которых он вынужден содержать отдельно от себя на свою заработную плату.

Жизнь, полная приключений и опасностей, среди которых человек находится постоянно на волосок от смерти, не только не пугает молодых людей, но часто, кажется, привлекает их к про-

фессии моряка. Нежная мать из низших слоев народа часто опасается отправить своего сына в школу в портовый город, так опасается, что вид кораблей и рассказы матросов о приключениях побудят его пуститься в море. Отдаленная перспектива опасности из которых мы можем надеяться выпутаться благодаря мужеству и ловкости, не неприятна нам и ни в одной профессии не повышает заработную плату. Иначе обстоит дело с теми профессиями, в которых не помогают мужество и ловкость. В профессиях, известных своей чрезвычайной вредностью для здоровья, заработная плата всегда очень высока. Вредность работы для здоровья представляет собою особый вид неприятности, и ее влияние на заработную плату подчиняется общим условиям.

Во всех различных помещениях капитала обычная норма прибыли колеблется более или менее в зависимости от надежности или не надежности дохода. Последний, по общему правилу, менее сомнителен во внутренней торговле, чем во внешней, а в некоторых отраслях последней менее сомнителен, чем в других: в торговле с Севером Америкой, например, менее, чем в торговле с Ямайкой. Обычная норма прибыли всегда более или менее повышается в связи с большим риском. Однако повышение это, как кажется, не пропорционально увеличению риска или не вполне уравнивает его. Банкротства чаще всего происходят в наиболее рискованных отраслях торговли. Самая рискованная из всех профессий, профессия контрабандиста, неизбежно ведет к банкротству, хотя при удаче она более прибыльна. Здесь, повидимому, как и во всех других случаях, играет роль самонадеянная вера в успех, которая втягивает в эти рискованные предприятия столько авантюристических намерений, что их взаимная конкуренция понижает их прибыль ниже уровня необходимого для компенсации риска. Для компенсации риска в полной мере необходимо, чтобы общий доход, сверх обычной прибыли на капитал, не только покрывал все случайные потери и обеспечивал смельчакам добавочную прибыль, соответствующую прибыли страховых обществ. Но если бы обычный доход был достаточно точен для всего этого, банкротства в этих отраслях не были бы так часты, чем в других.

Таким образом, из пяти условий, влияющих на размеры заработной платы, только два условия отражаются на прибыли с капиталом: привлекательность или непривлекательность данного занятия и великий или меньший риск, связанный с ним. Что касается привлекательности или непривлекательности, то в этом отношении значительное большинство помещений капитала почти ничем или совершенно ничем не отличается друг от друга; совсем иначе обстоит дело с различными приложениями труда. Что же касается риска, то заработная прибыль на капитал повышается вместе с ним, но, как кажется, не всегда пропорционально ему. Из всего этого следует, что в данном обществе или данной местности средняя или обычная норма прибыли в различных сферах приложения капитала должна быть более близка к одному общему уровню, чем денежная заработная плата за раз-

виды труда. Так и бывает в действительности. Разница между заработком обыкновенного чернорабочего и заработком имеющего высокую практику юриста или врача, очевидно, значительно больше разницы между обычной прибылью в любых двух отраслях торговли и промышленности. К тому же кажущееся различие прибылей в различных отраслях обыкновенно является мнимым и объясняется тем, что мы смешиваем то, что следует считать заработной платой, с тем, что следует считать прибылью.

Прибыли аптекарей вошли в поговорку, они считаются необычайно высокими. Однако эта кажущаяся большая прибыль часто представляет собою лишь справедливую заработную плату за труд. Дело аптекаря—более тонкого и деликатного свойства, чем дело любого ремесленника, а доверие, с которым относятся к нему, имеет еще большее значение. Он является врачом бедняка во всех случаях и врачом богатого человека в тех случаях, когда жизнь или опасность не очень серьезна. Его вознаграждение должно соответствовать его искусству и ответственности, лежащей на нем, и обычно это вознаграждение заключается в цене, по которой он продает свои лекарства. Но все то количество лекарств, которое продаст за год в большом городе ведущий бойкую торговлю аптекарь, не стоит ему, пожалуй, больше тридцати или сорока фунтов. И хотя он продаст эти лекарства за триста или четыреста фунтов, т. е. с прибылью в одну тысячу процентов, это часто будет справедливой платой за его труд, переложенная на цену его лекарств тем единственным способом, каким он может переложить ее. Значительнейшая часть кажущейся прибыли представляет собою на самом деле заработную плату, имеющую внешний вид при-

были. В небольшом портовом городе мелочной торговец наживает на своем капитале в сотню фунтов сорок или пятьдесят процентов, крупный оптовый торговец в этом же городе выручает не более пяти или десяти процентов на капитал в десять тысяч. Мелочная торговля необходима для удовлетворения нужд жителей, и ограниченность рынка может не допускать вложения в дело более крупного капитала. Но мелочной торговец должен не только получать от своего промысла доходы на жизнь, но и получать доходы, соответствующие личным его качествам, которые требуются для данного промысла. Помимо обладания небольшим капиталом, он должен уметь читать, писать, считать, должен также уметь разбираться, может ли в пятидесяти или шестидесяти сортах товаров,—в их ценах, в их свойствах, знать, где их можно дешевле всего купить. Одним словом, мелочной торговец должен обладать всеми теми познаниями, которые необходимы крупному торговцу, каковым ему мешает сделаться только отсутствие достаточного капитала. Тридцать или сорок фунтов в год нельзя считать слишком высоким вознаграждением за труд человека, обладающего такими качествами. Если вычесть эту сумму из кажущейся высокой прибыли на его капитал, то остается, пожалуй, не больше, чем обычная прибыль на капитал. Значительней-

шая часть кажущейся прибыли и в данном случае представляю собою на самом деле заработную плату.

Разница между кажущейся прибылью в мелочной и оптовой торговле гораздо меньше в столице, чем в небольших городах или в торговых селах. В тех случаях, когда в розничную торговлю можно жить десять тысяч фунтов, заработная плата за труд мелочного торговца составляет совершенно ничтожное добавление к действительной прибыли со столь большого капитала. Поэтому видимая прибыль такого крупного розничного торговца близка к уровню прибыли оптовика. По этой причине товары, продаваемые в розницу, в лицах обыкновенно столь же дешевы и часто много дешевле, в маленьких городах и торговых селах. Бакалейные товары, например, обыкновенно намного дешевле, хлеб и мясо часто столь же дешевы. Доставка бакалейных товаров в большой город обходится дороже, чем в торговое село, тогда как доставка хлеба и скота обходится значительно дороже, ибо их приходится перевозить на гораздо большее расстояние. Поскольку, таким образом, себестоимость бакалейных товаров одинакова в обоих местах, они дешевле продаются там, где на них выручается меньшая прибыль. Себестоимость хлеба и мяса в большом городе выше, чем в торговом селе, и хотя прибыль на них в первом меньше, они там не всегда дешевле, но стоят в одной цене. При торговле такими продуктами, как хлеб и мясо, та же причина, которая уменьшает видимую прибыль, уменьшает себестоимость. Обширность рынка, допуская вложение большего капитала, уменьшает видимую прибыль; но, требуя продажи продуктов с более отдаленного расстояния, она увеличивает себестоимость. Это уменьшение первой и увеличение второй в большинстве случаев, как кажется, почти уравнивают друг друга, и это, вероятно, объясняет тот факт, что цены на хлеб и мясо в большей части королевства обыкновенно стоят почти на одном уровне, хотя цены на хлеб в зерне и на скот обычно весьма различны в различных частях страны.

Хотя прибыль на капитал как в оптовой, так и в розничной торговле обыкновенно в столице ниже, чем в небольших городах и торговых селах, однако крупные состояния часто вырастают из большого предприятия в столице и почти никогда — в небольших городах и торговых селах. В небольших городах и торговых селах вследствие малой емкости рынка торговлю не всегда возможно расширять в соответствии с возрастанием капитала. Поэтому, в таких местах норма прибыли отдельного лица может быть очень высока, сумма или размеры ее никогда не могут быть очень велики, а следовательно, не может быть велико и его ежегодное накопление. В больших городах, напротив, предприятие можно расширять по мере возрастания капитала, а кредит бережливого и расчетливого человека увеличивается еще быстрее, чем его капитал. Его предприятие расширяется в соответствии с ростом того и другой, сумма или размеры его прибыли пропорциональны размерам предприятия, а его ежегодное накопление пропорционально раз-

прибыли. Однако редко случается, чтобы крупные состояния выросли в больших городах наживались в давно установившихся отраслях торговли или промышленности иначе, чем после долгих годов трудовой и бережливой жизни. В таких местах состояния нередко создаются благодаря так называемой спекуляции. Купец-спекулянт не занимается какой-нибудь одной регулярно установившейся и широко известной отраслью торговли. В одном году он торгует зерном, в следующем — вином, а затем садовыми растениями, табаком или чаем. Он хватается за любое торговое дело, которое обещает ему прибыль выше обычной, и он бросает его, как только замечает, что прибыль от него понижается до уровня других отраслей торговли. Его прибыли и убытки поэтому не могут быть в каком-либо соответствии с прибылями и убытками в какой-либо отрасли установившейся и общеизвестной отрасли торговли. Смелый авантюрист может иногда приобрести значительное состояние в результате одной или трех успешных спекуляций, но с такой же вероятностью может потерять целое состояние вследствие двух или трех неудачных спекуляций. Такую спекулятивную торговлю можно вести только в крупных городах. Только там, где торговые дела и торговая корреспонденция получили широкое распространение, можно получить все необходимые для этого сведения.

Хотя пять условий, указанных выше, вызывают значительное равенство заработной платы и прибыли на капитал, они не оказывают влияния на общую сумму действительных или воображаемых доходов или невыгод, связанных с тем или иным приложением труда на капитал. По самому существу своему они возмещают малые различия денежного вознаграждения в одних отраслях и уравнивают слишком высокое вознаграждение в других.

Однако для соблюдения такого равенства в общей сумме выгод и невыгод необходимы, даже при наличности наиболее полной свободы, три следующие условия: во-первых, данная отрасль торговли и промышленности должна быть хорошо всем известна и давно утвердиться в данной местности; во-вторых, она должна находиться в своем нормальном или, так сказать, естественном состоянии; в-третьих, она должна быть единственным или главным занятием того, кто посвящает себя ей.

Во-первых, это равенство может иметь место лишь в тех занятиях, которые хорошо известны и давно установились в данной местности.

При прочих равных условиях заработная плата обыкновенно бывает выше в новых, чем в старых отраслях промышленности и торговли. Когда какой-нибудь предприниматель приступает к учреждению нового производства, он должен сперва отвлечь нужных ему рабочих от других отраслей промышленности, прельщая их более высокой заработной платой, чем та, которую они могут получить на своих прежних местах или которая вообще соответствует характеру их труда. И должно пройти значительное время, прежде чем он сможет решиться сократить ее до обычного уровня. Производ-

ства, спрос на продукты которых вызывается вообще модой и ка- зами потребителей, постоянно меняются и редко существуют с продолжительное время, чтобы их можно было считать прочно у- дившимися производствами. Напротив, те производства, проду- которых удовлетворяют преимущественно необходимые или при- ные потребности, менее подвержены изменениям, и одни и те же со- бы производства могут удовлетворять спрос в течение целых лет. Ввиду этого заработная плата в производствах первого должна быть выше, чем в производствах второго рода. В Бирминг- преобладают предприятия первой категории, в Шеффилде- рой, и заработная плата в этих двух пунктах, как сообщают, с- ветствует такому различию в характере их производств.

Введение новой отрасли производства или торговли или по- метода в земледелии всегда представляет собою своего рода спе- цию, от которой предприниматель ожидает получить чрезвычай- прибыль. Прибыли эти иногда бывают очень велики, но ино- а может быть и чаще всего, бывает совершенно противоположно- по общему правилу прибыли эти не находятся ни в каком прав- ном соответствии с прибылями других, старых отраслей промыс- лости и торговли в данной местности. В случае успеха предпри- прибыль обыкновенно бывает вначале очень высока. Когда же- ная отрасль производства или торговли или новый метод впо- упрочивается и становится общеизвестным, конкуренция умень- прибыль до обычного уровня ее в других отраслях.

Во-вторых, это равенство общей суммы выгод и невыгод для- личных приложений труда и капитала может иметь место только- обычном или, так сказать, естественном состоянии их.

Спрос почти на все отдельные виды труда то сильнее, то сл- обычного. В одном случае выгоды данного приложения труда ув- чиваются, в другом—уменьшаются по сравнению с обычным у- нем их. Спрос на сельскохозяйственных рабочих сильнее в пору- нокоса и жатвы, чем в течение большей части года, и заработная- та повышается вместе с усилением спроса. Во время войны, ко- от сорока до пятидесяти тысяч матросов отвлекаются из торго- флота в военный, спрос на матросов для торговых судов необход- усиливается соответственно уменьшению их числа, и их зароб- плата в таких случаях обыкновенно повышается с гиней и двадца- семи шиллингов до сорока шиллингов и трех фунтов в месяц. против, в производстве, клонящемся к упадку, многие рабоче- желая покидать привычную работу, удовлетворяются более низ- заработной платой, чем та, которая соответствовала бы вообще- характеру их работы.

Прибыль на капитал колеблется вместе с колебаниями и- товаров, на изготовление которых он употребляется. При возр- нии цены какого-либо товара выше ее обычной или средней по- прибыль, по крайней мере на некоторую часть капитала, затра- ного на доставление его на рынок, повышается сравнительно- обычным уровнем, а при понижении этой цены—падает ниже

ны всех товаров более или менее подвержены колебаниям, но эти- бания более значительны для одних товаров, чем для других. производстве всех товаров, создаваемых человеческим трудом, количество труда, ежегодно затрачиваемого, необходимо регули- тся годовым спросом, так что средняя годовая продукция по- возможности соответствует среднему годовому потреблению. Как уже- то указано, в некоторых отраслях одно и то же количество труда- дает всегда одно и то же или почти одно и то же количество то- ов. В полотняном или шерстяном производстве, например, одно- то же число рабочих выработает ежегодно почти одно и то же- количество полотна и шерстяной материи. Поэтому колебания ры- ной цены таких товаров могут происходить только в резуль- е каких-либо случайных колебаний спроса. Общественный траур- вынает цену черного сукна, но ввиду того, что спрос на большую- ть сортов полотняных и шерстяных материй почти неизменен, и цена их тоже устойчива. Но существуют и другие отрасли, одно и то же количество труда не всегда производит одинаковое- количество товаров. Так, например, одно и то же количество труда- т в различные годы весьма различные количества хлеба, вина, яля, сахару, табаку и пр. Цена таких товаров колеблется поэтому- зависимости не только от колебаний спроса, но и от еще больших- более частых колебаний их количества, и ввиду этого чрезвычайно- менчива. Но вместе с колебаниями цен товаров необходимо колеб- тся и прибыли некоторых купцов. Операции купцов-спекулянтов- правлены, главным образом, на такого рода товары. Они стараются- упить их, когда предвидят вероятное возрастание их цены, и про- рать их, когда ожидается ее падение.

В-третьих, равенство общей суммы выгод и невыгод для различ- х приложений труда и капитала может иметь место только в тех- мышлах, которые представляют собою единственную или глав- ю профессию лиц, занимающихся ими.

В тех случаях, когда кто-либо получает средства существования- одного занятия, не отнимающего большую часть его времени, он- то в часы досуга готов работать в другом занятии за более низкую- ту, чем та, которая вообще соответствует характеру этого занятия. До настоящего времени во многих частях Шотландии существует- е категория людей, называемых *коттэрами* или *коттэджерами*¹,- я несколько времени тому назад они встречались чаще, чем теперь.- своего рода батраки лэндлордов и фермеров, не живущие в усадь- последних. Они обычно получают от своих хозяев вознаграждение- виде хижины и небольшого огорода, сено в количестве, необходи- м для прокормления коровы, а иногда акр или два плохой пахот- ой земли. Когда хозяин нуждается в их труде, он дает им, сверх- занного, два гарнца овсяной крупы в неделю стоимостью около- тнадцати пенсов. В течение большей части года он мало или сов- не нуждается в их труде, а обработка предоставленного им малень-

[От слова cottage—хижина.]

кого участка не занимает всего того времени, которое имеется в распоряжении. Когда такие батраки были более многочисленны, в настоящее время, они, как передают, охотно отдавали свое свободное время кому угодно за весьма ничтожное вознаграждение и работали за меньшую заработную плату, чем другие рабочие. В давно минувшие времена такие крестьяне-батраки были, повидимому, общим явлением во всей Европе. В странах мало культурных и менее населенных большая часть землевладельцев и фермеров не могли иным способом обеспечить себе то чрезвычайное количество рабочих рук, которое требуется для сельского хозяйства в определенных районах. Та подневная или еженедельная плата, которую такие батраки получали время от времени от своих хозяев, очевидно, не соответствовала полной цены их труда. Их небольшой клочок земли составлял значительную ее часть. Однако многие писатели, собирая данные о ценах на труд и на предметы продовольствия в прежние времена, повидимому, считали это подневное или недельное вознаграждение полной платой за труд и потому могли с удовольствием констатировать ее удивительно малые размеры.

Продукт такого труда часто оказывается на рынке дешевле, чем это соответствовало бы его характеру. Чулки во многих частях Шотландии вяжут гораздо дешевле, чем в других местах, где их готовят на станках, и это потому, что их вяжут работницы, которые главную часть своих средств к существованию получают от других занятий. Более тысячи пар чулок привозится ежегодно с Шотландских островов в Лейт, причем цена их колеблется от пяти до семи пенсов за пару. В Лирвике, скромной столице Шотландских островов, как меня уверяли, десять пенсов в день составляют обычную плату за простой труд. На этих же островах население вяжет шерстяные чулки ценою в одну гинею и выше за пару.

Прядение льняной пряжи в Шотландии производится почти так же, как и вязание чулок, т. е. работницами, которые нанимаются главным образом, для других целей. Те, кто пытаются заработать на жизнь исключительно одним из этих видов труда, ведут весьма бедное существование. В большей части Шотландии хорошей поддельщицей считается та, которая может заработать двадцать пенсов в неделю.

В богатых странах рынок сбыта обычно так обширен, что для занятия достаточно для того, чтобы поглотить весь труд и капитал лица, занимающегося им. Примеры людей, живущих одним занятием и в то же время получающих какие-либо выгоды от другого, встречаются, главным образом, в бедных странах. Однако следующий пример подобного явления встречается также в столице очень богатой страны. Нет, мне думается, такого города в Европе, где квартирная плата дороже, чем в Лондоне, и тем не менее я не знаю столицы, в которой можно было бы за более дешевую плату нанять меблированную квартиру. Квартиры в Лондоне не только дешевле, чем в Париже, но, при равных удобствах, много дешевле даже, чем в Эдинбурге, и, что может показаться удивительным, высокая плата за арен-

ного дома является причиной низкой платы за аренду квартир. Такой уровень арендной платы за целый дом в Лондоне обусловлен не только теми причинами, которые влияют в том же направлении во всех крупных столицах: дороговизной труда, дороговизной строительных материалов, которые по общему правилу приходится подвозить издалека, и сверх того высокою земельною рентою, которую каждый землевладелец выступает в качестве монополиста и берет за один акр плохой земли в городе более высокую плату, чем можно получить за сто акров лучшей земли в деревне,— обусловлен отчасти особыми привычками населения, обязывающими каждого главу семейства снимать целый дом от подвала до чердака. Под квартирой в Лондоне понимают всякое жилое помещение под одной крышей; во Франции, Шотландии и многих других частях Европы под нею часто понимают лишь один этаж. Лондонский купец нуждается снимать целый дом в той части города, где живут его родители. Его магазин помещается в нижнем этаже, а он и его семья живут на самом верхнем этаже; и он старается покрыть часть своей арендной платы за дом сдачей от себя двух средних этажей. Он берет в виду содержать свою семью доходом с торговли, а не выручкой от сдачи квартир в наем, тогда как в Париже и Эдинбурге лица, сдающие квартиры, не имеют обычно других источников существования, и плата за квартиры должна не только покрывать наемную плату за весь дом, но и хватать на покрытие всех расходов семьи.

Отдел II. Неравенства, вызываемые вмешательством государства

Каковы неравенства в общей сумме выгод и невыгод различного приложения труда и капитала,—неравенства, которые вызываются вмешательством одного из трех вышеуказанных условий даже в тех случаях, когда существует полнейшая свобода. Но политика вмешательства правительств Европы, не допуская полной свободы, порождает другие неравенства, которые имеют гораздо более важное значение.

Политика вмешательства действует следующими тремя способами: во-первых, ограничивая конкуренцию в некоторых промыслах большим числом людей, чем сколько обратилось бы к ним без такого вмешательства; во-вторых, усиливая конкуренцию в других промыслах сравнительно с тем, что было бы при естественных условиях; и, в-третьих, стесняя свободный переход труда и капитала от одного промысла к другому и с одного места в другое.

Политика вмешательства порождает весьма важное неравенство в общей сумме выгод и невыгод различного приложения труда и капитала, ограничивая в некоторых промыслах конкуренцию меньшим числом людей, чем сколько обратилось бы к ним без такого вмешательства.

Главным средством, применяемым для этого, являются исключительные привилегии цеховых корпораций. Исключительная привилегия какого-нибудь зарегистрированного

цеха неизбежно ограничивает конкуренцию в городе, где он существует, теми лицами, которые состоят в цехе. Для доступа в обыкновенно необходимо пробыть в этом городе учеником у мастера, состоящего в цехе. Цеховые постановления иногда устанавливают количество учеников, которое допускается держать каждому мастеру, и почти всегда устанавливают продолжительность ученичества. Постановления того и другого рода имеют целью ограничить конкуренцию меньшим числом людей, чем это было бы при отсутствии таких стеснений. Ограничение числа учеников сокращает конкуренцию непосредственно. Продолжительность срока ученичества ограничивает ее косвенным, но не менее действительным образом, поскольку увеличивает расходы на обучение мастерству.

В Шеффилде постановлением цеха ни одному мастеру-ножовщику не дозволяется держать более одного ученика. В Норвиче и Норфольке ни один ткацкий мастер не имеет права держать более десяти учеников под угрозой штрафа в пользу короны в пять фунтов в месяц. Повсеместно в Англии, а также в английских колониях один мастер-шляпник не может держать более двух учеников под угрозой штрафа в пять фунтов в месяц, из которого половина в пользу короны, а другая в пользу заявившего о том суду. Оба последние постановления, хотя они и утверждены законом королевы, очевидно продиктованы тем же цеховым духом, каким внушены и шеффилдский статут. Не прошло и года со времени учреждения в Лондоне цеха шелкоткачей, как они издали постановление, ограничивающее число учеников у каждого мастера двумя. Потребовался специальный акт парламента для отмены этого постановления.

Повидимому, с давних пор по всей Европе обычная продолжительность ученичества в большинстве цехов была установлена в семь лет. Все такие цеховые корпорации в старые времена назывались университетами — от латинского слова, означающего корпорацию вообще. Университет кузнецов, университет портных и т. д. — такие выражения мы обыкновенно встречаем в старинных документах и хартиях старых городов. Когда впервые учреждались эти цеховые корпорации, которые ныне собственно и называются университетами, срок продолжительности обучения для получения степени магистратских наук или искусств был, повидимому, приурочен к сроку ученичества обычных ремесел, цехи которых возникали гораздо раньше. Подобно тому как было необходимо проработать семь лет у полноправного мастера для того, чтобы стать самому мастером и иметь учеников в каком-либо ремесле, точно так же требовалось заниматься у ответственного полноправного магистрата в течение семи лет, чтобы стать магистром, учителем или доктором (в старые времена это были синонимы) либеральных профессий и держать школьников или учеников (слова эти первоначально тоже были синонимами).

Законом в 5-й год правления Елизаветы, обыкновенно называемый законом¹ об ученичестве, было установлено, чтобы никто не

занимался каким-либо ремеслом, искусством или мастерством, существовавшими в ту пору в Англии, не пробыв предварительно по крайней мере семи лет в ученичестве. Таким образом, частные постановления многих отдельных корпораций превратились в Англии в общеобязательный закон для всех ремесел в городах Англии. Ибо выражения этого закона были очень общи и, очевидно, подменяли все королевство, однако путем толкования его действие ограничено одними городами; было признано, что в деревнях лицо может заниматься несколькими различными ремеслами, оно и не отбыло семилетнего ученичества в каждом из них, как ремесла эти необходимы для удобства жителей, а количество последних недостаточно для того, чтобы каждым ремеслом занимались особые люди.

Кроме того, точное толкование выражений закона ограничивало действие теми ремеслами и промыслами, которые существовали в Англии до 5-го года правления Елизаветы, и никогда не распространялось на ремесла, которые появились после этого времени. Такое ограничение породило ряд различий, которые, с точки зрения определенной политики, представляются в высшей степени несправедливыми. Было установлено, например, что каретник ни сам, ни через своих работников не имеет права изготовлять колеса для своих карет, а должен покупать их у мастера-колесника, ибо позднее ремесло существовало в Англии до 5-го года правления Елизаветы. Но колесник, хотя он и не пробыл в ученичестве у каретника, имел право делать сам или при помощи своих работников колеса и экипажи, ибо ремесло каретника не подходит под действие закона, так как не существовало в Англии ко времени его издания. Кроме того, ремесла из мануфактур Манчестера, Бирмингама и Уольвергемптоншира ввиду этого не подлежат действию этого закона, поскольку они существовали в Англии до 5-го года правления Елизаветы.

В Франции продолжительность ученичества различна в различных городах и в различных ремеслах. В Париже во многих ремеслах требуется пятилетний срок; но до получения права заниматься ремеслом в качестве самостоятельного мастера кончивший срок ученичества во многих ремеслах должен еще прослужить пять лет в качестве подмастерья. В течение этого времени он называется компаньоном, товарищем своего мастера, а самый срок этот называется товариществом, компаньонажем.

В Шотландии нет закона, устанавливающего всеобщий срок ученичества. В различных ремеслах этот срок неодинаков. Когда он продолжителен, он может быть сокращен уплатою небольшого взноса. Точно так же в большинстве городов за весьма незначительную сумму можно приобрести право вступления в любой цех. Ткачи полотна и пеньеры, главных производств в стране, а также все другие подсобные ремесленники, каковы колесники, шпильщики и пр., могут заниматься своим ремеслом в любом городе с цеховым устройством, не внося никакого взноса. Во всех цеховых городах каждое лицо имеет право продавать мясо в установленный законом день недели.

¹ [Издан в 1563 г., отменен в 1814 г.]

Обычный срок ученичества в Шотландии ограничивается годами даже в некоторых очень сложных ремеслах, и вообще я знаю другой страны в Европе, где цеховые постановления были менее стеснительны.

Самое священное и неприкосновенное право собственности — право на собственный труд, ибо труд есть первоначальный источник всякой собственности вообще. Все достояние бедняка заключено в силе и ловкости его рук, и мешать ему пользоваться этой силой и ловкостью так, как он сам считает для себя удобным, если только он не вредит своему ближнему, значит прямо посягать на эту священнейшую собственность. Это представляет собою явное посягательство на законную свободу как самого работника, так и кто хотел бы нанять его. Такие ограничения препятствуют работнику работать так, как он считает выгодным, а остальным людям нанимать тех, кого они хотят. Судить о том, пригоден ли работник для работы, можно смело предоставить разумению самих нанимателей, которых это больше всего касается. Преувеличенная забота законодателя о том, чтобы они не нанимали неподходящих работников, очевидно столь же неуместна, сколько стеснительна.

Институт продолжительного ученичества не может дать никакой гарантии того, что в продажу не будут часто поступать плохо изготовленные изделия. Последнее происходит обычно в результате обмана, а не благодаря неумению, а продолжительное ученичество не может гарантировать от обмана. Для предупреждения этого необходимы совершенно иные меры. Проба на серебряных изделиях и клеймо на полотне и шерстяной материи дают покупателю гораздо большую гарантию, чем любой статут об ученичестве. Покупатель обыкновенно обращает внимание на наличность пробы или клейма, но никогда не считает нужным осведомляться, отбыл ли семилетний срок ученичества работник, изготовивший эти предметы.

Институт продолжительного ученичества отнюдь не имеет tendency готовить молодежь к промышленному труду. Подмастерья, работающий поштучно, наверное будет очень трудолюбив, поскольку он получает выгоду от своего старания. Ученик наверное будет трудолюбив, и почти всегда так и бывает, потому что у него нет непосредственного интереса не быть ленивым. В более грубых профессиях приятность труда состоит исключительно в вознаграждении за труд. Чем скорее данное лицо сможет получить вознаграждение за свой труд, тем скорее оно, наверное, почувствует вкус к труду и привычку к работе. Юноша, естественно, приобретает отвращение к труду, если в течение продолжительного времени он не получает от него никакой выгоды. Мальчики, отдаваемые в ученики обществными благотворительными учреждениями, обыкновенно отдаются на более продолжительный срок, и по общему правилу из них выходят очень ленивые и негодные работники.

Ученичество было вообще неизвестно древним. Взаимные обязанности мастера и ученика занимают значительное место во всех современных законодательствах. Римское право совершенно ума-

об этом. Я не знаю ни одного греческого или латинского слова, которое бы означало (кажется, я смело могу утверждать, что таких слов в этих языках не существует), выражающего то понятие, которое мы ныне подразумеваем со словом ученичество, т. е. понятие работника, занятого в каком-либо ремесле или профессии в пользу мастера в течение определенного количества лет, при условии, что мастер обучает его данной профессии.

Продолжительное ученичество вообще не нужно. Специальности, которые гораздо выше обычных ремесел, как, например, изготовление маннских и стенных часов, не знают таких секретов, чтобы требовалось долгое обучение. Конечно, первоначальное изобретение этих часовых механизмов и даже некоторых из инструментов, употребляемых при изготовлении их, было плодом глубокой мысли и продолжительного времени, и его справедливо следует считать одним из самых счастливых результатов человеческой изобретательности. После того, как они были изобретены и хорошо поняты, вряд ли требуется более нескольких недель для объяснения во всех подробностях молодому работнику, как пользоваться этими инструментами, и как изготовлять эти механизмы. Пожалуй, достаточно даже для этого нескольких дней. В простых механических ремеслах безусловная достаточность нескольких дней. Правда, даже в самых простых ремеслах сноровка приобретается только в результате продолжительной практики и опыта. Но молодой работник будет практиковаться с гораздо большей старательностью и вниманием, если с самого начала будет работать в качестве подмастерья, получая плату пропорционально той небольшой работе, которую он сумеет выполнить, а не платившая в свою очередь за материалы, которые ему случится израсходовать благодаря своей неловкости и неопытности. При таких условиях его обучение, по общему правилу, было бы более успешным во всяком случае менее продолжительным и не так дорого. Конечно, при таком порядке терял бы мастер. Он терял бы всю ту заработную плату ученика, которая теперь остается у него в кармане в течение все семь лет обучения. В конечном счете, может быть, терял бы и сам ученик. В ремесле, которому так легко обучиться, у него было бы больше конкурентов, и его заработная плата, когда он становился взрослым рабочим, была бы ниже, чем в настоящее время. То самое усиление конкуренции уменьшало бы прибыль мастера, но как и заработную плату рабочих. Теряли бы все ремесла, все искусства, все профессии. Но выиграло бы население, ибо труд всех ремесленников сделался бы много дешевле.

Все цехи и большая часть цеховых правил были учреждены именно для того, чтобы посредством ограничения свободной конкуренции, которая необходимо приводит к падению цен, а следовательно, и заработной платы и прибыли, предотвратить такое падение. В прежние времена во многих частях Европы для учреждения цеха не требовалось никакой иной власти, кроме городских властей того места, в котором они учреждались. Правда, в Англии требовалась также санкция от короля. Но эта королевская прерогатива, повидимому,

была установлена скорее в целях вымогательства денег от подданных, чем в интересах защиты общественной свободы от таких притеснительных монополий. Повидимому, такого рода хартии охотно давались по уплате определенной суммы королю; и когда представители того или иного вида ремесла или торговли считали нужным выступать в качестве корпорации, не имея на то хартии, такие незаконные гильдии, как их называли, не всегда распускались, а их лишь заставляли платить в пользу короля ежегодно определенную денежную сумму за разрешение пользоваться узурпированными ими привилегиями¹. Непосредственный надзор за всеми цехами и издаваемыми ими правилами, которые они считали нужным устанавливать для урегулирования своих дел, принадлежал управлению города, в котором они устанавливались; и меры воздействия по отношению к ним, если они предпринимались, исходили не от короля, а от обширной корпорации, частью или членами которой они сами являлись.

Управление городами, в которых существовали цехи, находилось вообще в руках торговцев и ремесленников, и очевидно в интересах всех групп этих ремесленников и торговцев было противодействовать тому, чтобы рынок был переполнен, как они обыкновенно выказываются, изготавливаемыми ими продуктами, а это значит, что в действительности заинтересованы были в постоянном недоснабжении рынка. Каждая группа ремесленников и торговцев стремилась установить ограничения, ведущие к этой цели, и, поскольку это не пускалось, была готова согласиться, чтобы всякая другая группа делала то же самое. В результате подобных ограничений каждая группа, правда, должна была покупать все нужные ей товары другой группы в пределах того же города по более дорогой цене, чем могла бы за пределами города. Но возмещалось это тем, что каждая из них могла продавать свои товары настолько же дороже следовательно, столько же выигрывала, сколько теряла. Таким образом, в торговых сделках различных групп городского населения между собою ни одна из них не теряла благодаря таким указанным ограничениям. Но в своих сделках с деревней все они выигрывали, а ведь именно торговля с деревней, главным образом, обогащает города.

Все города получают главные свои средства существования и все сырье для промышленности из деревни. Город платит за это деревне двумя способами: во-первых, отдавая деревне часть этого сырья в переработанном виде; в таком случае цена сырья увеличивается на всю сумму заработной платы рабочих и прибыли предпринимателей или мастеров; во-вторых, отдавая деревне часть сырья и готовых изделий, которые город возит из других стран или из отдаленных частей той же страны; в таком случае первоначальная цена продуктов тоже увеличивается на всю сумму заработной платы перевозчиков и матросов и прибыли купцов, занимающих

¹ См. *Madox*, *Firma Burgi*, p. 26 etc.

Барыш, извлекаемый из первой отрасли торговли, представляет большую выгоду, которую город получает от своих ремесел; барыш второго вида торговли представляет собою выгоды, даваемые внутренней и внешней торговлей. Заработная плата рабочих и прибыли предпринимателей покрывают собою всю сумму барыша, даваемого обоими видами торговли и промышленности. Ввиду этого все предприятия, стремящиеся к увеличению этой заработной платы и прибыли сверх их нормального размера, позволяют городу покупать меньшие количества своего труда продуктом большего количества труда деревни. Они ставят торговцев и ремесленников города в предрешенное положение сравнительно с землевладельцами, фермами и рабочими в деревне и нарушают естественное равновесие, которое в противном случае имело бы место в торговле между городом и деревней. Весь ежегодный продукт труда общества ежегодно разделяется между этими двумя различными группами населения. В силу указанных ограничений большая часть этого продукта достается на долю жителей города, чем это имело бы место при отсутствии этих ограничений, и меньшая доля — жителям деревни.

Выгода, которую город уплачивает в действительности за продовольствие и материалы, ежегодно ввозимые им, выражается в общем количестве промышленных изделий и других товаров, ежегодно ввозимых из него. Чем дороже продаются последние, тем дешевле покупаются первые. Городская промышленность получает больше, труд деревни оказывается менее выгодным.

В том, что городская промышленность повсюду в Европе более выгодна, чем сельскохозяйственный труд, мы можем удостовериться, вводя в сложные вычисления, на следующем весьма простом и известном примере. В любой европейской стране на целую сотню жителей, приобретших большие состояния, хотя они начали с очень малого дела в торговле или мануфактуре, т. е. в отраслях преимущественно городских, приходится лишь один человек, приобретший состояние в какой-нибудь отрасли сельского труда, сводящегося к добычи сырья при помощи улучшения и обработки почвы. Промышленный труд, таким образом, должен лучше вознаграждаться, заработная плата и прибыль с капитала должны быть больше в городе, чем в деревне. Но капитал и труд, естественно, ищут самого выгодного приложения. Поэтому они по мере возможности притекают в город и покидают деревню.

Жители города, будучи собраны в одном месте, легко могут соглашаться между собою и вступать в соглашения. Ввиду этого даже самые незначительные городские ремесла объединялись почти все в цехи; и даже там, где они не объединялись в цехи, среди них обыкновенно преобладают корпоративный дух, вражда к чужакам и посторонним, нежелание держать учеников или сообщать секреты своего ремесла; часто добровольными организациями и соглашениями они предупреждают ту свободную конкуренцию, которую они не могут воспрепятствовать изданием соответствующих постановлений. Ремесла, в которых занято очень немного людей, наиболее

легко достигают таких соглашений. Полдюжины чесальщиков нужны для того, чтобы дать материал для работы тысяче прядщиков и ткачей. Сговорившись не брать учеников, они могут только обеспечить себе обилие работы, но и поставить всю эту расль промышленности в своего рода рабскую зависимость от и повысить цену своего труда намного выше того уровня, кото соответствует характеру их работы.

Сельские жители, рассеянные на больших пространствах дру друга, не легко могут сговариваться между собою. И они не то никогда не объединялись в цехи, но среди них никогда так преобладал цеховой дух. Никогда не признавалось необходимо установить ученичество для допущения к занятию сельским хо ством, к главному занятию деревни. Но если не считать изящ искусства и либеральные профессии, не существует, пожалуй, нятия, которое требовало бы столь разнообразных знаний и та обширного опыта. Бесчисленные книги, написанные на всех яз об этой отрасли труда, могут свидетельствовать нам, что среди са мудрых и ученых наций на сельское хозяйство никогда не смот как на очень легко доступное занятие. И тщетно мы старались почерпнуть из всех этих томов знакомство со всеми разнообраз и сложными сторонами этого хозяйства, которые известны даже довому фермеру, как бы презрительно ни говорили иногда о некоторые высокомерные авторы. Напротив, вряд ли существует кое механическое ремесло, все операции которого нельзя было подробно и вполне ясно изложить в брошюрке в несколько страни насколько это возможно сделать при помощи слов, поясняя чертежами. В самом деле, в Истории искусств и ремесл, ныне ваемой французской академией наук, многие из них так им и объясняются. Кроме того, руководство операциями, которые дол меняться в зависимости от каждой перемены погоды, а также других случайных обстоятельств, требует гораздо большей соо зительности, чем в том случае, когда операции эти всегда одни же или почти одни и те же.

Не только ремесло фермера, общее управление сельским хо ством, но и многие низшие отрасли сельского труда требуют гор больше искусства и опыта, чем большинство механических рем Человек, который работает над медью или железом, работает ине ментами и с материалом, характер которых неизменен или почти изменен. Между тем работник, который пашет землю при помощи пряжки лошадей или быков, работает с инструментами и орудия здоровья, сила и настроение которых весьма различны в различ случаях. Качество материала, с которым он работает, тоже не м изменчиво, чем его орудия и инструменты, обращение с тем и гим требует от него большой сообразительности и внимания. И стой пахарь, хотя обычно его считают образцом глупости и жества, в большинстве случаев обладает такой рассудительн и вниманием. Правда, он менее общителен, чем механические р чие, живущие в городе. Его голос и язык более грубы, и их тру

ть тем, кто не привык к ним. Но его умственные способности, кольку он привык наблюдать большее разнообразие предметов, кновенно гораздо выше способностей тех, все внимание которых ра до ночи обычно направлено на выполнение одной или двух ма простых операций. Насколько в действительности низшие и народа в деревне превосходят в умственном отношении город е простонародье, хорошо известно всякому, кого дела или любо ельность побуждали часто беседовать с теми и другими. Ввиду о в Китае и Индостане, как утверждают, положение сельских рчих и их заработная плата выше положения и заработной платы шней части ремесленников и мануфактурных рабочих. Так было вероятно, повсеместно, если бы этому не препятствовали цехо- законы и цеховой дух.

Преобладание городской промышленности над сельской во всех нах Европы объясняется не исключительно существованием це- и цеховых законов. Оно поддерживается многими другими по- овлениями властей. Высокие пошлины на ввозимые из-за гра- ы мануфактурные товары и на все вообще товары, ввозимые ино- нными купцами, ведут к тому же самому. Цеховые законы поз- яют жителям города повышать цены на их товары, не опасаясь одной конкуренции их собственных соотечественников. Указан- пошлины обеспечивают их равным образом и от конкуренции странцев. Повышение цен, обусловленное этими двумя приче- и, в конце концов оплачивается землевладельцами, фермерами льскими рабочими, которые редко оказывали сопротивление вве- но таких монополий. Они обыкновенно и не склонны и не спо- ы вступать в такие соглашения; а вопли и софистические до- ы купцов и фабрикантов легко убеждают их в том, что частный ерес одной части, и притом незначительной части общества, тож- вен с общим интересом целого.

Великобритании преобладание городской промышленности над ской раньше, повидимому, было гораздо значительнее, чем стоящее время. Заработная плата в деревне более приближается к заработной плате промышленного труда, а прибыль на ка- л в сельском хозяйстве не так отстает от прибыли на торговый омышленный капитал, как это было, повидимому, в минувшем етии или в начале настоящего. Эту перемену следует считать не- димым, хотя и запоздавшим последствием тех чрезвычайных имуществ и покровительства, которыми пользовалась городская ышленность. Накопленный в городах капитал в конце концов овится столь значительным, что уже нет возможности прилагать к делу с прежнюю прибыльью в тех отраслях промышленности, ые обычны в городах. Эти отрасли промышленности, как и вся- другие, имеют свои пределы; возрастание капитала, имея своим ствием усиление конкуренции, необходимо ведет к уменьшению были. А понижение прибыли в городе ведет к отливу капитала деревню, который, создавая новый спрос на сельский труд, необ- мо ведет к повышению заработной платы. Капитал, если можно

так выразиться, растекается затем по всему лицу страны, и, будучи вложен в сельское хозяйство, он отчасти возвращается в деревню за счет которой в значительной мере был первоначально накоплен в городе. В дальнейшем я попытаюсь показать, что повсюду в Европе все крупнейшие улучшения в сельском хозяйстве и подвешены были обусловлены таким приливом капитала, первоначально накопленного в городах. Одновременно с тем я попытаюсь доказать, что хотя некоторые страны таким путем достигли значительной степени богатства, такое развитие, однако, само по себе по необходимости совершается медленно, ненадежно, подвержено перерывам в силу бесчисленных случайностей и во всех отношениях противно естественному порядку и разуму. В третьей и четвертой книгах настоящего исследования я попытаюсь, по возможности, полно и отчетливо объяснить те интересы, предрассудки, законы и обычаи, которые служат поводом к такому порядку вещей.

Представители одного и того же вида торговли или ремесла редко собираются вместе даже для развлечений и веселья без того, чтобы их разговор не кончился заговором против публики или каким-либо соглашением о повышении цен. Действительно, невозможно воспретить такие собрания изданием закона, который можно было бы проводить в жизнь или который был бы совместим со свободой и справедливостью. Но хотя закон не может препятствовать представителям какой-либо отрасли торговли или ремесла собираться по временам вместе, он во всяком случае не должен ничего делать для облегчения таких собраний и еще меньше для того, чтобы сделать их необходимыми.

Постановление, которое обязывает всех лиц, занимающихся в данном городе определенной отраслью торговли или ремесла, объявить свои имена и адреса в публичный регистр, облегчает такие собрания. Оно сближает лиц, которые без этого, может быть, никогда не узнали бы друг друга, и каждому из них указывает, где он может найти своих собратьев по профессии.

Постановление, дающее лицам, занимающимся определенным видом торговли или ремесла, право облагать себя для обеспечения своих бедных и больных членов, вдов и сирот, делает такие собрания необходимыми, поскольку создает общее дело для их участия.

Корпорация или цех не только делает такие собрания необходимыми, но и делает постановление большинства обязательным для всей корпорации. В свободной торговле или свободном ремесле действительное соглашение может быть установлено только при свободном и открытом соглашении всех членов, и оно может длиться только до тех пор, пока все члены останутся при том же мнении. Большинство в корпорации или цеха может издать обязательное постановление с соответствующими карами за его нарушение, причем это постановление ограничивает конкуренцию более действительно и на более продолжительное время, чем любое добровольное соглашение.

Мнение о необходимости цехов для лучшего управления торговлей или ремеслом лишено всякого основания. Действительная

на налагается на работника не его цехом, а его потребителями казачками. Не что иное, как боязнь потерять их заказы или отказаться их работы, удерживает его от обманов и ограничивает его жесткость. Цех, обладающий исключительными правами, необхо- ослабляет силу этой дисциплины. При наличии цехов в производстве занята определенная группа работников, независимо от того работают ли они хорошо или плохо. Именно по этой причине в больших крупных городах с цеховым устройством нельзя найти хороших работников даже в самых необходимых ремеслах. Если вы хотите, чтобы ваш заказ был сносно выполнен, вы должны его отдать какому-нибудь в пригород, где работники, не имея исключительных привилегий, зависят только от своей репутации, и потом уже вы должны каким-нибудь способом принести в город контрабандой свой заказ.

Таким-то образом господствующая в Европе политика вмешатель- ограничивая в некоторых профессиях конкуренцию меньшим числом людей, чем были бы склонны заняться ими, создает весьма большое неравенство в общей сумме выгод и невыгод различных приложений труда и капитала.

Господствующая в Европе политика вмешательства, усилив в некоторых профессиях конкуренцию сравнительно с тем раз- м, который она имела бы при естественных условиях, создает большое неравенство противоположного свойства в общей сумме вы- и невыгод различных приложений труда и капитала.

Например, признавалось весьма важным, чтобы к определенным профессиям подготовлялось достаточное число молодых людей, и этой целью государство, а иногда и частные благотворители учреж- дали специальные пенсии, пособия на учение, стипендии и т. п., которые и привлекали к этим занятиям гораздо больше людей, чем могло бы место при отсутствии таких мер. Во всех христиан- ских государствах, как мне кажется, подготовка большей части духовенства оплачивается именно таким образом. Весьма немногие из духовенства воспитываются на свой собственный счет. Благо- тому продолжительная, трудная и дорого стоящая подготовка кто обучается на собственные средства, не всегда обеспечивает надлежащее вознаграждение, ибо церковь переполнена людьми, которые, чтобы получить какое-нибудь место, готовы согласиться на гораздо меньшее вознаграждение, чем то, на которое им давало бы их образование; таким образом, конкуренция бедняков лишает вознаграждения лиц состоятельных. Несомненно, не подобает сравни- вать приходского священника и капеллана с подмастерьем в каком- нибудь ремесле. Но жалование их можно с полным правом считать таким же, каким был бы жалование подмастерья. Все это имеет один и тот же характер, что и заработная плата подмастерья. Все они одинаково получают плату за свой труд согласно договору, уста- новленному по соглашению с лицами, от которых они зависят. До второй половины XIV столетия пять серебряных марок, содержащих приблизительно столько же серебра, сколько десять фунтов нынеш- них монеты, составляли в Англии обычную плату приходского свя-

щенника или его заместителя, как это мы находим в постановлениях различных национальных конвентов. В эту же эпоху плата в чепенса в день, содержащее такое же количество серебра, как шиллинг современной монеты, была установлена за работу мастера-каменщика и три пенса в день, т. е. девять пенсов на нынешние деньги, за работу каменщика-подмастерья¹. Таким образом, работная плата этих работников при условии, если они имели круглый год, была много выше вознаграждения приходского священника. Если же мастер-каменщик не имел работы в течение года, его заработная плата равнялась вознаграждению священника. Законом, изданным в 12-й год правления королевы Анны (в 12-й), объявлялось, что «поскольку, ввиду отсутствия достаточного содержания и вознаграждения священников, приходы во многих местах остаются без последних, епископ уполномочивается устанавливать за своей подпись и печатью достаточную стипендию жалованье не свыше пятидесяти и не менее двадцати фунтов в год. Плата в сорок фунтов в год признается в настоящее время хорошим вознаграждением для приходского священника, и несмотря на упомянутый акт парламента, существует не мало приходов с вознаграждением ниже двадцати фунтов в год. В Лондоне встречаются сапожники, зарабатывающие сорок фунтов в год, и вряд ли можно найти трудолюбивого рабочего какой-либо профессии, не зарабатывающего более двадцати фунтов в год. Последняя сумма, в самом деле, не превышает того, что часто зарабатывает простой чернорабочий во многих сельских приходах. Во всех случаях когда закон пытался регулировать заработную плату рабочих, это всегда делалось скорее с целью понизить ее, а не повысить ее. Закон неоднократно пытался повысить оплату приходских священников и обязать, в интересах достоинства церкви, приходских ректоров обеспечить им несколько больше, чем то скудное содержание, которое они сами могли бы согласиться. И в обоих случаях закон, повидимому, одинаково не достигал цели и не мог ни повысить вознаграждения приходских священников, ни понизить заработную плату рабочих в той степени, в какой имел это в виду; это произошло место потому, что он не был в состоянии помешать первым соглашаться на вознаграждение меньше установленного размера, ввиду их нужды и большой конкуренции между ними, а последним — получать установленного размера ввиду конкуренции между теми, кто считывал извлечь прибыль или удовольствие от найма этих рабочих».

Высокие оклады и иные почетные отличия поддерживают достоинство церкви, несмотря на бедственное положение некоторых ее низших чинов. Последние получают некоторую компенсацию за скудость своего денежного вознаграждения в виде уважения, которой пользуется их профессия. В Англии и во всех католических странах выгоды, предоставляемые духовным званием, в действительности гораздо значительнее, чем это было бы необходимо. Пример шотландской

женевской и некоторых других протестантских церквей свидетельствует, что пользующаяся таким почетом профессия, подготовку которой так легко получить, и при перспективе гораздо более много вознаграждения привлекала бы к принятию священнического сана достаточное количество образованных, приличных и помысленных людей.

Если бы в профессиях, где не существует должностных окладов, например, в юриспруденции и медицине, такое же количество обучалось на общественный счет, конкуренция скоро стала бы так сильна, что очень заметно понизила бы вознаграждение за труд. В таком случае никому, пожалуй, не было бы расчета подготавливать своего сына к этим профессиям на собственные средства. Эти профессии оказались бы всецело предоставленными лицам, которые обучались бы на общественный счет и в силу своей многочисленности и бедности были бы вынуждены довольствоваться весьма скудным вознаграждением, а это привело бы к полному упадку ныне столь уважаемых профессий, как юриспруденция и медицина.

К несчастью, несчастная порода людей, которых обыкновенно называют юристами и литераторами, находится почти в таком же положении, как и юристы, вероятно, очутились бы юристы и врачи при наличии тех же условий. По всей Европе большинство их подготовилось к служению церкви, но в силу различных обстоятельств приняло церковного сана. Они, следовательно, обычно обучались на общественный счет, и повсюду число их так значительно, что плата за их труд, по общему правилу, сводится к самому незначительному уровню.

Изобретения искусства книгопечатания ученые и литераторы не нашли применение своим знаниям только в одном занятии — в преподавании частного или школьного учителя или в сообщении другим людям тех любопытных и полезных знаний, какие они приобрели; несомненно, более почетное, более полезное и, по общему правилу, более выгодное занятие, чем писание для книгоиздателя, ставшее обычным после появления книгопечатания. Продолжительность подготовки, способности, знания и усердие, необходимые для того, чтобы стать выдающимся преподавателем, по меньшей мере не уступают по качествам, необходимым для виднейших практиков в сфере юриспруденции и медицины. Но обычное вознаграждение выдающегося преподавателя не стоит ни в малейшем соответствии с вознаграждением юриста или врача; объясняется это тем, что профессия юриста и врача переполнена нуждающимися людьми, получившими образование на общественный счет, тогда как в профессиях последних требуется участие очень немногих лиц, получивших подготовку не на общественные средства. Однако, как ни незначительно может показаться вознаграждение частных и школьных преподавателей, оно несомненно было бы еще ниже, если бы не была устранена конкуренция тех еще более нуждающихся образованных людей, которые ищут для заработка. До изобретения книгопечатания понятия бедности и нищеты были, повидимому, почти синонимами. В ту пору

¹ См. Статут о рабочих, изданный в 25-й год правления Эдуарда III.

ректоры некоторых университетов часто выдавали своим студентам разрешительные свидетельства на право просить милостыню.

В древности, до учреждения фондов для подготовки несостоятельных людей к ученым профессиям, вознаграждение выдающих преподавателей было, повидимому, гораздо более значительным. Исократ в своем так называемом диалоге против софистов упреждает учителей своего времени в непоследовательности. «Они дают своим ученикам самые широкообещательные обещания, — говорит он, — и берутся научить их быть мудрыми, счастливыми и справедливыми, и в обмен за столь важную услугу они требуют ничтожное вознаграждение в четыре или пять мин. Те, которые обучают мудрости, продолжает он, — без сомнения, сами должны быть мудрыми, если бы кто-нибудь другой продал такие услуги за подобную плату, это сочли бы безусловной глупостью». Исократ, конечно, не имел здесь в виду преувеличивать обычное вознаграждение, и мы к этому можем быть уверены, что оно было не меньше указанного им. Четыре мины равнялись 13 ф. ст. 6 шилл. 8 пенс., а пять мины 16 ф. ст. 13 шилл. 4 пенс. Следовательно, обычно уплачивалась плата, которая не ниже большей из указанных двух сумм. Сам Исократ брал с каждого ученика по десяти мин, или 33 ф. ст. 6 шилл. 8 пенс. Когда он преподавал в Афинах, у него было, как передают, много учеников. Я полагаю, что таково было количество учеников, которых он обучал одновременно или которые слушали то, что мы называли бы теперь курсом лекций; количество это не покажется необычным, если принять во внимание размеры города и славу учителя, преподававшего к тому же самую модную в то время науку — ретиорику. Таким образом, он должен был выручать с одного курса лекций тысячу мин, или 3 333 ф. ст. 6 шилл. 8 пенс. Действительно, как Плутарх утверждает в другом месте¹, обычная плата Исократу за курс учения достигала тысячи мин. Многие из выдающихся учителей приобретали, повидимому, в те времена крупные состояния. Горгий принес в дар Дельфийскому храму собственную статую из литого золота. Мы не должны, я думаю, предполагать, что она была в натуральную величину. Его образ жизни, как и образ жизни Гиппия и Протагора, двух других знаменитых преподавателей того времени, по описанию Платона, начался великолепием, доходившим даже до тщеславия. Образ жизни самого Платона, как рассказывают, не лишен был блеска. Аристотель, закончив обучение Александра и получив, по всеобщему мнению, в высшей степени щедрое вознаграждение от Александра и его отца Филиппа, считал тем не менее выгодным вернуться в Афины, чтобы возобновить преподавание в своей школе. Преподавание наук в ту пору, вероятно, были не столь многочисленны, как сто двадцать лет спустя, когда конкуренция, повидимому, несколько понизила цену на их труд и уменьшила оказываемый им почет. Одни из наиболее знаменитых из них, повидимому, пользовались всегда

¹ [См. *Plutarch, Vitae X Oratorum.*]

большим почетом, чем кто-либо из представителей подобных профессий в настоящее время. Афиняне отправили академика¹ Карнеада и стоика Диогена в торжественное посольство в Рим; и хотя город тогда уже утратил свое прежнее величие, все же он был еще самостоятельной и значительной республикой. Притом Карнеад был по происхождению вавилонянин², и, так как никогда не было народа, столь склонного к допущению чужестранцев к общественным должностям, как афиняне, их уважение к нему, повидимому, было очень велико.

Такое неравенство в конечном счете, пожалуй, более выгодно, вредно для общества. Оно, может быть, несколько принижает престиж профессии преподавателя, но дешевизна научного образования представляет собою, несомненно, такое преимущество, которое значительно перевешивает это незначительное неудобство. И притом население извлекало бы еще большую выгоду из этого, если бы устройство школ и колледжей, в которых происходит обучение, было более экономно, чем это имеет место в настоящее время в большей части Европы.

Господствующая в Европе политика, препятствуя свободному переходу труда и капитала от одного применения к другому в одной местности в другую, порождает в некоторых случаях весьма неудобные неравенства в общей сумме выгод и невыгод различных приложений труда и капитала.

Законы об ученичестве препятствуют свободному переходу труда от одного занятия к другому даже в пределах одной и той же местности. Исключительные привилегии цеховых корпораций не допускают такого же перехода из одной местности в другую даже в пределах той же профессии.

Это бывает, что в то время, как в одном производстве рабочие получают высокую заработную плату, рабочие другого производства вынуждены довольствоваться самым скудным существованием. Перенаселение развивается, и поэтому в нем всегда существует спрос на дополнительные рабочие руки; второе находится в упадке, и поэтому число лишних рабочих рук непрерывно возрастает. Эти два производства иногда бывают в одном и том же городе, а иногда в одной округе, и будучи в состоянии оказать малейшую помощь друг другу. Законы об ученичестве мешают этому в одном случае, а в другом — мешают и законы об ученичестве и существование замкнутого цеха. А между тем во многих различных производствах операции настолько сходны, что рабочие легко могли бы переходить от одного производства к другому, если бы им не препятствовали эти нелепые законы. Ремесла ткача гладкого полотна и ткача гладкого шелка, например, почти совсем не отличаются друг от друга; ремесло ткача

¹ Карнеад назван академиком, так как он принадлежал к философской школе, которая была основана Платоном и получила название по имени Академии.

² Смит здесь делает ошибку. Карнеад родился в Кирене, греческой колонии на северном берегу Африки.]

гладкого сукна несколько иного рода; но разница так незначительна, что ткач полотна или шелка всего в несколько дней может стать хорошим работником и в этом производстве. Если, таким образом, из этих трех главных ремесл находится в упадке, рабочие не могут найти средства к существованию в одном из остальных двух, которые находятся в более благоприятном положении, и их заработная плата не будет тогда чрезмерно повышаться в преуспевающем производстве и падать слишком низко в клонящемся к упадку производстве. Правда, производство полотна в Англии, в силу особого старания, открыто для всех, но так как оно не очень распространено в большей части страны, оно не может служить поддержкой всем рабочим в этих производствах, находящихся в упадке; поэтому всюду, где в силу законов об ученичестве, эти рабочие не имеют другого выхода, как или жить за счет прихода, или же пойти работать простыми черноработными, на что они, благодаря своим привычкам, менее годны, чем для любого ремесла, в известной мере сходного с их ремеслом. Ввиду этого они обычно предпочитают обращаться за помощью к приходу.

Но все то, что препятствует свободному перемещению труда с одного занятия к другому, препятствует также и перемещению капитала, ибо размеры капитала, могущего найти помещение в той или иной отрасли промышленности, находятся в очень большой зависимости от количества труда, которое может быть занято в ней. Отсюда цеховые постановления в меньшей степени препятствуют перемещению капитала из одной местности в другую, чем перемещению труда: повсюду богатому купцу гораздо легче приобрести право торговли в городе с цеховым устройством, чем бедняку-ремесленнику получить право работать в нем.

Препятствия свободному перемещению труда, создаваемые цеховыми законами, существуют, думается мне, во всей Европе. Эти препятствия, которые в этом отношении создаются законами о бедных, являются, насколько мне известно, особенностью Англии. Эти препятствия состоят в трудности для бедняка приобрести оседлость или даже разрешение на занятие своим ремеслом в любом месте, за исключением того, к которому он принадлежит. Цеховые законы препятствуют свободному передвижению лишь труда ремесленников и мануфактурных рабочих, тогда как трудность приобретения оседлости препятствует даже передвижению простого черноработного труда. Не лишним будет дать беглый очерк возникновения, утраты и современного состояния этого зла, величайшего, пожалуй, из всех создаваемых в Англии политикой государства.

Когда вследствие уничтожения монастырей бедные лишились благотворительной помощи этих религиозных учреждений, после нескольких других неудачных попыток помочь им, законом, изданным в 1531 году правления Елизаветы (глава 2-я)¹, было установлено, что каждый приход заботился о своих бедных и чтобы ежегодно на

бы попечители о бедных, которые должны были вместе с церковными старостами собирать путем обложения жителей прихода необходимые для этой цели суммы.

В силу этого закона каждый приход неизбежно оказывался вынужденным заботиться о своих бедных. Поэтому немаловажным вопросом стало, кого же, собственно, считать бедным данного прихода. Вопрос этот, после различных толкований, был в конце концов решен законом, изданным в 13-й и 14-й годы правления Карла II, в котором было постановлено, что не опротестованное пребывание в каком-либо приходе в течение сорока дней создает для любого лица оседлость в нем, но что в течение этого срока двое мировых судей имеют право по жалобе церковных старост или попечителей о бедных удалить всякого нового жителя в тот приход, где он перед тем не проживал, если только он не нанимает помещения за плату в пять фунтов стерлингов в год или не представит достаточных, по мнению судей, гарантий в том, что он не явится бременем для прихода, в котором теперь поселился.

Этот закон утверждает, закон этот имел следствием различного рода злоупотребления; приходские должностные лица при помощи подкупа побуждали своих бедных тайно переселяться в другие приходы и, скрываясь там в течение сорока дней, приобретать там оседлость, чтобы таким образом освободиться от себя приход, к которому они, собственно, принадлежали. По этому законом, изданным в первый год правления Якова II, было постановлено, что сорокадневное пребывание в приходе, необходимое для приобретения кем-либо оседлости, должно считаться лишь с момента представления этим лицом письменного заявления с указанием его местожительства и состава его семьи церковным старостам или попечителям прихода, в котором оно собирается поселиться.

Приходские должностные лица, повидимому, не всегда относились к своему собственному приходу с большей добросовестностью, чем к чужим приходам, и нередко, получив извещение о самовольных переселениях, допускали их и не предпринимали никаких шагов против них. Поэтому, поскольку предполагалось, что каждый обитатель прихода имеет интерес воспрепятствовать по возможности обременению своего прихода такими новыми поселенцами, законом, изданным в 3-й год правления Вильгельма III, было постановлено, что срок сорокадневного пребывания исчисляется лишь после оглашения упомянутого письменного заявления в воскресенье в церкви сейчас же после захода солнца.

В конце концов,—говорит доктор Берн¹—этот вид оседлости, создаваемой сорокадневным пребыванием после оглашения письменного заявления, приобретает весьма редко, и законодательство имеет в виду не столько облегчить приобретение оседлости, сколько затруднить его тем лицам, которые тайком поселяются в приход, ибо подача такого заявления лишь побуждает приход уда-

¹ [Закон о бедных был издан в 1601 г.]

лить такого поселенца. Но если положение поселенца таково сомнительным является, подлежит ли он удалению или нет, по своего заявления он вынуждает приход или не препятствовать в приобретении оседлости, дав прожить сорок дней, или вы его, предоставить решение вопроса суду».

Таким образом, этот закон сделал почти невозможным для всякого приобретение новой оседлости прежним порядком, а в проживанием в течение сорока дней. Но чтобы не казалось, вообще воспрещает неимущим переселяться из одного прихода в другой, закон установил еще четыре других способа приобретения оседлости, помимо подачи или оглашения соответствующего заявления. Первый способ, это—обложение приходскими налогами и уплата их; второй—избрание на какую-либо приходскую должность и отправление ее в течение года; третий—прохождение ученичества в приходе; четвертый—служба по найму непрерывно в течение года на территории прихода.

Приобрести оседлость одним из первых двух способов можно только при согласии всех обитателей прихода, которые очевидно хорошо понимают последствия допущения в приходе пришельца, живущего лишь своим трудом, посредством обложения его приходскими налогами или избрания на приходскую должность.

Ни один семейный человек не может рассчитывать приобрести оседлость одним из двух последних способов. Ученики почти всегда бывают неженатые, а в законе специально оговорено, что неженатый работник не может приобрести оседлость посредством работы по найму в течение года. Главным результатом установления оседлости, приобретаемой посредством службы по найму, является исчезновение в значительной мере из практики старого обычая личного найма, который ранее был настолько распространен в Англии, что даже до сих пор закон предполагает годичный срок найма, если не оговорен другой срок. Хозяева не всегда желают предоставлять своим работникам оседлость, нанимая их таким образом, а работники не всегда желают быть нанятыми на таких условиях, потому что поскольку всякая последняя оседлость аннулирует все предыдущие, они могут утратить свою первоначальную оседлость в местах рождения, пребывания их родителей и родственников.

Очевидно, что ни один самостоятельный работник, поденщик, ремесленник, не может приобрести оседлость посредством ученичества или работы по найму. Поэтому в тех случаях, когда работник поселялся для работы в новом приходе, он подвергался выселению по усмотрению любого церковного старосты или попечителя, как бы трудолюбив и здоров он ни был, если только он снимал жилища за плату в десять фунтов в год,—что невозможно для человека, живущего исключительно своим трудом,—или он представлял обеспечения, освобождающего приход от забот о поддержании его и признаваемого достаточным двумя мировыми судьями. Размер этого обеспечения всецело предоставлен усмотрению мировых судей, но они безусловно не могут требовать обеспечения менее

десяти фунтов, так как закон устанавливает, что даже покупка жилища, стоимостью ниже тридцати фунтов, не дает покупателю оседлости, поскольку ее недостаточно, чтобы гарантировать его от возможных расходов на пособие. Но такое обеспечение может представить человек, живущий своим трудом, а между тем требуется значительно более крупное обеспечение.

В делах восстановления в известной мере свободного передвижения труда, почти совершенно уничтоженного этими различными способами, были придуманы «удостоверения». Законом, изданным в 9-й годы правления Вильгельма III, установлено, что лица, получившие удостоверение от последнего прихода, в котором они на каком основании проживали,—удостоверение, подписанное церковными старостами и попечителями о бедных и заверенное двумя мировыми судьями,—обязаны допускать к поселению все другие лица; что они не подлежат выселению только на том основании, что могут оказаться обременительными для прихода, а могут быть выселены лишь в том случае, если фактически ложатся на него бремя, и что приход, выдавший удостоверение, обязан уплачивать расходы по содержанию и выселению их. И для лучшего обеспечения этого закона устанавливал далее, что оно может приобрести оседлость исключительно лишь посредством найма жилища стоимостью не менее десяти фунтов в год или бесплатным отправлением в течение года какой-либо выборной приходской должности; следовательно, устранялась возможность приобретения оседлости посредством подачи заявления, службы по найму, ученичества или платежа приходских налогов. Затем закон 12-го года правления королевы Виктории (Статут 1, глава 18-я) устанавливал, что ни ученики, ни работники, снабженные удостоверением, не могут приобретать оседлость в приходе, в котором эти лица проживают на основании удостоверения.

Поскольку это нововведение восстановило свободное передвижение труда, почти совершенно уничтоженное ранее изданными законами, мы можем судить на основании следующего весьма справедливого замечания доктора Берна¹: «Очевидно, что имеются различные причины требовать удостоверений от лиц, приходящих куда-либо для поселения; в самом деле, причины эти сводятся к тому, что лица не могут приобрести оседлость ни путем ученичества, ни посредством службы по найму, ни подачей заявления, ни уплатой приходских налогов; что они не могут давать оседлости своим ученикам и работникам; что в случае, если они ложатся бременем на приход, определенно известно, куда надлежит выселить их, причем ввиду возмещения расходов по выселению и содержанию их до выздоровления, в случае их заболевания и невозможности ввиду этого содержания их должен приход, выдавший удостоверение; что может иметь место лишь при наличии удостоверения. С дру-

¹ Burn, Justice, vol. II, p. 274, edit. 1764.]

гой стороны, эти же причины побуждают приходы в обычных случаях отказывать в выдаче удостоверений, ибо они имеют все основания ожидать, что получившие удостоверения лица вновь очутятся у них и притом в гораздо худшем положении». Это замечание, видимо, позволяет заключить, что удостоверение всегда требовалось приходом, в котором хочет поселиться бедняк, и что оно нередко выдается тем приходом, который он предполагает покинуть. «Обязательность этих удостоверений не лишена жестокости», — пишет этот же весьма вдумчивый автор в своей «Истории законов бедных»¹, — поскольку она дает приходскому должностному лицу власть привязывать человека к месту на всю его жизнь, как будто было ему неудобно оставаться в той местности, где он имел несчастье приобрести так называемую «оседлость», или как бы выгодно было ему переселиться в другое место»².

Хотя удостоверение не является вместе с тем свидетельством о хорошем поведении и удостоверяет только то, что данное лицо действительно принадлежит к данному приходу, от доброй воли приходских должностных лиц зависит выдать такое удостоверение или отказать в нем. Как сообщает доктор Берн, однажды был представлен иск о принуждении церковных старост или попечителей написать удостоверение, но Суд королевской скамьи отклонил эту весьма странную претензию.

Значительная неравномерность заработной платы, часто встречаемая нами в Англии в близких друг от друга местах, объясняется, вероятно, затруднениями, которые закон об оседлости ставит бедняку, желающему, без соответствующего удостоверения, перейти свой труд из одного прихода в другой. Действительно, холостой и здоровый и трудолюбивый, может иногда поселиться в другом приходе, не имея удостоверения, — его будут терпеть, но человек с семьей и имеющий детей, который попытается сделать это, в большинстве приходов почти наверняка подвергнется выселению; если же этот холостяк впоследствии женится, то по общему правилу он будет выселен. Благодаря этому недостаток рабочих рук в одном приходе не может быть в любой момент восполнен излишком в других приходах, как это бывает постоянно в Шотландии. Мне думается, во всех остальных странах, где не существует затруднений для приобретения оседлости. В таких странах заработная плата, правда, может иногда несколько повышаться в отдельных частях большого города или там, где возникает чрезвычайный спрос на труд, и постепенно понижаться по мере удаления от таких мест, пока не сравняется с обычным в стране уровнем; но мы никогда не встретим таких резких и необъяснимых различий в заработной плате, которые нередко видим в Англии, где бедняку

¹ [Richard Burn, The history of the poor-laws, with observations, London, 1776.]

² [Постановление Вильгельма III, согласно которому бедняк мог выехать из своего прихода лишь после получения надлежащего разрешения, отменено в 1795 г.]

труднее переступить искусственную границу прихода, чем переступить море или проникнуть за цепь высоких гор, — эти естественные границы, которые в других странах нередко отделяют одну местность с различною заработной платою.

Выселение человека, не совершившего никакого преступления или проступка, из избранного им для жительства прихода представляет очевидное нарушение естественной свободы и справедливости. Однако простой народ Англии, столь ревностно относящийся к своей свободе, но подобно народу большинства других стран неправильно не понимающий, в чем именно она состоит, уже столетия терпит это угнетение. Хотя мыслящие люди нередко высказывали на закон об оседлости как на общественное зло, но он никогда не вызывал каких-либо массовых народных протестов, пока не вызвал протестам против общих приказов об аресте¹, тоже представляющих собою злоупотребление, но не ложащееся гнетом на бедные массы. Осмелюсь сказать, что вряд ли найдется в Англии бедняк в сорокалетнем возрасте, которой в какой-либо раз своей жизни не почувствовал жестокий гнет этого нелепого закона об оседлости.

В этой главе указанием, что, хотя в прежнее время было принято нормировать заработную плату, во-первых, общими законами, имеющими силу на протяжении всего королевства, и, во-вторых, специальными постановлениями мировых судей в каждом графстве, оба эти метода в настоящее время совершенно не употребляются. «Основываясь на более чем четырехсотлетнем опыте, — говорит доктор Берн, — пора, кажется, оставить все это и подвергнуть строгому регулированию то, что по самой природе своей представляется не поддающимся точному определению: в деле, если все лица, занятые одним и тем же видом труда, будут получать одинаковую заработную плату, не будет места для соревнования, не останется места для трудолюбия или лени».

Вопреки актам парламента, тем не менее, все еще пытаются регулировать заработную плату в отдельных отраслях промышленности и в отдельных местностях. Так, закон 8-го года правления короля III² под угрозой строгих кар воспрещает всем холостым и бездетным в Лондоне и на пять миль в окружности давать, работникам принимать более 2 шилл. 7½ пенс. в день, исключая случаев общественного траура. Во всех тех случаях, когда закон не удается улаживать несогласия между хозяевами и работниками, его советниками при этом всегда являются хозяева. По

прежние указы об аресте — warrants — предписывали задерживать всех подозреваемых в каком-либо преступлении, без обозначения их имен. В 1776 г. эти общие указы об аресте были отменены, и постановлено, что всякое warrant должно быть именное, в противном случае оно не имеет силы.]

[Отменен в 1825 г.]

этому, когда предписания закона оказываются в пользу ра- они всегда справедливы, но они не всегда справедливы в те- чаях, когда высказываются в пользу хозяев. Так, закон, вающий хозяев в ряде отраслей промышленности рассчиты- с рабочими деньгами, а не товарами, совершенно справедл- не налагает на хозяев никаких трудно исполнимых обяза- он лишь обязывает их платить деньгами ту именно сумму, к- они, по их словам, выплачивали товарами,—хотя на деле о- плачивали меньше. Этот закон издан в пользу рабочих, но- изданный в 8-й год правления Георга III, составлен в интере- зяев. Когда хозяева сталкиваются в целях сокращения заре- платы своих рабочих, они обыкновенно заключают частное- шение не давать им больше определенной суммы под угрозой- ного штрафа. Но если рабочие заключат между собою про- ложное соглашение—под угрозой штрафа не соглашаться на- деленную заработную плату,—закон карает их весьма с- а ведь если бы он относился беспристрастно, он должен был- ким же образом поступать и по отношению к хозяевам. Но- изданный в 8-й год правления Георга III, устанавливает по- то самое ограничение заработной платы, которое хозяева пн- иногда осуществить посредством упомянутых соглашений. П- вляется вполне обоснованной жалоба рабочих, что такое ог- ние ставит самых способных и трудолюбивых на одну доску с- выми рабочими.

В прежние времена обычно пытались также регулировать ц- кушцов и других торговцев нормировкой цен съестных пр- и других товаров. Такса на хлеб, насколько я знаю, предс- собою единственный пережиток этой старинной практики. П- ществовании монопольной корпорации, может быть, и на- регулировать цену предметов первой необходимости, но при- ствии таких корпораций конкуренция будет регулировать ц- раздо лучше любой таксы. Установление таксы на хлеб, смотренное законом, изданным в 31-й год правления Георга- могло войти в жизнь в Шотландии благодаря недосмотру- осуществление его было связано с должностью базарного пр- каковая там отсутствовала. Этот недосмотр оставался неисправ- до третьего года правления Георга III. Отсутствие таксы не вы- никаких заметных неудобств, а установление ее в немногих- где это имело место, не принесло заметных выгод. Впрочем, шей части городов Шотландии существует корпорация було- претендующая на исключительные привилегии, хотя они и н- строго соблюдаются.

На соотношение между нормами заработной платы и ц- в различных приложениях труда и капитала, повидимому, н- заметно влияет, как уже указано, богатство или бедность с-

¹ [Чинovníк судебного ведомства, разбираетелъству которо́го подлеж- уголовные преступленія, совершающіеся на ярмарках и рынках, как- бление неправильных весов и пр.]

рессорирующее, стационарное или регрессирующее состояние. резкие изменения в общественном благосостоянии, хотя и- ются на общем уровне заработной платы и прибыли, в ко- счете должны одинаково влиять на них в различных отрас- промышленности. Соотношение между ними должно поэтому- сься прежним и не может изменяться, по крайней мере на- о-нибудь продолжительное время, при указанных изменениях- ственном благосостоянии.

Глава XI

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА

Рента, рассматриваемая как плата за пользование землей, естественно представляет собою наивысшую сумму, какую в состоянии уплачивать арендатор при данном качестве земли. Устанавливая условия договора, землевладелец стремится оставить арендатору лишь такую долю продукта, которая достаточна для возмещения капитала, затрачиваемого им на семена, на оплату труда и покупку содержания скота, а также остального сельскохозяйственного инвентаря, и для получения обычной в данной местности прибыли на вложенный в сельское хозяйство капитал. Это, очевидно, наименьшая доля, какую может удовлетвориться арендатор, не оставаясь в убытке, а землевладелец редко имеет в виду оставить ему больше. Вся ту часть продукта или, что то же самое, всю ту часть его цены, которая остается сверх этой доли, землевладелец, естественно, стремится удержать для себя в качестве земельной ренты, которая, очевидно, будет представлять собою наивысшую сумму, какую арендатор может платить при данном качестве земли. Правда, иногда щедрость, а еще чаще невежество землевладельца побуждают его довольствоваться несколько меньшей долей, равно как иногда, и реже, невежество арендатора побуждает его обязываться платить несколько больше или довольствоваться несколько меньшей прибылью, чем обычная в данной местности прибыль на сельскохозяйственный капитал. Тем не менее указанную долю все же можно рассматривать как естественную земельную ренту, т. е. ренту, которую сдается в аренду большая часть земель.

Можно думать, что земельная рента часто представляет собою лишь умеренную прибыль или процент на капитал, затраченный землевладельцем на улучшение земли. Это, без сомнения, может отчасти иметь место в некоторых случаях, но только отчасти. Землевладелец требует ренту и за земли, совершенно не подвергавшиеся улучшению, а предполагаемый процент или прибыль на капитал, затрачиваемый на улучшение земли, обыкновенно составляет прибавку к этой первоначальной ренте. Кроме того, улучшения эти всегда производятся на средства землевладельца, нередко они оплачиваются за счет арендатора. Однако при возобновлении аренды

вора землевладелец обычно требует такого увеличения ренты, будто все эти улучшения были произведены за его счет. Он даже требует ренту даже за то, что вообще не поддается улучшению посредством человеческих усилий. Солянка, — вид морской соли, — будучи сожжена, дает щелочную соль, употребляемую при производстве стекла, мыла и для других целей. Она растет в некоторых местах Великобритании, в особенности в Шотландии, только на скалах, которые расположены в полосе прилива и дважды в день покрываются водою; труд человека, таким образом, ничего не сделал для увеличения производительности этих скал. А между тем землевладелец, в состав имения которого входит береговая полоса такого рода травой, требует за нее такую же ренту, как за свои хлебные поля.

В Шотландских островах море особенно изобилует рыбой, и одна из которых доставляет значительную часть средств существования обитателям этих островов. Но для того, чтобы пользоваться этими богатствами, они должны иметь жилище на прилегающей земле. И рента, получаемая в данном случае землевладельцем, соответствует не тому, что фермер может получить с земли, а тому, что он может получить одновременно от земли и от моря. Рента выплачивается отчасти рыбою; именно здесь мы встречаем один из немногих случаев того, когда рента входит как составная часть в цену рыбы. Таким образом, земельная рента, рассматриваемая как плата за пользование землей, естественно представляет собою монопольную ренту. Она не стоит ни в каком решительном соответствии с тем, что землевладелец затратил на улучшение земли или чем он мог бы довольствоваться; она определяется тем, что фермер в состоянии заплатить за землю.

Сельскохозяйственные продукты могут, в виде правила, поступать на рынок только в таком количестве, чтобы обычная цена их была равна той, которая необходима для возмещения капитала, необходимого для доставления их туда, и для оплаты обычной прибыли. Если обычная цена превышает эту норму, излишек ее, естественно, приходится на долю земельной ренты; если она не превышает эту норму, то, хотя фермер и может доставляться на рынок, он не приносит никакой прибыли землевладельцу. От спроса зависит, превышает ли цена этот нормальный уровень или нет.

В некоторую часть сельскохозяйственного продукта спрос всегда должен быть таков, чтобы обеспечивать более высокую цену, чем требуется необходимо для доставления его на рынок; на остальную часть продукта спрос может и не обеспечивать такую более высокую цену. В первом случае землевладелец всегда получит ренту, во втором же он может получить ее или не получить в зависимости от различных обстоятельств.

Всегда следует, надо заметить, что рента входит в состав цены продукта таким образом, чем заработная плата и прибыль. Высокая или низкая заработная плата и прибыль на капитал являются причиной высокой или низкой цены продукта; больший или меньший

размер ренты является результатом последней. Цена продукта высока или низка в зависимости от того, высокую или низкую заработную плату и прибыль приходится выплачивать для того, чтобы данный продукт доставлялся на рынок. Но цена продукта дает высокую или низкую ренту или не дает никакой ренты в зависимости от того, высока ли эта цена или низка, превышает ли она на много или незначительно или совсем не превышает сумму, достаточную для покрытия заработной платы и прибыли.

Настоящая глава распадается на три отдела соответственно рассмотрению, во-первых, той части сельскохозяйственного продукта, которая всегда дает некоторую ренту, во-вторых, той части продукта, которая в одних случаях дает, а в других случаях не дает ренты, и, в-третьих, тех колебаний, которые естественно имели место в различные периоды земельных улучшений, в относительной стоимости этих различных видов сырья при сравнении их друг с другом и с промышленными товарами.

Отдел I. О сельскохозяйственном продукте, который всегда доставляет ренту

Так как люди, подобно другим живым существам, естественно размножаются соответственно имеющимся средствам их существования, то постоянно существует больший или меньший спрос на продукты питания. Последние всегда могут быть обменены на большее или меньшее количество труда, и всегда найдутся охотники выполнять какую-нибудь работу, чтобы получить эти предметы питания. Правда, вследствие того, что иногда за труд приходится уплачивать высокую заработную плату, количество труда, которое можно получить в обмен на определенное количество предметов питания, не всегда равняется тому количеству труда, содержание которого может быть обеспечено при наиболее экономном их расходовании. Но на эти предметы питания всегда можно приобрести такое количество труда, которое можно содержать на них соответствующим образом к обычному для данной местности уровню существования этого труда.

Но земля почти при всех условиях производит большее количество пищи, чем это необходимо для содержания всего того количества труда, которое затрачивается на доставление этой пищи на рынок, хотя бы этот труд содержался самым щедрым образом. В этом получающийся излишек всегда более чем достаточен для обеспечения капитала, затрачиваемого на применение этого труда для получения прибыли на него. Поэтому всегда некоторый излишек остается на долю ренты землевладельца.

В самых безлюдных местностях Норвегии и Шотландии имеются пастбища для скота, который доставляет молоко и приплод в количестве, достаточном не только для содержания всего того количества труда, которое необходимо для ухода за этим скотом и для обычной прибыли фермера или владельца стад, но и для доставки небольшой ренты землевладельцу. Рента эта увеличивается

в зависимости от лучшего качества пастбища. В таком случае одна и та же площадь земли не только прокармливает большее количество скота, но и требует меньшего количества труда для ухода за ним. Цена продуктов с него, ибо скот содержится на меньшем пространстве, повышается. Землевладелец выигрывает двояким образом—от увеличения цены продукта и от сокращения количества труда; которое приходится затрачивать за счет этого продукта.

Земельная рента изменяется не только в зависимости от плодородия земли, каков бы ни был продукт, получаемый с нее, но и в зависимости от расположения ее, каково бы ни было ее плодородие. Плодородная земля дает большую ренту, чем столь же плодородная земля в отдаленной части страны. Хотя обработка той и другой может потребовать одинакового количества труда, доставка на рынок продукта с отдаленного участка земли всегда должна обходиться дороже, а следовательно за счет этого продукта должно получаться большее количество труда; благодаря этому должен сокращаться тот излишек, из которого получают как прибыль фермер, так и рента землевладельца. Но в отдаленных частях страны рента на прибыль, как уже выяснено, обыкновенно бывает выше, чем в окрестностях больших городов. Поэтому землевладельцу приходится получать меньшую долю из этого уменьшенного излишка.

Улучшения дорог, каналы и судоходные реки, сокращая расходы на перевозку, ставят отдаленные части страны в положение, приблизительно одинаковое с участками, расположенными поблизости от больших городов. С этой точки зрения они представляют собою величайшее из всех улучшений. Они поощряют обработку отдаленных частей страны, которые всегда являются и самыми обширными. Они приносят выгоды городу, уничтожая монополию его ближайших окрестностей, они выгодны даже и для самих этих окрестностей: эти дороги содействуют ввозу некоторых конкурирующих товаров на прежний рынок, они вместе с тем открывают много новых рынков для продуктов этих окрестностей. Монополия, помимо того, является великим врагом хорошего хозяйства: последнее может получить всеобщее распространение только в результате того свобод-

и всеобщего соперничества, которое вынуждает каждого прийти к хорошему ведению хозяйства в интересах самозащиты. Не менее пятидесяти лет тому назад несколько графств поблизости от Лондона обращались в парламент с петициями против проведения железных дорог в отдаленных графствах. Они заявляли, что эти отдаленные графства смогут благодаря дешевизне труда в них продать на лондонском рынке свое сено и хлеб дешевле, чем близкие графства, и таким образом вызовут в последних понижение ренты и разорение сельского хозяйства. А между тем их рента с того времени возросла, а сельское хозяйство улучшилось.

Земля умеренного плодородия, засеваемая хлебом, производит значительно большее количество пищи для человека, чем самое плодородное пастбище такого же размера. Хотя обработка ее требует го-

раздо большей затраты труда, тем не менее излишек, остающийся за вычетом семян и после оплаты всего затраченного труда, бывает значительно больше. Если бы поэтому фунт мяса имел стоимость не больше стоимости фунта хлеба, этот больший излишек дохода всегда представлял бы собою более значительную стоимость и составлял бы больший фонд для прибыли фермера и ренты владельца. Так, повидимому, и было повсеместно в начальной стадии земледелия.

Но относительная стоимость этих двух различных видов хлеба и мяса, весьма неодинакова в различные периоды развития сельского хозяйства. В самой примитивной, начальной его стадии все необработанные пустоши, которые тогда покрывали в значительную часть страны, целиком были предоставлены скоту. Налицо имеется больше мяса, чем хлеба, и поэтому хлеб является тем видом пищи, на который существует наибольший спрос, который вследствие этого имеет наиболее высокую цену. Как сообщает Уллоа¹, в Буэнос-Айресе сорок или пятьдесят лет назад обычная цена быка на выбор из стада в двести-триста равнялась всего четырем реалам, или 21½ пенсам. Он ничего не говорит о цене хлеба вероятно потому, что не заметил в этом отношении ничего особенного. Бык, как он говорит, стоит там не больше того, чем труд поймать его. Но хлеб нигде нельзя получить без затратив значительного труда, а в стране, лежащей по берегам реки Ла-Платы, в то время служившей главным путем из Буэнос-Айреса к серебряным рудникам Потози, денежная цена труда не могла быть очень дешева. Иначе бывает, когда земледелие распространено на большую часть страны. Тогда хлеба имеется больше, чем мяса. Спрос меняет свой характер, и цена мяса становится выше цены хлеба.

Помимо того, при распространении земледелия уже нехватка необработанных земель для того, чтобы удовлетворять существующий спрос на мясо. Приходится значительную часть возделываемой земли обращать на выращивание и откармливание скота, цена которого поэтому должна быть достаточна не только для оплаты труда по уходу за ним, но и для оплаты ренты и прибыли, которые землевладелец и фермер могли бы получить, если бы эта земля была занята под пашню. Скот, выращенный на самых некультурных землях, продается на данном рынке по той же цене, при одинаковом весе и качестве, как и скот, выращенный на самых культурных землях. Владельцы таких пустошей пользуются этим и повышают рента со своей земли в соответствии с ценою этого скота. Не более чем лет тому назад во многих местах горной Шотландии мясо было продано еще дешевле или еще дешевле, чем даже хлеб из овсяной муки. Соединение с Англией открыло скоту горной Шотландии рынок в Англии. Его обычная цена в настоящее время в три раза превышает цену, существовавшую в начале столетия, а рента многих помещ-

¹ [См. *Ulloa*, Restablecimiento de las Fábricas y Comercio Español 1740. Глава 1, глава 15.]

ной Шотландии за это время возросла втрое или вчетверо. В настоящее время почти повсеместно в Великобритании фунт лучшего хлеба, обычно стоит больше двух фунтов лучшего пшеничного хлеба, урожайные годы стоит иногда столько же, сколько стоят три или четыре фунта хлеба.

Таким образом, по мере развития сельского хозяйства рента и прибыль с пастбищ, не подвергавшихся улучшению, в известной мере определяются рентой и прибылью с улучшенных пастбищ, а последние — рентой и прибылью, получаемыми при производстве хлебов. Хлеб представляет собою злак, вырастающий ежегодно; он является продуктом, для полного созревания которого требуется четыре или пять лет. Поэтому, так как с акра земли получается гораздо меньшее количество одного рода пищи, чем другого, недостаточность количества должна компенсироваться более высокой ценой. Если бы эта компенсация превышала необходимый спрос, то еще больше земель обращалось бы в пастбища, и, напротив, если бы она не достигала этого размера, часть пастбищ была бы обращена в пашню.

Однако надо иметь в виду, что это равенство ренты и прибыли с земель под хлебом, т. е. с земель, непосредственный продукт которых служит пищей скоту, и с земель, непосредственный продукт которых служит пищей людям, наблюдается лишь по отношению к большей части культурных земель обширной страны. При отсутствии особых местных условий дело обстоит совершенно иначе, рента и прибыль с земель под лугами гораздо выше ренты и прибыли, получаемых при возделывании хлеба.

Так, в окрестностях большого города спрос на молоко и сено лошадей вместе с высокой ценой мяса часто ведет к повышению цены сена выше того, что можно назвать ее естественным соотношением с хлебом. Очевидно, что эти местные выгоды не могут распространяться на земли, расположенные далеко от города.

Собные обстоятельства иногда вели к такому возрастанию цен на сено в некоторых странах, что вся их территория, подобно землям в окрестностях большого города, оказывалась уже недостаточно плодотворной, чтобы произвести сено и хлеб в количестве, необходимом для существования их жителей. Их земли поэтому обращались, в известном образом, на производство трав, как более громоздкого товара, не выносящего ввиду этого перевозку на большие расстояния, а хлеб, пища главной массы народа, ввозился преимущественно из-за границы. В таком положении в настоящее время находится Голландия, а в эпоху процветания Рима таково же было, повидимому, положение значительной части Италии. По свидетельству Цицерона¹, Катон Старший говорил, что наибольшую прибыль приносит при хорошем откармливании скота, несколько меньшую — при сносном и еще меньшую — при плохом откармливании; меньше всего прибыли дает, по его мнению, вспашка земли.

[*Cicero*, De Officiis, II, 25.]

Действительно, в той части древней Италии, которая примыкает к Риму, распашке земель сильно противодействовали частые дачи хлеба народу, производившиеся бесплатно или по весьма низкой цене. Этот хлеб привозился из завоеванных провинций, из которых некоторые должны были доставлять республике, вместо названной десятой части своего урожая по установленной цене приблизительно шесть пенсов за гарнец. Низкая цена, по которой этот хлеб продавался народу, должна была вести к понижению цены хлеба, доставляемого на римский рынок из Лациума или древней территории Рима и подрывать хлебопашество в этой области.

В стране, главным продуктом которой является хлеб и в которой имеется мало огороженных земель, хорошо огороженный луг приносит более высокую ренту, чем любое поле по соседству. Луг нужен для содержания скота, употребляемого при обработке пашни и приносимая им высокая рента в данном случае выплачивается собственно, не из стоимости его собственного продукта, а из стоимости пашни, обрабатываемой при его помощи. Но эта рента рано или поздно верное понизится, если окрестные земли будут полностью огорожены. Существующая ныне в Шотландии высокая рента с огороженных земель обусловлена, повидимому, немногочисленностью огороженных участков и удержится, вероятно, только до тех пор, пока число их не увеличится. Выгоды огораживания лугов более значительны, чем огораживания полей. Оно сберегает труд по уходу за скотом, который к тому же лучше откармливается, когда его не беспокоит пастух или его собака.

Там, где не существует местных преимуществ подобного рода, рента и прибыль, получаемые от хлеба или другой главной растительной пищи народа, должны естественно регулировать рента и прибыль с пастбищ, если последние пригодны для возделывания хлеба.

Применение искусственных кормов—репы, моркови, капуста и других, которые позволяют прокармливать с одинакового участка земли большее количество скота, чем при естественных травах, должно несколько уменьшать, как можно ожидать, дороговизну мяса в культурной стране в сравнении с хлебом. Это, повидимому, и имеет место. И имеются основания полагать, что по крайней мере на лондонском рынке цена мяса в сравнении с ценою хлеба в настоящее время значительно ниже, чем это было в начале минувшего столетия.

В прибавлении к жизнеописанию принца Генриха доктор Берк дает нам сведения о ценах на мясо, которые обычно платил этот принц. Мы узнаем, что четыре четверти быка весом в 600 фунтов обходились ему в 9 фунтов 10 шиллингов или около того, т. е. в 31 шилл. 8 п. за 100 фунтов. Принц Генрих умер 6 ноября 1612 на девятнадцатом году жизни.

¹ [Birch, Life of Henry, Prince of Wales, p. 449.]

в марте 1764 г. было произведено парламентское обследование дороговизны предметов продовольствия в то время. При этом в числе других свидетельств, один виргинский купец показал, что в марте 1763 г. он нагружал свои суда мясом по цене 24—25 шиллингов за 100 фунтов и эту цену считал обычной, между тем как за то же количество мяса такого же сорта он в этот год дороговизны платил 27 шиллингов. Однако эта высокая цена 1764 г. объясняется на 4 шилл. 8 п. дешевле того, что обычно платил принц Генрих. При этом следует иметь в виду, что речь идет лишь о мясе одного сорта, которое пригодно для засолки в целях перевозки на большие расстояния.

Цена, которую платил принц Генрих, достигает $3\frac{4}{5}$ пенса за фунт, не разбирая худших и лучших частей; при такой средней цене мясе сорта мяса в розничной торговле не могли стоить дешевле, чем по 5 пенсов за фунт.

При парламентском обследовании 1764 г. свидетели заявляли, что цена лучших частей мяса первого сорта для потребителя достигала 4 и $4\frac{1}{2}$ п. за фунт, а более грубых сортов от 7 фартингов до 2 $\frac{3}{4}$ п., при этом они говорили, что эти цены вообще на полшиллинга выше соответствующих обычных цен в марте месяце. Но даже эта высокая цена значительно ниже той обычной розничной цены, которая, как мы можем предполагать, существовала во времена принца Генриха.

В течение первых двенадцати лет прошлого столетия средняя цена лучшей пшеницы достигала на виндзорском рынке 1 ф. 18 шилл. 1 п. за квартал в девять винчестерских бушелей. А за двенадцать предшествовавших 1764 г. (включая последний), средняя цена на то же количества лучшей пшеницы на том же рынке достигала 1 ф. 9 $\frac{1}{2}$ п.

Таким образом, в течение первых двенадцати лет минувшего столетия, как оказывается, пшеница была значительно дешевле, а мясо значительно дороже, чем в течение двенадцати лет, предшествующих 1764 г.

Во всех крупных государствах большая часть культурных земель используется для производства пищи для людей или корма для скота. Рента и прибыль, получаемые с этих земель, определяют цену и прибыль с земель, занятых под другие виды культуры. Если бы какой-нибудь отдельный продукт приносил меньшую ренту или меньшую прибыль, земля, на которой он возделывается, была бы обращена на производство хлеба или кормов, а если бы он приносил большую ренту или большую прибыль, часть земли, находящейся под хлебом или кормом, скоро была бы обращена под возделывание этого продукта.

Земли, культуры, требующие более значительных первоначальных затрат на улучшение земли или более значительных ежегодных расходов на ее обработку, повидимому, дают обычно—первые более высокую ренту, а вторые более высокую прибыль, чем производство хлеба и кормов. Но лишь редко этот излишек ренты или прибыли

превышает умеренный процент или возмещение за указанные вочные издержки.

Так, хмельник, плодовый сад, огород дают обыкновенно владельцу более высокую ренту, а фермеру—более высокую, чем хлебное поле или пастбище. Но подготовка земель для них требует более значительных расходов, чем и обуславливает более высокая рента землевладельца. Они требуют более внимательного и искусного ухода, чем и обуславливается более высокая рента фермера. Да и урожай, по крайней мере хмеля и плодов, сомнителен, а потому и цена продукта в данном случае, по погашения всех случайных потерь, должна также включать нечто вроде страховой премии. Уровень жизни садоводов, скромный и всегда умеренный, показывает нам, что их искусство по общему правилу, не вознаграждается чрезмерно. Этим искусством занимаются для развлечения многие люди, благодаря чему люди, занимающиеся им ради прибыли, привлекают из него лишь скромную выгоду: лица, должны быть их лучшими покупателями, сами снабжают себя дорогими их произведениями.

Выгоды, извлекаемые землевладельцем от таких улучшений, никогда, повидимому, не превышают того, что необходимо для покрытия первоначальных расходов на такие улучшения. В древнем хозяйстве древнего мира хорошо орошаемый огород считался повидимому, наряду с виноградниками, той частью фермы, которая приносит наиболее ценный продукт. Но Демокрит, который писал о сельском хозяйстве около двух тысяч лет тому назад, считался древними одним из отцов этого искусства, думал, что неуступает тот, кто огораживает огород. Прибыль, писал он, не возмещает расходов на каменную ограду, а кирпичи (он имел в виду, как и маю, кирпичи, обожженные на солнце) будут разрушаться от дождей и от зимних ветров и требовать постоянного ремонта. Колумелла, приводящий это мнение Демокрита, не опровергает его, а признает весьма экономный способ огораживания посредством изгородей терновника и шиповника, которая, по его словам, оказалась наиболее прочной и долговечной, но которая, повидимому, не во всеобщем употреблении во времена Демокрита. Палладиус соединяется к мнению Колумеллы, до того еще одобренному Цицероном. Таким образом, по мнению этих древних знатоков сельского хозяйства, продукт с огорода лишь немногим превышает тот, который необходимо для оплаты усиленной обработки и расходов на ирригацию; в этих южных странах в те времена, как и ныне, считалось целесообразным иметь в своем распоряжении струю воды, которую можно было бы провести к каждой грядке огорода. В настоящее время в большей части Европы считают, что огороды не заслуживают лучшего ограждения, чем предложенное Колумеллой. В

² [Columella, De re rustica, XI, cap. 3.]

¹ [Palladius Rutilius, De re rustica, lib. I, cap. 34.]

тании и некоторых других северных странах наиболее тонкие культуры могут быть доведены до совершенства только с помощью ирригации. Поэтому их цена в этих странах должна быть достаточно высокой. Стена фруктового сада окружает часто огород, который, по тому же образцу, пользуется выгодами ограды, которую его собственник редко в состоянии оплатить.

Виноградник, надлежащим образом посаженный и культивируемый, составляет наиболее ценную часть имения, являлось, по мнению, не вызывающим сомнений правилом в древнем земледелии, как и в современной агрикультуре во всех винодельческих странах. Но как мы узнаем от Колумеллы¹, для сельских хозяев Италии было спорным вопросом, выгодно ли засаживать виноградники. Он высказывается, как и подобает истинному знатоку культуры, требующих тщательного ухода, в пользу виноградников и пытается показать, сравнивая прибыль и издержки, что виноградники представляют собою самую выгодную культуру. Однако такие сравнения прибыли и издержек проектируемых культур обычно оказываются весьма ошибочны, в особенности в сельском хозяйстве. Если бы действительности выручка от таких насаждений была обыкновенно так велика, как это воображают, не могло бы быть и спора по этому поводу. А между тем этот вопрос в настоящее время часто вызывает разногласия в винодельческих странах. В последних десятилетиях по вопросам сельского хозяйства, любители и сторонники различных культур обыкновенно склонны, как кажется, решать вопрос в пользу виноградников. Во Франции старались воспрепятствовать насаждению новых как будто подтверждает их мнение и указывает на то, что этот вид культуры в настоящее время в данной стране является, повидимому, и на сознание того, что такая более высокая культура может существовать лишь до тех пор, пока существуют условия, ограничивающие в настоящее время свободное виноделие. В 1764 г. владельцы виноградников добились издания королевского указа, воспрещающего как насаждение новых виноградников, так и восстановление старых, обработка которых была прервана в течение двух лет, без специального королевского разрешения, даваемого на основании отзыва интенданта провинции, удостоверяющего, что данный участок и что последний непригоден для какой-либо другой культуры. Приказ этот мотивировался недостатком хлеба и трав и обилием вина. Но если бы такое обилие существовало в действительности, оно помимо всякого королевского запрета предупредило бы насаждение новых виноградников, поскольку оно бы прибыль от этого вида культуры ниже естественного ее уровня по сравнению с прибылью от хлебных полей и лугов. Что же

[Columella, De re rustica, IV, cap. 5.]

касается предполагаемого недостатка хлеба, вызываемого уменьшением виноградников, то во Франции хлеб нигде так тщательно возделывается, как в тех винодельческих провинциях, где пригодна для производства его, как, например, в Бургундии и в Верхнем Лангедоке. Многочисленность рабочих, занятых в одном виде культуры, по необходимости содействует развитию его, так как создает готовый рынок для продукта последнего. Уменьшение числа тех лиц, которые в состоянии оплачивать хлеб, является, несомненно, самым негодным способом поощрять возделывание хлеба. Это то же самое, что стараться содействовать хозяйству, препятствуя развитию мануфактур.

Ввиду всего сказанного, рента и прибыль от тех культур, которые требуют или более значительных первоначальных затрат для возделывания, или более значительного ежегодного расхода на обработку, хотя часто значительно превышают рента и прибыль, получаемые при возделывании хлеба или от лугов, если они только компенсируют указанные чрезвычайные расходы, регулируются в действительности рентой и прибылью, получаемыми от этих наиболее распространенных растений.

Впрочем, иногда бывает и так, что количество земли, которое может быть обращено под какую-нибудь особую культуру, незначительно для удовлетворения действительного спроса на продукт. Этот продукт может быть продан тем лицам, которые готовы дать несколько больше того, чем это достаточно для оплаты ренты и заработной платы и прибыли, необходимых для производства продукта, и для доставки его на рынок, в соответствии с естественными нормами заработной платы, прибыли и ренты, т. е. нормами, существующими для большей части других возделываемых земель. Излишек цены, остающийся после покрытия всех издержек по возделыванию земли и обработке ее, в этом случае — и только в этом — может быть новенно не стоять ни в каком соответствии с подобным издержками, получающимися от хлебных полей и лугов, но может превышать почти в любых размерах. При этом значительнейшая часть этого излишка, естественно, приходится на ренту землевладельца.

Надо иметь в виду, что обычное и естественное соотношение ренты и прибыли от виноделия и ренты и прибыли от возделывания под хлебом и травами сохраняется только по отношению к виноградникам, дающим вино обычного хорошего качества, которое может быть получено почти везде на любой легкой или песчаной почве и отличается лишь своей крепостью и полезностью для здоровья. Только с такими виноградниками могут конкурировать другие виноградники среднего качества; ибо очевидно, что виноградники на специальных почвах находятся вне конкуренции.

Различные качества почвы в большей степени влияют на качество вина, чем на качества какого-либо другого плода. Некоторые почвы придают вину такой букет, которого нельзя получить с другими почвами ни при какой обработке и уходе. Такой букет, действительный или воображаемый, иногда присущ продукту немногих вино-

иногда он присущ виноградникам значительной части небольшого района, а иногда им отличаются виноградники значительной обширной провинции. Все количество таких вин, выносимых с виноградников, не покрывает действительного спроса или спроса тех, кто платит всю сумму ренты, прибыли и заработной платы, необходимых для приготовления их и доставки на рынок, в соответствии с естественными нормами заработной платы, прибыли и ренты, т. е. теми, по которым они оплачиваются в виноградниках среднего качества. Поэтому все это количество может быть продано тем, кто готов заплатить за это вино больше указанной суммы, а это неизбежно ведет к повышению его цены сравнительно с ценой вина среднего качества. Разница в цене больше или меньше в зависимости от того, насколько популярность данного вина и недостаточность количества делают конкуренцию покупателей более или менее острой. Как бы то ни было, большая часть этой разницы составляет ренту землевладельца. Ибо, хотя такие виноградники обычно требуют более тщательной обработки, чем большинство других, высокая цена вина, повидимому, является не столько следствием, сколько причиной такой тщательной обработки. При столь высокой цене продукта потери, вызываемые небрежностью, так велики, что заставляют даже наиболее легкомысленных относиться к делу с большим вниманием. Небольшой части этой высокой цены достаточно для выплаты заработной платы за добавочный труд, затраченный при уходе за такими виноградниками, и для прибыли на капитал, затрачиваемый на этот труд.

Вино, принадлежащее европейским государствам вестиндских колоний, содержащее сахар, может быть сравнено с этими особенно ценными винами виноградниками. Всего получаемого продукта оказывается недостаточно для удовлетворения действительного спроса Европы, и весь продукт может быть продан тем лицам, которые согласны платить более того, чем необходимо для оплаты ренты, прибыли и заработной платы, необходимых для производства его и доставки на рынок, в соответствии с обычной нормой их при производстве других продуктов. В Кюхинхине наилучший белый сахар продается обыкновенно по три шиллинга за квинтал, по 13 шилл. 6 п. приблизительно на наши деньги, как сообщает нам г. Пуавр¹, весьма внимательный наблюдатель хозяйства этой страны. Тамшний квинтал весит от 150 до 160 парижских фунтов или, в среднем, 175 парижских фунтов, и дает приблизительно цену в 8 шиллингов за 100 английских фунтов; цена эта не достигает и четвертой части того, что обыкновенно платят за сырец или сахарный песок, ввозимый из наших колоний, и шестой части того, что платят за лучший кусковой сахар. Наибольшая часть обрабатываемой земли занята в Кюхинхине возделыванием хлеба и риса, составляющих пищу главной массы населения. Соответственные цены хлеба, риса и сахара там, вероятно, сохраняют свое естественное соотношение или то соотношение, ко-

торое естественно устанавливается между различными растениями, большей частью обрабатываемых земель ввиду необходимости вознаграждения землевладельцев и фермеров приблизительно в соответствии с их обычными первоначальными затратами на улучшение и на ежегодные расходы по обработке. Но в наших колониях, производящих сахар, цена сахара в противоположность этому не соответствует цене продукта рисовых или хлебных полей в Европе и Америке. Обыкновенно утверждают, что плантатор сахара считает, чтобы ром и патока покрывали все его расходы по обработке и чтобы получаемый им сахар весь составлял его чистую прибыль. Если это верно, чего я не стану утверждать, то это сильно тому, как если бы фермер, производящий хлеб, считал покрывать все свои расходы по обработке отрубями и солодой от зерна получать только чистую прибыль. Мы часто видим, что торговые компании в Лондоне и других торговых городах покупают в наших колониях, производящих сахар, обширные земли, которые намереваются улучшить и обрабатывать с прибылью при посредстве управляющих и агентов, несмотря на большую отдаленность и ненадежность дохода благодаря дурному устройству суда в этих странах. Никто не захочет улучшить и обрабатывать таким способом наиболее плодородные земли Шотландии, Ирландии или халлендских провинций Северной Америки, хотя при более строгом отправлении правосудия в этих странах можно ожидать более регулярного поступления доходов.

В Виргинии и Мэриленде разведение табака, как более выгодное, предпочитается возделыванию хлеба. Табак может быть с выгодой возделываем в большей части Европы, но почти по всей Европе сделался главным предметом обложения, и господствовало мнение, что собирать налог с каждой отдельной фермы, в которой разводится это растение, было бы гораздо затруднительнее, чем взимать его при ввозе табака в таможне. Ввиду этого разведение табака в высшей степени нелепым образом воспрещено в большей части Европы, что необходимо дает своего рода монополию тем странам, которые разрешают разведение табака. И так как Виргиния и Мэриленд производят наибольшее количество табака, они широко пользуются выгодами этой монополии, хотя и делят их с некоторыми конкурентами. Тем не менее разведение табака, по видимому, столь выгодно, как производство сахара. Мне никогда не приходилось слышать о табачных плантациях, разводимых и обрабатываемых за счет капитала купцов, проживающих в Великобритании, и наши колонии, разводящие табак, не присылают к нам в метрополию столь богатых плантаторов, каких мы часто видим приезжающими из наших сахарных колоний. Хотя предпочтение, оказываемое в этих колониях разведению табака сравнительно с возделыванием хлеба, говорит как будто о том, что действительный спрос Европы на табак не вполне покрывается, однако он, по видимому, удовлетворяется в большей мере, чем спрос на сахар. И хотя современная цена табака, вероятно, более чем достаточна для оплаты рента

ной платы и прибыли, необходимых для производства его на рынке, соответственно их норме в производящей стране, она все же не настолько превышает этот уровень, как высокая цена сахара. Вследствие этого наши табакоразводчики проявили не столько опасения по поводу изобилия табака, как и владельцы виноградников во Франции по поводу изобилия вина. Особым образом они ограничили разведение табака шестью тысячами кустов, обязавших давать тысячу квинталов табаку на каждого негра в возрасте от 16 до 60 лет. Такой негр, по их расчету, помимо ухода за производством такого количества табака, может обработать четыре квинтала пшеницы. Кроме того, для предотвращения переполнения рынка табаком в урожайные годы, по словам д-ра Дугласа¹ (я подозреваю, что он плохо осведомлен), сжигали определенное количество табака каждого негра, как это делали голландцы с пряностями. Если не обойтись столь насильственными методами для того, чтобы удерживать разведение на определенном уровне нынешнюю цену табака, то ненадолго, но, сохранится особая выгодность разведения его в сравнении с производством хлеба, если только такая выгодность вообще суще-

ствует. Таким образом, рента с обрабатываемых земель, продукт которых является пищей людей, регулирует ренту большей части других земель, находящихся под обработкой. Ни один специальный продукт не может продолжительное время давать меньшую ренту, ибо в случае земля будет немедленно обращена под другую культуру, если какой-либо специальный продукт приносит обычно более высокую ренту, то это потому, что количество земли, которое может быть приспособлено для его производства, слишком незначительно для удовлетворения действительного спроса.

В Европе хлеб является главным продуктом земли, который служит непосредственно в качестве пищи. Поэтому, если не считать исключительных условий, рента с земли, обращенной под производство хлеба, регулирует в Европе ренту со всех других обрабатываемых земель. В Великобритании не приходится завидовать ни виноградникам Франции, ни масличным плантациям Италии. За исключением особых случаев, стоимость этих последних регулируется стоимостью земель, находящихся под хлебом; а плодородие этих земель в Англии не уступает плодородию таких же земель в любой из этих стран.

В какой-либо стране наиболее распространенная и излюбленная пища народа получается от растения, которое произрастает на земле среднего качества в гораздо большем количестве, чем хлеб на плодородной земле, при условии одинаковых или почти одинаковых затрат на обработку, то рента землевладельца или то количество пищи, которое будет оставаться в его распоряжении после оплаты труда и возмещения капитала фермера с обычной прибылью, будет по необходимости значительно

¹ Douglas, Summary, vol. 2, p. 372, 373.

больше. Каковы бы ни были обычные расходы на содержание в этой стране, этот большой избыток всегда может обеспечить содержание большого количества труда, а, следовательно, и землевладельцу купить или получить в свое распоряжение большое количество труда. По необходимости будет гораздо больше иная стоимость его ренты, его реальное богатство и власть, обладание предметами необходимости и удобства, получаемые трудом других людей.

Рисовое поле производит гораздо большее количество пищи, чем самое плодородное хлебное поле. Как утверждают, с акра обычно два урожая в год, по 30—60 бушелей каждый. Хотя возделывание риса в соответствии с этим требует большего количества труда, однако после покрытия расходов на содержание всего этого остается гораздо больший излишек. В тех странах, где возделывание риса и где он является главной и излюбленной пищей народа, земледельцы питаются главным образом им, землевладельцы получают более значительную долю этого большого излишка, чем в странах, производящих хлеб. В Каролине, где плантаторы, как и в британских колониях, соединяют в своем лице землевладельцев, фермеров и где ввиду этого рента смешивается с прибылью, возделывание риса оказалось более выгодным, чем возделывание пшеницы, хотя поля их приносят лишь одну жатву в год и хотя благодаря сохранению европейских привычек рис не является здесь основной и излюбленной пищей населения.

Хорошее рисовое поле во все времена года представляет болото, а в одно время года — болото, покрытое водою. Оно годно ни для хлеба, ни для пастбища, ни для винограда, ни для какого-либо другого растения, могущего быть весьма полезным для людей; а земли, пригодные для всех указанных целей, непригодны для риса. Поэтому даже в странах, производящих рис, рента с возделываемых земель не может регулировать ренту с других обрабатываемых земель, которые ни при каких условиях не могут быть обработаны под возделывание риса.

Количество пищи, производимое картофельным полем, не соответствует количеству, производимому рисовым полем, и значительно превышает количество пищи, даваемое пшеничным полем. Десять тысяч квинталов картофеля представляют не больший урожай с акра земли, чем две тысячи квинталов пшеницы. Количество питательных веществ, которое может быть извлечено из этих растений, отнюдь не пропорционально их весу ввиду большого содержания воды в картофеле. Однако, принимая вес воды в корнеплоде в половину его общего веса, что следует признать справедливой нормой, мы все же получим, что акр земли под картофелем приносит шесть тысяч квинталов твердой пищи, — в три раза больше, чем акра, засеянного пшеницею. Обработка акра земли под картофель требует меньше расходов, чем обработка акра под пшеницей, поэтому оставление земли под паром, предшествующее обыкновенно возделыванию пшеницы, более чем компенсирует вскапывание земли под кар-

тфелем, всегда практикующиеся при посеве картофеля. Если картофель когда-либо станет в какой-либо части Европы обычной пищей населения, подобно рису в некоторых странах, то он будет занимать ту часть возделываемой земли, какую ныне занимают пшеница и другие зерновые хлеба, идущие в пищу, то самая площадь возделываемой земли будет давать пропитание большому количеству людей. И так как рабочие большей частью питаются картофелем, то будет оставаться большой излишек капитала и покрытия всего содержания земель, занятых при возделывании его. При этом большая доля излишка будет доставаться землевладельцу. Население будет получать, а рента будет повышаться сравнительно с ее теперешним уровнем.

Земля, пригодная для картофеля, пригодна почти для всех других культурных растений. Если картофель будет занимать такую же часть возделываемой земли, какую ныне занимает хлеб, он будет регулировать ренту большей частью возделываемых земель.

Мне говорили, в некоторых местностях Ланкашира считают, что хлеб из овсяной муки представляет собою более приятную пищу, чем пшеничный хлеб; мне часто приходилось слышать такое же мнение в Шотландии. Однако я несколько сомневаюсь в справедливости этого. Люди из простонародья в Шотландии, питающиеся овсяным хлебом, по общему правилу не так сильны и крепки, как люди того же класса в Англии, питающиеся пшеничным хлебом. Они и не работают так хорошо и не выглядят так хорошо, как в Англии. И так как не наблюдается такого же различия между людьми в Шотландии и в Англии, то опыт, повидимому, свидетельствует о том, что пища простонародья в Шотландии не в такой степени соответствует потребностям человека, как пища людей того же класса в Англии; но не так, повидимому, обстоит дело с картофелем. Как говорят, носильщики, чернорабочие, угольщики в Лондоне, а также те несчастные женщины, которые живут проститутками в этих сильнейших мужчинах и, пожалуй, самые красивые женщины в этих низших слоях населения Ирландии, которые питаются главным образом этим корнеплодом. Никакая другая пища не может представить более решительного доказательства своих питательных свойств или своей особенной полезности для здоровья человека, чем картофель. Картофель можно сохранять в течение целого года и невозможно продать его, как хлеб, в течение двух или трех лет. Опасение не продать его до того, как он начнет портиться, побуждает его разведению и является, возможно, главным препятствием к тому, чтобы он сделался когда-нибудь, подобно хлебу, основной или обширной стране главной растительной пищей всех классов населения.

Отдел II. О сельскохозяйственном продукте, который иногда дает, а иногда не дает ее

Пищевые продукты, повидимому, представляют собою единственный сельскохозяйственный продукт, который всегда и необходимо дает некоторую ренту землевладельцу. Другие виды продуктов смотря по обстоятельствам, иногда могут давать и иногда могут не давать ренты.

После пищи одежда и жилище являются двумя главными потребностями человечества.

В своем первобытном состоянии земля может доставлять материалы для одежды и жилища гораздо большему числу людей, сколько она может прокормить. В своем культурном состоянии иногда может прокормить большее число людей, чем сколько может снабдить указанными материалами, — по крайней мере в том виде, в каком они желают получить их и согласны платить за них. В первом случае поэтому всегда имеется излишек этих материалов, которые ввиду этого часто имеют небольшую стоимость, совсем не имеют никакой стоимости. Во втором случае часто бывает недостаток в них, благодаря чему необходимо увеличивается их стоимость. В первом случае значительная часть этих материалов выбрасывается как нечто бесполезное, а цена той части, которая используется, признается равной лишь стоимости труда и издержек, затраченных на приведение их в годное для пользования состояние, и потому не может давать ренту землевладельцу. Во втором случае все они идут в дело, причем часто спрос превышает наличное количество их. Всегда находятся люди, готовые заплатить за них больше того, что необходимо для оплаты расходов на доставку их на рынок. Поэтому их цена всегда может давать некоторую ренту землевладельцу.

Первоначальным материалом для одежды служили шкуры крупных животных. Поэтому у охотничьих и пастушеских народов пища которых состоит главным образом из мяса таких животных, каждый человек, добывая себе пищу, вместе с тем снабжает себя материалом для одежды и притом в большем количестве, чем может носить. Если бы не существовало торговли с чужеземцами, большая часть этих шкур выбрасывалась бы как нечто, не имеющее никакой стоимости. Таково было, вероятно, положение у охотничьих народов Северной Америки до открытия их страны европейцами, которые теперь выменивают избыток своих мехов на одеяла, огнестрельное оружие и водку, что и придает им некоторую стоимость. При современном уровне торгового развития известной нам части земного шара наиболее варварские народы, у которых существует земная собственность, ведут, как я думаю, внешнюю торговлю указанного рода и находят со стороны своих более богатых соседей такой спрос на все материалы для одежды, производимые их землей, и не могущие быть переработанными или потребленными дома, что благодаря этому спросу их цена поднимается выше

необходимого для того, чтобы покрыть издержки по доставке их к тем более богатым соседям. Они приносят поэтому некоторую ренту землевладельцу. Когда большая часть скота горной Шотландии потреблялась на месте, вывоз их шкур составлял главнейшую статью торговли этой страны, а выручка за них составляла добавочную сумму к ренте, получаемой с имений горной полосы. Английская шерсть, которая в прежние времена не могла быть потреблена внутри страны, находила рынок в более богатой и более промышленной Фландрии, и цена ее доставляла некоторую добавочную сумму к ренте с земли, на которой она была произведена. В странах, стоящих на той же ступени развития, на какой стояла Шотландия или на какой находится в настоящее время горная Шотландия, и не ведущих внешнюю торговлю, материалы для одежды должны быть, очевидно, в таком изобилии, что значительная их часть должна выбрасываться как бесполезная, и ни одна часть их не может давать ренту землевладельцу.

Материалы для постройки жилищ не всегда могут быть перевезены на столь большие расстояния, как материалы для одежды, и так легко становятся предметом внешней торговли. Когда они находятся в изобилии в стране, производящей их, они часто, даже при современном уровне торгового развития, не представляют никакой стоимости для землевладельца. Хорошая каменоломня в окрестностях Лондона будет давать значительную ренту. Во многих частях Шотландии и Уэльса она ничего не принесет. Сухой строительный лес имеет значительную стоимость в населенной и культурной стране, и земля, дающая его, приносит большую ренту. Но во многих частях Северной Америки землевладелец будет весьма благодарен всякому, кто срубит большую часть его громадных деревьев. В некоторых частях горной Шотландии, при отсутствии дорог и водных путей, древесная кора представляет собою единственный продукт леса, который может быть отправлен на рынок. Если ее оставляют гнить на земле. Когда строительные материалы находятся в таком изобилии, та часть их, которая идет в дело, имеет только ту стоимость, которую им придают труд и издержки, затраченные на приведение их в годное состояние. Они не приносят ренты землевладельцу, который обыкновенно позволяет пользоваться ими любому, кто только попросит у него разрешения. Впрочем, спрос богатых народов иногда позволяет землевладельцу получать некоторую ренту от этих материалов. Замощение улиц Лондона позволило владельцам некоторых голых скал на берегах Шотландии извлечь ренту с этих земель, которые никогда раньше не давали ее. Леса Норвегии и бережья Балтийского моря находят рынок сбыта во многих частях Великобритании, которого они не находят у себя в стране, поэтому приносят некоторую ренту своим владельцам.

Плотность населения той или другой страны пропорциональна количеству людей, которое может быть обеспечено доставляемыми ею одеждой и жилищем, а тому количеству людей, которое может быть прокормлено ею. Когда обеспечена пища, легко

найти необходимую одежду и жилище. Но при наличии последней часто может оказаться трудным достать пищу. Даже в некоторых частях британских владений то, что называется домом, может быть выстроено с затратой однодневного труда одного человека. Самый простой вид одежды, шкура животных, требует несколько больше труда на сдирание и очистку ее, чтобы сделать пригодной для употребления. Но для этого все же не требуется очень значительного труда. Если иметь в виду дикие и варварские племена, то сотой несколько более сотой части всего количества труда, затрачиваемого в течение года, достаточно для снабжения их одеждой и жилищем с удовлетворением потребностей большей части населения. Обычные девятая десятая сотых труда часто оказываются едва достаточными для того, чтобы обеспечить их пищей.

Но когда благодаря улучшению и обработке земли труд одной семьи может уже снабжать пищей две семьи, труд половины всего количества оказывается достаточным для снабжения пищей всех жителей. Поэтому другая половина или, по меньшей мере, значительная часть ее может быть использована для добывания других предметов или для удовлетворения других потребностей или прихотей человека. Одежда и жилище, предметы домашнего обихода и табулируемая обстановка представляют собою значительную часть потребностей и прихотей. Богатый человек потребляет не больше пищи, чем его бедный сосед. Что касается качества, то могут быть значительные различия в пище, и на отыскание и приготовление лучшей пищи может требоваться много труда и умения, но в количественном отношении разницы почти нет. Но сравните обширный гардероб и большой гардероб одного с лачугой и немногими лохмотьями другого, и вы увидите, что различие в их одежде, жилище и домашней обстановке почти одинаково велико как в отношении количества, так и качества. Стремление к пище ограничивается желанием каждого человека небольшой вместимостью человеческого желудка, но стремление к удобствам и украшению жилища, одежды, домашней обстановки и утвари не имеет, повидимому, определенных границ. Поэтому те, кто обладает большим количеством пищи, чем могут сами потребить, всегда готовы обменять излишек ее или, что то же самое, цену его на удовлетворение определенных потребностей другого рода. Все то, что остается после удовлетворения потребностей, имеющих определенную границу, затрачивается на удовлетворение тех потребностей, которые не имеют границ. Бедняк для того, чтобы добыть пищу, изодрывается в удовлетворении этих прихотей богатых; и для того, чтобы добыть наверх, он соперничает с другими такими же бедняками в изощренности и совершенстве своего труда. Число работников возрастает вместе с возрастанием количества пищи или с развитием улучшения и обработки земель; и так как самая природа их занятия допускает величайшее разделение труда, то количество материала, которое могут обработать, возрастает в еще большей степени, чем

х работников. Отсюда возникает спрос на материалы всякого рода, какие только в состоянии употребить человеческая изобретательность в полезных целях или для украшения, в строительстве, в одежде, в нарядах или домашней обстановке и утвари; спрос на драгоценные металлы и драгоценные камни.

Таким образом, пища является не только первоначальным источником ренты, но и все другие продукты земли, которые в позднейшие времена начали давать ренту, получают эту часть своей стоимости ввиду увеличения производительности труда при добывании пищи, обусловленного улучшенными методами обработки земли.

Однако эти другие виды продуктов земли, которые позже начали давать ренту, дают ее не всегда. Даже в цивилизованных и богатых странах спрос на эти продукты не всегда настолько велик, чтобы цена их превышала ту цену, которая достаточна для оплаты труда и возмещения — вместе с обычной прибылью — капитальных затрат, затрачиваемого для доставки их на рынок. Будет ли этот спрос достаточно велик или нет, зависит от различных обстоятельств. Например, получение ренты с каменноугольной копи зависит отчасти от обилия в ней угля, отчасти от ее местоположения. Рудник или копь какого бы то ни было рода может быть признан богатым или бедным в зависимости от того, будет ли количество руды, которое может быть извлечено из него при затрате определенного количества труда, больше или меньше того количества, которое может быть добыто при равной затрате труда из большей или меньшей других рудников того же рода.

Некоторые каменноугольные копи, выгодно расположенные, не могут подвергаться разработке ввиду своей скудости. Получаемый продукт не оплачивает издержек. Они не могут давать ни прибыли, ни ренты.

Существуют такие копи, продукт которых может покрывать лишь стоимость труда и возмещение капитала, затрачиваемого при их разработке, вместе с обычной прибылью на него. Они приносят некоторую прибыль предпринимателю работ, но не дают ренты землевладельцу. Они могут разрабатываться с выгодой исключительно землевладельцем, который, будучи сам предпринимателем, получает обычную прибыль на капитал, затрачиваемый им. Многие каменноугольные копи Шотландии разрабатываются именно таким образом и никаким другим способом не могут разрабатываться. Землевладелец никого не допустит к разработке, не потребовав уплаты некоторой ренты, а никто не будет в состоянии платить ее.

Другие каменноугольные копи в той же стране, достаточно богатые, не могут подвергаться разработке вследствие их положения. В таких копях может быть добыто с затратой обычного или даже меньшего, чем обычно, количества труда такое количество минерала, которое достаточно для покрытия издержек производства; но рента, далекая от берега, редко населенной и не имеющей

хороших путей сообщения или водных путей, это добытое ко стов не сможет быть продано.

Каменный уголь—менее удобное топливо, чем дерево: ка верждают, он более вреден. Поэтому стоимость отопления у в местах его потребления должна быть несколько менее стои дровяного отопления.

Но цена леса, в свою очередь, изменяется в зависимости от с ния сельского хозяйства приблизительно таким же образом той же самой причине, как и цена скота. При самом возникнов земледелия большая часть поверхности каждой страны покрыта сами, которые в ту пору являются для землевладельца лишь менем, не имеют для него никакой стоимости, так что он готов п ставить всякому вырубать их. По мере развития земледелия отчасти вырубаются благодаря увеличению запашек, частью пог благодаря возрастанию численности скота. Хотя скот и не ра жается с такой быстротой, как растет хлеб, добываемый исключи но трудом человека, все же он размножается под защитой и благу уходу людей, которые запасают в урожайные годы корм, мог прокормить скот в годы неурожайные; которые в течение всего дают скоту большее количество корма, чем какое доставила бы невозделанная природа, и которые, уничтожая и вытесняя его вр обеспечивают ему беспрепятственное пользование тем, что дает рода. Бесчисленные стада домашних животных, если им позво пастись в лесах, не уничтожают, правда, старых деревьев, но молодые побеги, так что в течение столетия или двух весь лес пог И тогда недостаток леса повышает его цену. Он начинает дават рошую ренту, и землевладелец иногда находит наиболее выго делом разведение строевого леса на своих лучших землях; в прибыли, получаемой при этом, часто возмещает медленность об капитала. Таково приблизительно положение в настоящее время которых местах Великобритании, где прибыль от насаждения не уступает прибыли, получаемой от хлебопашества и разведе лугов. Выгоды от лесоразведения никогда не могут превышать крайней мере на сколько-нибудь продолжительное время, р которую может приносить на этой земле хлебопашество или но в удаленной от моря стоящей на высоком культурном у стране она часто будет немногим ниже этой ренты. Действие на морском побережье высоко культурной страны, пользую для топлива каменным углем, иногда может оказаться дешевле возить лес для строительных надобностей из более отсталых с чем возвращать его внутри страны. В новом городе Эдинб выстроенном в течение последних лет, не найти, пожалуй, ш ного бревна из шотландского леса.

Какова бы ни была цена на лес, если цена угля такова, что ход на отопление углем почти одинаков с расходом на дровяно пление, мы можем быть уверены, что в данной местности и при ных условиях цена угля не может подняться выше. Это, повиди наблюдается в некоторых отдаленных от побережья частях Ан

нио в Оксфордском графстве, где даже простонародье обыкно о при топке мешает пополам каменный уголь с дровами и где му разница в расходе на тот или другой вид топлива не может весьма значительна.

странах, производящих каменный уголь, цена последнего везде ниже этого максимального уровня. В противном случае уголь о бы выдержать издержек при дальней перевозке сухим путем одою. При таких условиях находило бы сбыт только небольшое чество угля; а углепромышленники и владельцы угольных копей дят более выгодным для себя продавать большее количество по цене, несколько превышающей минимальную, чем небольшое чество угля по максимальной цене. Наиболее богатая копь регу ет цену угля всех других копей в окрестности. Как владелец так и предприниматель, разрабатывающий ее, находят, что, авая несколько дешевле своих соседей, они могут получить— ний большую ренту, второй—большую прибыль. Их соседи скоро аваются вынужденными продавать свой уголь по такой же хотя и не могут делать это без потерь и хотя это всегда умень а иногда и совсем сводит на-нет их ренту и прибыль. Некоторые в результате этого забрасываются, другие же перестают приносить у и могут быть разрабатываемы только землевладельцем.

зная цена, по которой может продаваться уголь в течение ко-нибудь продолжительного времени, должна, как и цена вся- другого товара, быть достаточной для возмещения капитала, чиваемого на его производство, и обычной прибыли на него. угля, получаемого из копи, которая не дает ее собственнику и которую он должен разрабатывать сам или же забросить, но должна приблизительно держаться на указанном уровне. же в тех случаях, когда уголь дает ренту, последняя обычно вляет меньшую часть цены угля, чем это имеет место у большин- других произведений земли. Рента с имения, в котором ведется кое хозяйство, обыкновенно достигает, как считают, трети ва- го продукта; при этом, по общему правилу, рента эта устойчива зависит от случайных колебаний урожая. Для угольных копей в размере одной пятой валового продукта считается весьма кой; обычная рента достигает одной десятой его; при этом са- рента редко бывает обеспечена, она зависит от случайных ко- ний добычи. Эти последние так значительны, что в стране, где тализация из $3\frac{1}{3}$ процентов признается умеренной ценой при ке недвижимого сельскохозяйственного имения, капитализа- из 10 процентов считается хорошей ценой при покупке камен- ной копи.

Стоимость каменноугольной копи для ее владельца часто зави- только же от ее местоположения, как и от ее богатства. Стои- рудника, содержащего металлы, в большей степени зависит от богатства и в меньшей—от его местоположения. Простые, а в еще ней мере драгоценные металлы, будучи выделены из руды, авляют собою такую значительную стоимость, что могут обычно

выдержать издержки перевозки на очень большие расстояния путем и на самые отдаленные расстояния морским путем. Их сбыта не ограничивается местностями, находящимися поблизости руднику, а распространяется на весь мир. Японская медь состоит предмет торговли в Европе; испанское железо продается на Чили и Перу. Перуанское серебро проникает не только в Европу и через Европу в Китай.

Цена угля в Уэстморлэнде или Шропшире может оказывать влияния на цену его в Ньюкэстле, а цена его в Лионском и совсем не может оказывать влияния. Продукты столь отдален друг от друга каменноугольных копей никогда не могут конкурировать между собою. Напротив, продукты наиболее отдаленных от друга металлических рудников часто могут конкурировать между собою и в действительности обычно конкурируют. Поэтому цен простых, а еще более драгоценных металлов из самых богатых рудников в мире необходимо должна более или менее влиять на цену продукта всех других рудников. Цена меди в Японии должна оказывать некоторое влияние на цену меди, получаемой из рудников Европы. Цена серебра в Перу или количество труда или других товаров, которые можно получить там в обмен на него, должна иметь некоторое влияние на цену серебра, добываемого не только из рудников Европы, но и из рудников Китая. После открытия рудников в Перу серебряные рудники Европы были в большинстве своем заброшены. Стоимость серебра так понизилась, что добыча из этих рудников не могла оплачивать расходы по разработке их или возмещать с прибылью стоимость пищи, одежды, жилищ и других предметов первой необходимости, потребленных при разработке этих рудников. Такое самое случилось и с рудниками Кубы и Сан-Доминго и даже с рудниками перуанскими рудниками после того, как были открыты рудники в Потози.

Поскольку, таким образом, цена всякого металла в любом месте регулируется в некоторой степени ценой в самом богатом руднике в мире руднике из числа действительно находящихся в разработке постольку она в большинстве рудников может приносить лишь немногим больше того, что необходимо для покрытия издержек на разработку, и редко может давать очень высокую ренту землевладельцу. Ввиду этого рента в большинстве рудников, повидимому, входит лишь небольшой долей в цену простых и еще меньшей долей в цену драгоценных металлов. Стоимость труда и прибыль составляют большую часть цены тех и других.

Шестую часть валового продукта составляет, в среднем, рента с оловянных рудников Корнуэльса, самых богатых из известных во всем мире, как сообщает нам почтенный г. Борлес¹, помощник ректора оловянных рудников. Некоторые, как он говорит, приносят больше, другие дают не так много. Рента с некоторых весьма

свинцовых рудников Шотландии тоже составляет шестую часть валового продукта.

Как сообщают Фрезьер¹ и Уллоа², собственник серебряных рудников в Перу часто выговаривает у своего арендатора только одну пятую часть ренты: арендатор обязывается толочь руду на его мельнице с уплатой обычного вознаграждения за это. Действительно, до 1736 г. рента в пользу испанского короля достигала одной пятой чистого продукта, что для того времени и можно считать действительной рентой с шестой части серебряных рудников Перу, самых богатых, какие когда-либо были известны во всем мире. Если бы пошлины совсем не существовали, эта пятая доля естественно принадлежала бы землевладельцу; но так как рудники разрабатывались бы многие рудники, которые в настоящее время заброшены, ибо не могут оплатить такую пошлину. Пошлина, взимаемая герцогом Корнуэльским с олова, превышает, как полагают, 5 процентов, или двадцатую часть, стоимости его; каковы бы были ее размеры, она целиком шла бы в пользу собственника рудников, если бы олово было свободно от обложения. Но если прибавить к одной двадцатую к одной шестой, то мы найдем, что в общности средняя рента с оловянных рудников Корнуэльса относится к средней ренте с серебряных рудников Перу, как тринадцать к двенадцати. Но серебряные рудники Перу в настоящее время в состоянии приносить даже такую низкую ренту, и пошлина на олово была понижена в 1736 г. с одной пятой до одной десятой. Но и такая пошлина с серебра больше искушает заниматься контрабандой, чем пошлина в размере одной двадцатой с олова: а контрабанда драгоценного металла гораздо легче, чем контрабанда громоздкого продукта. Ввиду этого, как говорят, пошлина в пользу испанского короля уплачивается очень плохо, тогда как пошлина в пользу герцога Корнуэльского уплачивается хорошо. Поэтому весьма вероятно, что рента составляет большую часть цены олова в самых богатых оловянных рудниках, чем цены серебра в самых богатых серебряных рудниках мира. Рента, остающаяся владельцу после возмещения капитала, затраченного при разработке этих рудников, составляет обыкновенно прибыли, больше повидимому, с простых, чем с драгоценных металлов.

Вместе с тем в Перу обычно не очень велики и прибыли предпринимателей, разрабатывающих серебряные рудники. Те же самые почтенные и хорошо осведомленные авторы сообщают нам, что никто из какого человека, предпринимателя разработки нового рудника в Перу, по общему правилу смотрят как на обреченного на банкротство и разорение, вследствие чего его все избегают и сторонятся. На деле разработкой рудников там, повидимому, смотрят так же, как у нас, видя в нем лотерею, в которой выигрышные билеты не так много, а провешивают пустых, хотя крупные размеры выигрышей иску-

¹ [См. *Borlase, Natural History of Cornwall*, p. 183.]

² *Frezier, Voyage de la Mer du Sud. Vol. I. pp. 269 sqq.*
См. *Ulloa, Noticias Americanas Entretenmentos*, 12—14.]

шают многих смельчаков затрачивать свои состояния в столь обещающее дело.

Однако, поскольку государь получает значительную часть доходов с добычи серебряных рудников, существующие в Перу законы всевозможными способами поощряют открытие и разработку новых рудников. Всякое лицо, открывающее новый рудник, имеет право отметить себе участок в двести сорок шесть футов в длину и соответственно предполагаемому им направлению жилы, и вдвое больше в ширину. Он становится собственником этой части рудника и может разрабатывать его, не уплачивая никакого вознаграждения землевладельцу. Интересы герцога Корнуэльского привели к изменению почти таких же правил в этом старинном герцогстве. Любое лицо, открывающее оловянный рудник на незанятых и огороженных землях, имеет право отметить его границы в определенных размерах, что называется отмежевкой рудника. Такое лицо становится фактическим владельцем рудника и может или сам разрабатывать его, или сдавать разработку в аренду другому лицу по взаимной справивая согласия землевладельца, которому, впрочем, должно уплачиваться весьма незначительное вознаграждение за разработку. В правилах этих в обоих случаях священные права частной собственности принесены в жертву предполагаемым интересам государственных доходов.

Таким же образом поощряется в Перу открытие и разработка новых золотых рудников, и королевская пошлина с золота составляет лишь двадцатой части чистого металла. Раньше она равнялась одной части, потом десятой, как и с серебра, но выяснилось, что рудники не могут выдержать даже низшей из этих ставок. Тем не менее, если, как говорят те же авторы Фрезьер и Уллоа, редко приходится встретить человека, составившего состояние разработкой серебряных рудников, то еще реже встречаются такие люди среди разрабатывающих золотые. Пошлина в размере двадцатой части составляет повидимому, всю ренту, приносимую большей частью золотых рудников Чили и Перу. Притом золото гораздо более удобно для переноса, чем даже серебро, не только ввиду большей стоимости металла в сравнении с его объемом, но и вследствие того обстоятельства, в каком природа производит его. Серебро редко находится в чистом виде, — как и большинство других металлов, оно обыкновенно добывается в соединении с каким-либо другим минералом, которого его можно отделить в количествах, оплачивающих затраты держки, только посредством весьма длительного и кропотливого процесса, выполнимого лишь в специально сооруженной мастерской и в силу этого не могущего укрыться от надзора королевских чиновников. Золото, напротив, почти всегда добывается в чистом виде. Его иногда находят слитками небольших размеров; и в тех случаях, когда оно смешано небольшими и почти незаметными частицами с песком, землей и другими телами, его легко отделяют от этих примесей весьма быстрым и простым способом, доступным в любом частном жилище всякому человеку, обладающему небольшо-

м количеством ртуты. И если поэтому королевская пошлина плохо уплачивается с серебра, то она должна быть еще хуже уплачиваема с золота, а рента должна составлять гораздо меньшую часть цены золота, чем даже цены серебра.

Низкая цена, по которой могут продаваться драгоценные металлы, или наименьшее количество других предметов, на которые могут обмениваться в течение сколько-нибудь значительного времени, регулируется теми же правилами, какие устанавливают наилучшую обычную цену всех других товаров. Эта цена определяется по отношению к одежде и жилища, которые обычно должны быть употреблены для извлечения металлов из рудника и доставления их на рынок. Она должна быть по меньшей мере достаточна для возмещения затрат на извлечение металлов и доставления обычной прибыли на него.

Она должна быть по меньшей мере достаточна для возмещения затрат, однако наивысшая цена этих металлов определяется, повидимому, лишь недостатком или обилием их в данное время. Она не определяется ценой какого-либо товара, как это, например, имеет место с каменным углем, цена которого — даже при недостатке его — может подняться выше цены дров. Увеличьте недостаток в золоте известной степени и мельчайший кусочек его станет более ценным, чем бриллиант, и будет обмениваться на большее количество других товаров.

Ценность на драгоценные металлы обуславливается отчасти их поделкой, отчасти их красивым видом. Они, пожалуй, полезнее всех других металлов, за исключением железа. Так как они менее подвержены ржавчине и загрязнению, их легче держать в чистоте, а потому столовая и кухонная посуда, сделанная из них, часто бывает приятнее всякой другой. Серебряный котел больше сохраняет чистоту, чем свинцовый, медный или оловянный, и благодаря тому свойству золотой котел еще лучше серебряного. Но главное достоинство драгоценных металлов связано с их красивым видом, что делает их особенно пригодными для украшения одежды и домашней утвари. Никакая краска или лакировка не может дать столь блестящего цвета, как позолота. Достоинство драгоценных металлов, обуславливаемое их красотой, в значительной мере увеличивается благодаря их редкости. Для большинства богатых людей главное назначение богатством состоит в возможности выставить это последствием своего богатства; в их глазах оно никогда не бывает полным, если они не обладают теми внешними отличиями богатства, какими не может обладать никто, кроме их одних. В их глазах достоинства предмета, в какой-либо мере полезного или красивого, значительно увеличивается благодаря его редкости или необходимости затратить много труда, который никто не в состоянии оплатить, кроме них. Такие предметы они охотно готовы покупать по цене более высокой, чем у более распространенных. Драгоценные металлы, которые повсюду обмениваются на боль-

шое количество других товаров. Эта их высокая стоимость пре- ствовала и была независима от чеканки из них монеты и яв- именно тем качеством, которое сделало их пригодными для та- употребления. Но такое употребление, создав добавочный спрос на них, а следовательно уменьшив количество драгоценных метал- могущее быть употребленным на другие цели, могло впослед- повести к сохранению или даже повышению их высокой с- мости.

Спрос на драгоценные камни обуславливается исключительно красотой. Они служат только для украшения, и достоинства обусловленные красотой, значительно увеличиваются благодаря редкости или благодаря трудности и издержкам, связанным с д- ванием их из рудников. Ввиду этого заработная плата и при- в большинстве случаев поглощают почти всю высокую цену др- ценных камней. Рента входит в нее лишь очень небольшой до- а часто даже и совсем в нее не входит, и только самые богатые ники приносят сколько-нибудь значительную ренту. Когда лир Тавернье¹ посетил алмазные копи в Голконде и Визиапуре, сообщили, что местный государь, в пользу которого они разра- вались, приказал остановить работу на всех рудниках, за и- чением тех из них, которые дают самые крупные и наилучшие ка- Остальные, повидимому, не окупали для владельца расходов по- работке.

Так как цена драгоценных металлов и камней регулируется всем свете ценою их на самых богатых рудниках, то рента, кото- может давать своему владельцу тот или иной рудник, зависит его абсолютного, а, так сказать, относительного богатства на- избытка его добычи сравнительно с другими рудниками тако- рода. Если были бы открыты новые рудники, настолько более- тые, чем рудники Потози, насколько последние богаче европей- рудников, то стоимость серебра понизилась бы в такой степени- даже рудники Потози оказались бы не стоящими разработки- открытия испанской Вест-Индии самые богатые рудники Ев- могли давать своим владельцам такую же высокую ренту, ка- в настоящее время дают богатейшие рудники в Перу. Хотя в- чество получавшегося серебра было меньше, оно могло быть с- ниваемо на такое же большое количество других предметов, и- собственника могла давать ему возможность приобретать тако- большое количество труда или товаров. Стоимость как прод- так и ренты, действительный доход, который они доставляли с- ству и владельцу, могла быть такой же высокой.

Самые обильные рудники драгоценных металлов или ка- могут мало прибавить к мировому богатству. Продукт, стоим- которого обуславливается, главным образом, его редкостью, не- димо уменьшается в стоимости при обилии его. Серебряный с-

ругие пустые украшения одежды или утвари можно будет- бретать за меньшее количество труда или меньшее количе- других товаров,—лишь в этом будет состоять та выгода, ую мир сможет извлечь из обилия драгоценных металлов и ей.

аче обстоит дело с земельными владениями на поверхности- и. Стоимость их продукта и ренты пропорциональна их абсо- ому, а не относительному плодородию. Земля, производящая- деленное количество пищи, одежды и жилищ, всегда может про- ить, одеть и снабдить жилищем определенное количество людей; кова бы ни была доля землевладельца, она всегда дает ему со- ственную возможность распоряжения трудом этих людей или- ами, какими этот труд может снабдить его. Стоимость самой- одной земли не уменьшается благодаря соседству самой пло- дной. Напротив, она обыкновенно возрастает от этого. Много- енность населения, живущего на плодородных землях, создает- к для значительной части продуктов бесплодной земли, кото- они никогда не могли бы найти среди населения, могущего- ить на продукт этой земли.

е, что увеличивает плодородие земли, производящей пищу,- ичивает не только стоимость земель, которые подверглись улуч- но, но и стоимость других земель, создавая новый спрос на их- кты. Излишек пищи, которым благодаря улучшению земли мо- располагать многие люди сверх того, что они сами могут потре- представляет собою основную причину спроса на драгоценные- лы и камни, а также на всякие другие удобства и украшения- жде, жилищах, домашней утвари и нарядах. Пищевые продукты- лько составляют главную часть мирового богатства, их изоби- оздаст главную часть стоимости многих других видов богатства.- ые обитатели Кубы и Сан-Доминго, когда они были впервые от- ы испанцами, имели обыкновение носить маленькие куски зо- как украшения, в своих волосах и на других частях своего- шья. Они, повидимому, ценили их приблизительно так, как- и бы мы любую безделушку, выделяющуюся своею красотой,- знавали их годными для украшения, но отнюдь не столь цен- , чтобы отказать отдать их тому, кто попросит. По первой- бе они отдавали их своим новым гостям, нисколько, повиди- , не предполагая, что дают им весьма ценный подарок. Они- ялись при виде алчности, проявляемой испанцами в стремле- получить золото, и не подозревали, что может существовать- либо такая страна, где многие люди имеют в своем распоряже- какое изобилие пищи, столь скудной у жителей Кубы и Сан-До- , что за очень небольшое количество этих блестящих безделу- готовы отдать столько пищи, сколько хватит на прокормление- семьи в течение многих лет. Если б можно было объяснить- то, страсть испанцев к золоту перестала вызывать их удив-

¹ [Tavernier, Indian Travels, book II, chap 11—15.]

Отдел III. О колебаниях в соотношении стоимости продуктов, всегда приносящих ренту, и продуктов, иногда приносящих и не приносящих ренту

Возрастающее изобилие пищи, являющееся результатом улучшений и расширения обработки земель, необходимо довести к увеличению спроса на те виды сельскохозяйственных продуктов, которые не употребляются в пищу, а служат к украшению. Поэтому можно ожидать, что в общем процессе развития может иметь место только одно изменение в относительной стоимости этих двух различных видов продуктов. Стоимость видов продуктов, которые иногда приносят и иногда не приносят ренту, должна постоянно возрастать сравнительно со стоимостью продуктов, всегда приносящих некоторую ренту. По мере развития искусств и промышленности материалы для одежды и полезные ископаемые и минералы, драгоценные металлы и т. д. должны с течением времени пользоваться все большим спросом, должны обмениваться на все большее и большее количество пищи другими словами, должны становиться все дороже и дороже. Действительно, так и происходило с большинством из этих продуктов в большинстве случаев и происходило бы со всеми ими во все времена, если бы особые обстоятельства не увеличивали в некоторых случаях предложения некоторых из них в еще большей степени, чем спрос.

Стоимость каменоломни плитняка, например, неизбежно возрастает вместе с возрастанием богатства и населения окрестности, в особенности в том случае, если она является там единственной каменоломней. Напротив, стоимость серебряного рудника, если на расстоянии в тысячу миль не существует второго рудника, не возрастает обязательно вместе с увеличением богатства страны, в которой он находится. Рынок сбыта для продукта каменоломни редко может простираться более, чем на несколько миль вокруг нее, и спрос должен вообще соответствовать богатству и населению данного небольшого района. Напротив, рынок сбыта для продукта серебряного рудника может простираться на все известные пределы земного шара. Поэтому, если не возрастает богатство и население всего мира вообще, спрос на серебро может совсем и не возрастать даже при увеличении богатства обширной страны, окружающей рудник. Даже в том случае, если богатство всего мира возрастает параллельно с этим ростом богатства открываются новые рудники гораздо более богатые, чем известные раньше, то, хотя и возрастает спрос на серебро, предложение его все же может возрасти в еще большей степени, так что действительная цена этого металла будет постепенно понижаться, т. е. данное количество его, например в один фунт, будет обмениваться постепенно на все меньшее и меньшее количество труда или на меньшее количество хлеба, составляющей частью содержания рабочего.

Рынком сбыта для серебра является цивилизованная часть мира, вовлеченная в торговлю.

и в процессе общего развития спрос этого рынка возрастет, как предложение не увеличится в той же пропорции, то стоимость серебра будет постепенно возрастать по сравнению ее со стоимостью хлеба. Данное количество серебра будет вымениваться на большее количество хлеба, или, другими словами, средняя денежная цена хлеба будет постепенно уменьшаться.

Напротив, предложение благодаря какому-либо случайному обстоятельству будет возрастать в течение ряда лет в большей степени, чем спрос, этот металл будет становиться постепенно дешевле, другими словами, средняя денежная цена хлеба, несмотря на улучшения, будет постепенно повышаться.

Если, с другой стороны, предложение металла будет возрастать приблизительно в такой же мере, как и спрос, то он будет по-прежнему обмениваться на почти такое же количество хлеба, и средняя денежная цена хлеба будет, несмотря на все улучшения, оставаться почти неизменной.

В трех случаях исчерпывают, по видимому, все возможные комбинации, могущие иметь место в ходе прогресса; и поскольку мы можем судить на основании истории Франции и Великобритании за последние столетия до настоящего времени, каждая из этих трех комбинаций имела, по видимому, место на европейском рынке и почти в том же порядке, в каком я изложил их здесь.

ОЧЕРК КОЛЕБАНИЙ СТОИМОСТИ СЕРЕБРА В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ЧЕТЫРЕХ СТОЛЕТИЙ

Первый период

В 1350 г. и за несколько времени до того средняя цена квартера пшеницы в Англии расценивалась, по видимому, не ниже 4 унций серебра, равных приблизительно 20 шиллингам на нынешние деньги. На этом уровне она, по видимому, постепенно понижалась до 2 унций серебра, что равно приблизительно 10 шилл. на нынешние деньги, к началу XVI столетия, когда по этой цене она расценивалась в начале XVI столетия, когда она должна была расцениваться так приблизительно вплоть до 170 г.

В 1350 г., в 25-й год правления Эдуарда III, был издан так называемый статут о рабочих. Во вступительной части его содержится постановление о дерзости слуг, которые стараются повысить свою заработную плату, получаемую от хозяев. Статут постановляет, чтобы в дальнейшем все слуги и работники довольствовались той заработной платой и содержанием (содержание в те времена означало только одежду, но и продовольствие), которые они обычно получали в 20-й год правления короля и за четыре предшествующие года, чтобы в связи с этим входящая в их содержание пшеница не расценивалась нигде выше 10 пенсов за бушель и чтобы усмотрению правительства предоставлялось выдавать это содержание пшеницей или деньгами. Таким образом, в 25-й год правления Эдуарда III цена 10 пенсов за бушель признавалась весьма умеренной ценой пше-

ницы, ибо требовалось издание специального закона, чтобы вить слуг соглашались на эту цену вместо обычного содержания турою; эта цена признавалась справедливой также и за десятидо того, в 16-й год правления указанного короля,—срок, до которого простирался закон. Но в 16-й год правления Эдуарда III денсов содержали около полунции серебра тауэрского веса¹ и равнялись полкрене на нынешние деньги. Следовательно, четыре унции серебра тауэрского веса, равные 6 шилл. 8 п. на деньги того времени и около 20 шилл. на современные деньги, надо было продавать умеренной ценой за квартал в восемь бушелей.

Упомянутый закон, несомненно, дает нам более точное понятие о том, что в те времена признавалось умеренной ценой хлеба, приводимые обыкновенно историками и другими писателями цен отдельные годы, поскольку эти отдельные годы являлись годами чрезвычайной дороговизны или дешевизны и на основании их трудно поэтому составить себе представление относительно обычной цены. Впрочем, имеются и другие основания полагать, что в начале XIV столетия и за несколько времени до того обычная цена пшеницы падала ниже 4 унций серебра за квартал и что цена других зерновых продуктов была пропорциональна этой цене.

В 1309 г. Рауль де Борн, при избрании его приором монастыря св. Августина в Кентербери, устроил пиршество, описанное в летописи Томом Торном, который сообщает не только список пищевых продуктов, но и цены многих отдельных предметов². Во время этого пиршества было потреблено, во-первых, 53 квартера пшеницы по 19 фунтов, или по 7 шилл. 2 пенса за квартал, что на наши деньги составляет около 21 шилл. 6 п.; во-вторых, 58 кварталов овса по 17 ф. 10 шилл., или по 6 шилл. за квартал, что составляет на наши деньги около 18 шилл.; в-третьих, 20 кварталов овса по 4 фунта, или 4 шилл. за квартал, на наши деньги около 12 шилл. Цены овса и овса здесь как будто выше, чем это следовало бы при соблюдении обычного соотношения с ценою пшеницы.

Цены эти приведены не ввиду их чрезвычайной дороговизны или дешевизны, но упоминаются случайно, как цены, фактически установленные за большие количества хлеба, поглощенного во время пиршества, известного своим великолепием.

В 1262 г., в 51-й год правления Генриха III, был восстановлен старинный закон, так называемая Такса на печеный хлеб и которая, как говорит король во вступлении к закону, была установлена во времена его предков, королей Англии, вероятно потому, что этот закон восходит по крайней мере ко временам его деда, Генриха II, а, может быть, и ко временам завоевания Англии. Закон устанавливает цену печеного хлеба, в зависимости от существующих цен на пшеницу, в размере от 1 шилл. до 20 шилл. за квартал на деньги того времени. Но законы подобного рода обычно пр

¹ [См. выше, примечание в главе IV.]

² [Нижеприведенный расчет взят Смитом из известной книги Флишвуда (Fleetwood, Chronicon Pretiosum, London 1707).]

равняют одинаково все отступления от средних цен, — как ниже средней, так и выше ее. Основываясь на этом, 10 шилл., равные 6 унций серебра тауэрского веса и равные приблизительно 13 шилл. на наши деньги, следует считать средней ценой пшеницы в то время, когда этот закон был впервые установлен; эта же цена удержалась вплоть до 51-го года правления короля Эдуарда III. Мы поэтому не сделаем большой ошибки, если предположим, что средняя цена была не ниже одной трети наивысшей установленной законом для хлеба, т. е. не ниже 6 шилл. на деньги того времени, содержащие 4 унции серебра тауэрского веса.

Исходя из приведенных фактов, мы имеем основания, повидимому, заключать, что около середины XIV столетия и в течение некоторого времени до того средняя или обычная цена квартала пшеницы считалась не меньше 4 унций серебра тауэрского веса. В середине приблизительно XIV столетия и до начала XVI столетия справедливая и умеренная, т. е. обычная или средняя, цена пшеницы постепенно понижалась, повидимому, до половины указанной, так что в конце концов упала до 2 унций серебра тауэрского веса, что равняется приблизительно 10 шилл. на наши нынешние деньги. Пшеница расценивалась по этой цене приблизительно с 1300 г.

В восходной книге Генриха, пятого графа Нортумберландского, составленной в 1512 г., имеются две различные цифры, показывающие цену пшеницы. Одна из них принимает ее в 6 шилл. 8 п. за квартал, другая — лишь в 5 шилл. 8 п. В 1512 г. 6 шилл. 8 п. содержали две унции серебра тауэрского веса и равнялись около 10 шилл. на наши деньги.

В 1300-го года правления Эдуарда III до начала правления Елизаветы I промежуток времени более чем в два столетия, 6 шилл. 8 п. продолжали, как это явствует из различных статутов, считаться справедливой и умеренной, т. е. обычной или средней, ценой пшеницы. Однако количество серебра, содержащееся в этой номинальной сумме, в течение этого периода постоянно уменьшалось вследствие изменений, производившихся в монете. Но увеличение стоимости серебра, повидимому, настолько уравновешивало уменьшение количества, содержащегося в данной номинальной сумме, что государство не считало нужным обратить внимание на это обстоятельство.

В 1436 г. был издан закон, что пшеница может быть вывезена без специального разрешения, когда цена ее не превышает 8 п.; а в 1463 г. был издан закон, воспрепятствовавший ввозу пшеницы по цене ее, не превышающей 6 шилл. 8 п. за квартал. Законодательные органы полагали, что при столь низкой цене вывоз не представлял никаких неудобств, но что при возрастании цен сверх этого уровня будет благоразумным допустить ввоз пшеницы. Таким образом, в ту эпоху умеренной и справедливой ценой пшеницы считались 6 шилл. 8 п., содержавшие столько же сереб-

ра, сколько 13 шилл. 4 п. на наши деньги (на одну треть монеты, которая содержала такую же номинальную сумму во время Эдуарда).

В 1554 г., в 1-й и 2-й годы правления Филиппа и Марии, и в 1-й год правления Елизаветы, вывоз пшеницы был таким образом воспрещен в тех случаях, когда цена четверта превышала 6 шилл. 8 пенсов—сумма, которая содержала тогда лишь на два больше серебра, чем такая же номинальная сумма содержит в настоящее время¹. Но скоро было найдено, что воспрещение вывоза пшеницы до тех пор, пока цена ее понизится до столь ничтожного уровня, означает в действительности запрещение ее вывоза вообще. В 1562 г., в 5-й год правления Елизаветы, был допущен вывоз пшеницы из некоторых портов в тех случаях, когда цена четверта превышала 10 шилл., содержащих приблизительно такое же количество серебра, как и соответствующая номинальная сумма в настоящее время. Таким образом, цена эта признавалась в это время умеренной и справедливой ценой пшеницы. Она почти совпадает с расходом в Нортумберлендской расходной книге 1512 года.

Что во Франции средняя цена зерновых хлебов тоже была несколько ниже в конце XV и начале XVI столетия, чем в двенадцатом и шестнадцатом столетиях, указано как г. Дюпрэ де Сен-Морис и блестящим автором «Опыта о хлебной политике»². Цена хлеба в этот период, вероятно, понизилась таким же образом в большей части Европы.

Такое повышение цены серебра в сравнении с ценою хлеба было обусловлено или исключительно увеличением спроса на металлы в результате развития промышленности и земледелия, или же при неизменном предложении его оставалось неизменным, или же при неизменном предложении его оно могло быть обусловлено исключительно постепенным уменьшением предложения. Поскольку большая часть известных в то время рудников была истощена, а потому и расходы по разработке их значительно возросли; или же оно могло быть обусловлено отчасти одним, отчасти другим из указанных двух обстоятельств. В конце XV и в начале XVI столетия большая часть Европы приближалась к установлению более устойчивой формы правительства, чем та форма, которая существовала в течение нескольких столетий до того. Увеличение безопасности должно было, естественно, вести к возрастанию производительности и культуры, и спрос на драгоценные металлы, а также на другие предметы роскоши и украшения должен был естественно возрастать вместе с возрастанием богатства. Более значительное

¹ [Фунт разделялся в то время на 60, а впоследствии на 62 шиллинга; таким образом, 6 шиллингов 8 пенсов того времени составляли ровно десять фунтов и содержали на $\frac{1}{270}$ фунта более, чем 6 шиллингов 8 пенсов в настоящее время; различие это равно почти $2\frac{1}{2}$ пенсам.]

² [Dupré de St. Maur, Recherches sur la valeur des monnoies et sur des grains avant et après le Concile de Francfort. 1762. *Ego же*, Essai sur les monnoies ou Réflexions sur le rapport entre l'argent et les denrées. 1746.]

³ [Смит имеет в виду французского экономиста Герберта (Herbert), который в 1754 г. книгу «Essai sur la police générale des grains».]

количество ежегодный продукт должен был требовать для своего производства большего количества монеты, а возросшее количество людей должно было требовать большего количества всякой другой и других украшений из серебра. Естественно также предполагать, что большая часть рудников, снабжавших тогда европейский рынок серебром, была значительно истощена, и потому разработка их была сопряжена с более значительными издержками. Многие из них разрабатывались со времен римлян.

Таким образом, большинство писавших по вопросу о ценах товаров в последние времена держалось того мнения, что со времени завоевания Америки, а может быть и со времени вторжения Цезаря вплоть до настоящего времени рудников Америки стоимость серебра непрерывно понижалась. К такому мнению их, повидимому, приводили отчасти наблюдения относительно цен как на хлеб, так и на некоторые другие сельскохозяйственных сырых продуктов, а отчасти распространявшийся взгляд, что с возрастанием богатства во всякой стране естественно возрастает и количество серебра, и поэтому его стоимость должна возрастать по мере увеличения этого количества.

В своих замечаниях о ценах на хлеб эти писатели, повидимому, упускали из виду три различных обстоятельства.

Во-первых, старину почти все ренты уплачивались натурой, определенным количеством хлеба, скота, птицы и пр. Однако часто бывало, что землевладелец устанавливал, что он может по усмотрению требовать от держателя земли или ежегодного платежа натурой или определенной суммой денег. Цена, согласно которой натурой заменялся, таким образом, определенной суммой называется в Шотландии конверсионною ценою. Так как выбор между получением ренты натурой или деньгами всегда принадлежит землевладельцу, то в интересах держателя необходимо, чтобы конверсионная цена была скорее несколько ниже, чем выше средней рыночной цены. Поэтому во многих местах она почти не превышает цены последней. В большей части Шотландии этот обычай сохраняется в отношении домашней птицы, а в некоторых местах и в отношении скота. Возможно, что он сохранился бы и в отношении хлеба, если бы ему не положило конец установление публикой таксы. Особыми комиссиями устанавливались ежегодные копии средней цены всех сортов зерновых хлебов различного качества в соответствии с фактической рыночной ценой их в каждом графстве. Эти таксировки делали достаточно безопасным для держателя земли и гораздо более удобным для землевладельца платить хлебную ренту в деньги в соответствии с установленною ценою каждого года, а не в соответствии с какой-либо фиксированною заранее определенной ценой; но писатели, собиравшие данные о ценах на хлеб в прежние времена, часто, повидимому, принимали за цену, которая называется в Шотландии конверсионною, за фактическую рыночную цену. Флитвуд в одном случае признает, что сделал именно такую ошибку. Но поскольку он писал свою книгу с особой целью, он счел нужным сделать это при-

знание лишь после того, как он привел эту конверсионную пятнадцать раз. Цена эта составляет 8 шилл. за квартал пшеницы. Эта сумма в 1423 г., в применении к которому она впервые встречается им, содержала такое же количество серебра, как и 16 наших теперешних денег, а в 1562 г., в применении к которому он приводит ее в последний раз, она содержала не более того, что содержит такая же номинальная сумма в настоящее время.

II. Этими писателями часто вводила в заблуждение небрежною и некоторыми старинными законами о таксе переписывались нередко переписчиками, а иногда, пожалуй, и составлялись законодателями.

Старинные статуты о таксе всегда начинали, повидимому, с установления цены на хлеб и на пиво при самой низкой цене пшеницы и ячменя, а затем постепенно переходили к установлению этой цены при соответственном постепенном повышении цены этих двух зерен. Но переписчики этих статутов часто, как кажется, считали недостаточным переписывать постановление лишь в той части, которая упоминает первые три или четыре ставки низшего размера, считая таким образом свой труд и считая это, повидимому, достаточным, чтобы показать пропорцию, которая должна быть соблюдена при всех более высоких ценах.

Так, в таксе на хлеб и пиво в 51-й год правления Генриха II установлена на хлеб устанавливалась, в соответствии с различными ценами пшеницы, от одного до двадцати шиллингов за квартал на деньг в то время. Но в рукописях, с которых печатались все различные издания статутов до издания г. Руфхэда¹, переписчики никогда не переписывали эти постановления дальше цены в 12 шилл. на квартал, которые писатели, введенные в заблуждение такой ошибочной и весьма естественно заключали, что средняя цена, или 6 шилл. за квартал, равная приблизительно 18 шилл. на наши нынешние деньги, была обычной или средней ценой пшеницы в то время.

В статуте о позорном столбе и позорном стуле², изданном приблизительно в то же время, цена на пиво устанавливается, в соответствии с каждым повышением цены ячменя на шесть пенсов, в пределах от двух до четырех шиллингов за квартал. Однако четыре шиллинга не считались наивысшей ценой, до которой часто доходил ячмень в то время, и эти цены приводились в виде примера пропорции, которая должна соблюдаться для установления всех других цен, более высоких или более низких. Об этом можем заключить из последних слов статута: «et sic deinceps vel diminuetur per sex denarios». Выражение это не отличается ясностью, но смысл его достаточно ясен: «Цена пива, таким образом, должна повышаться или понижаться в соответствии с каждым повышением или понижением цены ячменя на 6 пенсов». При

¹ [Это издание вышло в 1762 г. в 11 томах in 4°, к которым вышли еще вочных томов в 1796 г.]

² [В этом статуте речь идет о наказании булочников и пивоваров за нарушение закона о хлебе и пиве по ценам, превышающим таксу.]

этого статута сами законодатели были столь же небрежны, как и переписчики при переписке других.

В старинной рукописи под заглавием «Regiam Majestatem», древне-шотландском своде законов, имеется закон о таксе, в котором такса определяется в соответствии с различными ценами муки, от 10 п. и до 3 шилл. за шотландский «болл», равный приблизительно половине английского квартера. 3 шотландских шиллинга в то время, когда, как предполагают, была издана эта такса, составляла около 9 шилл. серебром на наши нынешние деньги. Флитвуд¹, повидимому, заключает из этого, что 3 шилл. представляли самую высшую цену, до которой когда-либо поднималась пшеница в те времена, и что 10 пенсов, шиллинг или, самое лучшее, 2 шиллинга были обычной ценой ее. Но при ознакомлении с историей пшеницы представляется очевидным, что все эти цены приведены в качестве примера той пропорции, которая должна соблюдаться между ценами пшеничной муки и ценами на хлеб. Закон оканчивается следующими словами: «reliqua judicabis secundum praesentem habendo respectum ad pretium bladi», что означает: «вы должны в остальных случаях согласно вышенаписанному, считаясь с ценой зерна».

Указанные писатели, повидимому, были введены в заблуждение чрезвычайно низкой ценой, по которой иногда продавалась пшеница в весьма давние времена, и воображали, что, поскольку ее низкая цена оказывалась тогда значительно ниже, чем в последние времена, постольку и обычная ее цена должна была быть значительно ниже. Однако они могли бы найти, что ее наивысшая цена в те давно прошедшие времена была как раз настолько же высока, насколько ее низшая цена была ниже, чем когда-либо в последние времена. Так, для 1270 года Флитвуд сообщает нам две цены на пшеницу. Одна равняется 4 фунт. 16 шилл. на деньги того времени, что составляет 14 фунт. 8 шилл. на наши деньги, а другая равняется 6 фунт. 8 шилл., что составляет 19 ф. 4 шилл. на наши деньги. В конце XV или в начале XVI столетия нельзя встретить ни одной цены, которая приближалась бы к этим непомерно высоким ценам. Цена хлеба, хотя и во все времена подверженная колебаниям, не всего колеблется в тех беспокойных и неблагоустроенных государствах, где расстройство всякой торговли и сообщений мешает развитию сельского хозяйства. Чтобы изобилие в одной части страны облегчало недостаток в другой. В смутные времена Плантагенетов, которые управляли Англией с середины XII до конца XV столетия, один округ мог пользоваться изобилием, тогда как другой, находящийся на небольшом расстоянии от первого, мог претерпевать все ужасы голода, если его земля была уничтожена неблагоприятной погодой или же вторжением какого-нибудь соседнего барона. Если между ними лежали земли какого-либо враждебного владетеля, один округ не был в состоянии получить малейшую помощь другому. При сильном правительстве

¹ его предисловие к сборнику Андерсона, *Diplomata Scotiae*.

Тюдоров, управлявших Англией в течение последней части всего XVI столетия, ни один барон не был так могуществен, осмелиться нарушать общественное спокойствие.

Читатель найдет в конце настоящей главы сводку цен на пищу собранных Флитвудом с 1202 по 1597 г. (включая оба эти переведенных на современные деньги и разделенных хронологически на семь отделов по двенадцать лет в каждом. В конце каждого отдела он найдет также среднюю цену для 12 годов, из которых состоит. Для этого продолжительного периода Флитвуд сумел брать цены не более, чем для восьмидесяти лет, так что для каждого отдела в двенадцать лет нехватает четырех лет. Поэтому он соединил цены 1598, 1599, 1600 и 1601 гг., заимствованные мною из книг Итонского колледжа. Это единственное добавление, сделанное мною. Читатель увидит, что с начала XIII столетия до середины XVI средняя цена для каждых 12 лет становится постепенно ниже и ниже и что к концу XVI столетия она начинает снова подниматься. Однако цены, сведения о которых Флитвуд был в состоянии собрать, были, повидимому, главным образом ценами, которые получались своей чрезвычайной дороговизной или дешевизной; поэтому я не могу утверждать, что на основании их можно прийти к какому-либо надежному выводу. Но поскольку они вообще что-нибудь говорят, они подтверждают мнение, которое я пытался обосновать. Впрочем, сам Флитвуд вместе с большинством других писателей того времени, повидимому, полагал, что в течение всего этого периода стоимость серебра вследствие возрастающего его обилия непрерывно уменьшалась. Цены на хлеб, собранные им самим, безусловно не подтверждают этого мнения. Они подтверждают в полной мере мнение Дюпрэ де Сен-Мор и то мнение, которое я пытался изложить. Сводка Флитвуда и г. Дюпрэ де Сен-Мор являются теми двумя авторитетами, которые, повидимому, собрали с величайшей тщательностью и точностью цены на различные предметы в старинные времена. Интересно представляется несколько странным, что при столь значительном различии их мнений приводимые ими факты, поскольку они подтверждаются, по крайней мере, к цене хлеба, столь точно совпадают.

Но наиболее вдумчивые писатели в своих утверждениях о стоимости серебра в те давние времена основывались не столько на низкой цене хлеба, сколько на низкой цене других сырых продуктов земли. Хлеб, как утверждали они, будучи своего рода обработанным продуктом, был в те примитивные времена значительно дороже, чем в сравнении с большей частью других товаров; здесь имеется в виду, как мне кажется, большая часть необработанных продуктов, как скот, птица, дичь всякого рода и пр. Бесспорно правильно, что в времена варварства и бедности эти продукты были сравнительно гораздо дешевле, чем хлеб. Но эта дешевизна была следствием высокой стоимости серебра, а малой стоимости этих продуктов, обусловливалась не тем, что серебро в то время покупало или представляло большее количество труда, а тем, что подобные продукты покупали или представляли собою гораздо меньшее количество

поку, отличающуюся большим богатством и развитием промышленности. Серебро, конечно, должно быть дешевле в испанской Америке, чем в Европе, в стране, где оно добывается, чем в стране, в которую оно привозится с издержками на сухопутную и морскую перевозку, а также на дальнейшее расстояние, на фрахт и страхование. Как рассказывает Уллоа, немного лет тому назад в Буэнос-Айресе цена быка, привезенного прямо из стада в триста или четыреста голов, равнялась цене лошади. Как сообщает нам г. Байрон¹, цена хорошей лошади в Чили равнялась 16 шилл. серебром. В стране, которая богата естественным плодородием, но значительнейшая часть которой остается необработанной, скот, птица, дичь всякого рода покупаются, поскольку они могут быть приобретены с затратой весьма небольшого количества труда, покупают или получают в свое удовольствие тоже лишь весьма малое количество труда. Низкая цена, по которой они могут быть проданы, отнюдь не является доказательством того, что действительная стоимость серебра высока, — это лишь доказывает, что действительная стоимость этих продуктов очень низка.

Всегда помнить, что труд, а не какой-либо особый товар, а не совокупность товаров, является действительным мерилем стоимости серебра, так и всех других товаров.

В странах, почти необитаемых или лишь слабо заселенных, скот, дичь всякого рода и т. п., поскольку они являются непосредственным произведением природы, часто производятся ею в гораздо больших количествах, чем это требуется для потребления жителей. При таком положении вещей предложение обычно превышает спрос. Поэтому при различных состояниях общества, на различных степенях развития благосостояния подобные товары представляют

эквивалентны весьма различным количествам труда. В любом состоянии общества, на любой ступени развития благосостояния хлеб представляет собою продукт человеческого труда. Среднее количество продукта любой отрасли труда всегда более точно соответствует среднему потреблению; среднее предложение соответствует среднему спросу. Затем на любой ступени культуры для возделывания одинаковых количеств хлеба при одинаковых почве и при одинаковом климате требуются, в среднем, почти равные количества труда или, что то же самое, почти равные затраты; ибо непрерывное возрастание производительности труда при развитии культуры более или менее уравнивается непрерывным возрастанием цены скота, главного орудия в земледелии. Ввиду этого мы можем быть уверены, что при любом состоянии общества, на любой ступени культуры равные количества хлеба представляют собою, в той же мере, чем равные количества других видов сырых продуктов, будут представлять собою или будут эквивалентны одинаковым количествам труда. В соответствии с этим хлеб, как уже

¹ M. Byron, Narrative of the distresses suffered on the coast of Patagonia 1740 to 1746. London 1768, p. 220.]

указано, является на всех различных ступенях развития бо и культуры более точным мерилем стоимости, чем какой-либ го товар или группа товаров. Поэтому на всех этих раз ступенях развития мы можем лучше судить о действительн ости серебра, сравнивая ее с хлебом, чем сравнивая ее с либо другим товаром или группой товаров.

Помимо того, хлеб или всякая иная обычная и излюблен стительная пища народа составляет во всякой культурной главную часть содержания работника. Вследствие расшире мледелия земля каждой страны производит гораздо больше чество растительной, чем животной пищи, и работник пове тается, главным образом, той здоровой пищей, которая являет более дешевою и обильною. Мясо, если не считать наиболее б стран или таких, где труд очень высоко оплачивается, сост лишь незначительную часть пропитания работника, птица ещ и даже в Шотландии, где труд несколько лучше вознаграждает во Франции, трудящийся бедняк редко кушает мясо, иск праздников и других чрезвычайных случаев. Денежная цена поэтому гораздо больше зависит от средней денежной цены э того предмета питания работника, чем от цены мяса или лбо другого сырого продукта земли. Поэтому действительна мость золота и серебра, действительное количество труда, к они могут купить или получить в свое распоряжение, горазо зависит от количества хлеба, которое они могут купить или п в свое распоряжение, чем от количества мяса или всякого дру ого продукта земли.

Подобные поверхностные наблюдения над ценами хлеба и гих товаров не ускользнули бы, вероятно, от внимания многи свещенных авторов, если бы они не находились под влияние пространенного мнения, которое утверждает, что, посколку чество серебра естественно возрастает в каждой стране вместе растанием богатства, постольку его стоимость уменьшается п возрастания его количества. Но такое мнение представляется шенно необоснованным.

Количество драгоценных металлов в стране может возр в силу двух различных причин: или, во-первых, благодаря в тающему обилию рудников, доставляющих эти металлы, и вторых, благодаря возрастанию богатства народа, благодаря чению продукта его годового труда. Первая из этих прич сомнения, необходимо связана с уменьшением стоимости дра гих металлов, вторая отнюдь не связана с этим.

Когда открываются более обильные рудники, на рынок пос большее количество драгоценных металлов, и поскольку ос неизменным то количество предметов необходимости и уд на которое эти металлы должны быть обменены, данное колл металлов должно быть обменено на меньшее количество то Поскольку поэтому увеличение количества драгоценных ме

ой-либо стране происходит от возрастания добычи рудников, обходимо бывает связано с некоторым уменьшением их стои-

да, напротив того, богатство какой-либо страны возрастает, годичный продукт ее труда становится постепенно все больше и е, появляется необходимость в большем количестве денег для нения большего количества товаров, с другой стороны, частные начинают естественно приобретать все большее количество се ных и золотых изделий, так как они в состоянии делать это дают большим количеством товаров для обмена на эти изде Количество звонкой монеты, имеющейся в их распоряжении, увеличиваться в силу необходимости, а количество золотых бряных изделий—из тщеславия и суетности, т. е. по той же не, в силу которой у них, вероятно, будет увеличиваться количество красивых статуй, картин и всяких других доро редких предметов. Но как трудно предполагать, чтобы скульп и художники вознаграждались хуже во времена растущего тва и преуспевания, чем во времена бедности и застоя, так приходится думать, чтобы и за золото и серебро платили меньше ое время.

как цена золота и серебра, естественно, возрастает в каждой е вместе с возрастанием богатства,—если только случайное тие более богатых рудников не понижает ее,—то, каково бы ни состояние рудников, цена золота и серебра в любое время бы естественно, выше в богатой, чем в бедной стране. Золото и се как и все другие товары, естественно ищут рынок, где за них лучшую цену, а лучшая цена обычно дается за всякую вещь стране, которая может заплатить за нее больше. Но следует пом что труд представляет собою в последнем счете ту цену, которая ивается за всякую вещь, и в странах, в которых труд оплачи одинаково хорошо, денежная цена труда пропорциональна ной цене средств существования рабочего. Но золото и серебро, венно, обмениваются на большее количество средств существо в богатой стране, чем в бедной, в стране, изобилующей сред и существования, чем в стране, которая недостаточно снабжена Если две такие страны находятся на значительном расстоянии от друга, разница может быть очень велика, потому что, хотя лы, естественно, притекают с менее выгодных рынков на более ные, все же может оказаться затруднительным перевозить их их количествах, чтобы приблизительно уравнять их цену х странах. Если страны эти близки друг к другу, разница будет ие и иногда может быть едва заметной, потому что в этом случае овка будет легче. Китай гораздо более богатая страна, чем лю асть Европы, и разница между ценой средств существования ае и Европе очень велика. Рис в Китае гораздо дешевле, чем пше в любой части Европы. Англия гораздо более богатая страна, Шотландия, но разница между денежной ценой хлеба в этих двух ах гораздо меньше и даже едва заметна. Если судить по количе-

ству или мере, то хлеб в Шотландии представляется обычно значительно более дешевым, чем в Англии, но если иметь в виду его качество, он оказывается, несомненно, несколько более дорогим. Шотландия получает почти ежегодно большие количества зерна из Англии, а всякий товар должен быть несколько дороже в стране, в которую он ввозится, чем в стране, откуда он получается. Английское зерно должно быть поэтому дороже в Шотландии, чем в Англии, а meantime, принимая во внимание его качество, т. е. количество и добротность муки, которую можно получить из него, оно не может быть продаваемо по более высокой цене, чем шотландское зерно соперничающее с ним на том же рынке.

Разница между денежной ценой труда в Китае и Европе больше, чем между денежной ценой средств существования, так действительное вознаграждение труда в Европе выше, чем в Китае, поскольку значительнейшая часть Европы находится в прогрессирующем состоянии, а Китай, повидимому, в стационарном. Денежная цена труда в Шотландии ниже, чем в Англии, так как действительное вознаграждение труда значительно ниже, хотя и в Шотландии происходит рост богатства, но более медленный, чем в Англии. Значительные размеры эмиграции из Шотландии и малые размеры ее из Англии достаточно доказывают, что спрос на труд весьма одинаков в этих странах. Следует помнить, что соотношение между действительным вознаграждением труда в различных странах, естественно, регулируется не фактическим богатством или бедностью стран, а тем, происходит ли в них рост богатства, переживают ли они застой или упадок.

Золото и серебро, естественно обладая наибольшей стоимостью у самых богатых народов, естественно имеют наименьшую стоимость у народов самых бедных. У дикарей, являющихся самыми бедными из всех народов, они вряд ли имеют вообще какую-либо стоимость.

В больших городах хлеб всегда дороже, чем в отдаленных частях страны. Но это является следствием не действительной дешевизны серебра, а действительной дороговизны хлеба. Отнюдь не менее труда стоит доставить серебро в город по сравнению с доставкой его в отдаленные части страны, но гораздо дороже обходится доставить в него хлеб.

В некоторых очень богатых и торговых странах, как, например, в Голландии и в области Генуи, хлеб дорог в силу тех же причин, в силу каких он дорог и в больших городах. Они производят достаточно для прокормления своих жителей. Они богаты трудом и искусством своих ремесленников и мануфактурных работников, богаты всякого рода машинами, могущими облегчать и ускорять труд, богаты кораблями и другими средствами передвижения и торговли, но они бедны хлебом, который привозится туда из отдаленных стран и поэтому должен быть оплачен с надбавкой к цене для покрытия расходов по перевозке его из этих стран. Меньше труда стоит доставить серебро в Амстердам, чем в Данию, но стоит гораздо больше доставить туда хлеб. Действительная

стоимость серебра должна быть почти одинакова в обоих местах, но действительная стоимость хлеба должна быть весьма различна. Пусть уменьшится реальное богатство Голландии или генуэзской области неизменной численности их населения; пусть уменьшится их способность снабжать себя продовольствием из отдаленных стран; в том случае цена хлеба вместо того, чтобы понизиться вследствие уменьшения количества их серебра, которое неизбежно должно присутствовать такому материальному упадку в качестве его причины или следствия, повысится до размеров голодной цены. Когда нуждаемся в предметах существования, мы вынуждены отказаться от излишнего, и стоимость всех этих излишних предметов, понижаясь во времена благосостояния и процветания, понижается в периоды бедности и упадка. Иначе бывает с предметами первой необходимости. Их действительная цена, т. е. количество труда, на которое могут быть обменены, повышается в периоды бедности и нужды и падает в периоды благосостояния и процветания, которые всегда идут вместе с тем временем большого изобилия, так как без изобилия не было бы ни благосостояния, ни процветания. Хлеб представляет собою предмет первой необходимости, а серебро — лишь предмет роскоши, без которого можно обойтись.

Итак, было бы ни потому увеличение количества драгоценных металлов, вызванное в период между серединой XIV и серединой XV столетий возрастанием богатства и культуры, оно не могло бы иметь тенденцию к уменьшению его стоимости в Великобритании в какой-либо другой части Европы. Если поэтому те, которые делали данные о ценах на товары в прежние времена, не имеют никаких оснований делать из своих наблюдений над ценами хлеба и других товаров выводы об уменьшении стоимости серебра в указанный период, то еще меньше имеется у них оснований заключать отсюда, что в том из предполагаемого возрастания богатства и прогресса культуры.

Второй период

В этот период ни расходятся мнения ученых относительно движения стоимости серебра в течение первого периода, они единодушны относительно второго периода.

Второй период начинается приблизительно с 1570 до 1640 г., за период около 70 лет, колебания стоимости серебра и хлеба проявлялись в совершенно обратном направлении. Серебро понизилось в своей действительной стоимости и обменивалось на меньшее количество труда, чем прежде, а хлеб поднялся в своей номинальной цене и вместо того, чтобы продаваться по 2 унции серебра за квартал или около 10 шиллингов на нынешние деньги, стал продаваться по 6 и 8 унций серебра за квартал или по 30 и 40 шиллингов на наши теперешние деньги.

Открытие обильных рудников в Америке является, повидимому, главной причиной такого уменьшения стоимости серебра по отношению к стоимости хлеба. Решительно все объясняют это явление

ние именно таким образом, и никогда не было спора по вопросу о факте или причине его. В значительнейшей части в этот период промышленность и богатство развивались, и серебро вследствие этого должен был увеличиваться. Но увеличение предложения, повидимому, настолько превосходило возрастания спроса, что стоимость этого металла значительно упала. Следующее открытие рудников в Америке не имело, повидимому, сколько-нибудь заметного влияния на цены продуктов в Англию вплоть до 1570 г., хотя даже рудники в Потози были открыты ранее чем за двадцать лет до того времени.

С 1595 по 1620 г. (включая оба эти года) средняя цена за 9 бушелей лучшей пшеницы была, повидимому, на виндзорском рынке, как это явствует из счетов Итонского колледжа, 2 ф. 1 шилл. 6⁹/₁₃ п. Основываясь на этой цене, отбросив дробь и вычитая девятую часть, т. е. 4 шилл. 7¹/₃ п., мы получим цену четверти в 8 бушелей в 1 ф. 16 шилл. 10²/₃ п. А из этой цены, тоже отбрасывая девятую часть, т. е. 4 шилл. 1¹/₉ п., как разницу между ценой пшеницы высшего сорта и среднего сорта, получим цену пшеницы среднего качества приблизительно в 1 ф. 12 шилл. 8⁸/₉ п. или около 6¹/₃ унций серебра.

С 1621 по 1636 г. (включая оба эти года) средняя цена за то же количество пшеницы высшего сорта на том же рынке достигла, согласно тем же счетам, 2 ф. 10 шилл.; это дает, если сделать те же вычеты, как и в предыдущем случае, среднюю цену за четверть в 8 бушелей пшеницы среднего качества в 1 ф. 19 шилл. 6 п. или около 7²/₃ унций серебра.

Третий период

Между 1630 и 1640 годами, или около 1636 г., влияние открытия рудников в Америке на уменьшение стоимости серебра, повидимому, проявлялось с наибольшею силою, и стоимость этого металла была тогда не падала так низко по сравнению со стоимостью хлеба, как около этого времени. Она, как будто, повысилась в течение последнего столетия и, пожалуй, начала повышаться даже за некоторое время до конца минувшего столетия.

С 1637 по 1700 г. (включая оба эти года), т. е. за последние десятилетия минувшего столетия, средняя цена за четверть в 9 бушелей лучшей пшеницы на виндзорском рынке была, повидимому, как это следует из некоторых счетов, 2 ф. 11 шилл. 11 п. или что только на 1 шилл. 1¹/₃ п. дороже, чем за шестнадцать лет до этого. Но в течение этих шестидесяти четырех лет имели место два события, которые должны были породить гораздо больший недостаток хлеба, чем это могло бы быть вызвано неурожаем, и которые поэтому, и при отсутствии предположения о дальнейшем понижении стоимости серебра, более чем объясняют это весьма небольшое возрастание цены хлеба.

Первым из этих событий была гражданская война, которая, препятствуя хлебопашеству и расстраивая торговлю, должна

быть цену хлеба значительно выше того, чем это могло быть вызвано неурожаем. Она должна была повести к этому в большей или меньшей степени на всех рынках королевства, но в особенности на рынках в окрестностях Лондона, который требует снабжения хлебом отдаленных местностей. Действительно, в 1648 г. цена пшеницы высшего качества на виндзорском рынке была, согласно тем же счетам, 4 ф. 5 шилл., а в 1649 г. — 4 ф. за четверть в 9 бушелей. Повышение в эти два года сравнительно с ценою в 2 ф. 10 шилл. (средняя цена за шестнадцать лет до 1637 г.) достигает 3 ф. 5 шилл.; будучи перенесено на шестьдесят четыре последних года минувшего столетия, это повышение почти достаточно объясняет то небольшое возрастание цены хлеба, которое, повидимому, имело место за эти годы. Но хотя эти повышения являются максимальными, они отнюдь не являются единственными. Другим фактом явилась премия за вывоз хлеба, установленная в 1663 г. Как многие полагали, такая премия, поощряя хлебопашество, может с течением времени вызвать большее обилие, а следовательно и большую дешевизну хлеба на внутреннем рынке, чем это могло бы иметь место. В дальнейшем я выясню, в какой мере это может в любое время дать такие результаты; в настоящее время я могу лишь сказать, что между 1688 и 1700 гг. она не успела за краткостью времени привести к таким результатам. За этот короткий период единственным результатом премии должно было быть повышение цены на внутреннем рынке, поскольку эта премия поощряла вывоз хлеба каждого года и этим не давала избытку одного года уравновешивать недостаток хлеба в другом году. Хотя недостаток хлеба, существовавший в Англии с 1693 по 1699 гг. (включая оба эти года), очевидно был обусловлен, главным образом, неурожаем и потому вызвал значительную часть Европы, он должен был несколько уменьшиться благодаря премии. Вследствие этого в 1699 г. дальнейший вывоз хлеба был воспрещен на девять месяцев.

И еще третий факт на протяжении этого периода, который не мог вызвать какой-либо недостаток в хлебе или увеличение количества серебра, уплачиваемого обычно за него, но необходимо должен был повести к некоторому увеличению номинальной суммы, платимой за него. Фактом этим было значительное падение монеты благодаря обрезыванию ее и стиранию. Это началось во время Карла II и все усиливалось вплоть до 1695 г., как мы можем узнать от г. Лоундса, находящаяся в обращении серебряная монета была в среднем на 25 процентов ниже установленной стоимости. Но номинальная сумма, составляющая рыночную стоимость всякого товара, необходимо регулируется не столько количеством серебра, которое должно содержаться в ней согласно установленной норме, сколько тем количеством, которое фактически, как установлено опытом, в ней содержится. Следовательно, эта номинальная сумма в силу необходимости более высока тогда, когда она значительно обесценена благодаря обрезыванию ее и изнашиванию, чем когда она близка к своей установленной стоимости.

В течение текущего столетия серебряная монета ни разу не настолько ниже своего установленного веса, как в настоящее время. Но хотя она была очень сильно испорчена, ее стоимость поддерживалась на известной высоте стоимостью золотой монеты, на которую она обменивалась. Ибо хотя до последней перечеканки золотая монета была тоже порядочно испорчена, она была испорчена гораздо меньше, чем серебряная монета. Напротив того, в 1695 г. стоимость серебряной монеты не поддерживалась на установленном уровне золотой монетой; гинея тогда обычно выменивалась на 30 шиллингов стертой и обрезанной серебряной монеты. Вплоть до последней перечеканки золота цена серебряных слитков редко превышала 5 шилл. 7 п. за унцию, что лишь на 5 пенсов больше монетной стоимости. Но в 1695 г. обычная цена серебряных слитков достигала 6 шилл. 5 п. за унцию¹, т. е. на 15 п. превышала монетную цену. Таким образом, даже до последней перечеканки золота золотая и серебряная монета одинаково расценивалась в сравнении с серебряными монетами не более чем на 8 процентов ниже своей установленной стоимости. Напротив того, в 1695 г. она расценивалась почти на 25 процентов ниже своей установленной стоимости. Но в начале настоящего столетия, т. е. непосредственно вслед за великой перечеканкой вдовы короля Вильгельма, большая часть находившейся в обращении стертой монеты должна была быть еще ближе к своему установленному весу, чем в настоящее время. Затем в течение настоящего столетия не бывало крупных общественных бедствий, вроде гражданской войны, которые могли бы разорить земледелие или прерывать нормальный ход внутренней торговли страны. И хотя премия, существовавшая в течение большей части этого столетия, должна была все время повышать цену хлеба сравнительно с тем, какою она была бы в отсутствие такой премии и при современном состоянии земледелия, все же на протяжении всего столетия эта премия должна была существовать достаточно времени, чтобы вызвать все те выгодные последствия, которые обычно приписываются ей, а именно содействовать развитию земледелия и таким образом увеличить количество хлеба на внутреннем рынке; и при таких условиях, в силу принципов системы, которую я изложу и объясню в дальнейшем, она должна была все время повышая, с одной стороны, цену хлеба, вместе с тем привлекая с другой стороны, к ее понижению. Многие даже полагают, что эта премия больше повлияла в последнем смысле. Действительно, за последние шестьдесят четыре года текущего столетия средняя цена четверти в 9 бушелей пшеницы высшего сорта на виндзорском рынке достигала, повидимому, согласно счетам Итонского колледжа, 2 ф. 6 шилл. 6 п., что приблизительно на 10 шилл. 6 п. или более чем на 25 процентов дешевле, чем цена ее за последние шестьдесят четыре года истекшего столетия, и на 9 шилл. 6 п. дешевле цены ее за шестнадцать предшествовавшие 1636 г., когда открытие американских руд

¹ См. *Lowndes, Essay on the silver coin*, p. 68. [Точное название: *A report containing an essay for the amendment of the silver coins*. London

можно предполагать, успело в полной мере оказать свое влияние, и шилл. дешевле, чем в течение двадцати шести лет до 1620 г., когда это открытие, как это возможно предполагать, еще не успело оказать свое влияние. Согласно этим данным, средняя цена пшеницы среднего качества достигала в течение этих первых шестидесяти четырех лет текущего столетия около 32 шилл. за четверть шеллей.

Таким образом, стоимость серебра, повидимому, в течение текущего столетия повысилась сравнительно со стоимостью хлеба и, вероятно, начала повышаться еще за несколько времени до истекшего столетия.

В 1687 г. цена четверти в 9 бушелей пшеницы высшего сорта на виндзорском рынке была 1 ф. 5 шилл. 2 п., что представляет собою довольно низкую цену ее, существовавшую когда-либо с 1595 г.

В 1688 г. Грегори Кинг, человек, известный своими познаниями в делах проса подобного рода, полагал, что средняя цена пшеницы умеренного урожая составляет для производителя 3 шилл. за бушель или 28 шилл. за четверть. Цена производителя, как полагают, представляет собою то, что называют иногда договорной ценой или ценой, по которой фермер договаривается поставлять в течение определенного ряда лет определенное количество хлеба торговцу. Так как договор подобного рода избавляет фермера от расходов и труда по продаже своего продукта, то договорная цена обычно бывает ниже так называемой средней рыночной цены. Кинг полагал, что 28 шилл. за четверть составляли в то время обычную договорную цену в годы умеренных урожаев. До наступления неурожая в хлебе, вызванной рядом последних чрезвычайных неурожаев, это была, как меня уверяли, обычная договорная цена в годы, считающиеся средним урожаем.

В 1688 г. парламентом была установлена премия за вывоз хлеба. Землевладельцы, составлявшие тогда гораздо большую часть законодательного собрания, чем в настоящее время, видели, что денежная цена хлеба падает. Премия являлась средством искусственно поднять цену хлеба до высокой цены, по которой хлеб часто продавался во времена королей Якова I и Карла II. Поэтому премия должна была выдаваться до тех пор, пока цена пшеницы не достигнет 48 шилл. за четверть, т. е. на 20 шилл. больше, чем цена ее за последние шестнадцать лет. Премия в 20 шилл. за четверть давала бы 5/7 дорожке той цены производителя, которую Кинг исчислял в том самом году при умеренных урожаях. Его исчисления заслуживают хотя бы отчасти то доверие, которое они пользуются повсеместно, то 48 шилл. за четверть представляла собою такую цену, которую, при отсутствии таких средств, трудно было бы ожидать, если бы не считали годовых неурожаев. Но правительство короля Вильгельма, которое еще не упрочилось, оно не было в состоянии в чем-либо отказываться от своих обязательств, от которых оно как раз в то время добивалось освобождения впервые ежегодного земельного налога.

Таким образом, стоимость серебра сравнительно со стоимостью хлеба, вероятно, несколько повысилась незадолго до конца минув-

шего столетия и, повидимому, продолжала повышаться в большей части настоящего столетия, хотя неизбежное действие премии должно было противодействовать этому повышению и сделать его меньше, чем оно было бы при отсутствии премии при состоянии земледелия.

В урожайные годы премия, ведя к усиленному вывозу, неизбежно повышает цену хлеба сравнительно с тем, какова она была бы в такие годы при отсутствии премии. Прямая цель установления премии состояла в поощрении земледелия путем повышения цены хлеба даже в наиболее урожайные годы.

Правда, в годы большого недостатка хлеба премия временно менялась. Тем не менее она должна была оказывать некоторое влияние на цены даже в такие годы. Вызывая в урожайные годы необычайно большой вывоз, премия часто препятствует тому, чтобы избыток одного года уравновешивало недостаток другого.

Таким образом, как в урожайные, так и в неурожайные годы премия повышает цену хлеба выше того уровня, на котором она естественно держалась бы при современном состоянии земледелия. Поэтому в течение первых шестидесяти четырех лет текущего столетия средняя цена хлеба была ниже, чем в течение последних шестидесяти четырех лет минувшего столетия, то при таком состоянии земледелия она была бы еще значительно ниже, если бы оказывала своего влияния премия.¹

Но мне могут возразить, что, не будь премии, состояние земледелия было бы иное. Ниже, при специальном рассмотрении вопроса о премиях, я попытаюсь выяснить, какое влияние они могли оказывать на земледелие страны. Теперь же я лишь замечу, что понижение стоимости серебра по сравнению со стоимостью хлеба было характерно не для одной лишь Англии. Что оно происходило во Франции в течение того же периода и приблизительно в тех же размерах было замечено тремя весьма точными, старательными и трудолюбивыми собирателями цен на хлеб, а именно г. Дюпрэ де Сен-Мартеном, г. Мессансом и автором «Опыта о хлебной политике»¹. Но во Франции вывоз хлеба до 1764 г. был воспрещен, и трудно предположить, чтобы почти одинаковое понижение цены, которое имело место в Англии, в этой стране несмотря на указанное запрещение вывоза, в другой стране вызывалось чрезвычайным поощрением, оказываемым вывозу.

Будет, пожалуй, более правильным считать такое изменение денежной цены хлеба скорее следствием некоторого постоянного повышения действительной стоимости серебра на европейском рынке, чем какого-либо понижения средней действительной стоимости хлеба. Как уже было указано, хлеб для значительной части периодов времени является более точным мерилем стоимости серебра или какой-нибудь другой товар. Когда после открытия богатых рудников в Америке хлеб вздорожал в три и четыре раза по сравнению с его прежней денежной ценой, такое изменение

было вызвано не повышением действительной стоимости хлеба, а понижением действительной стоимости серебра. Если поэтому первые шестьдесят четыре года текущего столетия средняя цена хлеба несколько понизилась сравнительно с ценой, существовавшей в течение большей части минувшего столетия, то, должно быть, объясняется это изменением цены не понижением его действительной стоимости, а некоторым понижением действительной стоимости серебра на европейском

рынке. Высокая цена хлеба в последние десять или двенадцать лет текущего столетия вызвала подозрение, что действительная стоимость серебра все еще продолжает падать на европейском рынке. Но, повидимому, высокая цена хлеба является следствием чрезвычайных неурожайных годов, поэтому ее следует считать не постоянным явлением, а преходящим и случайным. Урожай в последние десять-двенадцать лет был неблагоприятен в большей части Европы, а беспорядки и войны весьма значительно усилили недостаток хлеба во всех тех странах, которые в годы дороговизны обычно снабжались этим хлебом. Столь длинный ряд неурожая, хотя и не представляет необычайного явления, отнюдь не может быть признан чем-то чрезвычайным; все, кому приходилось изучать историю цен на хлеб в прежние времена, легко могут вспомнить не мало примеров неурожая того рода. Кроме того, десять лет необычайных неурожая не являются удивительными, чем десять лет необычайных урожаев. Низкая цена хлеба с 1741 по 1750 г. (включая оба эти года) с полным правом может быть противопоставлена высокой цене его за последние вошедшие в это столетие десять лет. С 1741 по 1750 г. средняя цена четверти пшеницы высшего сорта на виндзорском рынке достигала, по подсчетам из счетов Итонского колледжа, лишь 1 ф. 13 шилл. 6 п. или почти на 6 шилл. 3 п. ниже средней цены первых шестидесяти четырех лет текущего столетия. Согласно этим данным, средняя цена четверти в 8 бушелей пшеницы среднего качества равна для этих лет 1 ф. 6 шилл. 8 п.

Средняя же цена между 1741 и 1750 гг. премия должна была предотвратить понижение цены хлеба на внутреннем рынке в той степени, в какой это произошло бы при естественном ходе вещей. В течение шестидесяти лет, согласно записям таможи, количество вывезенного хлеба всех видов достигало не менее 8 029 156 четвертей 1 бушеля. За это время выплаченная за это количество, достигала 1 514 962 ф. 4 1/2 п. И в 1749 г. Пельгэм, бывший в то время первым министром, заметил в палате общин, что за три предыдущих года чрезвычайная сумма была выплачена в виде премии за вывоз хлеба. Он имел все основания сделать это замечание, а в следующем году еще больше того. За один только этот год выплаченная премия достигла не менее 324 176 ф. 10 шилл. 6 п.¹ Нет нужды указывать, что столь значительный форсированный вывоз должен был повышать

¹ [Автором этой книги был Герберт. См. примечание выше, стр. 162.]

цену хлеба сравнительно с тем, какова она была бы на внутреннем рынке в иных условиях.

В конце таблицы цен, приложенной к настоящей главе, читатель увидит отдельную таблицу, относящуюся к этим десяти годам, и найдет также отдельную таблицу для десяти предыдущих лет, в которых средняя цена тоже ниже, хотя и не настолько ниже, как средней цены за первые шестьдесят четыре года этого столетия. Впрочем, 1740 год был годом сильнейшего неурожая. Двадцать предшествовавших 1750 году, вполне могут быть противопоставлены двадцати годам, предшествовавшим 1770 году. Подобно тому, как в первое двадцатилетие цены стояли намного ниже средней за это десятилетие, несмотря на один или два года дороговизны, так и во второе двадцатилетие цены стояли много выше средней, несмотря на один или два года дешевизны, как, например, 1759 г. И если в первом случае цены стояли не настолько ниже общей средней, насколько стояли выше такой средней во втором случае, то мы должны считать это, вероятно, существованию премии. Перелом в цене произошел очевидно, слишком внезапно, чтобы его можно было приписать изменению стоимости серебра, всегда медленному и постепенному. Внезапность и резкость результата может быть объяснена такой причиной, которая и сама действует внезапно, а именно случайными колебаниями урожая.

Правда, денежная цена труда в Великобритании повысилась в течение настоящего столетия. Однако это, по видимому, является следствием не столько какого-либо уменьшения стоимости денег на европейском рынке, сколько увеличения спроса на труд в Великобритании, порождаемого значительным и почти всеобщим процветанием страны. Во Франции, стране, далеко не пользующейся высоким благосостоянием, с середины последнего столетия наблюдается постепенное понижение денежной цены труда вместе с понижением средней денежной цены хлеба. Как в прошлом, так и в настоящем столетии поденная плата черноработного, как утверждают, по-прежнему держалась на уровне одной двадцатой средней цены пшеницы, меры, содержащей несколько больше четырех английских бушелей. В Великобритании, как было уже указано, действительное вознаграждение за труд, действительное количество денег необходимости и удобства, которые получает рабочий, действительно возросло в течение настоящего столетия. Повышение денежной цены труда, по видимому, является следствием не уменьшения стоимости серебра на европейском рынке, но повышения денежной цены труда специально на английском рынке, обусловленного особо благоприятными условиями этой страны.

В течение некоторого времени после открытия Америки продолжало продаваться по своей прежней или по немногим более высокой цене. Прибыли с рудников некоторое время были очень высокими и значительно превышали их естественную норму. Но лица, вывозившие серебро в Европу, однако, скоро должны были убедиться, что весь годичный ввоз не может быть продан по столь высокой

ценой, ибо постепенно стало вымениваться на все меньшее и меньшее количество товаров. Его цена постепенно падала все ниже и ниже, пока не достигла своего естественного уровня, или той суммы, которая необходима для уплаты, согласно их естественным нормам, ежегодной платы, прибыли на капитал и земельной ренты, подлежащих оплате для того, чтобы доставить серебро из рудника на рынок. В большей части рудников Перу пошлина короля Испании, составляющая десятой части валового продукта, поглощает, как было уже указано, всю земельную ренту. Пошлина эта первоначально достигала половины, потом понизилась до одной трети, затем до одной пятой и, наконец, до одной десятой валовой добычи, которая норма существует в настоящее время. В большинстве серебряных рудников Перу, по видимому, это — все, что остается после отчисления капитала предпринимателя и оплаты его обычной прибыли; вообще всеми признается, что эта прибыль, бывшая прежде очень высокой, в настоящее время не превышает минимума, при котором еще возможна дальнейшая разработка рудников.

Пошлина в пользу испанского короля была понижена до одной десятой зарегистрированного серебра в 1504 г. ¹, т. е. за сорок один год до 1545 г., когда были открыты рудники Потози. За девяносто лет, почти до 1636 г., эти рудники, самые богатые во всей Америке, не имели достаточно времени для того, чтобы в полной мере оказать действие или привести к такому понижению стоимости серебра на европейском рынке, которое только было возможно при продолжении взимания пошлины в пользу испанского короля. Девяносто лет — период вполне достаточный для того, чтобы довести цену любого товара, не являющегося монопольным, до естественной цены или до минимальной цены, по которой он может вообще продаваться сколько-нибудь продолжительное время при уплате минимальной пошлины.

Возможно, что цена серебра на европейском рынке могла бы упасть еще ниже, вследствие чего стало бы необходимым или понизить пошлину на него не только до одной десятой, как это было сделано в 1545 г., но и до одной двенадцатой, как это было сделано с золотом, чтобы не приостановить разработку большей части американских рудников, ныне разрабатываемых. Постепенное возрастание спроса на серебро или постепенное расширение рынка сбыта для продукта американских серебряных рудников является, вероятно, той причиной, которая предотвратила это и не только поддерживала на прежнем уровне стоимость серебра на европейском рынке, но даже, может быть, несколько повысила ее сравнительно со стоимостью его в конце последнего столетия.

В течение времени первоначального открытия Америки рынок сбыта для продукта ее серебряных рудников постепенно все более и более расширялся.

Европейский рынок постепенно все более и более расширялся.

Со времени открытия Америки значительно повысилось бытие большей части Европы. Англия, Голландия, Франция, Швеция, Дания и Россия, — все эти страны значительно прогрессировали в смысле развития земледелия и промышленности. Италия, кажется, также не регрессировала. Ее упадок предвещал завоеванию Перу. С тех пор она скорее несколько оправдалась. Правда, предполагают, что Португалия и Испания несколько регрессировали. Но Португалия составляет лишь ничтожную часть Европы, а упадок Испании, пожалуй, не так велик, как это предполагают. В начале XVI столетия Испания была очень богатой страной даже в сравнении с Францией, благосостояние в Испании сильно повысилось с тех пор. Всем хорошо известно замечание императора Карла V, часто путешествовавшего по обеим этим странам, что во Франции всего вдоволь, в Испании же во всем чувствовался недостаток. Возрастающая производительность европейского хозяйства и промышленности неизбежно должна была вызывать постепенное увеличение количества серебряной монеты, необходимой для обращения этого большого количества продукта, а возрастание числа богатых людей неизбежно должно было влечь за собой такое же возрастание количества их серебряной посуды и украшений.

II. Америка сама является новым рынком сбыта для продукции ее собственных серебряных рудников, а так как ее земледелие, промышленность и население развиваются гораздо быстрее, чем в цветущих странах Европы, то ее спрос должен возрастать еще быстрее. Английские колонии вообще представляют собою рынок, который требует отчасти для монеты, отчасти для украшений непрерывно возрастающего притока серебра для материка, который до того времени совсем не предъявлял спроса на этот металл. Точно так же совсем новым рынком является и бытие испанских и португальских колоний. Новая Гренада, Южная Парагвай и Бразилия до открытия их европейцами были населены дикими народами, не знавшими ни ремесел, ни земледелия. А в этих странах и земледелие, и ремесла уже в значительной степени развиты. Даже Мексика и Перу, которые, правда, нельзя считать совершенно новыми рынками, предъявляют теперь, несомненно, гораздо больший спрос, чем когда бы то ни было раньше. После чудесных рассказов о блестящем состоянии этих стран в последние времена всякий, кто читает историю их открытия и завоевания, храня при этом трезвость суждения, с несомненностью увидит, что жители их гораздо более отстали в ремеслах, земледелии и торговле, чем татары в современной Украине. Даже перуанцы, наиболее цивилизованные из этих двух народов, хотя и употребляли золотое ребро для украшений, не имели никакой чеканной монеты. Их торговля велась посредством безденежного обмена, и в соответствии с этим у них почти не существовало разделения труда. Людей, работавшие землю, должны были сами строить себе домики, шить себе одежду, обувь, домашнюю утварь и сельскохозяйственные

рудия. Небольшое число бывших у них ремесленников, как и в Европе, содержались все государем, знатными лицами и духовенством. Они были, вероятно, их слугами или рабами. Все старинные монеты Мексики и Перу никогда не доставили ни одного своего продукта в Европу. Испанские армии, вряд ли когда-либо насчитывали более пятисот человек, а часто не достигавшие и половины этого числа, почти везде встречали величайшие затруднения в приобретении средств существования. Голод, который эти войска, вероятно, вызывали почти везде, куда они приходили в этих странах, которые вместе с тем изображаются как весьма населенные и богатые, достаточно доказывает, что баснословные рассказы о населенности и высокой культуре не заслуживают большого внимания. Испанские колонии обладают правительством, во многих отношениях менее благоприятным для земледелия, роста благосостояния и населения, чем правительство английских колоний. Но несмотря на все это, по видимому, развиваются гораздо быстрее, чем любая страна в Европе. При плодородной почве и хороших условиях земледелия и дешевой земле, — условия, общие всем колониям, — являются, по видимому, столь большим препятствием, что это уравновешивает многие недостатки гражданского управления. Фрезьер¹, посетивший Перу в 1713 году, говорит, что в Перу насчитывается от 25 до 28 тысяч жителей. Уллоа, живший в Перу с 1740 до 1746 года, говорит, что в ней насчитывается 50 тысяч жителей. Разница в их показаниях о населенности Перу и других городов Чили и Перу почти такая же; и так как у нас по видимому, никаких оснований сомневаться в осведомленности Фрезьера, то это говорит о росте населения, который вряд ли меньше в Перу, чем в английских колониях. Таким образом, Америка представляет собою новый рынок для продукта ее собственных серебряных рудников, спрос на который должен возрастать гораздо быстрее, чем в большинстве самых цветущих стран Европы.

Ост-Индия² также является рынком для продукта серебряных рудников Америки, и притом рынком, который со времени открытия этих рудников постоянно поглощал все большее количество продукта. С того времени постоянно возрастала непосредственная торговля между Америкой и Ост-Индией, ведущаяся водным путем через Суэцкий канал, а косвенные сношения через Европу возрастали в еще большей степени. В течение XVI столетия португальцы были главными торговцами с Ост-Индией, который вел регулярную торговлю с Ост-Индией. В последние годы этого столетия голландцы начали пробивать брешь в этой монополии и в течение короткого времени открыли для себя главные поселения Индии. В течение большей части XVII столетия эти два народа делили между собою главнейшую часть Ост-Индийской торговли, причем торговля голландцев возрастала

¹ Frezier, Voyage de la Mer du Sud, vol. II, p. 379.]

² В те времена Смирта Ост-Индией назывались не только Индостан и Индонезия, но и все страны и острова, расположенные к востоку от реки Инда.]

ла в гораздо большей степени, чем падала торговля португальскими, английскими и французскими товарами. Англичане и французы вели в истекшем столетии некоторую торговлю с Индией, но она значительно возросла только в течение настоящего столетия. Остиндская торговля шведов и датчан во в течение настоящего столетия. Даже русские ведут ныне регулярную торговлю с Китаем посредством караванов, которые идут путем через Сибирь и Татарию в Пекин. Остиндская торговля этих народов, если не считать торговлю французов, которая в последняя война почти совершенно уничтожила, возрасла по прерывно. Возрастающее потребление произведений Ост-Индии в Европе, повидимому, так велико, что все эти нации увеличивают свою торговлю с этой страной. Чай, например, являлся на Востоке весьма мало употреблявшимся в Европе до половины истекшего столетия. В настоящее время стоимость чая, ежегодно ввозимого английской остиндской компанией для потребления одних англичан, превышает полтора миллиона фунт. стерл. в год; но к тому же, еще гораздо большее количество постоянно ввозится в Европу контрабандой из портов Голландии, из Гетеборга в Швеции, а также с берегов Франции, пока там процветала Французская остиндская компания. Потребление китайского фарфора, пряностей с Молуккских островов, бенгальских материй и бесчисленного количества предметов возросло почти в таких же размерах. В соответствии с этим общий тоннаж всех европейских судов, занятых в остиндской торговле, в любой момент прошлого столетия был, пожалуй, не больше тоннажа Английской остиндской компании до последнего сокращения числа ее судов.

Но стоимость драгоценных металлов в Ост-Индии, а в особенности в Китае и Индостане, когда европейцы впервые начали торговать с этими странами, была гораздо выше, чем в Европе; и в настоящее время она продолжает быть выше. В странах, возделывающих рис, который обыкновенно дает две, а иногда и три жатвы в год, каждая более обильна, чем жатва какого-либо другого зернового хлеба, обилие пищи должно быть гораздо более значительным, чем в любой стране таких же размеров, возделывающей хлеб. Такого рода страны ввиду этого отличаются более густым населением. В этих странах богатые люди, располагая гораздо большим избытком пищи, чем те, что могут сами потребить, имеют средства для покупки гораздо большего количества труда других людей. Поэтому в Китае и Индостане, согласно всем сообщениям, богатство вельможи в Китае или Индостане, согласно всем сообщениям, гораздо более многочислен и блестящ, чем дом самых богатых в Европе. Тот же самый избыток пищи, которым они располагают, позволяет им отдавать большее количество ее за все те особые и редкие произведения, которые природа доставляет лишь в очень малых количествах, как, например, драгоценные металлы и драгоценные камни, составляющие главный предмет соревнования богатых. Но если бы рудники, снабжавшие индийский рынок, были столь же изобильны, как и рудники, снабжавшие европейский рынок, драгоценные металлы должны были бы, естественно, обмениваться

количеством пищи в Индии, чем в Европе. Но рудники, снабжавшие индийский рынок драгоценными металлами, были, повидимому, гораздо менее богаты, а рудники, снабжавшие европейский рынок, гораздо более богаты, чем рудники, снабжавшие индийский рынок. Ввиду этого драгоценные металлы, естественно, обмениваются в Индии на несколько большее количество драгоценностей и на гораздо большее количество пищи, чем в Европе. Цена бриллиантов, наиболее дорогого предмета роскоши, должна быть несколько ниже, а денежная цена пищи, самого главного предмета необходимости, значительно ниже в Индии, чем в Европе. Но, как уже замечено, действительная цена труда, действительное количество предметов существования, предоставляемое в Индии в Китае и Индостане, двух крупнейших рынках Индии¹, не так велико, как в большей части Европы. На заработную плату работника можно купить меньшее количество пищи, а так как денежная цена пищи в Индии гораздо ниже, чем в Европе, то и денежная цена труда в Индии гораздо ниже, чем в Европе, то и денежная цена труда в Индии гораздо ниже по двум причинам: ввиду меньшего количества пищи, которое можно приобрести на нее, и дешевизны этой пищи. Но в странах, обладающих одинаково развитыми ремеслами и промышленностью, денежная цена большей части промышленных товаров пропорциональна денежной цене труда; а в отношении разницы между ремеслами и промышленностью Китай и Индостан, хотя и уступают, но не так много любой части Европы. Денежная цена большей части промышленных изделий поэтому, естественно, будет значительно ниже в этих обширных государствах, чем в любой европейской стране. Кроме того, в большей части Европы расходы по сухопутной перевозке весьма значительно увеличивают как действительную и номинальную цену большинства промышленных изделий. В Индии же приходится затрачивать больше труда, а следовательно, и больше денег, чтобы доставить сперва материалы, а потом изготовленные изделия на рынок. В Китае и Индостане обилие и разнообразие водных сообщений сберегает значительную часть этого труда, следовательно, и этих денег, и таким образом, еще больше уменьшает действительную и номинальную цену большинства их промышленных изделий. В силу всех этих причин драгоценные металлы являются собою товар, который всегда было выгодно и до сих пор чрезвычайно выгодно привозить из Европы в Индию. Вряд ли можно найти другой товар, который продавался бы там по лучшей цене, чем в Европе. В сравнении с количеством труда и товаров, которых он стоит, драгоценный металл мог бы обмениваться на большее количество труда или товаров в Индии. При этом выгоднее привозить серебро, чем золото, так как в Китае и большей части других рынков в Индии соотношение между чистым серебром и чистым золотом равняется десяти или двенадцати к одному, тогда как в Европе оно достигает двенадцати или пятнадцати к одному. В Китае и в большей части других рынков Индии десять или, самое большее, двенадцать к одному.

¹ выше примечание об Ост-Индии.]

унций серебра вымениваются на одну унцию золота, в Европе требуется от четырнадцати до пятнадцати унций. В составе груза большей части европейских судов, отпущенных в Индию, серебро занимало одно из первых мест. Серебро — главный груз кораблей, направляющихся из Акапулько в Мексиканский залив. Серебро нового континента является, таким образом, одним из главных товаров, посредством которых ведется торговля между двумя крайними пунктами старого света, и в значительной степени посредством него связываются между собою эти отдаленные части мира. Для того, чтобы снабжать столь обширный рынок, количество серебра, ежегодно доставляемого из рудников, должно быть не только достаточно для обеспечения того постоянного возрастания потребности на монету и утварь, которое вызывается во всех странах роста населения, но и для возмещения того постоянного снажения и потребления серебра, какое имеет место во всех странах, употребляющих этим металлом.

Постоянная потеря драгоценных металлов, которая в Европе обуславливается снашиванием, а в утвари снашиванием и употреблением, весьма значительна, и для товаров, употребление которых широко распространено, сама по себе должна требовать весьма значительного пополнения. Потребление этих металлов в некоторых специальных производствах, будучи в целом, может быть не больше указанного постепенного потребления их, все же чувствительнее, так как оно происходит гораздо быстрее. В Англии и в других странах, например в Бирмингеме, количество золота и серебра, которое ежегодно употребляется на золочение и изготовление ювелирных изделий и потому не может уже опять принять форму металлов, превышает 50 тысяч фунтов стерлингов. Это дает некоторое представление о том, как велико должно быть ежегодное потребление во всех частях света как в производствах, например в бирмингамском, так и при изготовлении позументов, парчевых золотых и серебряных тканей, при золочении книг, при отделке мебели и пр. Точно так же значительное количество металлов утрачивается ежегодно при перевозке этих металлов из одной страны в другую по морю и суше. Кроме того, в большей части азиатских государств почти повсеместный обычай зарывать в землю сокровища вызывает потерю еще большего количества металлов, как часто после смерти лица, зарывшего клад, местонахождение последнего неизвестно.

Количество серебра и золота, ввозимых в Кадикс и Лиссабон (считая не только зарегистрированное, но и предполагаемое контрабандный ввоз), достигает, согласно наиболее верным подсчетам, около 6 миллионов фунтов стерлингов ежегодно.

Согласно г. Медженсу¹, ежегодный ввоз драгоценных металлов

¹ Добавление к «Всемирному купцу», стр. 15 и 16. Это добавление напечатано лишь в 1756 г., спустя три года после напечатания самого издания, не имевшей второго издания. Добавление поэтому можно встретить лишь в немногих экземплярах; оно исправляет многие ошибки, имеющиеся в

в среднем за шесть лет, а именно с 1748 по 1753 г., и в Испанию в среднем за семь лет, а именно с 1747 по 1753 г., достигая серебра по весу 1 101 107 фунтов, а для золота — 49 940 фунтов. Считая серебро по 62 шиллинга за тройский фунт, получаем для золота 3 413 431 фунтов стерлингов 10 шиллингов. Для золота, считая 4½ гинеи за тройский фунт, получаем 2 333 446 фунтов стерлингов 14 шиллингов. Общий итог достигает 5 746 878 фунтов стерлингов 4 шиллинга. Медженс утверждает, что цифра регистрируемого ввоза вполне точна. Он приводит нам подобные сведения об отдельных пунктах, откуда привозятся золото и серебро, и о количествах ввозимого другого металла, привозимых, согласно регистру, из каждого пункта. Он также принимает во внимание количество каждого металла, ввозимого, по его предположению, контрабандой. Большой вес контрабандного дельного купца придает его мнению значительный вес. Медженс красноречиво и в некоторых отношениях хорошо известен автору «Философской и политической истории европейских народов в обеих Индиях»¹, ежегодный ввоз регистрируемого золота и серебра в Испанию в среднем за 11 лет, а именно с 1764 г., достигал 13 984 185³/₅ пиастра (в десять реалов)². Если возможный ежегодный ввоз контрабандой, он полагает, что ежегодный ввоз мог достигать 17 миллионов пиастров, что при 6 пенс. за пиастр составляет 3 825 000 фунтов стерлингов. Медженс приводит также данные об отдельных пунктах, откуда привозятся золото и серебро, и о количествах обоих металлов, доставляемых, согласно регистрам, из каждого отдельного пункта. Он сообщает нам также³, что, если судить о количестве ежегодно ввозимого золота в Лиссабон по сумме пошлины, уплачиваемой португальскому королю и достигающей одной пятой чистого металла, мы можем оценить его в 18 миллионов крузадо или 45 миллионов французских ливров, что составляет около 2 миллионов фунтов стерлингов. Имея в виду контрабандный ввоз, мы можем смело прибавить к этой сумме восьмую часть или 250 000 фунтов, так что весь ввоз составит в сумме 2 250 000 фунтов. Таким образом, согласно подсчетам Медженса, ежегодный ввоз драгоценных металлов в Испанию и Лиссабон вместе достигает приблизительно 6 075 000 фунтов стерлингов. Эти подсчеты, которые другие весьма достоверные, хотя и рукописные подсчеты, как уверяли меня, сходятся в определении размера этого ввоза в среднем приблизительно в 6 миллионов фунтов стерлингов, иногда несколько больше, иногда несколько меньше.

Согласно г. Медженсу¹, ежегодный ввоз драгоценных металлов в Кадикс и Лиссабон

втором этом сочинении был известный аббат Рейналь: *Raynal. Histoire politique et politique des établissements et du commerce des Européens dans l'Indes*, 1770. Второе издание вышло в 1780 г.]

² Рейналь, кн. VIII, § 42 первого издания; автор выключил эти подробности второго издания своего сочинения, вышедшего в 1780 г.]

³ Рейналь, кн. IX, § 54 первого издания. В издании 1780 г. это вычислено в сокращенном виде. См. это издание, кн. IX, § 23.]

сабон не представляет собою всей ежегодной продукции руд Америки. Некоторая часть ее ежегодно отправляется на судах Акапулько в Маниллу; некоторая часть составляет предмет кабанской торговли, которую ведут испанские колонии с колониями других европейских народов, а некоторая часть, несомненно, остается в самой стране. Помимо того, рудники Америки отнюдь не являются единственными золотыми и серебряными рудниками в мире, хотя они и значительно богаче других. По общепризнанному мнению продукция всех других известных нам рудников незначительна в сравнении с добычей американских рудников, и значительно меньшая часть их добычи, как это тоже общепризнано, ввозится ежегодно в Кадикс и Лиссабон. Но потребление одного лишь Бразилии, составляющее 50 тысяч фунтов в год, равняется уже почти двадцатой части этого ежегодного ввоза в 6 миллионов фунтов. Этого все ежегодное потребление золота и серебра во всех развитых странах мира, где эти металлы употребляются, может, пожалуй, достигать приблизительно всей годичной добычи. Остаток идет на удовлетворение спроса стран, в которых растет благосостояние. Возникает даже, что его нехватает для удовлетворения этого спроса, что несколько повышает цену этих металлов на европейском рынке.

Количество меди и железа, ежегодно доставляемое из рудных мест, несравненно больше количества золота и серебра, однако, не воображаем на основании этого, что эти грубые металлы доставляются в количестве, превышающем имеющийся на них спрос, или что они постепенно становятся все дешевле и дешевле. Правда, мы должны воображать, что это происходит с драгоценными металлами? Правда, грубые металлы, хотя и более прочные, употребляются гораздо более грубому употреблению, а так как они обходятся гораздо меньшей стоимостью, то к их сохранению относятся с особенной заботой. Тем не менее драгоценные металлы отнюдь не обходятся в большей степени бессмертно, чем они, но тоже подвержены утрате, снашиванию и потреблению самыми различными способами.

Цена всех металлов, хотя и подверженная медленным и постепенным колебаниям, меньше изменяется из года в год, чем цена всех других сырых продуктов земли, а цена драгоценных металлов еще менее подвержена внезапным колебаниям, чем цена грубых металлов. В основе такой необычайной устойчивости их цены лежит малая изнашиваемость металлов. Хлеб, доставленный на рынок в прошлом году, почти весь уже потреблен задолго до истечения текущего года. Но некоторая часть железа, извлеченного из рудников двести или триста лет тому назад, может все еще находиться в употреблении, точно так же, как, может быть, и некоторая часть золота, добытого две или три тысячи лет тому назад. Различные количества хлеба, которые в различные годы служат для мирового потребления, всегда более или менее пропорциональны соответствующей продукции этих лет. Но соотношение между различными количествами железа, находящимися в употреблении в два различных

мало изменяется в зависимости от случайной разницы в производстве рудников за эти два года. А соотношение между количеством золота испытывает еще меньшее влияние от колебаний добычи золотых рудников. Поэтому, хотя добыча большей части металлических рудников колеблется, может быть, гораздо больше из года в год, чем продукция большей части хлебных полей, эти колебания оказывают такого же влияния на цену товаров первого рода, как на цену товаров второго рода.

Колебания в соотношении между стоимостью золота и серебра

Открытие американских рудников соотношение стоимости золота к стоимости чистого серебра регулировалось на разном уровне в двенадцати, т. е. предполагалось, что одна унция чистого золота стоит от десяти до двенадцати унций серебра. Около середины XVIII столетия оно было определено в пределах от одного к четырнадцати до одного к пятнадцати, т. е. унция чистого золота представлялась уже равной от четырнадцати до пятнадцати унций чистого серебра. Золото повысилось в своей номинальной стоимости, или стали давать большее количество серебра. Оба металла понизились в своей действительной стоимости или могли уже приобрести большее количество труда; серебро, однако, понизилось в стоимости больше, чем золото. Хотя как золотые, так и серебряные рудники Америки превосходили своим обилием все известные до тех пор месторождения, богатство серебряных рудников, по видимому, было еще значительно больше, чем золотых рудников.

Большое количество серебра, привозимое ежегодно из Европы, постепенно понизило в некоторых английских поселениях в Индии стоимость этого металла в сравнении со стоимостью золота. На монетном дворе в Калькутте унция чистого золота представлялась равной по стоимости пятнадцати унциям серебра, как и в Европе. Но на монетном дворе золото оценивается, быть может, слишком высоко сравнительно со стоимостью, какую оно имеет на бенгальском рынке. В Китае соотношение между золотом и серебром продолжает держаться на отношении одного к десяти, а в Японии оно, как говорят, составляет один к восьми.

Соотношение между количествами золота и серебра, ежегодно ввозимыми в Европу, согласно сообщению г. Медженса, равняется приблизительно одному к двадцати двум, т. е. на одну унцию золота возится несколько больше двадцати двух унций серебра. Но количество серебра, ежегодно отправляемого в Ост-Индию, не так велико, как он думает, количество этих металлов, остающееся в Европе, доводя их соотношение до одного к четырнадцати или пятнадцати, что соответствует соотношению их стоимостей. Соотношение между их стоимостями, по его мнению, должно обязательно

быть равно соотношению между их количествами; оно равняется поэтому одному к двадцати двум, если бы не имел места этой вывоз серебра.

Но обычное соотношение между соответственными стоимостями двух товаров отнюдь не равняется обязательно соотношению количествами их, находящимися обычно на рынке. Цена бычьей телятны, определяемой в 3 шиллинга 6 пенсов. Однако нельзя заключать отсюда, что на рынке обычно имеется 60 телятного быка; но столь же нелепо было бы, исходя из того факта, что унция золота обычно стоит от четырнадцати до пятнадцати унций серебра, заключать, что на рынке обычно имеется только четверть или пятнадцать унций серебра на одну унцию золота. Количество серебра, обычно находящегося на рынке, в несколько раз больше количества золота, и притом вне всякого отношения с соотношением стоимости определенного количества золота к стоимости такого же количества серебра. Общее количество дешевого товара, выносимого на рынок, обыкновенно не больше, но и обладает большей стоимостью, чем все количество дорогого товара. Все количество хлеба, ежегодно доставляемое на рынок, не только больше, но и обладает большей стоимостью, чем все количество мяса, доставляемого на рынок, не только больше, но и обладает большей стоимостью, чем все количество домашней птицы, последнее же не только больше, но и обладает большей стоимостью, чем все количество дичины. Поэтому все количество дешевого товара должно обычно превышать все количество дорогого товара в большей степени, чем стоимость определенного количества дорогого товара превышает стоимость такого же количества дешевого. Если сравнивать между собою драгоценные металлы, то серебро будет дешевле, чем золото дорогим. Мы поэтому, естественно, должны ожидать, что серебро на рынке всегда превышает золото не только по количеству, но и по своей стоимости. Пусть кто-нибудь, обладающий небольшим количеством того и другого, сравнит их по цене, по которой его серебряные и золотые вещи, и он, вероятно, найдет, что последние превосходят первые не только по количеству, но и по стоимости. Кроме того, многие люди обладают серебряной посудой, не имея золотых вещей; последние даже у тех, кто имеет их, ограничиваются обыкновенно часами, табачными и тому подобными мелкими вещами, которые, в общей сложности, редко представляют собою сколько-нибудь значительную стоимость. Правда, в британской монете золото по своей стоимости значительно превышает серебро, но не так обстоит дело во всех странах. В денежном обращении некоторых стран стоимость обоих металлов почти одинакова. В Шотландии, до соединения с Англией

монета весьма мало перевешивала¹, хотя это и имело место, как следует из отчетов монетного двора. В денежном обращении стран перевешивает серебро. Во Франции крупнейшие монеты обычно выплачиваются этим металлом, и там трудно получить больше золота, чем можно носить с собой в кармане. Однако стоимость серебряной утвари сравнительно с золотой, существующая во всех странах, более чем уравнивает преобладание золотой монеты сравнительно с серебряной, которое имеет место лишь в некоторых странах.

В одном смысле этого слова, серебро всегда было и, вероятно, всегда будет дешевле золота, однако, в другом смысле, при современном состоянии испанского рынка может быть так, что золото, пожалуй, несколько более дешевым, чем серебро. Товар признавать дорогим или дешевым не только в зависимости от большей или меньшей абсолютной величины его обычной цены, но и в зависимости от того, стоит ли эта цена значительно выше или ниже обычной низкой цены, при которой возможно доставлять его на рынок в течение сколько-нибудь продолжительного времени. Эта цена представляет собою цену, которая лишь возмещает, а не приносит чистой прибыли, капитал, затрачиваемый на доставку товара на рынок. Цена эта не дает ничего землевладельцу, рента не является в нее какой-либо составной частью, она целиком распадается на заработную плату и прибыль. Но при современном состоянии испанского рынка золота, несомненно, несколько ближе к самой низкой цене, чем серебро. Пошлина испанского короля на золото составляет лишь одну двадцатую часть чистого металла, или пять процентов, тогда как его пошлина на серебро достигает одной десятой его, или десяти процентов. В этих пошлинах, как было замечено, содержится вся рента большей части золотых и серебряных рудников испанской Америки; и пошлина с золота уплачивается хуже, чем с серебра. Прибыли предпринимателей золотых рудников, которые гораздо реже составляют себе состояние, вероятно, будут также, как общее правило, более умеренны, чем прибыли предпринимателей серебряных рудников. Поэтому цена первого золота, которое приносит меньшую ренту и меньшую прибыль, должна быть на испанском рынке несколько ближе к низкой цене, по которой его возможно доставить туда, чем цена испанского серебра. Если принять во внимание все издержки, то окажется, что все количество первого металла не может быть продано на испанском рынке с такою же выгодой, как все количество последнего. Правда, пошлина португальского короля с бразильского серебра равна прежней пошлине испанского короля с мексиканского серебра, а именно равняется одной пятой части стоимости металла. Поэтому трудно судить, поступает ли на общий испанский рынок вся масса американского золота по цене, которая

¹ Предисловие Руддимиана к *Diplomata etc. Scotiae* (Сборник шотландских документов) Андерсона.

торая по сравнению с ценою американского серебра более
жесткая к той низшей цене, по которой возможно доставлять
этот рынок.

Цена бриллиантов и других драгоценных камней, мож-
ет еще более приближаться к низшей цене, по которой воз-
можно доставлять их на рынок, чем даже цена золота.

Хотя и не очень вероятно, чтобы какая-либо доля пош-
лины на серебра, которая взимается с него как с одного из наиболее
важных для обложения предметов, составляющих исключитель-
но роскоши, и притом еще приносит столь значительный
доход, была отменена до тех пор, пока еще возможно платить ее,
невозможность уплачивать ее, которая в 1736 г. сделала
необходимым и дальнейшее ее уменьшение, как уже оказало
необходимым уменьшение пошлыны с золота до одной двадца-
той, кто изучал состояние серебряных рудников испанской Амери-
ки знают, что, подобно всем другим рудникам, они требуют
большую часть всех больших издержек благодаря большей глубине,
качку воды и обеспечение их притоком свежего воздуха
в глубине.

Эти причины, равносильные растущему недостатку серебра,
можно сказать, что, если добывание определенного количества
серебра становится более трудным и сопряженным с большим
расходом, товар этот становится более редким), должны со-
провождать к одному из трех следующих результатов. Во-первых,
издержек должно, во-первых, или полностью компенсировать
пропорциональным повышением цены металла, или, во-вторых,
полностью компенсироваться пропорциональным уменьшением
пошлыны с серебра, или, в-третьих, компенсироваться частью
другим из этих двух способов. Этот последний исход
возможен. Как золото возросло в цене по сравнению с
серебром, несмотря на значительное уменьшение пошлыны с
золота, серебро может повышаться в цене по сравнению с
трудом и капиталом, несмотря на такое же уменьшение пошлыны с серебра.

Подобные последовательные понижения пошлыны, хо-
тя и могут совершенно предотвратить, должны, однако, несом-
ненно или менее задержать повышение стоимости серебра на
рынке. Благодаря такому понижению пошлыны могут
добываться многие рудники, которые не могли разраба-
тываться ранее, так как они не были в состоянии оплачивать прежнюю
пошлыну, и количество серебра, ежегодно доставляемого на
рынок, должно быть всегда несколько больше, а стоимость данно-
го количества его поэтому несколько меньше, чем это было бы в
обыкновенном случае. Вследствие уменьшения пошлыны в 1736 г. стоимость
серебра на европейском рынке, — хотя она в настоящее время,
как мы видели, не ниже, чем была до этого уменьшения, — вероятно, все
еще на меньшей мере, на десять процентов ниже, чем она была

американское правительство продолжало взимать прежнюю пош-

лины и соображения, приведенные мною выше, побуждают
думать или, вернее, подозревать и предполагать, что, несмотря
на уменьшение пошлыны, стоимость серебра в течение настоя-
щего столетия начала несколько повышаться на европейском рынке.
Это, само по себе, самое добросовестное суждение, какое я могу со-
общить себе относительно этого вопроса, вряд ли заслуживает
какого-либо прочного убеждения. В самом деле, повышение это, если до-
пустить, что оно вообще имело место, было до сих пор настолько не-
ясно, что после всего сказанного многим может показаться
сомнительным не только, произошло ли это на самом деле,
но и случилось ли нечто обратное этому, т. е. не продолжает ли
стоимость серебра на европейском рынке понижаться и по сию пору.
Однако, заметить, что, каков бы ни был предполагаемый
период, когда общее потребление этих металлов равняется этому
ежегодному потреблению, Их потребление возрастает с возрастанием их общей массы
в еще большей пропорции. По мере возрастания их
стоимости уменьшается их стоимость. Их больше употребляют в дело,
и в результате этого потребление их возра-
стает в большей степени, чем их общая масса. Поэтому по истече-
нии определенного периода ежегодное потребление этих металлов
будет таким образом, сравняться с их ежегодным ввозом при
такой скорости, что ввоз этот не возрастает постоянно; мы не пред-
полагаем, что последнее имеет место в настоящее время.
При ежегодном потреблении, сравнявшемся с ежегодным
ввозом, последний постепенно уменьшается, то ежегодное потре-
бление может в течение некоторого времени превышать ежегодный
ввоз. Масса этих металлов может постепенно и незаметно умень-
шаться, а их стоимость постепенно и незаметно повышаться до тех
пор, пока ежегодный ввоз опять не достигнет стационарного состоя-
ния. Ежегодное потребление постепенно и незаметно приспособи-
вается к той норме, которая соответствует такому ежегодному ввозу.

Следовательно, позволяющие предполагать, что стоимость
серебра продолжает уменьшаться

растание богатства Европы и широко распространенное мнe-
ние, что количество драгоценных металлов естественно увеличивается
с увеличением богатства, а их стоимость уменьшается с увеличением их
количества, могут, пожалуй, вызвать общераспространенное мнение,
что стоимость благородных металлов все еще продолжает понижаться
на европейском рынке; а продолжающееся повышение цен многих
продуктов земли может укреплять подобное мнение.

Я уже пытался показать, что такое увеличение количества драго-
ценных металлов, происходящее во всякой стране при возрастании
их количества, не имеет тенденции уменьшать их стоимость. Золото и

серебро, естественно, притекают в богатую страну по той же причине, по которой туда притекают всякого рода предметы роскоши и утонченности, — не потому, что они дешевле там, чем в более бедных странах, а потому, что они дороже, или потому, что за них дают лучшую цену. Их привлекает более высокая цена, как только этот более высокий уровень цены исчезает, они неизбежно перестают притекать туда.

Я уже пытался показать, что, за исключением хлеба и других растений, разводимых человеческим трудом, все другие виды продуктов, — скот, птица, всякого рода дичь, полезные ископаемые и металлы, — становятся, естественно, дороже по мере возрастания богатства и культуры общества. Хотя, таким образом, подобные товары начинают обмениваться на большие количества серебра раньше, отсюда отнюдь не следует, что серебро действительно дешевле или обменивается на меньшее количество труда, чем раньше; отсюда лишь следует, что эти товары в действительности дороже или вымениваются на большее количество труда, чем раньше. С развитием культуры повышается не только их номинальная, но и реальная. Повышение их номинальной цены является следствием не какого-либо понижения стоимости серебра, а повышения его действительной цены.

Различные последствия развития культуры для трех видов сырых продуктов

Различные виды сырых продуктов могут быть подразделены на три разряда. Первый включает те продукты, количество которых увеличивается в зависимости от количества человеческого труда вообще вряд ли в состоянии увеличиться. Второй включает такие продукты, количество которых он в состоянии увеличить соответственно спросу. Третий включает такие продукты, по отношению к которым способность человеческого труда увеличивать их количество ограничена или неопределенна. По мере развития богатства и культуры действительная цена первых может возрастать до чрезвычайной высоты и, повидимому, не ограничена никакими пределами. Действительная цена вторых, хотя и может значительно повыситься, ограничена определенными пределами, перейти которые она не может на сколько-нибудь продолжительное время. Действительная цена третьих, при естественной тенденции повышаться по мере роста богатства, все же может на данной ступени развития и даже понижаться, иногда оставаться неизменной, а иногда даже менее возрастать в зависимости от того, насколько те или иные обстоятельства делают более или менее успешными усилия человеческого труда увеличить этот вид сырых продуктов.

Первый разряд

Первый разряд сырых продуктов, цена которых возрастает по мере возрастания богатства, состоит из тех продуктов, количество которых

человеческий труд вообще совсем не может увеличивать. Это состоит из таких предметов, которые природа производит только в определенных количествах и которые, ввиду их нестойкости и легкой порчи, невозможно накоплять из продукта нескольких лет. К таким предметам относятся большая часть редких и особенно ценных птиц и рыб, различные виды дичи, почти всех видов дикой птицы, перелетных птиц и также многие другие предметы. Когда возрастает богатство общества, возжаждающая его роскошь, спрос на эти предметы также возрастает, и никакие усилия человеческого труда не могут значительно уменьшить предложение этих предметов сравнительно с тем, каково оно до этого увеличения спроса. Таким образом, при неизменном количестве таких товаров и при постоянном усилении конкуренции между желающими приобрести их, их цена может возрастать до больших размеров и, повидимому, не ограничивается никакими определенными пределами. Если бы появилась такая мода на кулици, то усилия человеческого труда не могли бы все же значительно увеличить количество их, доставляемое на рынок, сверх того, что представляется теперь. Этим легко объясняются высокие цены, которые платили римляне в период наивысшего их расцвета за редких птиц и рыб. Цены эти были следствием не низкой стоимости этих товаров в то время, а высокой стоимости этих редких предметов, количество которых человеческий труд не мог увеличивать по произволу. Действительная стоимость серебра была выше в Риме в течение которого времени до и после падения республики, чем в большинстве стран Европы в настоящее время. Три сестерции, или около 12 денариев, были ценой, уплачиваемой республикой за модий или гардену пшеницы из Сицилии, поставляемой в счет десятины. Эта цена, хотя и была, вероятно, несколько ниже средней рыночной цены, но обязательство поставлять пшеницу по такой цене считалось справедливым, взимаемым с сицилийских фермеров. Поэтому, когда римлянам случалось предъявлять спрос на большее количество пшеницы, чем полагалось получить с десятины, им приходилось прибегать к соглашению за излишек по 4 сестерции, или по 8 пенсов, за модий, и такая цена, вероятно, считалась умеренной и разумной, равной обычной или средней договорной цене того времени; она равнялась около 21 шиллинга за квартал. 28 шиллингов за квартал считали до последних неурожайных лет обычную договорную цену английской пшеницы, которая по качеству ниже сицилийской и обыкновенно продается на европейском рынке по более низкой цене. Следовательно, стоимость серебра в те древние времена должна относиться к современной его стоимости, как четыре к трем, т. е. три унции серебра тогда можно было приобрести то же количество труда и товаров, что и за 4 унции в настоящее время. Когда Плиний упоминает, что Сей купил для подарка императрице Агриппине белого соловья за 6 тысяч сестерций, или около 12 тысяч денариев, то это, вероятно, означает, что он заплатил за него X, ch. 29.

50 фунтов на наши деньги, и что Азиний Целер¹ купил рыбобородку за 8 тысяч сестерций, или приблизительно 66 фунтов лингов 4 пенса на наши деньги, то, как ни поражает нас чрезм таких цен, они, тем не менее, представляются нам на трет того, чем они в действительности были. Действительная ц предметов, количество труда и предметов существования, давали за них, была на одну треть выше того, что говорит номинальная цена в настоящее время. Сей отдал за солов количество труда и средств существования, которое в на время можно приобрести за 66 фунтов 13 шиллингов 4 пенс ний Целер дал за краснобородку такое количество труда и существования, которое ныне можно приобрести за 88 фунтов лингов 9 пенсов. Необычайность таких высоких цен обуслов не столько обилием серебра, сколько обилием труда и средст ствования, которыми располагали эти римляне сверх того, ч необходимо для их собственного потребления. Количество с которым они располагали, было значительно меньше того, они могли бы в настоящее время располагать при помощи та количества труда и средств существования.

Второй разряд

Второй вид сырых продуктов, цена которых повышается с возрастания богатства, состоит из таких продуктов, количес торых человеческий труд может увеличивать соответственно растанию спроса. Он состоит из тех полезных растений и жи которые в некультурных странах природа производит в так билии, что они обладают небольшой стоимостью или совсем н ее, и которые по мере развития культуры вынуждены поэтм пать место более выгодным продуктам. В течение продолжит периода возрастания богатства количество их постоянно шаается, тогда как в то же время спрос на них постоянно воз Ввиду этого их действительная стоимость, действительное ство труда, которое можно приобрести на них, постепенно у вается, пока, наконец, не становится столь высокой, чтобы их столь же выгодным продуктом, как и всякий иной проду торый может быть произведен человеческим трудом на самой родной и наилучшим образом обработанной земле. Когда эти ты достигают такой высокой цены, они уже не могут стан дороже. Если бы произошло последнее, большее количество а труда было бы вскоре использовано в целях увеличения кол этих продуктов.

Когда цена скота, например, так повышается, что оказ столь же выгодным возделывать землю для получения корм него, как и для получения пищи для людей, она уже не мож более повышаться. Если бы это произошло, большее количество

¹ Lib IX, ch. 17.

оказалось бы обращенным под пастбища. Увеличение пло- ахотных земель, сокращая количество земли под природ- стбищами, уменьшает количество мяса, которое естественно дит страна без затраты труда и обработки земли и увеличи- ос на мясо, поскольку увеличивает количество тех, кто обла- бом или, что то же самое, ценою хлеба для обмена на мясо. цена мяса, а следовательно и скота, должна постепенно воз- пока она не станет столь высокой, чтобы сделалось более м пользоваться наиболее плодородной и наилучше обрабо- землей для получения корма скоту, чем для посева хлеба. ширение площади запашки в таких размерах, при которых та поднялась бы до такого уровня, может иметь место только нейших стадиях развития культуры и богатства; и до тех ка цена скота не достигнет такой высоты, она должна по- повышаться, если только страна вообще развивается. Воз- что в некоторых частях Европы цены на скот еще не повы- до таких размеров. Они не достигли такой высоты ни в одной отландии до объединения с Англией. Если бы шотландский имел другого рынка сбыта, кроме шотландского, то в стране, щадь земли, пригодной только для пастбы скота, очень в сравнении с землями, пригодными для других целей, вряд бы возможно, чтобы цена скота достигла такой высоты, при было бы выгодно обрабатывать землю для получения кормов та. В Англии, как уже было указано, цена скота достигла, тому, в окрестностях Лондона такой высоты около начала его столетия; но в большей части отдаленных районов страны тигла этого уровня, вероятно, гораздо позднее, а в некоторых едних она вряд ли достигла его и в настоящее время. Из всех ых предметов, входящих во вторую группу сырых продук- от, вероятно, является тем продуктом, цена которого раньше ростом богатства достигает такой высоты. цена скота не достигнет такой высоты, представляется вряд можным, чтобы полностью обрабатывалась хотя-бы большая ех земель, которые пригодны для самой интенсивной обра- На всех фермах, слишком отдаленных от городов, чтобы воз- было привозить оттуда удобрение, т. е. на большей части их ой обширной стране, количество хорошо обрабатываемой зем- но быть пропорционально количеству удобрения, производи- а самой ферме, а последнее, в свою очередь, должно быть цционально количеству скота, содержаемого на ней. Земля удо- или выпасом скота на ней, или откармливанием его в стойле вом навоза оттуда на поля. Но если цена скота недостаточна латы ренты и прибыли с обработанной земли, фермер не мо- сти его на своей земле; тем меньше может он при таком усло- рмить его в стойле. При стойловом содержании скот можно ь только продуктом с культурной и хорошо обрабатываемой ибо собирание скудного и разбросанного продукта с обшир- площади неводеланной земли требовало бы слишком много

труда и обходилось бы слишком дорого. Если поэтому цена недостаточна для оплаты продукта с культурной и обработкой земли, на которой он пасется, то эта цена еще в меньшей мере будет достаточной для оплаты этого продукта, собираемого с затратой значительного количества добавочного труда и доставкой скоту в стойло. Поэтому при таких условиях можно рассчитывать на стойле с прибылью только такое количество скота, которое необходимо для вспашки полей. Но такое количество скота не может дать достаточно удобрений для постоянного содержания в хорошем состоянии всех земель, которые можно при помощи скота обработать. Даваемое таким количеством скота удобрение недостаточное для всей фермы, естественно, предназначается для таких земель, на которых оно может быть наиболее выгодно использовано или удобнее всего использовано, т. е. на самых плодородных или, может быть, наиболее близких к усадьбе. Эти-то земли постоянно содержатся в хорошем состоянии и будут пригодны для вспашки. Остальная земля, ее большая часть, будет оставаться запущенной, не давая почти ничего, кроме скудной травы, едва достаточной для прокормления небольшого количества блуждающего полуголодного скота; при этом ферма, хотя и дающая гораздо меньшим количеством скота в сравнении с тем, какое было бы необходимо для обработки ее в полной мере, часто будет переобременена им сравнительно с фактически получаемым ею продуктом. Часть этой обширной площади, оставшаяся в течение шести или семи лет под выгоном, может быть снова использована, причем даст, может быть, одну или две скудные жатки хорошего овса или какого-либо другого грубого зерна, а затем, оставшись совершенно истощенной, должна быть снова заброшена, как прежде, под выгон, под вспашку же должна быть оставлена другая часть этой площади, чтобы в свою очередь быть использованной и заброшенной. Такова, действительно, была общая система земледелия по всей низменной части Шотландии до объединения ее с Англией. Участки, которые постоянно хорошо удобрены и содержались в хорошем состоянии, редко превышали третью или шестую часть всей площади фермы, а иногда не занимали и половины, несмотря на это, часть ее, в свою очередь, обычно обрабатывалась и истощалась. Очевидно, что при такой системе хозяйства большая часть земель Шотландии, которая пригодна для хорошей обработки, производила очень немного в сравнении с тем, что в хорошем состоянии была дана. Хотя такая система кажется очень плохой, однако до объединения с Англией низкая цена скота, к тому же, делала ее почти неизбежной. И если, несмотря на значительное возрастание цен на скот, эта система все же продолжала обладать в значительной части страны, то это, несомненно, объясняется во многих местах невежеством и привязанностью к старым обычаям, а в большинстве местностей — невозможностью вследствие затруднения, которые естественный ход вещей ставит на

быстрому введению лучшей системы: во-первых, бедность крестьян, — тем, что они не успели еще приобрести достаточное количество скота для более полной обработки своих земель; быстрый рост цен на скот, который делает для них выгодным иметь большее количество скота, делает для них более затруднительным приобретать его; во-вторых, тем, что они не имели еще сделать свои земли пригодными для содержания надлежащим образом большего количества скота, даже если бы они были в состоянии приобрести его. Увеличение количества скота и улучшение должны идти рука об руку, одно никогда не может сильно помочь другому. Без некоторого увеличения количества скота вряд ли можно сколько-нибудь заметное улучшение земли, но не только и сколько-нибудь значительного увеличения количества скота без предварительного улучшения земли, ибо в противном случае скот не могла бы прокормить его. Эти естественные препятствия введения лучшей системы могут быть устранены лишь введением продолжительного труда и бережливости; и должно быть не менее полувека или, может быть, даже целое столетие, прежде чем возможно будет во всех частях страны совершенно отказаться от старой системы, которая постепенно отмирает. Однако из мерческих выгод, которые извлекла Шотландия из союза с Англией, величайшей является, может быть, возрастание цен на скот. Возрастание это не только повело к увеличению стоимости всех пород скота Шотландии, но и было, вероятно, главной причиной улучшения культуры и развития низменной части Шотландии. В новых колониях большое количество пустующих земель, оставшихся в течение многих лет могут служить исключительно для содержания скота, скоро приводит к чрезвычайному обилию последнего, что является неизбежным следствием большого обилия скота и неизбежно является причиной дешевизны. Хотя весь скот европейских колоний в Америке первоначально привезен из Европы, он скоро так развелся здесь и настолько понизился в цене, что даже лошадей можно свободно пастись в лесах, причем владельцы их не считали нужным заботиться об их целостности. Только спустя продолжительное время после основания подобных колоний может стать выгодным содержание скота продуктами с возделываемой земли. Те же самые причины, а именно отсутствие достаточного количества удобрений и отсутствие между размерами капитала, затрачиваемого на обработку земли, и количеством земли, пригодным для обработки, вероятно, по всей вероятности, приведут к распространению здесь системы хозяйства, сходной с той, которая еще продолжает существовать во многих местах Шотландии. И действительно, шведский путешественник Кальм, описывая систему хозяйства некоторых европейских колоний Северной Америки в 1749 г., замечает, что он не мог трудом обнаружить здесь следы характера английского хозяйства. Колонисты почти не удобряют свои хлебные поля, говоря, что когда участок земли истощается после ряда непрерывных

посевов, они расчищают и обрабатывают новый участок, когда истощается и этот участок, переходят к третьему. Скот они пускают бродить в лесах и других пустошах, где он мирится с голодом, ибо они давно уже уничтожили почти все летние травы, скашивая их слишком рано весной и не давая им цветам или рассыпать свои семена¹. Однолетние травы, к тому, были лучшими естественными травами в этой части Англии и когда европейцы впервые поселились здесь, эти травы росли густо и достигали трех или четырех футов в высоту. Участок, открытый в то время, когда Кальм писал, не мог прокормить и одних коров, в прежние времена, как его уверяли, давал пищу и для овец, и для свиней, и для лошадей, и для скота, и для птицы. Теперь, впрочем, скотам, и коровам, и овцам, и свиньям, и лошадям, и птице, приходится довольствоваться только овсянкой, причём каждая из них давала вчетверо больше молока, чем теперь. Скучность пастбищ, по его мнению, привела к вырождению скота, который значительно ухудшался с каждым поколением. Скот, повидимому, мало чем отличается от той слабой породы, которая преобладала по всей Шотландии лет 30 или 40 тому назад, которая в настоящее время столь значительно улучшена в этой части низменной Шотландии, и притом не столько перемешана с другими породами, хотя и это было испробовано в некоторых местах, с целью улучшения и увеличением корма.

Таким образом, хотя и должно пройти много времени, пока можно будет приобрести такую цену, чтобы сделать выгодным использование земли для откармливания его, тем не менее из всех различных видов сырых продуктов второго рода скот, пожалуй, первый достигает такой цены. В самом деле, пока он не достиг этой цены, представляется невозможным, чтобы сельскохозяйственная техника была доведена хотя бы до той степени совершенства, какой достигла во многих частях Европы.

Если скот раньше всего достигал указанной цены, то дичь достигала этой цены в последнюю очередь. Цена дичи в Великобритании, какой бы чрезмерно высокой она ни казалась, недостаточна для возмещения расходов по содержанию охотничьего парка, как это отлично знают все, кому приходилось заниматься разведением дичи. Если бы это было иначе, то разведение дичи стало бы вскоре распространенной отраслью сельского хозяйства, как это было с разведением маленьких птиц, известных под именем «turdi» у древних римлян. Варрон² и Колумелла³ упоминают нас, что это было в высшей степени прибыльным делом. Как и теперь, столь же выгодно в некоторых частях Франции откармливание овсянкой, перелетных птиц, прилетающих в страну со всех сторон. Если дичь будет оставаться в моде и если богатство и роскошь в Великобритании будут возрастать так, как они стали в течение последнего времени, то цена ее может, вероятно, подняться еще больше, чем ныне.

¹ Кальм, Путешествие, т. I, стр. 343, 344.

² [«De re rustica», lib. III, cap. 2.]

³ [«De re rustica», lib. VIII, cap. 10, где он цитирует Варрона.]

ду тем периодом хозяйственного развития, когда достигает своего предела цена такого необходимого продукта, как скот, и в период, когда такой цены достигает столь излишний продукт, как дичь, протекает весьма продолжительный промежуток времени в течение которого многие другие виды сырых продуктов постепенно достигают своей наивысшей цены, — некоторые раньше, некоторые позднее, в зависимости от различных обстоятельств. На отбросы из амбаров и хлевов на каждой ферме содержится некоторое количество домашней птицы. И поскольку ее кормят тем, что было бы потеряно без пользы, она представляет собою чистую выгоду; так как она почти ничего не стоит фермеру, он может продать ее по очень дешевой цене. Почти вся сумма, которую он получает за нее, составляет чистый барыш, и, как ни незначительна цена ее, это не побудит его прекратить разведение ее. Но в странах с низким уровнем культуры, а потому слабо заселенных, разведение домашней птицы, разводимой таким путем без всяких расходов, бывает вполне достаточно для удовлетворения всего наличного спроса. При таких условиях она поэтому часто стоит столько же, сколько мясо или всякая иная животная пища. Но все количество домашней птицы, которое ферма производит таким образом без всяких издержек, всегда должно быть значительно меньше общего количества мяса, которое получается на этой ферме; а при распространении богатства и роскоши то, что встречается редко, при прочих равных условиях предпочитается всегда тому, что обычно и общедоступно. Поэтому по мере роста богатства и роскоши, обыкновенного хозяйственным развитием, цена домашней птицы постепенно повышается и начинает превышать цену мяса, пока в конце концов не достигает столь высокого уровня, что становится выгодным использовать землю для разведения и откармливания ее. И когда достигла такого высокого уровня, она уже не может подняться выше. В противном случае добавочные участки земли скоро будут обращены на это дело. В некоторых провинциях Франции разведение домашней птицы признается весьма важной отраслью сельского хозяйства и достаточно прибыльным делом, чтобы побуждать фермера возделывать для этой цели значительное количество земли и гречихи. Фермер, обладающий хозяйством среднего размера имеет там иногда до пятисот птиц у себя на дворе. В Англии разведение домашней птицы, повидимому, еще не признается повсеместно столь важным делом. А между тем она в Англии, несомненно, ценится, чем во Франции, так как Англия получает значительные количества ее из Франции. В ходе хозяйственного развития период, в течение которого данный вид животной пищи достигает наивысшей цены, должен, естественно, быть периодом, непосредственно предшествующим всеобщему стремлению возделывать землю в целях производства именно этого вида пищи. В течение некоторого времени до того, как такая практика получит всеобщее распространение, недостаточность этого вида пищи необходимо должна повести к повышению его цены. Когда же производство его станет общераспро-

страненным, обычно вводятся новые методы откармливания, которые позволяют фермеру на той же площади земли прокармливать гораздо большее количество данного вида животной пищи. Только обилие заставляет его продавать дешевле, но и эти недостатки и улучшения позволяют ему продавать дешевле, ибо, если он не мог ввести их, обилие не было бы длительным. Введение именно по этой причине введение в употребление клевера, моркови, капусты и т. п. содействовало понижению обычной цены мяса на лондонском рынке несколько ниже того уровня, на котором она держалась в начале минувшего столетия.

Свинья, которая находит себе пищу среди нечистот и жижиряет многое из того, что отбрасывает всякое иное полезное животное, первоначально, подобно домашней птице, содержится в отбросы хозяйства и представляет собою чистую экономию. Понимание количества этих животных, которое может быть откармливаемым путем с незначительными издержками или совсем без издержек вполне достаточно для удовлетворения спроса, этот вид мяса продается на рынок по гораздо более низкой цене, чем любой другой вид мяса. Но когда спрос начинает превышать это количество, приходится новится необходимым производить корм для прокармливания специального откармливания свиней, как это приходится делать при откармливания всякого другого скота, тогда цена неизбежно повышается и делается пропорционально выше или ниже других видов мяса, в зависимости от того, делает ли природа страны и состояние ее сельского хозяйства более дорогим или более дешевым откармливание свиней или других видов скота. Во Франции, согласно исследованию Бюффона¹, цена свинины почти равняется цене говядины. В большей части Великобритании она в настоящее время несколько выше.

Значительное повышение цены свиней и домашней птицы в Великобритании часто объяснялось уменьшением численности скотоводов² и других мелких держателей земли, — явлением, которое во всех частях Европы непосредственно предшествовало улучшению техники сельского хозяйства, но которое вместе с тем могло способствовать более быстрому и усиленному возрастанию цены этих продуктов, чем это было бы без него. Подобно тому как самая бедная семья в состоянии часто содержать кошку или собаку, не производя никаких расходов, так и беднейшие держатели земли могут содержать при очень небольших издержках несколько домашних птиц или свинью и несколько поросят. Остатки и отбросы собственной пищи, сыворотка, снятое молоко и пр. дают этим животным часть их корма, а остальное они находят себе в соседних дворах, не причиняя никому сколько-нибудь заметного ущерба. Поэтому этого с уменьшением количества таких мелких держателей значительно должно значительно сократиться и количество этого

продукта, производимого с ничтожными расходами или без расходов, и цена его должна вследствие этого повышаться и усиливаться, чем это имело бы место без такого уменьшения, однако раньше или позже, по мере хозяйственного развития эта во всяком случае должна подняться до максимальной цены, до какой только может подняться, т. е. до цены, которая платит труд и издержки по обработке земли, доставляющей этих животных, в таком же размере, как оплачиваются издержки на большей части земель, возделываемых для других целей.

Скотное хозяйство, как и разведение свиней и домашней птицы, первоначально тоже ведется в виде побочного дела, не вызывающего больших расходов. Скот, который по необходимости содержится в доме, дает больше молока, чем это требуется для прокармливания хозяйства или для потребления семьи фермера; при этом он дает больше всего молока в определенный сезон. Между тем из всех хозяйственных продуктов молоко, пожалуй, больше всего ценится и порче. В жаркое время года, когда его получается больше, оно еще выдерживает сутки. Фермер, делая из него сливочное масло, сохраняет небольшую часть его на неделю; делая из него сыр, сохраняет большую часть его на несколько лет. Часть всего продукта сохраняется для потребления собственной семьи фермера, остальное поступает на рынок и продается по высшей цене, которую только можно получить и которая не может быть настолько высока, чтобы отбить у фермера охоту отправлять на рынок излишки, которые остаются после потребления его семьей. В самом деле, если цена мяса низка, он, вероятно, будет вести свое молочное хозяйство в грязно и, вероятно, решит обойтись без отдельного помещения или здания для этой цели, и работа будет производиться среди чада, дыма и грязи его кухни, как это практиковалось во всех фермах с молочным хозяйством в Шотландии 30—40 лет назад и как это имеет место еще и поныне на многих из них. Причины, какие постепенно повышают цену мяса, а именно — увеличение спроса и, — как следствие повышения благосостояния — уменьшение того количества скота, которое можно содержать с небольшими издержками или без всяких издержек, ведут к повышению цены молочных продуктов, которая, естественно, повышается в зависимости от цены мяса или издержек по содержанию. Повышение цены дает возможность оплачивать большее количество труда, большую тщательность и чистоту. Молочное хозяйство начинает заслуживать больше внимания со стороны фермера, потому что его продукт постепенно улучшается. В конце концов цена продукта достигает такой высоты, что становится выгодным обрабатывать наиболее плодородных и лучше всего возделанных земель на корм скоту исключительно для молочного хозяйства. И когда цена достигла такой высоты, она уже не может снижаться. Если бы это случилось, вскоре еще большее коли-

¹ «Histoire Naturelle» vol. V.]

² [См. выше, стр. 107.]

чество земли было бы обращено на эту цель. Повидимому, достигла такого предела в большей части Англии, где хорошей земли обычно используется таким образом. В Шотландии же большинство фермеров редко отводит много хорошей земли для производства корма для скота исключительно в целях хозяйства, эта цена, как кажется, еще нигде не достигает высоты, за исключением окрестностей немногих крупных хозяйств. Хотя цена продуктов молочного хозяйства в течение нескольких последних лет очень значительно повысилась, все же, вероятно, слишком низка, чтобы делать это возможным. Впрочем, плодотворность этих молочных продуктов в сравнении с английскими соответствует низкому уровню цены их. Но это низкое значение является скорее следствием, а не причиной более низкой цены. Продукты гораздо лучшего качества, доставляемые на рынок, были, повидимому, продавать при наличных условиях в более высокой цене; а ныне существующая цена, вероятно, покроет издержки на землю и труд, необходимые для производства значительно лучшего качества. В большей части Европы, на высокий уровень цен, молочное хозяйство не считается лучшим способом использования земли, чем производство хлеба или разведение скота, эти две главные отрасли хозяйства. Поэтому и в большей части Шотландии оно еще может быть столь выгодным.

Очевидно, таким образом, что ни в одной стране земли не полностью поступить в обработку и подвергаться улучшению. Цена всех решительно продуктов, какие человеческий труд способен производить на этих землях, не достигла такой высоты, чтобы оплачивались издержки на такую обработку и улучшение. Достижения такого результата цена каждого определенного рода товаров должна быть достаточна для того, чтобы оплачивать, во-первых, ренту хорошей пахотной земли под хлеб, так как она оплачивает ренту большей части других возделанных земель, и, во-вторых, оплачивать труд и издержки фермера не хуже, чем они оплачиваются на хорошей пахотной земле под хлебом или, другими словами, чтобы возмещать с обычной прибылью затрачиваемый на нее капитал. Такое повышение цены каждого определенного рода продуктов должно, очевидно, предшествовать улучшению обработки земли, которая предназначается для производства их. Главная цель всякого улучшения, и последнее не заслуживает названия улучшения, если оно имеет своим неизбежным следствием убытки. Но убытки должны быть неизбежным следствием улучшения земли для возделывания продукта, цена которого никогда не может вернуть произведенных затрат. Если полное улучшение обработки всех земель страны представляют собою величайшее общественное благо, — в чем не может быть ни малейшего сомнения, — то постоянное повышение цены всех различных видов сырого продукта должно считаться отнюдь не общественным бедствием, а необходимым предвестником и спутником этого величайшего общественного

повышение номинальной, или денежной, цены всех этих различных видов сырого продукта было также следствием не какого-либо понижения стоимости серебра, а повышения их действительной стоимости не только большего количества серебра, но и большего количества труда и средств существования, чем прежде. Так бывает большее количество труда и средств существования, доставить их на рынок, то, когда они попадают туда, они являются большее его количество или эквивалентны ему.

Третий разряд

Самым и последним видом сырых продуктов, цена которых постоянно возрастает по мере развития хозяйства, является тот вид, по отношению к которому способность человеческого труда получать его количество является ограниченной или неопределяемой. Хотя реальная цена такого сырого продукта имеет поэтому определенную тенденцию к возрастанию по мере хозяйственного развития, все же, в зависимости от различных причин, делающих производство человеческого труда более или менее успешным в деле получения его количества, она может иногда даже падать, иногда оставаться без изменения в различные периоды этого развития, а иногда повышаться в большей или меньшей степени на протяжении и того же периода.

К таким видам сырого продукта, которые природа предоставляет как бы придатком к другим видам, так что количество одного вида, какое может произвести страна, необходимо ограничено количеством другого. Количество шерсти или сырых кож, например, может произвести данная страна, неизбежно ограничено количеством крупного и мелкого скота, имеющегося у нее. А это количество, в свою очередь, неизбежно определяется ее общим количеством и характером ее сельского хозяйства.

Те же причины, которые по мере хозяйственного развития ведут к постепенному повышению цены мяса, должны, казалось бы, оказывать такое же действие и на цены шерсти и сырых кож и повышать их почти в такой же степени. Это, вероятно, и имело бы место, если бы на начальных стадиях хозяйственного развития рынок для товаров последнего рода был ограничен такими же узкими пределами, как и рынок для мяса. Но размеры рынков в обоих этих случаях обычно крайне различны.

Рынок для мяса почти везде ограничивается страной, которая производит. Правда, Ирландия и Британская Америка ведут значительную торговлю солониной, но они, как мне кажется, являются единственными странами торгового мира, которые делают вывоз в другие страны сколько-нибудь значительную часть своего мяса.

Рынок для шерсти и сырых кож, напротив, на ранней стадии хозяйственного развития редко ограничивается страной, которая производит их. Они легко могут быть перевозимы в отдаленные

страны: шерсть может перевозиться без всякой обработки сырьем для многих отраслей производства, то промышленность других стран может предъявлять спрос на них, хотя в той стране, которая производит их, промышленность может не предъявлять к ним никакого спроса.

В странах, плохо возделываемых и потому слабо засеянных, цена шерсти и сырых кож всегда составляет гораздо большую часть цены всего животного, чем в странах, где благодаря более высокому уровню хозяйства и более многочисленному населению существует большой спрос на мясо. Юм замечает, что во Франции саксов руно овцы оценивалось в две пятых стоимости всей туши, что это соотношение значительно превышает современную реальную цену. Как меня уверяли, в некоторых провинциях Испании овцы убивают только ради шерсти и сала. Тушу часто оставляют лежать на земле или на пищу животным и хищным птицам. Если это бывает в Испании, то почти постоянно это происходит в Буэнос-Айресе и во многих других частях испанской Америки, где рогатый скот почти постоянно убивается только ради мяса и сала. Это точно так же почти всегда практиковалось в испанской части Сан-Доминго, когда она кишела звероловами, и в те времена, когда создание поселений, развитие хозяйства и увеличение населения французских плантаций (ныне простирающихся по берегу почти всей западной половины острова) придавали большую стоимость также скоту испанцев, которые до сих пор живут в восточной части острова, но и всей внутренней горной частью страны.

Хотя с развитием хозяйства и ростом населения цена голов животного необходимо повышается, однако цена туши повышается больше, чем цена шерсти и шкуры. Параллельно с развитием хозяйства и ростом населения страны должен неизбежно расширяться рынок для мяса, который на низшей ступени развития всегда ограничивается пределами производящей страны. Однако, сколько рынок для шерсти и кожи даже варварской страны простирается на весь торговый мир, его расширение редко происходит в такой же пропорции. На состояние всего торгового мира редко может оказать влияние хозяйственное развитие в одной какой-нибудь стране, и рынок для таких товаров остается неизменным или почти неизменным после упадка и подъема хозяйства. Впрочем, при естественном ходе вещей в результате этого должен скорее несколько расширяться рынок, если отрасли промышленности, для которых эти материалы служат сырым материалом, начинают процветать в данной стране, рынок, если даже он и не расширится значительно, окажется крайней мере, значительно приближенным к месту производства, и цена этих материалов может повыситься на всю ту сумму, которая обычно расходовалась на перевозку их в отдаленные страны. Поэтому, если цена шерсти и кож не повысится в той же

стране, как цена мяса, она все же должна, естественно, несколько повыситься и, во всяком случае, не должна понизиться. Это видно из примера в Англии, несмотря на цветущее состояние ее шерстяной промышленности, цена английской шерсти очень значительно упала во время правления Эдуарда III. Имеется много достоверных свидетельств, которые показывают, что во время правления этого короля (в начале XIV столетия или около 1339 г.) умеренной и справедливой ценой за тюк в 28 фунтов английской шерсти считалось не менее 12 шиллингов на деньги того времени¹, что при 20 пенсах за унцию составляло 6 унций серебра тауэрского веса², или около 30 шиллингов на наши деньги. В настоящее время хорошей ценой за тюк английскую шерсть можно считать 21 шиллинг за тюк в 28 фунтов. Таким образом, денежная цена шерсти во время Эдуарда III относится к ее современной денежной цене, как 10 : 7. Отношение ее реальной цены было еще больше. Считая 6 шиллингов за четверть пшеницы, мы имеем для этого давно прошедшего времени цену 12 бушелей пшеницы в 10 шилл. При цене пшеницы в 21 шилл. за четверть, 21 шилл. составляют в настоящее время цену 6 бушелей. Таким образом, отношение между реальными ценами в то давнее время и ныне равно 12 : 6 или 2 : 1. В те давние времена на один тюк шерсти можно было купить вдвое больше средств существования, чем в настоящее время, следовательно и вдвое большее количество труда, если реальная цена труда была одинакова для этих периодов.

Такое падение как реальной, так и номинальной стоимости шерсти по естественному образцу не могло бы произойти при естественном ходе вещей. Действительно, оно являлось следствием насильственных и искусственных мер: во-первых, полного воспреещения вывоза шерсти из Англии; во-вторых, разрешения ввоза ее из Испании без пошлины; в-третьих, воспреещения вывоза ее из Ирландии в другие страны, кроме Англии. В результате этих ограничительных мер рынок для английской шерсти вместо того, чтобы расширяться вследствие хозяйственного развития Англии, был ограничен своим собственным рынком, куда был открыт доступ для конкуренции с шерстью нескольких других стран и где ирландская шерсть была вынуждена конкурировать с нею. А так как к тому же шерсть в Ирландии встречает максимум стеснений, следовательно, при справедливом и честном ходе дел, то ирландцы в состоянии перерабатывать только небольшую часть своей шерсти, следовательно, вынуждены поэтому отправлять большую часть ее в Великобританию на единственный рынок, открытый для них³.

Не удалось найти столь же достоверных данных о цене сырых кож в давно прошедшее время. Шерсть обычно уплачивалась как дань пользы короля, и ее расценка при уплате этого налога уста-

¹ «Memoirs of wool» Smith'a, т. I, гл. 5, 6 и 7; также т. II, гл. 176.

² См. выше примечание на стр. 29.

³ Это постановление было отменено в 1825 г. и заменено низкой вывозной пошлиной, которая была отменена в 1833 г.]

навливает, по крайней мере до известной степени, ее обычную. Но не так, повидимому, было с сырыми кожами. Впрочем, Форт приводит нам, пользуясь счетами от 1425 г. приора в Буртон (Оксфорд) и одного из его каноников, их цену, по крайней мере, которая указывалась в этом отдельном случае; мы имеем такие цифры: 5 бычьих шкур за 12 шилл., 5 коровьих шкур за 3 п., 36 овечьих кож (двухлеток) за 9 шилл., 16 телячьих за 2 шилл. В 1425 г. 12 шилл. содержали приблизительно такое количество серебра, как 24 шилл. на наши деньги. Бычья шкура следовательно, оценивалась в приведенном счете таким количеством серебра, которое содержится в $4\frac{4}{5}$ шилл. на наши теперешние деньги. Его номинальная цена была в то время значительно ниже, чем теперь, но, при цене квартера пшеницы в 6 шилл. 8 п., на 12 шилл. было тогда купить $14\frac{4}{5}$ бушеля пшеницы, которые, при цене в настоящее время 6 п. за бушель, в настоящее время стоили бы 51 шилл. 4 п. Следовательно, за бычью шкуру в то время можно было бы купить столько же хлеба, сколько можно купить его за 10 шилл. 3 п. в настоящее время. Ее реальная стоимость равнялась 10 шилл. 3 п. на наши теперешние деньги. Мы не можем предполагать, что в те давние времена бычья шкура, который в течение большей части зимы почти помирал с шкурами, был очень больших размеров. Бычья шкура весом в 4 стоуна, 16 фунтов не считается ныне плохой, а в ту пору была бы, вероятно, признана очень хорошей. Но при цене в пол-кроны за стоун, в настоящее время (февраль 1773 г.) по моим сведениям она стоила бы 10 шилл. Такая цена, хотя ее номинальная цена в настоящее время выше, чем она была в эти давно минувшие времена, ее реальная цена, реальное количество средств существования, какое можно купить или получить в обмен на нее, скорее несколько уменьшилась. Цена коровьих шкур, как она указана в упомянутых счетах, почти соответствует цене бычьих шкур. Цена овечьих кож значительно выше. Они, вероятно, продавались вместе с шерстью. Цена телячьих шкур, напротив, много ниже. В странах, где цены на скот очень высокие, телят, которых не хотят вскармливать для поддержания скота, обыкновенно бьют очень молодыми, как это имело место в Ирландии лет 20—30 тому назад. Это сберегает молоко, расход которого не может окупить их цена. Поэтому их кожи обыкновенно являются негодными.

Цена невыделанных шкур в настоящее время ниже, чем это было несколько лет тому назад, что объясняется, вероятно, отменением пошлины на тюленьи шкуры и разрешением в 1769 г. беспрепятственного ввоза невыделанных шкур из Ирландии и из колоний. Если сравнить среднюю цену за настоящее столетие, то их реальная цена оказывается наверное несколько более высокой, чем это было в давно прошедшее время. Природа этого товара делает его менее пригодным, чем для перевозки на отдаленные рынки. Он ухудшается в кач-

д. Просоленная шкура признается худшей по качеству, чем сырая, и продается за более низкую цену. Это обстоятельство должно иметь тенденцию понижать цену сырых шкур в стране, где шкура не перерабатывается сама, а вынуждена вывозиться, и следовательно повышает ее в странах, где эти кожи подвергаются обработке. Оно должно приводить к понижению их цены в варварских странах и к повышению ее в культурных и промышленных странах. Следовательно, оно должно было приводить к понижению ее в последние времена и к повышению в наше время. Кроме того, нашим законодателям не удалось, как это удалось суконщикам, убедить разумно, что благополучие государства зависит от процветания именно легкой промышленности; ввиду этого им покровительствовали по возможности меньше. Вывоз невыделанных шкур, правда, был воспрещен, но их ввоз из чужеземных стран был обложен пошлиной; и хотя эта пошлина была отменена для шкур, ввозимых из Ирландии и из колоний (на срок только в пять лет), все равно Ирландия не была ограничена рынком Великобритании для продажи своих излишних шкур или тех шкур, которых она не перерабатывает сама. Шкуры простого скота только в последние годы внесены в список товаров, которые колониям разрешается вывозить в метрополию; точно так же и торговля Ирландии до сих пор была свободна в этом отношении никаким стеснениям в целях подддержания великобританских кожевенных заводчиков.

Такого рода регулирующие меры, ведущие к понижению цены шкур или невыделанных шкур ниже их естественного уровня, в странах, где развитой в хозяйственном отношении стране должны иметь тенденцию повышать цену мяса. Цена как крупного, так и мелкого скота, разводимого и откармливаемого на улучшенной и плодородной земле, должна быть достаточна для оплаты ренты и для содержания фермы, которые вправе ожидать получить с такой земли ее владельцу фермер. Если она недостаточна для этого, они скоро перестают откармливать скот. Поэтому та доля этой цены, которая не покрывается шерстью или шкурой, должна покрываться ценою мяса. Чем меньше платят за первые, тем больше должно быть уплачено за второе. Землевладельцам и фермерам безразлично, как распределяется эта цена между различными частями животного, так долго, как только она полностью уплачивается им. Поэтому в хозяйственно развитой и культурной стране интересы землевладельцев и фермеров могут быть сильно задеты такими регуливающими мерами, которые имеют тенденцию к повышению цены продовольствия. Совершенно иным образом положение в мало развитой и некультурной стране, где большая часть земель не может быть использована ни для какой другой цели, кроме разведения и выращивания скота, и где шерсть и шкура составляют главную часть стоимости этого скота. Их интересы как землевладельцев и фермеров в этом случае будут глубоко задеты теми же регуливающими мерами, а интерес их в качестве потребителей — весьма мало. Понижение цены шерсти и шкур в этом

¹ [Стоун—мера веса для некоторых товаров, в том числе для ко-

случае не приведет к повышению цены туши, так как количество заготавливаемого скота не изменяется, поскольку большая часть скота страны неприменима ни для какой другой цели, кроме рынка скота; на рынок будет поступать такое же количество мяса до того, между тем как спрос на него не увеличится; следовательно цена его останется прежней. Полная цена за голову скота падает, и вместе с нею понизятся рента и прибыль со всех тех отраслей, главным продуктом которых был скот, т. е. с большей частью страны. Воспрещение навсегда вывоза шерсти, которое обыкновенно ошибочно приписывается Эдуарду III, при существовании в то время условий явилось бы в высшей степени разрушительной мерой, какую только можно себе представить. Оно не только не вызвало бы понижения стоимости большей части земель королевства, но благодаря понижению цены наиболее важных видов скота оно весьма замедлило бы его улучшение в дальнейшем.

Шерсть в Шотландии весьма значительно понизилась вследствие соединения с Англией, благодаря которому она вошла в состав большого рынка Европы и ограниченного рынка южных графств Шотландии, где преобладает овцеводство. Шерсть сильно пострадала бы благодаря этому событию, если бы падение цен на мясо не уравновесило полностью падение цен на шерсть.

Успешность человеческого труда в области увеличения количества сырых кож является ограниченной, поскольку она зависит от производства данной страны, и неопределенной, поскольку зависит от производства других стран. Она зависит не столько от количества, производимого последними, сколько от того количества, которое они сами не перерабатывают, а также от тех условий, которые они могут считать нужным установить для этого вида сырья. Поскольку все эти обстоятельства зависят от промышленности данной страны, это неизбежно делает успешность ее усилий более или менее неопределенной. Таким образом, успешность человеческого труда в области увеличения количества этого вида сырых продуктов является не только ограниченной, но и неопределенной.

Точно так же успешность его ограничена и неопределенна в области увеличения количества другого весьма важного вида сырья — количества рыбы, доставляемой на рынок. Это количество ограничено топографией страны, близостью или отдаленностью различных провинций от моря, количеством ее озер и рек, а также так называемым богатством или скудостью этих морей, озер и рек. По мере возрастания населения, по мере все большего увеличения годового продукта земли и труда страны, возрастает количество покупателей рыбы, и эти покупатели обладают большим количеством и разнообразием других продуктов или, что то же самое, располагают ценой большего количества и более разнообразных других продуктов, на которую могут производить покупки. Обыкновенно невозможно снабжать большой и обширный

рынок большим количеством труда и притом в большей пропорции, чем это необходимо для снабжения небольшого и ограниченного рынка. Так, для снабжения рынка, который сперва требовал одну тысячу тонн рыбы в год, а теперь требует десять тысяч, можно обойтись только в десять раз большим количеством рыбы по сравнению с тем, что было достаточно раньше. Для этого приходится отыскивать рыбу на более далеком расстоянии, надо брать более крупные суда, пользоваться более дорогими орудиями всякого рода. Поэтому реальная цена этого продукта, естественно, повышается с ходом хозяйственного развития. И мне кажется, что она в большей или меньшей степени действительно повышается во всех странах.

Успешность ловли рыбы в какой-нибудь определенный день может быть весьма неопределенной, однако при данной топографии средняя успешность труда за год или за несколько лет в отрасли доставки на рынок определенного количества рыбы может быть признана достаточно определенной, и так оно, без сомнения, и является в действительности. Так как она в большей степени зависит от положения страны, чем от уровня ее богатства и состояния населения, так как поэтому в различных странах она может быть одинаковой на различных ступенях хозяйственного развития, а также различной на одной и той же ступени, то зависимость ее от состояния хозяйства неопределенна, и об этой именно неопределенности я здесь и говорю.

Успешность человеческого труда в деле увеличения количества сырых минералов и металлов, извлекаемых из недр земли, является более дорогой, по видимому, не является ограниченной, а является совершенно неопределенной.

Количество драгоценных металлов, имеющееся в какой-либо стране, не ограничивается какими-либо свойствами ее почвы и ее богатством или скудостью ее собственных рудников. Эти металлы часто имеются в изобилии в странах, совсем не имеющих рудников. Их количество в каждой определенной местности зависит, по видимому, от двух различных обстоятельств: во-первых, от ее покупательной способности, от состояния ее промышленности, от размеров годового продукта ее земли и труда, в совокупности с чем она в состоянии затрачивать большее или меньшее количество труда и средств существования на добычу или покупку предметов роскоши, как золото и серебро из своих собственных рудников или из рудников других стран; во-вторых, от богатства или скудости рудников, которые в данный период снабжают мир этими металлами. Количество этих металлов в странах, более отдаленных от рудников, в большей или меньшей степени зависит от богатства или скудости последних, ввиду легкости и дешевизны перевозки этих металлов, их небольшого объема и высокой стоимости. На количестве их в Китае и Индостане более или менее отражается богатство рудников в

Поскольку количество драгоценных металлов в какой-либо стране зависит от первого из этих двух обстоятельств (количества трудящихся и покупательной способности), постольку их реальная цена, как и цена всех других предметов роскоши, должна повышаться вместе с развитием хозяйства страны и падать с бедностью ее и застоём. Страны, могущие накапливать большое количество труда и средств существования, в состоянии по любой цене приобрести любое количество этих металлов ценою большего количества труда и средств существования, чем страны, могущие накопить меньшее.

Поскольку количество драгоценных металлов в данной стране зависит от второго из этих обстоятельств (богатства или бедности рудников, которые снабжают торговый мир), постольку их реальная цена, реальное количество труда или средств существования, которые можно купить или обменять на них, будет, без сомнения, более или менее понижаться в соответствии с богатством этих рудников и повышаться в соответствии с их скудостью.

Но очевидно, что богатство или скудость рудников, в данное время могут оказаться поставщиками торгового мира, представляет собою обстоятельство, которое может не столько в какой-либо связи с состоянием промышленности отдельной страны, сколько в какой-либо связи с состоянием мировой промышленности вообще. Правда, по мере того как промышленность и торговля постепенно распространялись по все большей и большей части земного шара, поиски рудников, производившиеся тогда в том пространстве, могли иметь больше шансов на успех. В ту пору, когда ограничивались более узкими пределами, открытие новых рудников, по мере постепенного истощения старых, представляется делом в высшей степени ненадежным, успех которого не может гарантировать человеческое искусство или труд. Признаки, как известно, сомнительны, и только фактическое открытие и успешная разработка нового рудника могут удостоверить действительную стоимость или даже существование в нем металлов. В этих поисках нет, повидимому, определенных пределов возможного успеха, ни для возможной безуспешности человеческого труда. Вполне возможно, что на протяжении одного столетия в двух местах будут открыты новые рудники, более богатые, чем известные когда-либо до сих пор; и точно так же вполне мыслимо, что в будущем более богатые из известных в это время рудников окажутся бедными, чем разрабатывавшиеся еще до открытия рудников. Произойдет ли то или другое, это будет иметь очень малое значение для действительного богатства и благосостояния мира. Действительная стоимость годового продукта земли и труда, богатства. Его номинальная стоимость, количество золота и серебра, в котором может быть выражен или представлен этот годовой продукт, будет, без сомнения, весьма различна, но его реальная стоимость, действительное количество труда, которое можно купить и обменять на него, будет одним и тем же. В первом случае од-

ног бы представлять не больше труда, чем представляет его в настоящее время, а в последнем случае одно пенни бы представлять столько же труда, сколько шиллинг в настоящее время. Но в первом случае обладатель одного шиллинга был бы богаче того, кто имеет теперь одно пенни, а в последнем случае обладатель одного пенни был бы столь же богат, как и обладающий одним шиллингом. Дешевизна и обилие золотой и серебряной монеты были бы единственной выгодой, которую мир мог бы извлечь из первого обстоятельства, и дороговизна и редкость этих металлов были бы единственным неудобством, которое явилось бы результатом последнего обстоятельства.

Заключение обзора колебаний стоимости серебра

Большая часть писателей, собиравших данные о денежных ценах в различные времена, считала, повидимому, низкую денежную цену на продукты вообще или, другими словами, высокую стоимость серебра свидетельством не только недостаточности этих металлов, но и бедности и варварского состояния страны в то время, когда эти цены имели место. Такое понимание связано с системой политической экономии, которая считает, что национальное богатство определяется в изобилии золота и серебра, а национальная бедность — в недостаточном количестве. Эту теорию я постараюсь изложить в четвертой книге настоящего исследования. Пока же только замечу, что высокая стоимость драгоценных металлов отнюдь не может служить свидетельством бедности или варварского состояния какой-либо страны в то время, когда это наблюдается. Только свидетельствует о бедности рудников, которые в это время снабжают торговый мир. Бедная страна, не могущая покупать серебро, не может также и платить дороже ее за золото. В богатой стране, не может также и платить дороже ее за золото. В первой, чем во второй. В Китае, стране гораздо более богатой, чем любая часть Европы, стоимость драгоценных металлов была бы выше, чем где бы то ни было в Европе. Правда, если богатство Европы значительно возросло со времени открытия рудников в Америке, то стоимость золота и серебра постепенно понизилась. Но это понижение их стоимости было обусловлено не увеличением количества годового богатства Европы, годового продукта ее земли и труда, а случайным открытием более обильных рудников, чем известные до этого времени. Увеличение количества золота и серебра в Европе произошло в результате ее мануфактур и земледелия представляют собою два явления, хотя и имевшие место почти в одно и то же время, однако возникшие под влиянием весьма различных причин и почти не стоявшие в какой-либо связи друг с другом. Первое обусловлено чистой случайностью, в которой не играли и не могли играть роли предусмотрительности или политика; второе вызвано падением феодальной системы и установлением правительства, которое дало промышленности то единственное поощрение, в каком она нуждается, а именно

хотя бы некоторую уверенность в том, что она сможет пользоваться плодами своего труда. Польша, где феодальная система еще существовала, является в настоящее время столь же нищей страной, какую она была до открытия Америки. Однако денежная цена хлеба повысилась; реальная стоимость драгоценных металлов в Польше понизилась точно так же, как и в других частях Европы. Их количество поэтому должно было увеличиться там, как и в других странах, и почти в такой же пропорции, в какой увеличился годичный продукт ее земли и труда. Но это увеличение количества драгоценных металлов не увеличило, как кажется, годового продукта страны, не привело к улучшению ее фабрик и земледелия, не улучшило положения ее обитателей. Испания и Португалия, обладающие рудниками, являются после Польши, по самым нищенским странам Европы. Однако стоимость драгоценных металлов должна быть ниже в Испании и Португалии, в какой-либо другой части Европы, поскольку они попадают в эти страны во все остальные страны Европы, обремененные не только стоимостью перевозки и страховки, но и издержками на контрольный провоз ввиду того, что их вывоз или совсем воспрещен, или обложен пошлиной. Поэтому по отношению к годовому продукту земли и труда их количество в этих странах должно быть больше, чем в любой другой стране Европы. Между тем эти страны беднее других частей Европы. Хотя феодальная система была заменена в Испании и Португалии, она не была заменена чем-либо лучшим.

Подобно тому как низкая стоимость золота и серебра является свидетелем богатства и процветания той страны, где это имеет место, так и их высокая стоимость или низкая стоимость товаров вообще или хлеба в частности является свидетелем бедности страны и ее варварского состояния.

Но если низкая денежная цена товаров вообще или в особенности хлеба не служит свидетельством бедности или варварского состояния, то вполне решающим свидетельством этого является низкая денежная цена сравнительно с ценою хлеба некоторых отдельных товаров, как, например, скота, домашней птицы, дичи всякого рода и т. п. Это ясно показывает, во-первых, их большее обилие в сравнении с хлебом, а, следовательно, большие размеры отведенной для их разведения земли сравнительно с тою землею, которая отведена под хлеб, и, во-вторых, низкую стоимость этой земли в сравнении со стоимостью пахотной земли, а, следовательно, свидетельствует о плохом состоянии и невозделанности большей части страны. Это ясно свидетельствует о том, что отношение капитала и населения страны к размерам ее территории ниже того, какое обычно встречается в цивилизованных странах, и что общество в данное время в данной стране находится еще в состоянии детства. По высокой или низкой денежной цене товаров вообще или хлеба в частности можно только заключить, что рудники, в данное время снабжа-

ющий мир золотом и серебром, обильны или скудны, но не можем заключить, что данная страна богата или бедна. Но по высокому или низкому уровню денежной цены некоторых видов товаров по сравнению с ценою других товаров мы можем заключить с известной вероятностью, почти граничащей с несомненностью, что страна богата или бедна, что большая часть ее земель подвергается или не подвергается улучшению, что она находится в более или менее варварском или в более или менее цивилизованном состоянии.

Любое повышение денежной цены товаров, происходящее только из-за понижения стоимости серебра, должно одинаково отражаться на всех видах товаров, вызывая общее повышение их цены на треть, четверть, на пятую часть соответственно утрате серебром третьей, четвертой или пятой части его прежней стоимости. Но повышение денежной цены съестных продуктов, о котором так много рассуждали и спорили, не распространяется в одинаковой мере на все виды съестных продуктов. Если взять средние цифры за текущее столетие, то окажется, что цена хлеба, — как это признается даже теми, кто объясняет это повышение уменьшением стоимости серебра, — повысилась гораздо меньше, чем цены всех других съестных продуктов. Поэтому повышение цены этих последних не могло быть вызвано уменьшением стоимости серебра. Необходимо принять во внимание или иные причины, и те причины, которые были указаны выше, могут, пожалуй, удовлетворительно объяснить повышение цен на тех отдельных видов съестных продуктов, цена которых действительно повысилась по сравнению с ценою хлеба, причем не нужды прибегать к предполагаемому уменьшению стоимости серебра.

Если же касается цены самого хлеба, то в течение первых шести-семи и четырех лет текущего столетия и до недавнего ряда необычайно неурожайных она была несколько ниже, чем в течение последних десяти-двенадцати лет предыдущего столетия. Факт этот подтвержден не только счетами виндзорского рынка, но и официальными отчетами в различных графствах Шотландии, а также данными различных рынков Франции, собранными с большой тщательностью и точно Мессансом¹ и Дюпрэ де-Сен-Мором². Эти доказательства по своей полноте превосходят то, что можно было бы сказать в вопросе, который, естественно, так трудно точно исследовать.

Если же касается высокой цены хлеба в течение последних десяти-двенадцати лет, то она может быть вполне объяснена плохими урожаями без предположения о понижении стоимости серебра. Таким образом, мнение, что серебро непрерывно понижается по своей стоимости, не основывается, по видимому, ни на каких на-

¹ M. Messance, Recherches sur la Population des Généralités d'Auvergne, Paris, de Rouen etc. depuis 1674 jusqu'en 1764, Paris 1766.]
² См. примечание на стр. 164].

блюдениях, касающихся цены хлеба или других съестных дуктов.

Однако могут сказать, что на то же самое количество серебра в настоящее время, даже согласно приведенным здесь данным, будет куплено гораздо меньшее количество разного рода съестных продуктов, чем в тот или другой период минувшего столетия. Но выяснение того, вызвана ли такая перемена повышением стоимости этих товаров или понижением стоимости серебра, представляет собою совершенно напрасный и бесполезный труд, ибо это не имеет никакого значения для человека, который идет на рынок с определенным количеством серебра или обладает определенным количеством денег. Я, конечно, не предполагаю, что различие этого различия даст ему возможность покупать дешевле, оно, тем не менее, не является вообще бесполезным.

Оно может иметь некоторое полезное значение для публики, давая ей свидетельство о благоприятном положении страны. Если повышение цены некоторых видов съестных продуктов вызвано понижением стоимости серебра, то это обусловлено фактом, которому можно заключить только об изобилии американских руд. Действительное богатство страны, годовой продукт ее земли может, несмотря на это обстоятельство, или постепенно уменьшаться, как в Португалии и Польше, или постепенно возрастать, как в большинстве других стран Европы. Но если это повышение цены некоторых видов съестных продуктов обусловлено повышением стоимости земли, которая производит их, ее возросшим плодородием или если оно являлось следствием значительных улучшений в земледелии, сделавших ее пригодной для посева хлебов, то это вызвано обстоятельством, совершенно ясно указывающим на процветание и развитие страны. Земля составляет самую большую, самую важную и наиболее устойчивую часть богатства всякой обширной страны. Несомненно, обществу может быть полезно или, по крайней мере, в некоторой степени приятно иметь такое решающее свидетельство о возрастании стоимости самой большой, самой важной и наиболее устойчивой части его богатства.

Это может быть также полезно обществу для регулирования денежного вознаграждения некоторых низших служащих. Если повышение цены некоторых видов съестных продуктов вызвано понижением стоимости серебра, их денежное вознаграждение, — в таком случае, если оно было до того не очень велико, — должно быть соответственно уменьшено пропорционально размерам этого понижения. Если оно не будет увеличено, их реальное вознаграждение окажется очевидно, настолько же уменьшившимся. Если же указанное повышение цены вызвано повышением стоимости в результате совершенного улучшения плодородия земли, производящей эти продукты, то более затруднительным делом будет решить, в какой пропорции надлежит увеличить денежное вознаграждение и в какой мере вообще увеличивать его. Если расширение сельскохозяйственного производства неизбежно повышает, в большей или меньшей мере

цену видов животной пищи по сравнению с ценою хлеба, то оно неизбежно понижает, как я полагаю, цену всех видов растительной пищи. Оно повышает цену животной пищи, потому что значительная часть земли, которая производит ее, являясь пригодной для производства хлеба, должна давать землевладельцу и фермеру некоторую прибыль, обычные для пахотной земли. Оно понижает цену растительной пищи, потому что, увеличивая плодородие земли, оно увеличивает обилие этой пищи. Кроме того, сельскохозяйственные предприятия вводят много видов растительной пищи, которые, потому что они требуют меньше земли и не больше труда, чем хлеб, продаются на рынок по гораздо более дешевой цене. Таковы картофель, кукуруза, или так называемый индийский хлеб, — два важнейших приобретения, которые сельское хозяйство Европы или даже Америка получили от расширения ее торговли и мореплавания. Многие виды растительной пищи, которые на низком уровне земледелия разводятся только в огороде и при помощи домашнего труда, на высшей его стадии сеются в полях, для чего пользуются плугом; таковы репа, морковь, капуста и т. п. Если, таким образом, развитием улучшений в сельском хозяйстве необходимо повышается реальная цена одного вида пищи, то так же необходимо повышается реальная цена другого вида, и становится делом простой математики расчета, насколько повышение цены одного рода пищи должно быть уравновешено понижением цены другого. После того как реальная цена мяса достигла уже своего максимума (а это, по крайней мере, более ста лет тому назад уже достигнуто в большей части Англии по отношению ко всем видам мяса, исключая, может быть, свинины), всякое повышение цены всякого иного вида животной пищи, которое может после этого иметь место, не может значительным образом отражаться на положении низших слоев народа. Положение высших слоев в большей части Англии не может, вне всякого сомнения, ухудшиться благодаря повышению цены домашней птицы, рыбы и т. п. Пища в такой же сильной степени, в какой оно должно улучшиться в результате понижения цены картофеля.

В настоящее время, в период дешевой и теперешней дороговизны высокая цена хлеба, без сомнения, отражается на бедных. Но в периоды сравнительного изобилия хлеба, при обычном или среднем уровне цены хлеба, естественное понижение цены всякого иного вида сырых продуктов не может отражаться на них. Они, пожалуй, страдают больше от искусственного, а не естественного, повышения цены некоторых промышленных товаров, каковы соль, мыло, кожа, свечи, солод, пиво, эль и т. п.

Влияние хозяйственного развития на действительную цену промышленных изделий

Основным следствием хозяйственного развития является постоянное понижение действительной цены почти всех мануфактурных изделий. Цена труда, затрачиваемого на изготовление их, понижается, пожалуй, для всех их без исключения. В результате

применения лучших машин, вследствие большей ловкости и целесообразного разделения и распределения труда, для выполнения каждого отдельного предмета требуется гораздо меньшее количество труда; и хотя в силу процветания общества действительная цена труда должна очень сильно повыситься, все же значительное уменьшение затрачиваемого количества труда по общему результату более чем уравнивает максимальное повышение его, которое только может произойти.

Правда, существуют отрасли промышленности, в которых неизбежное повышение действительной цены сырых материалов более чем уравнивает все выгоды, которые может принести с собой улучшение техники при производстве работы. В столярном и столярничьем деле неизбежное повышение действительной цены сырых материалов, являющееся результатом улучшения земли, может более чем уравнивать все те выгоды, которые могут быть получены от применения лучших машин, от величайшего умения и самого целесообразного разделения и распределения труда.

Но во всех случаях, когда действительная цена сырых материалов совсем не повышается или повышается не очень много, цена мануфактурных изделий понижается весьма значительно.

Это понижение цены было в высшей степени заметно в течение настоящего и минувшего столетий в тех мануфактурных производствах, материалом для которых служат более грубые металлы. Самые хорошие часы, которые около середины прошлого столетия можно было купить за 10 фунтов, теперь можно получить, пожалуй, за 20 шиллингов. В области ножевого товара, замочных изделий, инструментов, выделываемых из простых металлов, и всех тех товаров, которые обычно известны под названием бирмингемских и шэффильдских, за тот же период произошло очень большое понижение цены, хотя и не такое значительное, как для часов. Однако оно было достаточно для того, чтобы вызвать удивление работников всех стран Европы, которые во многих случаях признают, что они могут выделывать товары такого же качества за двойную или тройную цену. Не существует, кажется, других мануфактурных производств, где разделение труда может быть проведено даже или где возможны более разнообразные усовершенствования производства орудий, чем это имеет место в производствах, материальными для которых служат простые металлы.

В суконном производстве за этот же период не произошло чувствительного понижения цен. Цена самого тонкого сукна, о чем мы уверяли, напротив, за последние 25—30 лет повысилась в известном соответствии с повышением его качества, что объясняется, как мне говорили, значительным повышением цены материала, состоящего главным образом из испанской шерсти. Цена же иоркширского сукна, выделываемого исключительно из английской шерсти, как говорят, понизилась на протяжении настоящего столетия, и именно на это внимание его качество. Впрочем, качество представляется столь спорной вещью, что я признаю всякую информацию подоб-

известной мере ненадежной. В суконной промышленности разделение труда ныне почти такое же, какое существовало столетием назад, а применяемые в ней машины не очень изменились. Впрочем, возможно, что имели место небольшие улучшения в другом отношении, которые вызвали некоторое понижение

цены сукна. Это понижение окажется гораздо более заметным и неоспоримым, если мы сравним цену этого товара в настоящее время с его ценой в более отдаленный от нас период, в конце XV столетия, когда существовало, вероятно, гораздо меньшее разделение труда, а применявшиеся орудия были гораздо более несовершенны, чем в настоящее время.

В 1387 году, т. е. в 4-й год правления Генриха VII, был издан закон, согласно которому «всякий, кто станет продавать в розничной торговле ярд самого тонкого, ярко окрашенного красного сукна или ярда окрашенного сукна тончайшей выделки дороже 16 шилл., подлежит штрафу в 40 шилл. за каждый проданный ярд». Таким образом, 16 шилл., содержавшие приблизительно то же количество серебра, что и 24 шилл. на нынешние деньги, признавались в то время справедливой ценой за ярд самого тонкого сукна; и так как этот закон имеет характер закона против роскоши, то вероятно, что подобное сукно продавалось обычно по несколько более дорогой цене. В настоящее время максимальной ценой можно считать гинею. При предположении, что качество сукна тогда и теперь было одинаково, — хотя на самом деле современное сукно, по всей вероятности, гораздо лучше, — окажется, что денежная цена самого тонкого сукна значительно понизилась с конца XV столетия. А его действительная цена понизилась гораздо больше. Средняя цена пшеницы в этот период и долгое время после того в 6 шиллингов за четверть. 16 шиллингов составляли, таким образом, 2 1/3 четвертей пшеницы. Считая четверть пшеницы в настоящее время по 28 шилл., получаем, что действительная цена тонкого сукна должна была в ту пору равняться минимуму 6 ш. 6 п. на наши деньги. Человек, покупавший это сукно, мог бы отказаться от возможности распоряжения таким количеством труда и средств существования, которое можно купить за 6 ш. 6 п. в настоящее время.

Понижение действительной цены более простых и грубых материалов и значительное, не так велико, как понижение цены мануфактурных изделий высшего качества.

В 1387 г., т. е. в 3-й год правления Эдуарда IV, был издан закон, согласно которому «никто из деревенских поденщиков, чернорабочих и мастеровых, живущих вне города или местечка, не употребляет или носить в своей одежде какую-либо материю дороже 2 шилл. за ярд». В 3-й год правления Эдуарда IV сукно содержало почти такое же количество серебра, как 4 шилл. на наши деньги. Но иоркширское сукно, которое ныне продается за 4 шилл. за ярд, вероятно, значительно лучше тех сукон, которые

выделывались в то время для беднейшего слоя рабочих денежная цена их одежды поэтому в настоящее время не более дешева, принимая во внимание ее качество, чем в эту ленную от нас эпоху. А реальная цена, несомненно, гораздо дешевле. Для бушеля пшеницы 10 пенсов тогда считались хорошей и разумной ценой. Два шиллинга поэтому составляли почти $2\frac{1}{2}$ бушелей пшеницы, а это количество, при цене в 6 п. за бушель, стоит в настоящее время 8 шилл. 9 пенс. Добытия ярда такого сукна бедный батрак должен был бы такое количество средств существования, какое в настоящее время можно купить на 8 шилл. 9 п. Приведенный закон тоже на против роскоши, имея в виду ограничить расточительность бедных, их одежда поэтому обычно стоила значительно дороже.

Этим же законом воспрещалось бедным классам носить по цене, превышающей 14 п. за пару, что на наши деньги составляет около 28 п. Но 14 п. составляли в то время цену одного бушеля пшеницы, а это количество, при цене 3 шилл. за бушель, стоит теперь 5 шилл. 3 п. Мы ныне признали сумму очень высокой ценой за пару чулок прислуги и платили за них фактический эквивалент этой суммы.

Во времена Эдуарда IV искусство вязать чулки, вероятно не было известно нигде в Европе. Чулки изготовлялись в Шотландии, что, может быть, и было одной из причин их дороговизны. Первым человеком, надевшим в Англии вязаные чулки, были говорят, королева Елизавета; она получила их в подарок от своего посла.

В производствах грубых и тонких сортов шерстяных материй в давние времена употребляли орудия гораздо более несовершенные, чем теперь. С тех пор в нем были введены три весьма важных усовершенствования, помимо многочисленных более мелких, количество и значение которых трудно установить. Эти три основных усовершенствования таковы: во-первых, замена прялки и веретена сапкой, которая при той же затрате труда выполняет более чем в три раза количество работы; во-вторых, применение различных очень умных машин, в еще большей степени облегчающих и сокращающих наматывание пряжи или надлежащую заправку основы и укрепление их в станке, — операция, которая до изобретения машин должна была являться чрезвычайно кропотливой и трудоемкой; в-третьих, употребление валяльной мельницы для изготовления сукна вместо промывания его в воде. Ни ветряные, ни водяные мельницы не были известны в Англии еще в начале 17 столетия, а также, насколько я знаю, в других частях Европы к северу от Альп. Они появились в Италии за некоторым временем до того.

Эти обстоятельства могут, пожалуй, объяснить нам в некоторой степени, почему реальная цена как грубых, так и тонких материй была в ту пору настолько выше современной их цены. Требуется

большее количество труда для изготовления этих предметов, потому, будучи доставлены на рынок, они должны были обмениваться или поступать в обмен за цену большего количества

материи в те давно минувшие времена вырабатывались, в Англии точно таким же способом, как это всегда происходило в странах, где ремесла и промыслы находятся в зачаточном состоянии. Это был, вероятно, домашний промысел, причем каждая часть работы выполнялась между делом всеми членами какой-либо семьи; и при этом они занимались этой работой тогда, когда у них не было другого дела, и она не являлась главным их занятием, от которого каждый из них получал наибольшую часть средств к существованию. Работа, выполняемая таким образом, уже было отмечено, всегда оказывается на рынке гораздо дешевле, чем та, которая составляет главный или единственный источник существования работника. Лучшего качества материя вырабатывалась в богатой и торговой Фландрии; и, вероятно, это искусство велось там тогда точно таким же образом, как и в настоящее время, людьми, которые все средства существования или большую часть их извлекали из этого промысла. Помимо того, этот промысел был ограниченный товар и должен был оплачиваться некоторой пошлиной, по крайней мере тоннажным и весовым сбором в пользу государства. Эта пошлина, впрочем, была, вероятно, не очень велика. Преобладавшая в Европе политика имела в виду не ограничивать высокие пошлинами ввоз иностранных изделий, а скорее наоборот, чтобы купцы могли снабжать по возможно более низким ценам богатых людей предметами роскоши и удобства, которых они нуждались и которых им не могла доставлять промышленность их собственной страны.

Объяснить во внимание этих обстоятельств может в известной степени нам, почему в эти давно минувшие времена действительная цена простых материй была в сравнении с более тонкими настолько значительно ниже, чем в настоящее время.

Заключение

В заключение эту весьма длинную главу замечанием, что всякое изменение в условиях жизни общества имеет тенденцию прямо или косвенно повышать действительную ренту с земли, увеличивать фактическое богатство землевладельца, его способность покупать продукты труда других людей.

Распространение улучшения земли и ее обработки ведет непосредственно к повышению ренты. Доля землевладельца в произведенном продукте необходимо увеличивается вместе с увеличением всего произведенного.

Повышение действительной цены сырых произведений земли, первоначально является следствием распространения улуч-

шений и обработки земли, а затем и причиной их дальнейшего пространства, например увеличение цены скота, также ведет посредственному повышению ренты с земли, и притом в еще большей пропорции. Действительная стоимость доли землевладельца его действительное распоряжение трудом других людей, не увеличивается с увеличением действительной стоимости продукта, но и увеличивается вместе с тем также и отношение его к всеобщей массе продукта. Для добывания этого продукта повышения его действительной цены, не требуется большего количества труда, чем прежде. И потому меньшая доля продукта является достаточной, чтобы возместить с обычной прибылью затрачиваемый на этот труд. Вследствие этого большая доля должна оставаться землевладельцу.

Все улучшения в производительности труда, которые ведут посредственно к понижению действительной цены промышленных изделий, косвенно ведут к повышению действительной ренты с земли. Землевладелец обменивает на промышленные изделия ту часть продукта, которая остается от его собственного потребления, а именно то же самое, цену этой части его. Все, что понижает действительную цену первых, повышает действительную цену последнего продукта. В силу этого одно и то же количество сельскохозяйственного продукта становится эквивалентным большему количеству промышленных изделий, и землевладелец получает возможность обрести большее количество предметов удобства, украшений и роскоши.

Всякое увеличение действительного богатства общества, увеличение количества затрачиваемого в нем полезного труда, ведет косвенно к повышению действительной ренты с земли. Определенная доля этого труда вкладывается, естественно, в землю. Большее количество людей и скота употребляется на ее обработку, поэтому продукт увеличивается вместе с увеличением капитала, затрачиваемого на его производство, а рента увеличивается вместе с продуктом.

Противоположные явления, — плохая обработка земли, понижение действительной цены какой-либо части продуктов земли, ведет к понижению действительной цены промышленных изделий в результате упадка мануфактур и промыслов, уменьшение действительного богатства общества, — все это ведет к понижению действительной ренты с земли, к уменьшению действительного богатства землевладельца, к уменьшению его способности покупать труд или труд других людей.

Весь годовой продукт земли и труда каждой страны распадается, то же самое, вся цена этого годового продукта естественно распадается, как уже было замечено, на три части: ренту с земли, заработную плату труда и прибыль на капитал, и составляет три различных класса народа: тех, кто живет на ренту, тех, кто живет на заработную плату, и тех, кто живет на прибыль капитала. Это — три главных, основных и первоначальных классов

в цивилизованном обществе, из дохода которых извлекается в первом счете доход всякого другого класса.

Указанного выше явствует, что интересы первого из этих трех классов тесно и неразрывно связаны с общими интересами общества. Все, что благоприятствует или вредит интересам первого, благоприятствует или вредит интересам общества. Когда общество обсуждает вопросы регулирования торговли или экономической политики, собственники земли никоим образом не могут не иметь своего в заблуждение в целях благоприятствования интересам своего класса, если они, конечно, хотя бы сколько-нибудь имеют эти свои интересы. Правда, слишком часто им недостает понимания. Они представляют собою единственный из трех классов, доход которых не стоит им труда и усилий, а приходит к ним как бы сам собою и независимо от каких бы то ни было их проектов или планов. Эта бездеятельная жизнь, являющаяся естественным последствием довольства и прочности их положения, делает их слишком часто не только несведущими, но и чуждыми к той умственной деятельности, которая необходима им, чтобы предвидеть и понять возможные последствия той меры регулирования.

Интересы второго класса, того класса, члены которого живут на заработную плату, столь же тесно связаны с интересами общества, как и интересы первого. Как уже было выяснено, заработная плата никогда не бывает так высока, как тогда, когда спрос на труд именно увеличивается или когда количество употребляемого труда ежегодно значительно возрастает. Когда действительное богатство общества перестает возрастать и остается неизменным, заработная плата этого класса скоро сокращается до такого размера, который как раз достаточен для того, чтобы рабочий мог содержать себя или продолжить существование расы рабочих. При упадке заработной платы она даже падает ниже этого уровня. Класс собственников, пожалуй, извлекать большую выгоду из процветания общества, чем класс рабочих, но ни один другой класс не страдает так от его упадка, как рабочие. Но хотя интересы рабочего класса связаны с интересами общества, он не способен ни уразуметь их интересы, ни понять их связь со своими собственными. Условия жизни не оставляют ему времени для того, чтобы приобретать необходимые сведения, а его образование и привычки обыкновенно делают его совсем неспособным к правильному суждению, даже если бы он обладал всей полнотой сведений. Ввиду этого в общественном обсуждении вопросов его голос слабо слышен, и его требования обращают мало внимания, исключая особых случаев, когда его требования достаточно громки, настойчивы и поддерживаются его предпринимателями в их собственных целях.

Интересы третьего класса, тех, кто живет на прибыль, и тех, кто употребляет в дело рабочих, составляют третий класс, состоящий из тех, кто живет на прибыль. Для получения прибыли пускается в дело капитал, который приводит в движение большую часть продукта труда всякого общества. Планы и проекты обладателей ка-

питала регулируют и направляют все важнейшие при-
труда, и прибыль составляет конечную цель всех этих про-
ектов. Но норма прибыли не повышается подобно ренте
ботной плате вместе с процветанием общества и не понижается
с его упадком. Напротив, она обычно низка в богатых странах
высока в бедных, и на самом высоком уровне она всегда де-
в тех странах, которые быстрее всего идут к разорению и
Еvidу этого интересы этого третьего класса не так связаны с
интересами общества, как это наблюдается у других двух
Купцы и промышленники, входящие в этот класс, пускают
обычно крупные капиталы и благодаря своему богатству
ются в обществе очень большим уважением и влиянием. По-
в течение всей своей жизни они разрабатывают всяческие
и проекты, они часто отличаются большей сообразительностью
пониманием, чем большинство землевладельцев. Но так
помыслы обыкновенно поглощены скорее интересами их собс-
специальной отрасли, а не общими интересами общества, то-
ние, даже высказываемое с полной искренностью (что бывает
не во всех случаях), в гораздо большей степени отвечает
интересам, чем последним. Их превосходство над землевла-
состоит не столько в понимании ими общественных интересов,
в лучшем понимании своих собственных интересов, чем это
дается у землевладельца. Именно благодаря такому лучшему
манию своих интересов им часто удавалось влиять на великих
землевладельца и убеждать его пожертвовать своими ин-
и интересами общества в силу весьма простого, но благо-
довода, что их интересы, а не интересы землевладельца, в-
влиют собою интересы общества. Между тем интересы предст-
той или иной отрасли торговли или промышленности всегда
торых отношениях расходятся с интересами общества и да-
тивоположны им. Расширение рынка и ограничение конку-
всегда отвечает интересу торговцев. Расширение рынка часто
соответствовать также интересам общества, но ограничение
ренции всегда должно идти вразрез с ними и может только
торговцам возможность, путем повышения их прибыли сверх
ственного ее уровня, взимать в свою личную пользу чрез-
подать с остальных своих сограждан. К предложению об
какого-либо нового закона или регулирующих правил, относ-
к торговле, которое исходит от этого класса, надо всегда отно-
с величайшей осторожностью, и его следует принимать только
продолжительного и всестороннего рассмотрения с чрез-
тщательным, но и чрезвычайно подозрительным вниманием. Оно
исходит от того класса, интересы которого никогда полнос-
совпадают с интересами общества, который обычно заинтере-
в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать
и который действительно во многих случаях и вводил его в
ждение и угнетал.

Кварт. пшеницы за год	Средн. цена за год	Средняя цена в сов- ременных деньгах	Годы	Цены кварт. пшеницы за год	Средн. цена за год	Средняя цена в сов- ременных деньгах
ш. п.	Ф. ш. п.	Ф. ш. п.		Ф. ш. п.	Ф. ш. п.	Ф. ш. п.
0 12 0	...	1 16 0	1302	0 4 0	...	0 12 0
0 12 0	0 13 5	2 0 3	1309	0 7 2	...	1 1 6
0 13 4			1315	1 0 0	...	3 0 0
0 15 0			1316	1 10 0	1 0 0	1 10 6
0 12 0	1 10 0					
0 3 4	1 12 0					
0 2 0	2 0 0					
0 2 0	2 4 0					
0 16 0	...	2 8 0	1317	2 13 0	1 19 6	5 18 6
0 13 4	...	2 0 0				
0 4 0	...	3 12 0				
1 0 0	0 17 0	2 11 0	1336	0 6 8	...	0 6 0
0 15 0				0 2 0		
0 16 0				0 3 4		
4 16 0	5 12 0	16 16 0	1338	0 3 4	...	0 10 0
6 8 0						
0 2 8						
0 16 0	0 9 4	1 8 0	Итого... 23 4 11 ¹ / ₄			
Итого... 35 9 3			Средняя цена . 1 18 8			
Средняя цена . 2 19 1 ¹ / ₄			1339	0 9 0	...	1 7 0
			1349	0 2 0	...	0 5 2
			1359	1 6 8	...	3 2 2
			1361	0 2 0	...	0 4 8
			1363	0 15 0	...	1 15 0
			1369	1 0 0	1 2 0	2 9 4
			1387	0 2 0	...	0 4 8
			1401	0 16 0	...	1 17 4
			1416	0 3 4 ³ / ₄	...	1 12 0
0 10 8	...	2 8 0	Итого... 15 9 4			
0 16 0	...	2 8 0	Средняя цена . 1 5 9 ¹ / ₃			
0 16 0	...	2 8 0				

Годы	Квартер пшеницы	Годы	Квартер пшеницы	Годы	Квартер пшеницы	Годы	Квартер пшеницы
	Ф. ш. п.		Ф. ш. п.		Ф. ш. п.		Ф. ш. п.
1745	1 7 6	1755	1 13 10	1731	1 12 10	1741	2 6
1746	1 19 0	1756	2 5 3	1732	1 6 8	1742	1 14
1747	1 14 10	1757	3 0 0	1733	1 8 4	1743	1 4
1748	1 17 0	1758	2 10 0	1734	1 18 10	1744	1 4
1749	1 17 0	1759	1 19 10	1735	2 3 0	1745	1 7
1750	1 12 6	1760	1 16 6	1736	2 0 4	1746	1 19
1751	1 18 6	1761	1 10 3	1737	1 18 0	1747	1 14
1752	2 1 10	1762	1 19 0	1738	1 15 6	1748	1 17
1753	2 4 8	1763	2 0 9	1739	1 18 6	1749	1 17
1754	1 14 8	1764	2 6 9	1740	2 10 8	1750	1 12
		64/129 13 6		10/18 12 8		10/16 18	
		2 0 6 ¹⁹ / ₃₂		1 17 3 ¹ / ₅		1 13	

КНИГА II

О ПРИРОДЕ
КАПИТАЛА,
ЕГО НАКОПЛЕНИИ
И ПРИМЕНЕНИИ

ом грубом состоянии общества, когда не существует разделения труда, когда редко происходит обмен и каждый сам производит себе все предметы, нет необходимости, чтобы предварительно собран или накоплен запас для того, чтобы поддерживалась собственная жизнь общества. Каждый человек старается удовлетворить своей собственной деятельностью все свои потребности по мере их возникновения. Когда он голоден, он отправляется в лес за дровами; когда изнашивается его одежда, он прикрывается шкурой добытого крупного животного, которое ему удастся убить, а когда начинает разваливаться его хижина, он поправляет ее, как может, с помощью ветвей и дерна, находящихся под рукой.

Как только повсеместно установилось разделение труда, производство собственного труда человека может уже удовлетворять только небольшую часть его потребностей. Гораздо большая их часть удовлетворяется уже продуктом труда других людей, который он покупает на свой собственный продукт или, что то же самое, за цену своего собственного продукта. Но покупка эта может быть совершена только после того, как этот продукт его труда будет не только произведен, но и продан. Поэтому должен быть образован запас продуктов своего труда, достаточный для содержания его и снабжения его необходимыми для его работы материалами и орудиями, по крайней мере до того момента, пока не будут осуществлены обе эти операции. Человек не может целиком заняться своей специальной работой, если у него не образован запас или в его собственном владении, или в владении какого-либо другого лица, достаточный для содержания его и снабжения его материалами и орудиями для его работы, и он не только соткет материю, но и продаст ее. Это накопление запасов, понятно, должно предшествовать возможности для него заниматься своим трудом в течение столь значительного времени в этом специальном промысле.

Как накопление запаса, в силу естественного хода вещей, должно предшествовать разделению труда, то возрастающее разделение труда возможно только по мере возрастающего предварительного накопления запаса. Количество материалов, которое может обработать одно и то же число рабочих, возрастает очень значительно вместе с возрастающим разделением труда; и так как работа одного работника сводится постепенно к очень простым операциям, приобретаются различные новые машины, облегчающие и сокра-

щающие эти операции. Поэтому, с ростом разделения труда того, чтобы дать постоянное занятие тому же самому числу рабочих, должен быть предварительно накоплен тот же запас продовольствия и больший запас материалов и орудий, чем это было бы необходимо при менее развитых условиях. Но число рабочих в каждой отрасли промышленности обыкновенно возрастает с разделением труда отрасли или, точнее, именно увеличение их числа позволяет таким образом, подразделять и группировать себя.

Предварительное накопление запаса необходимо для достижения этого увеличения производительной силы труда, и такое накопление естественным образом приводит к этому увеличению производительности. Лицо, употребляющее свой запас на содержание себя, неизбежно желает применять его таким образом, чтобы произвести возможно большее количество работы. Оно поэтому стремится новить среди своих рабочих наиболее соответственное разделение занятий, а также снабдить их наилучшими машинами, как это в состоянии изобрести или купить. Его возможности в отношении производства обычно соответствуют размерам его запаса или количеству рабочих, которое лицо это может занять. Поэтому количество полезного труда в стране не только возрастает с увеличением запаса, применяющего его, но и то же самое количество труда в действительности такого увеличения производит гораздо большее количество работы.

Таковы общие результаты для труда и для его производительности от увеличения запаса.

В настоящей книге я старался выяснить природу запаса, производимого накоплением их в капиталы различного рода, последствия различного употребления этих капиталов. Книга подразделяется на пять глав. В первой главе я пытался показать, каковы различные части или виды, на которые естественно делится запас отдельного лица или всего общества. Во второй главе я пытался выяснить природу и действие денег, рассматривая их как особую часть общего запаса общества. Запасы, накопленные в виде капиталов, могут или применяться тем лицом, которому они принадлежат, или ссужаться какому-либо иному лицу. В третьей и четвертой главах я пытался исследовать, как капитал действует в обоих этих случаях. Пятая, и последняя, глава посвящена о различном действии, непосредственно оказываемом различными видами капитала, как на количество национального продукта, так и на размеры годового продукта земли и труда.

Глава I

О ПОДРАЗДЕЛЕНИИ НАКОПЛЕННЫХ ЗАПАСОВ

Запасы, которыми владеет человек, не превышают количества, достаточного только на содержание его в течение нескольких недель, он редко помышляет об извлечении из них какого-либо дохода. Он потребляет их по возможности более бережливо, стараясь произвести что-нибудь своим трудом в возмещение этих расходов, пока они не будут полностью потреблены. В этом случае доход получается исключительно от его труда. Такого положения большей части бедных работников во всех странах.

Если же данное лицо обладает запасами, достаточными для содержания его в течение нескольких месяцев или лет, оно, естественно, старается извлекать доход из большей части этих запасов, хотя и для непосредственного своего потребления лишь столько, сколько необходимо для прожития до тех пор, пока начнет поступать доход. Поэтому его запасы подразделяются на две части. Та часть от которой он ожидает получить доход, называется его капиталом. Другая часть, это — та, которая идет на непосредственное потребление; она состоит, во-первых, из той части всего запаса, которая первоначально отложена для этой цели; во-вторых, из его запаса, независимо от источника последнего, по мере его поступления, в-третьих, из тех предметов, которые были куплены на ту сумму, которую он получил в предыдущие годы и которые еще не потреблены; таковы запасы одежды, домашней утвари и т. д. В том или в другом или во всех этих трех видах состоят те запасы, которые люди обычно сохраняют для своего собственного потребления.

Капитал может быть употребляем двумя различными способами, доставлять доход или прибыль своему обладателю. Во-первых, он может быть употреблен на производство, продажу или покупку товаров с целью перепродажи их с прибылью. Капитал, употребляемый таким образом, не приносит дохода или прибыли своему владельцу, пока он остается в его обладании или не принимает свою прежнюю форму. Товары купца не приносят ему дохода или прибыли, пока он не продаст их за деньги, а деньги ему мало пользы, пока они, в свою очередь, не будут вы-

менены на товары. Его капитал постоянно уходит от него в форме и возвращается к нему в другой, и только путем такого обращения или последовательных обменов он может приносить какую бы то ни было прибыль. Такого рода капиталы можно вполне правильно назвать оборотными капиталами.

Во-вторых, капитал может быть употреблен на улучшение на покупку полезных машин и инструментов или других предметов, которые приносят доход или прибыль без перехода одного владельца к другому или без дальнейшего обращения. Такие капиталы можно поэтому с полным правом назвать основными капиталами.

В различных промыслах необходимо весьма различное отношение между употребляемыми в них капиталами основными и оборотными.

Капитал купца, например, целиком представляет собою оборотный. Ему не нужны никакие машины или орудия, его считают таковыми его лавки или склады.

Некоторая часть капитала каждого ремесленника или мастера туриста должна быть вложена в инструменты его промысла. Эта часть, впрочем, в одних промыслах совсем незначительна, в других же очень велика. Ремесленнику-портному не нужны никакие орудия труда, кроме нескольких иголок. Орудия сапожника стоят несколько дороже, но совсем не много; они уже обходятся значительно дороже, чем сапожнику. Но значительно большая часть капитала всех таких хозяев-ремесленников обращается в виде заработной платы их рабочих или употребляемых ими материалов и возмещается им с некоторой прибылью в цене их изделий.

В других производствах требуется гораздо больший основной капитал. На железодобывающем заводе, например, печь для руды, горн, мельница для измельчения руды представляют орудия производства, устройство которых требует весьма значительных расходов. В каменноугольных копях и всякого рода шахтах машины, необходимые для откачивания воды и для других целей, часто стоят еще дороже.

Та часть капитала фермера, которая затрачивается на земледельческие орудия, представляет собою основной капитал, а та, которая употребляется на заработную плату и содержание его рабочих, представляет капиталом оборотным. Он извлекает прибыль из первого, а живая его в своем обладании, а из второго, расставаясь с ним, или стоимость его рабочего скота представляет собою основной капитал точно так же, как и цена орудий его хозяйства; корм, выдаваемый на содержание скота, составляет оборотный капитал, а средства на содержание рабочих. Фермер получает прибыль, выпуская из рук рабочего скота; прибыль же на фураж он извлекает, расставаясь с ним. И цена, и содержание скота, покупаемого и кормливаемого не для работы, а на продажу, является оборотным капиталом. Фермер получает свою прибыль, продавая его.

или рогатого скота, которое в стране, пригодной для их содержания, покупается не для работы и не для продажи, а с целью извлечения прибыли от их шерсти, молока или приплода, есть основной капитал, так как прибыль получается путем сохранения скота. Содержание скота есть оборотный капитал. Прибыль на скоте получается путем его продажи, и капитал возвращается обратно в виде шерсти, молока и приплода не только со своей собственной прибылью, но и с прибылью на всю цену скота. Также и вся стоимость семян, есть, собственно, основной капитал. Хотя они и переходят все время из амбара в поле и обратно, они никогда не переходят к хозяину и, следовательно, не обращаются. Фермер получает прибыль не от продажи их, а от их приращивания.

Запасы любой страны или общества совпадают с суммой богатства всех ее жителей или членов, и потому естественно подразделяется на те же самые три части, из которых каждая выполняет свою функцию или назначение.

Первая часть, это — та, которая предназначается для непосредственного потребления и которая отличается тем, что она не приносит дохода или прибыли. Она состоит из запасов пищи, одежды, домашнего обихода и т. п., которые были приобретены их владельцами, собственными потребителями, но еще полностью не потреблены. Весь запас жилых домов, существующих в каждый данный момент в стране, тоже входит в эту первую часть запасов общества. Запас, вложенный в дом, если он должен служить жилищем владельцу, перестает с этой минуты выполнять функцию капитала. Он не приносит своему обладателю какой-либо доход. Жилище, как таковой, ничего не добавляет к доходу того, кто живет в нем; и хотя он, без сомнения, чрезвычайно полезен ему, он не приносит дохода, как его одежда и домашняя утварь, которые, однако, составляют часть его расходов, а не дохода. Если человек берет в аренду дом, арендатору всегда приходится уплачивать ренту за дом, а не за какой-то другой доход, который он извлекает или из своего капитала, или из земли. Поэтому, хотя дом может приносить доход своему владельцу и таким образом выполнять для него функцию капитала, он не в состоянии давать какой-либо доход арендатору или выполнять для него функцию капитала, и доход всего дома в малейшей степени не может никогда возрастать таким образом, как доход от одежды и домашней утвари. Иногда дают доход и таким образом выполняют для них функцию капитала. В странах, где часто устраиваются маскарады, существуют промысел отдачи на прокат маскарадных костюмов на один вечер. Бойщики часто отдают на прокат обстановку помесечно. Владельцы предприятий по устройству похоронных домов сдают на дни и на недели погребальные принадлежности. Многие люди сдают меблированные квартиры и получают за пользование не только квартирой, но и обстановкой. Одновременно с этим доход, полученный во всех этих случаях, всегда должен в ко-

нечном счете быть извлечен из какого-либо другого источника дохода. Из всех видов накопленных запасов, принадлежащих частным лицам или обществу и предназначенных для непосредственного потребления, та часть, которая вкладывается в дома, движимые вещи, является медленнее всего. Запас одежды может просуществовать несколько лет, запас мебели — полвека или целое столетие, а вложенные в дома, хорошо построенные и содержащиеся в надлежащем порядке, могут сохраняться целые столетия. Однако период их полного потребления растягивается на очень продолжительное время, они все же представляют собою на деле предназначенные для непосредственного потребления, как и всякая домашняя обстановка.

Вторую из трех частей, на которые распадается общее имущество общества, составляет основной капитал, который характеризуется тем, что он приносит доход или прибыль, не поступая в распоряжение или не меняя владельца. Он состоит главным образом из следующих статей:

1) Во-первых, из всякого рода полезных машин и орудий, облегчающих и сокращающих труд.

2) Во-вторых, из всех тех доходных построек, которые служат источником получения дохода не только для их владельца, отдающего в аренду, но и для лиц, занимающих их и уплачивающих арендную плату; таковы помещения под лавки, склады, мастерские, здания на ферме со всеми необходимыми постройками: конюшни, амбарами и т. п. Эти постройки сильно отличаются от жилищ. Они представляют собою своего рода орудия производства и должны быть рассматриваемы в качестве таковых.

3) В-третьих, из улучшений земли, — всего того, что с выносом затрачено на расчистку, осушение, огораживание, удобрение и ведение ее в состояние, наиболее пригодное для обработки и культуры. Такого рода улучшенную ферму можно с полным правом считать с той же точки зрения, как и полезные машины. Машины облегчают и сокращают труд и при помощи которых тот же оборотный капитал может дать своему владельцу больший доход. Улучшенная ферма столь же выгодна и служит дольше, чем любая из этих машин, причем она часто не требует никакого ремонта, а нуждается лишь в наиболее выгодном приращении капитала фермера, затрачиваемого им на ее обработку.

4) В-четвертых, из приобретенных и полезных способностей жителей или членов общества. Приобретение таких способностей, считая также содержание их обладателя в течение его воспитания или ученичества, всегда требует действительных затрат, которые представляют собою основной капитал, который реализуется в его личности. Эти способности, являясь частью имущества такого лица, вместе с тем становятся частью богатства общества, к которому оно принадлежит. Большую ловкость и умение рабочего можно рассматривать с той же точки зрения, как и машины и орудия производства, которые сокращают и

и которые, хотя и требуют известных расходов, но возмещают эти расходы вместе с прибылью.

Третью и последнюю из трех частей, на которые естественно подпадает весь накопленный запас общества, составляет оборотный капитал, который характеризуется тем, что он приносит доход в процессе обращения или меняя хозяев. Он состоит, в сущности, из четырех частей:

1) Деньги, при посредстве которых обращаются и распределяются между потребителями остальные три части оборотного капитала; 2) Запасы продовольствия, которыми обладают мясник, скотник, фермер, хлеботорговец, пивовар и др. и от продажи которых они рассчитывают получить прибыль;

3) Сырье и материалы, вполне сырых или более или менее обработанных, предназначенных на изготовление одежды, предметов домашнего обихода, но которые еще окончательно не употреблены в дело и находятся в руках сельских хозяев, фабрикантов, портных, суконщиков, лесоторговцев, столяров и плотников, кирпичников и т. п.; 4) Изделия, уже изготовленные и законченные, но находящиеся еще в руках торговца или фабриканта и еще не проданные, и готовые изделия, которые мы нередко находим выставленными на продажу в мастерских слесаря, столяра, золотых дел мастера, ювелира, торговца фарфором и т. п. Таким образом, оборотный капитал состоит из продовольствия, материалов и готовых изделий, находящихся на руках у соответствующих производителей. Из денег, необходимых для обращения их и распределения между теми, кто в конце концов будет пользоваться ими или производить их.

Из четырех частей три части, а именно продовольствие, сырье и готовые изделия, регулярно извлекаются — или ежеминутно в более или менее продолжительные промежутки времени — из оборотного капитала и вкладываются или в основной капитал, или в оборотный капитал, предназначенные для непосредственного потребления.

Оборотный капитал первоначально возникает из капитала, который требует постоянного пополнения из этого же источника. Сырье, материалы и орудия производства первоначально возникают из оборотного капитала, который доставляет материалы, из которых они изготавливаются, и средства существования для рабочих, занятых их изготовлением. Точно так же того же вида капитал необходим для постоянного ремонта.

Оборотный капитал не может приносить какой-либо доход, если только при помощи оборотного капитала. Самые полезные машины и орудия производства не могут ничего произвести без оборотного капитала, доставляющего материалы, которые они потребляют, и средства существования для рабочих, применяющих их. Земля, как бы улучшена она ни была, не принесет дохода без оборотного капитала, на который содержатся обрабатывающие ее и собирающие ее продукт.

Сохранение и увеличение запасов, предназначенных для средственного потребления, составляет единственную цель и содержание как основного, так и оборотного капиталов. За счет запасов люди питаются, одеваются и находят себе кров. Их существо или бедность зависят от того, обильно или скудно достаются эти оба вида капитала материал для запасов, предназначенный непосредственного потребления.

Поскольку очень большая часть оборотного капитала производится из него для помещения в два других вида общего общества, он, в свою очередь, должен постоянно пополняться, чего скоро совсем прекратил бы свое существование. Эти пополнения получают, главным образом, из трех источников — продукта земли, рудников и рыболовства. Они постоянно доставляют новые количества предметов продовольствия и материалов, которых потом перерабатывается в готовые изделия и которыми пополняют продовольствие, материалы и готовые изделия, непосредственно извлекаемые из оборотного капитала. Из рудников получают то, что необходимо для сохранения и увеличения той его части, которая состоит из денег. Действительно, хотя при обычном ходе часть не обязательно извлекается из оборотного капитала, как бывает с тремя другими частями, чтобы быть вложенной в другие разряда общих запасов общества, все же, подобно всем предметам, она разрушается и, в конце концов, изнашивается и иногда также теряется или пересылается за границу, а потому требует постоянного восполнения, хотя и в меньших размерах.

Земля, рудники и рыбная ловля требуют для своей эксплуатации как основного, так и оборотного капиталов. И их производительность возмещает с прибылью не только эти капиталы, но и все вообще капиталы общества. Так, фермер ежегодно возмещает мануфактуру продовольствие, которое он потребил, и материалы, которые он затратил за предыдущий год; промышленник, в свою очередь, возмещает фермеру готовые изделия, которые тот истратил и употребил в дело за то же время. Таков действительный обмен, ежегодно совершаемый между этими двумя классами людей, хотя редко чтобы сырые продукты одного и готовые изделия другого обменивались непосредственно друг на друга; действительно, редким случаем является так, чтобы фермер продавал свой хлеб или скот, свой шерсть тому самому лицу, у которого он намеревается получить нужные ему одежду, мебель и орудия производства. Он поэтому дает свои сырые продукты за деньги, на которые он может получить где их возможно достать, нужные ему готовые изделия. Земля возмещает, по крайней мере отчасти, капиталы, при помощи которых эксплуатируются рыбные ловли и рудники. При помощи продукта земли вытаскивают рыбу из воды; при помощи продуктов, получаемых с поверхности земли, извлекают минералы из ее недр.

Количество продукта, получаемого от земли, рудников и рыбной ловли, предполагая одинаковую их естественную производительность, находится в зависимости от размеров и надлежащего

капиталов, затрачиваемых на них. Если же капиталы одинаковы и одинаково хорошо прилагаются, это количество пропорционально их естественной производительности.

Во всех странах, где существует достаточно устойчивый порядок, каждый человек, обладающий здравым смыслом, старается употребить имеющиеся в его распоряжении запасы для того, чтобы добыть удовлетворение тех или иных своих потребностей в настоящем и в будущем. Если они употребляются на удовлетворение либо потребности в настоящем, они представляют собою запасы, предназначенные для непосредственного потребления. Если же употребляются на получение в будущем прибыли, они должны быть оставлены у него, или переходя в другие руки. В первом случае это будет основной, во втором — оборотный капитал. Каждый должен быть лишен всякого здравого смысла, если в стране, где существует достаточно устойчивый порядок, он не употребляет имеющийся в его распоряжении запас, свой собственный или приобретенный у других, одним из этих трех способов.

Особенно, в тех несчастных странах, где люди постоянно подвергаются насилию со стороны выше стоящих, они часто закапывают и прячут большую часть своих запасов, чтобы всегда иметь их под рукой и иметь, таким образом, возможность унести вместе с собой в какое-нибудь безопасное место, если им грозит одна из бед, которые они имеют основание ожидать для себя каждую минуту. Это, как говорят, представляет собою обычное явление в Индии, в Индостане и, как мне кажется, в большинстве других стран Азии. Такое же обыкновение, повидимому, было общераспространенным у наших предков в эпоху насилия феодального режима. Скрытие кладов в ту пору представляло собою немаловажную статью доходов самых могущественных государей Европы. Она сохранилась в обнаруженных кладах, которые зарыты в земле и на которые не мог отдельное лицо не могло доказать своего права. В те времена считались столь важной статьей дохода, что их всегда признавали принадлежащими государю, а не нашедшему их и не собственнику земли, если только в пожалованной грамоте последнего не было оговорено особо его право на них. Они приравнивались к закладкам золота и серебра, которые, если не было специальной оговорки в пожалованной грамоте, никогда не считались включенными в общее содержание земель, в противоположность свинцовым, медным и железным рудникам и угольным копям, как имеющим меньшее значение.

Глава II

О ДЕНЬГАХ, КАК ОСОВОЙ ЧАСТИ ОБЩИХ ЗАПАСОВ
ОБЩЕСТВА, ИЛИ ОБ ИЗДЕЖКАХ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО КАПИТАЛА

В первой книге было показано, что цена большей части товаров распадается на три части, из которых одна оплачивает заработную плату за труд, вторая—прибыль на капитал, а третья—ренту на землю, затраченные и употребленные для производства и доведенные до рынка; что существуют, впрочем, такие товары, цена которых состоит только из двух частей, а именно из заработной платы и прибыли на капитал, и очень немногих таких, у которых цена состоит вообще только из одной части—из заработной платы за труд. Но во всяком случае цена всякого товара необходимо распадается на ту или другую или на все эти три указанные части, причём та доля ее, которая не приходится на ренту или заработную плату, обязательно оказывается чьей-нибудь прибылью.

И, как было указано, если так обстоит дело с каждым отдельным товаром, взятым в отдельности, то это должно относиться ко всей совокупности товаров, составляющих годовой продукт земли и труда каждой страны. Общая цена или меновая стоимость этого годового продукта должна распадаться на такие же три части и распределяться между различными жителями страны в виде заработной платы за их труд, прибыли с их капитала или ренты с их земли.

Но хотя вся стоимость годового продукта земли и труда каждой страны распределяется, таким образом, между различными жителями страны и составляет их доход, однако подобно тому, как в частном имении мы различаем валовую ренту и чистую ренту, так и в доходе всех жителей обширной страны мы тоже можем водить такое различие.

Валовая рента частного имения охватывает все, что уплачивает фермер; чистой рентой является все то, что остается у землевладельца за вычетом расходов по управлению и по ремонту и другим необходимым издержкам, или, другими словами, все то, что он может, не ухудшая состояния своего имения, включить в свой запас, предназначенный для непосредственного потребления

на свой стол, обстановку, украшение своего дома и удовлетворение своих личных удовольствий и развлечений. Его действительное богатство пропорционально не валовой, а чистой ренте, получаемой им.

Валовой доход всех жителей обширной страны состоит из всего годового продукта их земли и труда; их чистый доход составляет то, что остается в их распоряжении за вычетом издержек по восстановлению, во-первых, их основного, а, во-вторых, их оборотного капитала, или, другими словами, все то, что они могут, не уменьшая своего капитала, включить в запас, предназначенный для непосредственного потребления, или затратить на свое питание, удобства и развлечения. Их действительное богатство тоже пропорционально не валовому, а чистому доходу.

Издержки по поддержанию основного капитала необходимо, следовательно, исключить из чистого дохода общества. Ни при каких обстоятельствах не могут входить в него ни материалы, необходимые для производства его полезных машин и орудий труда, его доходных зданий и сооружений, ни продукт труда, необходимого для приведения этих материалов в надлежащий вид. Цена же этого труда может составлять часть чистого дохода, ибо рабочие, занятые им, могут всю стоимость своей заработной платы обращать в свой запас, предназначенный для непосредственного потребления. Но что касается других видов труда, то тут и его цена, и продукт обращаются в этот запас; следовательно, в запас рабочих, продукт—в запас других лиц, средства существования которых, удобства и удовольствия увеличиваются в зависимости от труда этих рабочих.

Увеличение основного капитала состоит в увеличении производительности силы труда или в предоставлении тому же количеству труда возможности выполнить гораздо большее количество работ. На ферме, где все необходимые постройки, изгороди, каналы, и т. п. находятся в полнейшем порядке, одно и то же количество рабочих и рабочего скота произведет гораздо большее количество продуктов, чем на ферме таких же размеров и с землею столь же хорошего качества, но не так хорошо оборудованной. На фабрике то же количество рабочих рук с помощью лучших машин выработает гораздо большее количество товаров, чем при наличности несовершенных орудий производства. Средства, надлежащим образом вложенные в какой-либо основной капитал, всегда возмещаются с большой прибылью и увеличивают годовой продукт на гораздо большую стоимость, чем стоимость затрат, необходимых для их улучшения. Но все же эти затраты поглощают некоторую часть годового продукта; некоторое количество материалов и некоторую часть годового количества рабочих, которые могли бы быть непосредственно затрачены на увеличение количества пищи, одежды, средств существования и удобства общества, употребляются, следовательно, на другое дело, правда, весьма выгодное, но все же не такое. По этой именно причине все технические усовершенствования, которые позволяют неизменному количеству рабочих вы-

полнять то же количество работы с помощью более дешевых машин, чем раньше, всегда признаются выгодными для общества. Известное количество материалов и труд известного количества рабочих, которые раньше затрачивались на поддержание более сложных и дорогих машин, могут быть после этого заменены для увеличения работы, выполняемой при помощи другой какой-нибудь машины. Если владелец большой фабрики, затрачивающий 1 000 фунтов в год на поддержание в исправности своих машин, сможет сократить этот расход до 500 фунтов, естественно, затратит остающиеся 500 фунтов на покупку дополнительного количества материалов для переработки его добавочным количеством рабочих. Таким образом, увеличится количество работы, выполняемой его машинами, и вместе с тем увеличатся все удобства, которые общество может извлечь из этой работы.

Затраты на содержание основного капитала в обширной промышленности с полным правом могут быть приравнены к затратам на содержание в частном имении. Расходы на ремонт часто могут оказаться необходимыми для получения продукта с имения, а, следовательно, и для получения как валовой, так и чистой ренты землевладельца. Но в тех случаях, когда благодаря более правильному использованию они могут быть уменьшены, не вызывая этим уменьшения количества продукта, валовая рента остается, по меньшей мере, неизменной, а чистая рента обязательно увеличивается.

Но если вся сумма затрат, произведенных на содержание основного капитала, необходимо исключается, таким образом, из валового дохода общества, то не так обстоит дело с затратами на содержание оборотного капитала. Из четырех частей, из которых составлен этот капитал, а именно денег, средств существования, материалов и готовых изделий, три последние, как было уже указано, очевидно извлекаются из него и вкладываются или в основной капитал общества, или в его запасы, предназначенные для непосредственного потребления. Вся та часть этих предметов потребления, которая не идет на возмещение первого, поступает целиком в распоряжение последних и составляет часть чистого дохода общества. Поддержание этих трех частей оборотного капитала поэтому не берет из валового дохода общества никакой доли годового продукта, не считая того, что необходимо для пополнения и возмещения основного капитала.

Оборотный капитал общества в этом отношении отличается от оборотного капитала отдельного лица. Поддержание последнего составляет никакой части его чистого дохода, который целиком состоит из его прибыли. Но хотя оборотный капитал отдельного лица и составляет часть оборотного капитала общества, к которому оно принадлежит, однако это не исключает для капитала возможности составлять так же часть чистого дохода общества. Хотя все товары, находящиеся в лавке купца, по своему образцу не могут быть включены в его собственные запасы, предназначенные для непосредственного потребления, но они

входят в такие запасы других людей, которые за счет дохода, полученного из других источников, могут регулярно возмещать ему их стоимость вместе с его прибылью, не вызывая этим ни малейшего уменьшения ни его капитала, ни своих собственных капиталов. Поэтому деньги представляют собою единственную часть оборотного капитала общества, поддержание которой может вызвать некоторое уменьшение его чистого дохода.

Оборотный капитал и та часть оборотного капитала, которая состоит из денег, весьма сходны друг с другом, поскольку влияют на чистый доход общества.

Подобно тому как машины и прочие орудия производства требуют известной суммы издержек сперва на изготовление их, а затем на поддержание, причем эти издержки, хотя они и составляют часть валового дохода общества, представляют собою вычеты из чистого дохода, точно так же и запас денег, обращающихся в обществе, требует известных издержек для собирания их, а затем для их сохранения, причем эти издержки хотя и составляют часть чистого дохода общества, равным образом представляют собою вычеты из его чистого дохода. Известное количество весьма ценных металлов, а именно золота и серебра, и весьма искусного труда, затраченного на то, чтобы увеличивать запасы, предназначенные для непосредственного потребления—для продовольствия, удобств и удовольствий отдельных лиц, затрачивается на это важное, но дорогое орудие обмена, посредством которого каждый отдельный член общества получает свои средства существования, удобства и удовольствия, регулярно распределяемые в надлежащей пропорции. Подобно тому как машины и прочие орудия производства, принадлежащие основному капиталу отдельного лица или общества, не составляют никакой части их валового или чистого дохода, так и деньги, посредством которых регулярно распределяется весь доход общества между всеми различными его членами, не составляют никакой части чистого дохода. Великое колесо обращения вообще отлично от колеса, обращающегося посредством его. Доход общества вообще не состоит из этих товаров, а не в колесе, при помощи которого они обращаются. Исчисляя валовой или чистый доход общества, мы должны из всей суммы обращающихся в нем товаров и денег вычитать всю стоимость денег, из которых ни один фартинг никогда не входит в состав того или другого.

Из-за в силу двусмысленности нашего языка это положение может показаться сомнительным или парадоксальным. Достаточно ясно объяснить его и понять, чтобы оно стало самоочевидным. Когда мы говорим о какой-нибудь определенной сумме денег, мы всегда имеем при этом в виду только те металлические монеты, из которых она состоит, но иногда мы в эти слова включаем также нечто вроде смутного указания на товары, которые могут быть получены в обмен на них, или на покупательную силу, какую дает обладание ими. Так, когда мы говорим, что стоимость обращающихся в обществе денег исчислена в 18 миллионов, мы этим имеем в виду

лишь выразить количество монет, которое, по исчислению или по предположению некоторых писателей, находится в обращении в этой стране. Но когда мы говорим, что данный человек имеет годный доход в 50 или 100 фунтов, мы обычно хотим выразить только сумму денег, уплачиваемую ему каждый год, но и стоимость товаров, которые он может купить или потребить в течение года. Мы обычно хотим установить, каков есть или каков должен быть его образ жизни или количество и качество предметов необходимых ему и удобства, потребление которых он может позволить себе.

Если, называя определенную сумму денег, мы имеем в виду только выразить количество монет, из которого она состоит, то мы должны включить в это понятие некоторое неясное указание на то, что можно иметь в обмен на нее, то богатство или доход, обладаемые в таком случае этой суммой, равняются только одной из двух стоимостей, на какие несколько двусмысленно указывается таким образом, одно и то же слово, и притом скорее последней, т. е. скорее стоимости этих денег, чем самим деньгам.

В самом деле, если гиней составляет недельную пенсию какого-либо лица, то оно может в течение недели купить на нее известное количество средств существования, удобства и удовольствия, зависящее от того, насколько велико или мало это количество, велико или мало его действительное богатство, его реальный недельный доход. Его недельный доход бесспорно не равняется одинаково и гинее и тому, что можно купить на нее, а только той суммой из этих двух равных стоимостей; и скорее именно второй, а не первой, скорее стоимости гиней, чем самой гинее.

Если пенсия такого лица будет уплачиваться ему не золотом, а еженедельным векселем в одну гиней, его доход, разумеется, не состоит не столько в этом клочке бумаги, сколько в том, что он сможет получить на нее. Гинеею можно считать векселем на определенное количество предметов необходимости и удобства, выдаваемое на всех окрестных торговцев. Доход лица, которому она уплачивается, состоит не столько в золотой монете, сколько в том, что он может получить на нее или что он может выменять на нее. Если же в обмен на нее ничего нельзя получить, она, подобно векселю, не имеет рота, будет обладать не большей стоимостью, чем никуда ненужный клочок бумаги.

Хотя недельный или годовой доход всех жителей страны может быть точно таким же образом выплачиваться и в действительности деньгами, все же их реальное богатство, их реальный недельный или годовой доход их всех, взятых вместе, всегда велик или мал в соответствии с количеством предметов потребления, которое они все смогут купить на эти деньги. Весь доход всех, взятых вместе, очевидно не равняется и тому и другому, деньгам и предметам потребления, а равняется только одной из этих двух стоимостей, и, вернее, — последней, чем первой.

Поэтому, если мы часто выражаем доход какого-нибудь лица в денежной сумме, выплачиваемой ему за год, то это делается по-

на определяет размеры его покупательной силы или стоимость товаров, которые он может потребить в течение года. Но мы при этом имеем в виду, что его доход состоит в этой способности купить или потребить, а не в монетах, дающих ее.

Если это достаточно очевидно даже по отношению к отдельному лицу, то это еще очевиднее в приложении к обществу. Денежная сумма, уплачиваемая за год отдельному лицу, часто точно соответствует его доходу и ввиду этого представляет собою простейшее выражение его стоимости. Но сумма металлических денег, обращающихся в обществе, никоим образом не может равняться доходу всех его членов. Так как одна и та же монета гиней, которую кто-нибудь получает сегодня, может быть потрачена завтра для уплаты пенсии второму, а послезавтра — третьей, то вся сумма металлических денег, обращающихся в течение года в какой-нибудь стране, всегда должна иметь значительно большую стоимость, чем денежная сумма всех пенсий, выплачиваемых за год посредством их. Но покупательная сила или вся совокупность товаров, которые могут быть куплены последовательно на сумму этих пенсий по мере их выплаты, всегда должны иметь такую же стоимость, как и эти пенсии, подобно тому как и доход отдельного лица. Этот доход поэтому не может состоять в этих монетах, стоимость которых значительно меньше его стоимости, но он состоит в покупательной силе, в тех предметах, которые могут быть последовательно куплены на эти деньги, по мере того как они переходят из рук в руки.

Таким образом, деньги, это великое колесо обращения, это великое колесо обмена и торговли, хотя и составляют, наравне с другими средствами производства, часть, и притом весьма ценную часть, общественного капитала, не входят какую бы то ни было частью в доход общества, которому они принадлежат. И хотя монеты, из которых они состоят, являются своего годового обращения доставляют каждому человеку известный ему доход, сами они в этот доход не входят.

Наконец, машины, орудия производства и пр., составляющие основную часть общественного капитала, еще и в том отношении сходны с той частью общественного капитала, которая состоит из денег, что всякое сбережение в расходах по собиранию и поддержанию этой части оборотного капитала, состоящей из денег, представляет собою точно такое же сбережение чистого дохода общества, как и всякое сбережение в расходах по сооружению и поддержанию этих машин, когда оно уменьшает производительной силы труда.

Это представляется достаточно ясным, — да и было уже отчасти разъяснено, — каким образом всякое сбережение в расходах по поддержанию основного капитала составляет увеличение чистого дохода общества. Весь капитал всякого предпринимателя обязательно разделяется на капитал основной и капитал оборотный. Если основной капитал остается неизменным, то чем меньше одна из указанных частей, тем больше должна быть другая. Оборотный капитал

доставляет материалы и заработную плату рабочих и приводит предприятие в движение. Поэтому всякое сбережение в рас- по поддержанию основного капитала, которое не уменьшает водительной силы труда, должно увеличивать фонд, который водит в движение предприятие, а, следовательно, должно увеличивать и годовой продукт земли и труда, реальный доход общества.

Употребление вместо золотых и серебряных денег бума- заменяет дорогое орудие обмена гораздо более дешевым и не- столь же удобным. Обращение при этом поддерживается посред- нового колеса, создание и поддержание которого обходятся шевле прежнего. Но не столь ясно, как происходит эта зам- каким образом она ведет к увеличению валового или чистого д- общества, и потому здесь требуются некоторые дальнейшие яснения.

Существует несколько видов бумажных денег, но обращаю- банковские или банкирские билеты (банкноты) представляют наиболее известный их вид, который, повидимому, лучше пригоден для данной цели.

Когда население какой-либо страны питает такое доверие- стоянию, честности и осторожности какого-нибудь банкира- уверено в том, что он сможет в любой момент оплатить по тре- нию те его кредитные билеты, которые ему будут предъявлены- билеты приобретают такое же хождение, как и золотая и сер- ная монета, поскольку имеется уверенность, что в обмен на- билеты в любой момент можно получить такие деньги.

Предположим, что какой-нибудь банкир ссужает своим кли- свои собственные кредитные билеты на сумму в 100 000 фун- Так как эти билеты выполняют все функции денег, его должники- чивают ему такой же процент, как если бы он ссудил им де- Этот процент является источником его прибыли. Хотя часть- билетов постоянно возвращается к нему для оплаты, другая- их продолжает обращаться в течение месяцев или целых лет.- этому, хотя у него постоянно находится в обращении билет- сумму в 100 000 фунтов, часто запаса в 20 000 фунтов золо- серебром будет вполне достаточно для удовлетворения предья- мых требований. Таким образом, посредством этой опе- 20 000 фунтов золотом и серебром выполняют все те функции, в противном случае должны были бы выполнять сто тысяч. М- быть заключено такое же количество меновых сделок, то же- количество предметов потребления может обращаться и доставл- соответствующим потребителям посредством этих кредитных- тов стоимостью в 100 000 фунтов, как и при помощи золотой- ребряной монеты такой же стоимости. Следовательно, таким- возможно произвести в обращении страны экономию на 80 000 ф- золотом и серебром. И если операции такого характера произво- одновременно многими другими банками и банкирами, то все- щение, таким образом, может совершаться при посредстве

и части золота и серебра, какие потребовались бы в ином- е.

Предположим, например, что вся сумма обращающихся в какой- дь стране денег достигала в определенный момент одного мил- а фунтов стерлингов, причем ее было достаточно для обращения- годового продукта ее земли и труда. Предположим также, д- пусть некоторое время различные банки и банкиры выпустили- тные билеты, оплачиваемые по предъявлении, на один мил- сохраняя в своих денежных шкафах 200 000 фунтов для оплаты- жных требований. После этого в обращении останется 800 000- ов золотом и серебром и 1 миллион фунтов банкнотами- 1 800 000 фунтов бумажными и металлическими деньгами. Но- обращения и распределения между потребителями годового- кта земли и труда страны требовался раньше только один- пон, и этот годовой продукт не может быть сразу увеличен- ми банковскими операциями. Поэтому одного миллиона будет- жнему достаточно для его обращения. Так как осталось неиз- ым количество покупаемых и продаваемых предметов, будет- точно прежнее количество денег для покупки и продажи их.- лы обращения, если позволено употребить такое выражение, д- нутся точно такими же, какими были раньше. Мы предположили, д- одного миллиона достаточно для наполнения этих каналов. И- му весь излишек сверх этой суммы, вливаемый в них, не может- по ним, но должен выйти из берегов. В каналы обращения- о 1 800 000 фунтов. Следовательно, 800 000 фунтов должны- и из них, ибо эта сумма представляет собой излишек сверх- что может быть употреблено в обращении страны. Но хотя- сумма не может найти применения внутри страны, она предста- т слишком большую стоимость, чтобы ее можно было оставить- действии. Она будет поэтому отправлена за границу, чтобы- там выгодного применения, какого она не может найти внутри- ны. Но бумажные деньги не могут отправляться за границу, му что их не будут принимать в обычные платежи ввиду отда- сти банков, выпускающих их, и самой страны, где оплата их- т быть востребована по закону. Поэтому золото и серебро на- у 800 000 фунтов будут отправлены за границу, и каналы внут- его обращения останутся наполненными бумажными деньгами- миллион вместо 1 миллиона металлических денег, которые- няли их раньше.

хотя такое большое количество золота и серебра отослано за- нду, мы не должны представлять себе, что оно отправлено туда- вземзно или что его владельцы преподносят его в подарок- земным народам. Они выменивают его на иностранные товары- или иного рода, чтобы снабжать ими потребление какой-либо- й страны или своей собственной.

ли они употребляют его на покупку товаров в какой-либо- й стране, чтобы снабжать ими потребление другой страны, т. е.- аются той торговлей, которую можно назвать транзитной, то

вся прибыль, получаемая ими при этом, явится добавленным к той прибыли их собственной страны. Золото и серебро составят как бы новый фонд, созданный для ведения новой торговли; торговый оборот будет вестись на бумажные деньги, а золото и серебро превращены в фонд для этой новой торговли.

Если они употребляют вывозимое золото и серебро на покупку товаров для внутреннего потребления, они могут, во-первых, покупать такие предметы, которые потребляются, главным образом, людьми праздными, ничего не производящими, как, например, иностранные вина, иностранные шелковые материи и т. п., или, во-вторых, приобретать добавочные запасы материалов, орудий производства и продовольствия, чтобы содержать и производить в добавочное количество трудящихся людей, которые производят с некоторой прибылью стоимость своего годового потребления.

Поскольку золото и серебро затрачиваются первым из указанных способов, это содействует усилению расточительности, увеличивает расходы и потребление, не увеличивая производства и создавая постоянный фонд для покрытия таких расходов, во всех отношениях вредно для общества.

Поскольку же золото и серебро затрачиваются вторым способом, это содействует развитию промышленности; и хотя при этом увеличивается потребление общества, такая затрата создает постоянный фонд для поддержания этого потребления, так как эти потребности воспроизводятся с прибылью полную стоимость своего годового потребления. Валовой доход общества, годовой продукт его земледелия и труда увеличивается на всю ту стоимость, какую труд этих работников добавляет к материалам, над которыми они работают, и чистый доход возрастает на всю ту сумму, которая остается от стоимости за вычетом того, что необходимо для поддержания орудий и инструментов их промысла.

Что большая часть золота и серебра, вытесненная за границей этими банковскими операциями, затрачивается на покупку иностранных товаров для внутреннего потребления, и притом затрачивается и должна затрачиваться на покупку товаров второго рода, представляется не только вероятным, но и почти неизбежным. Если некоторые отдельные лица могут иногда увеличивать свои расходы весьма значительно, хотя их доход совсем не увеличивается, мы можем быть уверены, что ни один класс или разряд людей ни в каком случае этого не делает, потому что, если правила обычного благоразумия не всегда определяют поведение отдельных лиц, они всегда определяют на поведение большинства членов каждого класса или разряда. Между тем доход праздных людей, рассматриваемых в качестве класса или разряда, ни в малейшей степени не может возрасти в результате этих банковских операций. Ввиду этого их расходы, в среднем, не могут быть ими значительно увеличены, хотя разумеется, немногие из их числа могут быть увеличены и действительно бывают увеличены. Поэтому, поскольку спрос праздных людей

на различные товары остается неизменным или почти неизменным, а небольшая часть денег, вытесняемых путем этих банковских операций за границу и употребляемых на покупку иностранных товаров для внутреннего потребления, может быть употреблена на покупку последних для потребления праздных лиц. Гораздо большая часть их будет естественно предназначаться для промышленного потребления, а не для содержания праздных.

При определении количества производительного труда, которое должно занимать оборотный капитал общества, мы всегда должны обращать во внимание только те его части, которые состоят из товаров продовольствия, материалов и готовых изделий: остальная часть, состоящая из денег и служащая только для обращения между этими тремя частями, всегда следует вычитать из него. Для того, чтобы привести в движение промышленную деятельность, необходимо три вещи: материалы для переработки, инструменты и орудия производства, при помощи которых работают, и заработная плата, вознаграждение, ради которой выполняется работа. Деньги не представляют собою ни материала для работы, ни орудий, при помощи которых работают; и хотя заработная плата рабочего выдается ему обычно деньгами, его реальный доход, как и доход праздных людей, состоит не в деньгах, а в стоимости этих денег, выраженной в металлических монетах, а в том, что можно получить за них. Количество производительного труда, которое может занять капитал, должно, очевидно, быть равным количеству товаров, какое он может снабдить материалами, орудиями труда и средствами существования, соответствующими характеру труда. Деньги могут быть нужны для приобретения материалов и орудий, а также и средств существования рабочих, но количество производительного труда, какое может быть занято всем капиталом, не может равняться в одно и то же время как деньгам, так и средствам существования, которые производятся закупки, так и материалам, орудиям труда и средствам существования, приобретаемым на эти деньги; оно не может равняться только одной из этих двух стоимостей, и скорее будет ближе к стоимости последних, чем первых.

Когда золото и серебро заменяются бумажными деньгами, количество материалов, орудий производства и средств существования, которые могут быть доставлены всем совокупным оборотным капиталом, может быть увеличено на всю стоимость золота и серебра, которая раньше затрачивалась на покупку их. Вся стоимость, которая раньше затрачивалась на покупку их, вся стоимость великого колеса обращения и распределения добавляется к средствам обращения, обращающимся и распределяемым при его посредстве. Эта операция до известной степени походит на операцию владельца промышленного предприятия, который вследствие какого-либо технического усовершенствования сменяет свои старые машины и разность между стоимостью и ценою новых машин добавляет к своему оборотному капиталу, к тому фонду, из которого он черпает средства для снабжения своих рабочих материалами и для выплаты им заработной

О том, как деньги = банк выдают деньги

Пожалуй, не представляется возможным определить отношение суммы обращающихся в стране денег ко всей стоимости годового продукта, приводимого ими в обращение. Оно исчислялось известными авторами в одну пятую, в одну десятую, в одну двадцатую, в одну тридцатую часть этой стоимости. Но как бы незначительно ни было это отношение суммы обращающихся денег ко всей стоимости годового продукта, поскольку только часть, и притом нередко лишь незначительная часть, этого продукта предназначается на поддержание национальной промышленности, постольку сумма обращающихся денег всегда должна быть очень значительна по отношению к этой сумме. Если поэтому в результате замены золота и серебра бумажными деньгами их количество, необходимое для обращения, сократилось, например, до одной пятой части прежнего, если, далее, хотя бы незначительная часть остальных четырех пятых будет добавлена к фонду, предназначенному для ведения производства, это составит весьма значительное увеличение этого производства, а следовательно, и стоимости годового продукта земли и труда.

Такого рода операция была двадцать пять—тридцать лет назад произведена в Шотландии путем учреждения новых банковских компаний почти во всех значительных городах и даже в некоторых селах. Последствия были именно такие, какие указаны в Торговом обороте страны совершается почти целиком посредством бумажных денег этих различных банковских компаний, при помощи которых совершаются обычно покупки и продажи, а также платежи всякого рода. Серебро редко появляется в обороте, если не считать случаев размена банкнот в 20 шиллингов, а золото еще реже. Но хотя образ действий всех этих различных компаний был и остается безупречен и соответственно вызвал даже издание регулирующей эту практику парламентского акта, страна, тем не менее, извлекла без сомнения, большую пользу из этого дела. Мне приходится слышать утверждение, что торговый оборот города Глазго увеличился приблизительно за пятнадцать лет после учреждения там банков, а торговый оборот Шотландии возрос более чем в три раза после открытия двух общественных банков в Эдинбурге, из которых один, именуемый Шотландским банком, был учрежден актом парламента в 1695 г., а другой, именуемый Королевским банком, — королевской хартией в 1727 г. Действительно ли торговый оборот Шотландии вообще или города Глазго в частности возрос так сильно за столь короткий период, это я не решусь утверждать. Если этот оборот и возрос в такой пропорции, то представляется, что столь значительный результат не может быть приписан действованию одной этой причины. Но не может подлежать сомнению, что торговля и промышленность Шотландии возросли за этот период весьма значительно и что банки в большой мере содействовали этому росту.

Стоимость серебряных денег, находившихся в обращении в Шотландии перед объединением с Англией в 1707 году и непосредственно после него принесенных в Шотландский банк для перечекивания

на 411 117 ф. 10 ш. 9 п. Сведений о золотой монете не имеется из прежних отчетов шотландского монетного двора явствует, что стоимость чеканившейся ежегодно золотой монеты несколько превышала стоимость серебряной монеты¹. При этом довольно много людей, не веривших в обратное получение монеты, не приносили серебряной монеты в Шотландский банк; а кроме того в обращении находилось некоторое количество английской монеты, которая подлежала изъятию. Поэтому общую стоимость золотой и серебряной монеты, находившейся в обращении в Шотландии до учреждения, следует определять не меньше, чем в миллион фунтов стерлингов. Эта сумма, по видимому, составляла почти все обращение страны, ибо, хотя обращение Шотландского банка, не имевшего соперников, и было значительно, оно все же составляло лишь незначительную долю всего обращения. В настоящее время все обращение в Шотландии нельзя определять меньше, чем в два миллиона, а та часть его, которая состоит в золотой и серебряной монете, с той вероятности, не достигает и полумиллиона. Но хотя количество обращающейся в Шотландии золотой и серебряной монеты уменьшилось столь значительно за этот период, ее богатство и благосостояние, по видимому, не испытали никакого уменьшения. Напротив, в сфере сельского хозяйства, промышленности и торговли годовой продукт ее земли и труда по образцу увеличился.

Банки и банкиры в большинстве своем выпускают свои кредитные билеты, главным образом, посредством учета векселей, т. е. авансом денег под векселя до истечения их срока. Они всегда получают при этом из авансируемой ими суммы законный процент до наступления срока векселя. Уплата по векселю, когда истекает его срок, возмещает банку стоимость авансированной суммы вместе с чистой прибылью в виде процента. Банкир, выдающий вексель которого он учитывает, не золото и серебро, а свои собственные кредитные билеты, извлекает ту выгоду, что имеет возможность учитывать на большую сумму, а именно на всю стоимость кредитных билетов, которые, как им установлено на опыте, обращаются обычно в обращении. Это позволяет ему получать чистую прибыль в виде процентов с гораздо более значительной суммы. Торговля Шотландии, и в настоящее время не очень большая, была еще более незначительной в то время, когда были учреждены первые банковские компании; и эти компании имели бы очень малые обороты, если бы ограничили свою деятельность одним выпуском векселей. Они поэтому придумали другой способ выпуска кредитных билетов, а именно предоставляли так называемые счета, т. е. открывали кредит на определенную сумму (или три тысячи фунтов, например) всякому лицу, которое представлял двух лиц, обладающих безусловной кредитоспособностью, владеющих недвижимой собственностью и готовых пору-

предисловие Ruddiman'a к «Diplomatae etc. Scotiae» Андерсона.

читься, что любая сумма, выданная ему в пределах открытого кредита, будет по первому требованию выплачена вместе с законными процентами. Кредиты подобного рода, как я полагаю, обычно доставляются банками и банкирами во всех частях света. Новые условия, которые шотландские банкирские компании вливают для их выплаты, представляют, насколько я знаю, особенность и были, наверное, главной причиной как больших размеров оборотов этих компаний, так и выгоды, полученной страной.

Всякий, имеющий такого рода кредит у одной из этих компаний и занимающий, например, тысячу фунтов, может выплачивать эту сумму частями, по 20 или 30 фунтов каждый раз, причем компания сбрасывает пропорциональную часть из процентов с общей суммы со дня уплаты данного взноса и так далее, пока не будет выплачено таким образом весь долг. Поэтому все торговцы и почти все другие люди находят удобным иметь такие текущие счета в банке, потому в их интересах содействовать росту оборотов этих компаний посредством приема к платежу их кредитных билетов и поощряя к тому же всех тех, у кого они пользуются влиянием. Банкиры принимают их клиенты обращаются к ним за деньгами, обыкновенно выдают им своими собственными кредитными билетами. Купцы выдают эти билеты мануфактуристам за товары, мануфактуристы отдаются фермерам за сырье и продовольствие, фермеры — землевладельцам для уплаты ренты, землевладельцы, в свою очередь, платят торговцам за предметы удобства и роскоши, которыми те снабжают их, а торговцы возвращают их в банки, чтобы покрыть свои текущие счета, т. е. уплатить занятые у них деньги. Таким образом весь денежный оборот страны совершается при посредстве кредитных билетов. Отсюда и значительные размеры оборотов этих компаний.

При помощи этих текущих счетов каждый купец может, действуя от благоразумия, вести более обширное дело, чем при помощи наличных денег. Если взять двух купцов, одного в Лондоне и одного в Эдинбурге, вкладывающих одинаковые капиталы в одну и ту же отрасль, то эдинбургский купец может, не совершая необходимости, вести более обширное дело и давать занятие большему числу людей, чем лондонский коммерсант. Последний всегда имеет в своем распоряжении значительную сумму денег, храня ее или в денежном шкафу или в шкафу своего банкира, который выплачивает ему процентов на нее, — чтобы иметь возможность удовлетворять те требования об уплате за купленные им в кредит товары, которые непрерывно поступают к нему. Предположим, что обычно для этого требуется сумма в 500 фунтов стерлингов. Следовательно, если у него товаров, находящихся у него на складе, всегда должна быть сумма в 500 фунтов меньше сравнительно с тем, какова она была бы, если бы он не был вынужден держать при себе непроизводительную сумму денег. Предположим также, что весь его капитал или капиталы равные по стоимости его капиталу, оборачиваются у него от

благодаря необходимости держать непроизводительную такую сумму он вынужден продавать в течение года на 500 фунтов товаров, чем это было бы возможно в противном случае. Годовая прибыль должна быть меньше на всю ту прибыль, которую он получил бы при продаже товаров на 500 фунтов больше; следовательно, занятых изготовлением этих его товаров должно быть меньше ровно настолько человек, сколько могли бы быть заняты при затрате добавочного капитала в 500 фунтов. Шотландский купец, с другой стороны, не держит при себе непроизводительных денег для оплаты поступающих к нему требований. Когда ему поступают к нему, он оплачивает их со своего текущего счета в банке, а затем постепенно погашает взятую в банке сумму или кредитными билетами, поступающими к нему от текущих сделок по продаже его товаров. Он может, следовательно, в равном капитале иметь постоянно у себя на складе большее количество товаров, чем лондонский купец; поэтому он может получать более значительную прибыль и давать постоянное занятие большему числу трудолюбивых людей, изготовляющих эти товары для рынка. Отсюда большая выгода, получаемая страной от торговли.

Возможно, правда, подумать, что легкость учета векселей дает английским купцам те же выгоды и удобства, как текущие счета шотландским купцам. Но не следует забывать, что шотландские купцы могут учитывать свои векселя столь же легко, как и английские, кроме того пользуются добавочными удобствами своих текущих счетов.

Возможно, количество бумажных денег всякого рода, какое может быть в обращении в какой-либо стране, ни при каких обстоятельствах не может превышать стоимости золотой и серебряной монеты, которую они заменяют или которая (при тех же размерах оборота) находилась бы в обращении, если бы не было наличных денег. Если, например, низшей купюрой бумажных денег, находящихся в Шотландии, являются банкноты в 20 шиллингов, то все количество их, могущее без затруднений обращаться, не может превышать суммы золота и серебра, которая была бы необходима для совершения всех сделок обмена по 20 шиллингов. Это количество обычно совершаемых в течение года в этой стране. Если в какой-либо момент количество обращающихся бумажных денег превышает эту сумму, излишек, поскольку он не может быть ни отнесен за границу, ни использован в обращении внутри страны, обязан немедленно притекает обратно в банки для обмена на золото и серебро. Многие люди сразу же заметят, что у них на руках больше бумажных денег, чем это необходимо для ведения их дел внутри страны, а так как они не могут отправить их за границу, они не могут потребовать оплаты их банками. После размена излишних бумажных денег на золото и серебро они легко могут найти им применение, переслав их за границу; но они не найдут применения, поскольку они остаются в форме бумажных денег. Поэтому

воспоследует немедленный наплыв в банки для размена всей этих излишних бумажных денег или даже большей суммы. Банки станут делать при этом затруднения или оттягивать, то тревога, которая будет необходимо вызвана этим обстоятельством еще более усилит наплыв.

Помимо издержек, обычных во всякой отрасли коммерческой деятельности, как, например, расходов по аренде помещений, заработной платы рабочим, конторщикам, счетоводам и т. п., издержек, свойственных банку, состоят главным образом из двух статей: первой, из расходов по постоянному хранению в своих денежных шкафах значительной суммы денег для оплаты требований держателей его кредитных билетов, проценты на какую-либо сумму, во-вторых, из расходов по пополнению своей наличности и ее истощения в результате удовлетворения этих требований.

Банкирская компания, выпускающая больше бумажных денег, чем может быть поглощено обращением страны, излишек денег постоянно возвращается к ней для оплаты, должна увеличивать количество золота и серебра, имеющегося у нее всегда в наличности, не только пропорционально этому излишку сверх нужд обращения, но и в гораздо большей пропорции, ибо его кредитные билеты обращаются к нему в гораздо большем количестве, чем это соответствует излишку в их количестве. Поэтому такая компания должна увеличивать первую статью своих расходов не только пропорционально этому форсированному увеличению ее оборотов, но в гораздо большей пропорции.

Точно так же кассы подобной компании, хотя они и наполняются в большей степени, опоражниваются, однако, быстрее, чем в том случае, если бы обороты компании следовали в более разумных пределах. Да и для наполнения их требуются не только усиленные, но и более постоянные и непрерывные издержки. Кроме того, монета, постоянно извлекаемая так же, как и в том случае, когда она вывозится из ее касс в столь больших количествах, не может быть использована в обращении страны. Она ведь поступает на место бумажных денег, превышающих потребность этого обращения, и поэтому является излишней и не может быть поглощена им. Но так как банк не хочет оставить эти деньги лежать в праздном состоянии, или в ином виде они должны быть отправлены за границу, чтобы иметь выгодное приложение, какого они не могут найти внутри страны. И такой постоянный вывоз золота и серебра, увеличивая обороты банка, должен также увеличивать еще больше его расходы при скупке золота и серебра, нужных ему для пополнения своей наличности, столь быстро убывающей. Следовательно, такая компания должна пропорционально этому форсированному увеличению оборотов увеличивать и вторую статью своих издержек и даже в большей мере, чем первую.

Предположим, что вся сумма бумажных денег какого-либо банка, которую легко может поглотить и использовать обращение страны, достигает ровно 40 тысяч фунтов стерлингов и

поступающих требований банк этот вынужден постоянно держать в кассе 10 тысяч фунтов золотом и серебром. Если банк вынужден выпустить в обращение 44 тысячи фунтов, то 4 тысячи, не являющихся излишком над той суммой, которую может легко поглотить и использовать обращение, вернутся к нему почти немедленно после своего выпуска. И поэтому для оплаты предъявляемых требований этот банк вынужден будет держать теперь постоянно в своей кассе уже не 11 тысяч фунтов, а 14. Таким образом, банк не получит никакой прибыли на процентах с лишних 4 тысяч фунтов, выданных в обращение, и вместе с тем потерпит убыток на всю сумму издержек по добыванию 4 тысяч золотом и серебром, которую он будет постоянно быстро уплывать из его денежного шкафа, так как только они будут попадать туда.

Итак, бы каждая отдельная банкирская компания всегда понимала свои собственные частные интересы и следовала им, обращая внимание на то, чтобы не оказывалось бы переполненным бумажными деньгами обращение. Истинные банки не всегда понимали свои интересы или следовали им, потому обращение часто оказывалось переполненным бумажными деньгами.

Благодаря выпуску слишком большого количества бумажных денег, избыток которых постоянно возвращался к нему для обмена на золото и серебро, Английский банк в течение многих лет подряд вынужден был чеканить золотую монету на сумму от 800 тысяч до одного миллиона фунтов в год, или, в среднем, около 850 тысяч фунтов. Чеканки такого большого количества монеты банк (ввиду ее испорченности и стертости золотой монеты в период, охватывающий несколько последних лет) часто бывал вынужден покупать на слитки по высокой цене в 4 фунта за унцию, которые он выпускал в виде монеты по 3 ф. 17 шиллингов 10,5 п. за унцию, таким образом, от двух с половиной до трех процентов при выпуске монеты на столь крупную сумму. Поэтому, хотя банк не получал пошлины, хотя, собственно, чеканка производилась за счет правительства, эта щедрость последнего не избавила банк от убытка.

Итальянские банки в результате излишеств того же рода должны были, как и все без исключения постоянно держать в Лондоне агентов по скупке для них монеты, причем издержки на это редко держались ниже полутора или двух процентов. Скупленные таким образом монеты посылались в фургонах, и перевозчики страховали их с расходом на это добавочных трех четвертей процента, или 15 шилл. 6 п. за тысячу фунтов. Эти агенты не всегда были в состоянии наполнять денежные шкафы своих доверителей с такой же быстротой, с какой они могли бы это сделать. В таких случаях банки прибегали к выдаче векселей своим корреспондентам в Лондоне на нужную им сумму. Когда же агенты в Лондоне ввиду отсутствия корреспондентов в Лондоне ввиду отсутствия корреспондентов впоследствии выписывали векселя на них, то эти векселя вместе с процентами и комиссионными, выходящими из этих банков, в результате затруднений, в которых оказывались благодаря такому чрезмерному выпуску в обращение

своих банкнот, нередко не находили другого способа оплаты векселя, как выписывать новые векселя на этих же самых других своих корреспондентов в Лондоне. И одна и та же или, точнее, векселя на одну и ту же сумму нередко совершали таким образом больше чем два или три путешествия, причем должник всякий раз уплачивал проценты и комиссию на совершившуюся сумму. Даже те шотландские банки, которые не отличались чрезмерной неосторожностью, нередко вынуждены прибегать к этому разорительному методу.

Золотая монета, выплачивавшаяся Английским банком и шотландскими банками в обмен на ту часть их банкнот, которая могла быть поглощена обращением страны, поскольку она превышала потребности обращения, иногда отправлялась за границу в виде монеты, а иногда переплавлялась и в слитках отсылаемых за границу, иногда же также переплавлялась и продавалась Английскому банку по высокой цене в 4 фунта за унцию. Из всей массы монет тщательно отбирались только самые новенькие, наиболее полновесные и лучше всего сохранившиеся, и их отправляли за границу или переплавляли в слитки. Внутри страны и в виде монеты более полновесные из них стоили не больше легких, но за границей или превращенные в слитки внутри страны они представляли большую стоимость. Английский банк, несмотря на то, что он ежегодно чеканил большое количество новой монеты, к своему удивлению видел, что каждый год наблюдается такой же недостаток монеты, как и в предыдущем году, и что, несмотря на большое количество выпускаемой ежегодно банком новой и доброкачественной монеты, качество монеты с каждым годом все более и более ухудшается вместо того, чтобы становиться все лучше и лучше. Естественно необходимо было чеканить почти такое же количество золотых монет, как и в предыдущем году, и благодаря непрерывному снижению цены золотых слитков, вследствие непрерывного стачивания и обрезывания монеты, расходы по такому ежегодному выпуску вновь начеканенной монеты становились все больше и больше. Следует заметить, что Английский банк, пополняя свои кассы той монетой, косвенно вынуждается снабжать ею все королевские казны, куда звонкая монета самыми различными путями вытекает из казначейских хранилищ. Поэтому Английский банк должен был давать королю звонкую монету, которая была необходима для поддержания необходимого чрезмерного обращения шотландских и английских денег и для заполнения вызванных этим чрезмерным обращением недостатков в сумме наличных монет, необходимой для королевского казначейства. Шотландские банки, вне всякого сомнения, очень дорого платили за свое неблагоразумие и беспечность, но Английский банк платил еще дороже не только за свое собственное неблагоразумие, но за еще большее неблагоразумие всех шотландских банков.

Первоначальной причиной этого чрезмерного обращения денег явилось чрезмерное расширение операций некоторых смелыми прожектерами.

ма, которую банк может, соблюдая осторожность, ссужать кому-либо купцу или предпринимателю, равна не сумме всего капитала, с которым последний ведет свое дело, и даже не значительной части этого капитала, а только той его части, которую в противном случае был бы вынужден держать без употребления в наличных деньгах, чтобы производить текущие платежи. Эта сумма бумажных денег, ссужаемых банком, не превышает стоимости, она никогда не может превысить стоимости того количества серебра, которые находились бы в обращении страны при обращении бумажных денег, т. е. она никогда не может превысить количества, которое легко может поглотить и применить обращение страны.

Когда банк учитывает купцу реальный вексель, трассированный к какому-либо кредитору на действительного должника и с назначением срока действительно оплачиваемый последним, он только дает ему часть стоимости, которую ему в противном случае пришлось бы держать у себя без употребления и в виде наличных денег для покрытия текущих платежей. Оплата векселя, когда срок его действия истекает, возмещает банку стоимость, которую он ссужает вместе с процентами на нее. Кассы банка, поскольку его операции ограничиваются такого рода клиентами, могут быть сравнены с бассейном, откуда постоянно вытекает одна струя, но куда постоянно же притекает другая, приносящая столько же воды, сколько уносит первая, так что без особых забот и усилий вода в бассейне всегда остается на том же или почти на том же уровне. Банку не приходится производить никаких расходов или понесать очень малые издержки для пополнения своих касс.

Естественно, даже не расширяя чрезмерно своих оборотов, часто приходится нуждаться в наличных деньгах даже и тогда, когда у него нет векселей для учета. Если банк, кроме учета представляемых ему векселей, ссужает ему в таких случаях на необременительных условиях, предлагаемых шотландскими банками, необходимые суммы для открытия ему текущего счета с уплатой ее по частям, то он совершенно избавляет его от необходимости держать у себя или в казначействе часть своего капитала без употребления и в наличных деньгах для производства текущих платежей. Когда к нему предъявляются подобные требования платежа, он может удовлетворять их из открытого ему текущего счета. Однако банк, ведя операции с клиентами подобного рода, должен очень внимательно следить за тем, вполне ли равняется или нет за некоторый определенный период времени (например, 4, 5, 6 или 8 месяцев) сумма платежей, обычно получаемых им от них, сумме ссуд, выдаваемых им. Если в течение таких коротких промежутков времени сумма платежей от известной группы клиентов вполне соответствует сумме отпущенных им кредитов, банк может смело продолжать операции с этими клиентами. Хотя струя, непрерывно вытекающая из касс банка, может быть очень сильна, но

другая струя, притекающая к ним, оказывается не менее сильной, так что кассы банка без каких-либо дальнейших забот и усилий остаются все время наполненными или почти наполненными. Не требуется никаких чрезвычайных расходов для пополнения касс. Если, напротив, сумма платежей другой группы клиентов значительно ниже суммы предоставленных им банком кредитов, то банк не может без риска продолжать вести с ними дела, по крайней мере если они не изменят своего образа действий. Струя, отливающая в таком случае из его касс, неизбежно будет значительно сильнее струи, которая приливает к ним, так что они должны скоро опустеть, если не будут производиться значительные и постоянные затраты для пополнения их.

Соответственно этому шотландские банки в течение долгого времени считали необходимым требовать от всех своих клиентов регулярной уплаты по их обязательствам и отказывались иметь дела с людьми, независимо даже от размеров их состояния и имущества, которые, как они это называли, не совершают с ними операций часто и регулярно. При таком осмотрительном ведении дел банки не только могли сберечь почти всю ту сумму, которая поглощается чрезвычайными расходами на пополнение касс банка, но и извлекали еще две другие весьма значительные выгоды.

Прежде всего при такой осторожности банки получали возможность составлять себе более или менее верное мнение относительно хорошего или плохого положения дел своих клиентов, не вынуждены наводить иные справки, помимо справок, которые доставляли их собственные книги: ведь аккуратность или неаккуратность в платежах большей частью зависит от того, в каком или плохом состоянии находятся дела данного человека. Человек, который ссужает деньги пяти или десяти должникам, самодельно или через своих служащих постоянно и тщательно наблюдает и осведомляется о поведении и положении каждого шотландца. Но банковская компания, ссужающая деньги, может быть, по отношению к различным лицам, — причем ее внимание постоянно занято делами самого различного рода, — не может иметь других регулярных сведений об образе действий и обстоятельствах большей части своих должников, кроме сведений, даваемых ему его собственными клиентами. Требуя от всех своих клиентов частых и регулярных платежей, шотландские банки, вероятно, и имели в виду именно это преимущество.

Во-вторых, следя за этим, банки обеспечивали себя от возможности выпустить больше бумажных денег, чем сколько могло быть обращено в обращение страны. Когда они замечали, что на протяжении небольших промежутков времени платежи к ним, и будь одного клиента в большинстве случаев вполне покрывали предоставленные ему кредиты, они могли быть уверены, что эти деньги, которые они ссудили ему, ни на один момент не вывели из страны то количество золота и серебра, которое он в противном случае должен был бы иметь в наличности для производства

платежей, и что, следовательно, количество бумажных денег, находящихся в обращении, ни на одну минуту не превышает того количества золота и серебра, которое находилось в обращении страны, если бы совсем не было бумажных денег. Если бы поступление от него платежей, их регулярность и размеры точно показывают, что сумма открытых ему кредитов ни разу не превысила ту часть его капитала, которую он при отсутствии кредита должен был бы держать без употребления и в наличных деньгах для текущих платежей, т. е. для того, чтобы оставшаяся часть его капитала могла быть все время производительной. Эта часть капитала через небольшие промежутки времени постоянно возвращается ко всякому торговцу в виде денег — бумажных или звонкой монетой — и в том же виде непрерывно уходит от него. Если бы открытые банком кредиты вообще превышали эту сумму капитала, сумма обычных платежей торговца не могла бы в течение небольшого промежутка времени покрыть сумму открытых им кредитов. Струя денег, притекающая в результате операций с ним в кассы банка, не могла бы быть равной той струе, которая непрерывно отливает из них в связи с этими же операциями. Если бы выдаваемые бумажными деньгами, превышая количество золота и серебра, которое торговец должен был бы держать при себе для текущих платежей, если бы не получал этих кредитов, скоро бы превысить все то количество золота и серебра, которое находится в обращении (в неизменных размерах оборотов торговли) находилось бы в обращении страны при отсутствии бумажных денег, а, следовательно, количество, которое без затруднений могло бы поглотить и вытеснить обращение страны; излишек же бумажных денег при этих условиях должен был бы немедленно возвращаться в банк в виде золота и серебра. Эту вторую выгоду, хотя она столь важна, не так хорошо понимали различные банковские компании в Шотландии, как первую.

Кредитоспособные купцы какой-либо страны отчасти благодаря удобству, предоставляемому им учетом их векселей, а отчасти благодаря возможности пользоваться удобствами открытых текущих счетов освобождаются от необходимости держать без употребления и в наличных деньгах часть своего капитала для текущих платежей, то они, однако, не могут рассчитывать на дальнейшую выгоду со стороны банков и банкиров, которые, достигнув этого преимущества, не могут, соблюдая собственные интересы, идти дальше. Если бы, вопреки своим интересам, банк не мог ссужать купцу весь или большую часть оборотного капитала, с которым тот работает, то, конечно, хотя этот капитал непрерывно возвращается к нему в виде денег и в том же виде уходит от него, все же обратное возмещение всего его капитала значительно отстоит по времени от его поступления, и сумма производимых им платежей банку не может сравниться с суммой полученных им от банка кредитов на протяжении непродолжительных периодов времени, как это соответствует интересам банка. Еще меньше банк может ссудить ему

сколько-нибудь значительную часть его основного капитала, например капитала, который железозаводчик затрачивает на здание своих плавильных печей, литейной, мастерских и жилищ для своих рабочих и т. п. или который затрачивает промышленник на устройство шахт, на сооружение машин, откачки воды, на проведение дорог и рельсовых путей и т. п. Капитала, который затрачивает лицо, взявшееся за удел земли и употребляющее его на расчистку, осушение, орошение, удобрение и вспашку пустошей и необработанных полей, постройку фермерских домов со всеми необходимыми службами, хлевами, амбарами и пр. Возвращение основного капитала во всех случаях гораздо медленнее оборотного капитала, добного рода затраты, даже если они производятся с великим благоразумием и расчетом, очень редко возвращаются предпринимателю раньше, чем через несколько лет, а это слишком продолжительный период для банковской практики. Торговцы и другие предприниматели могут, без сомнения, с большим удобством вкладывать очень значительную часть своих проектов на займы. Однако в интересах их кредиторов их собственный капитал в таком случае быть достаточным для обеспечения, если так выразиться, капитала этих кредиторов или для исключения возможности того, чтобы эти кредиторы потерпели потери в том случае, если их проекты далеко не оправдают ожидания авторов. Однако даже при соблюдении такой предосторожности занимаемые таким образом деньги, которые имеются в виду только через несколько лет, не следует занимать в банке; их лучше занимать под обязательство или под закладные у частных лиц, которые намерены жить на проценты со своего капитала, не затрудняя себя самостоятельным употреблением его в торговле, желая пользоваться им в течение нескольких лет. Конечно, банк, ссужающий деньги без расходов на гербовый сбор или на вознаграждение нотариуса при составлении обязательств или закладных и принимающий платежи по ним на льготных условиях шотландских банков, был бы, без сомнения, очень удобным кредитором для подобных купцов и промышленников, но, разумеется, они сами явились бы в высшей степени рискованными должниками для такого банка.

Прошло уже больше двадцати пяти лет с тех пор, как колоссальная сумма бумажных денег, выпущенных различными банкирскими компаниями в Шотландии, вполне достигло или даже, пожалуй, несколько превысило ту сумму, которую могло без затруднений поглотить население страны. Эти компании, таким образом, уже долгое время оказывали купцам и другим промышленникам Шотландии такое содействие, которое банки и банкиры могут оказывать, не считаясь с собственными интересами. Они даже делали несколько больших операций. Они несколько превысили нормальные размеры своих операций и навлекли на себя те убытки или, по крайней мере, то умень-

шение, которым в этой специальной области всегда сопровождается такое превышение нормальных оборотов. Купцы же и другие предприниматели, получив такую значительную помощь от банков, желали получить еще больше. Банки, — так, повидимому, рассуждали, — могут увеличивать свои кредиты до любых сумм, не расходуя на это ничего, кроме немногих процентов этих банков, которые, по их словам, не расширяли кредитов в соответствии с расширением торговли и промышленности страны, причем, без сомнения, под таким расширением понимали расширение своих собственных проектов за пределы того, что они могли выполнить сами на свой собственный капитал. Тот капитал, который могли занять у частных лиц обычными заемными обязательствами или ссуд под залог. Репутация банков, к сожалению, обязывала их восполнять недостающие им суммы и брать их всем тем капиталом, который они желали получить в результате своих операций. Банки, однако, держались иного мнения, и в случае отказа расширять предоставляемые кредиты, некоторые из торговцев и промышленников прибегали к средству, которое некоторое время служило их цели, хотя и с гораздо более значительными издержками, но все же не менее действительно, чем то, что бы сделать величайшее расширение банковских кредитов. Это средство состояло не в чем ином, как в широко известной практике трассировки и переписывания векселей, к которой иногда прибегают неудачливые торговцы и промышленники, когда они находятся на краю банкротства. Практика получения денег посредством денег была давно известна в Англии, и во время войны, когда большие прибыли сильно соблазнили их расширять обороты, к ней, как утверждают, прибегали в широких размерах. Из Англии она была перенесена в Шотландию, где, в сравнении с весьма ограниченными размерами торговли, весьма небольшим капиталом страны, она скоро получила большее распространение, чем даже в самой Англии. Практика трассировки и переписывания векселей настолько знакома всем деловым людям, что было бы, пожалуй, излишне объяснять ее, но так как эта книга может попасть в руки людей, которые не принадлежат к числу деловых людей, так влияние этой практики на банковское дело не всегда понятно, пожалуй, даже и сами деловые люди, то я постараюсь объяснить это настолько понятно, насколько могу. Обычные обычаи, установившиеся в то время, когда варварские обычаи Европы не принуждали торговцев к выполнению своих обязательств, и воспринятые в течение двух последних столетий всеми европейскими народами, придали таким чрезвычайным операциям, как трассировка векселей, что деньги ссужаются под них с гораздо большей готовностью, чем под какие-либо иные обязательства, и с гораздо меньшей готовностью, если они подлежат оплате в течение столь короткого времени, как два или три месяца со дня их выдачи. Если в день

срока векселя акцептант не оплатит его по предъявлении, он в момент становится банкротом. Вексель протестуется и является трассанту, который, если немедленно не оплатит подобным же образом становится банкротом. Если до того вексель попадет в руки лица, предъявившего его к оплате трассанту, он прошел через руки ряда других лиц, которые последовательно ссудили одно другому его сумму деньгами или теми и которые для установления того, что каждое из них получило очередь эту сумму, по очереди индоссировали его, т. е. сделали свои подписи на обороте векселя, то каждый индоссант принимает в свою очередь обязательство перед владельцем векселя в размере его суммы и, если не уплатит ее, тоже станет с этого момента банкротом. И хотя бы трассант, акцептант и индоссант были исключены людьми с сомнительной кредитоспособностью, краткость срока дает обладателю векселя известную гарантию платежа. Хотя весьма вероятно, что все они окажутся банкротами, однако трудно предполагать, чтобы они все успели обанкротиться в столь короткое время. Дом ветхий долго не продержится, и себе путник, но трудно предполагать, чтобы он обрушился в эту ночь, и я рискну поэтому переночевать в нем сегодня.

Положим, купец А в Эдинбурге выписывает на Б в Лондоне вексель сроком на два месяца. В действительности, Б в Лондоне не должен А в Эдинбурге, но он соглашается акцептовать вексель с условием, что до наступления срока платежа он выпишет в Эдинбурге другой вексель на ту же сумму вместе с проценты и комиссией тоже сроком на два месяца со дня написания. Согласно этому условию, Б, до истечения первых двух месяцев, выпишет такой вексель на А в Эдинбурге, который, в свою очередь, до истечения следующих двух месяцев, выписывает новый вексель в Лондоне, тоже сроком на два месяца, а до истечения следующих двух месяцев Б в Лондоне выписывает на А в Эдинбурге один вексель тоже сроком на два месяца. Такая процедура тянулась не только несколько месяцев, но и ряд лет, причем всякий раз возвращался к А в Эдинбурге с накопившимися процентами и комиссией за все предыдущие векселя. Процент устанавливался в размере пяти годовых, а комиссия всегда была в полупроцента за каждый вексель. Поскольку такая комиссия малась более шести раз за год, деньги, которые А мог получить таким способом, должны были обходиться ему несколько дешевле, чем по 8 процентов в год, а иногда и значительно дороже, — когда повышался размер комиссии или когда ему приходилось платить сложные проценты на проценты и комиссию за предыдущие векселя. Практика эта получила название добывания денег с помощью обращения.

В стране, где обычная прибыль на капитал в большей части коммерческих предприятий признается равной от 6 до 10 на сто, очень удачная спекуляция может принести такую выручку, которая не только покрывает громадные издержки, связанные с

для нее займом, но и даст еще хорошую добавочную прибыль спекулянту. Между тем обширные операции предпринимались и производились в течение нескольких лет при отсутствии каких-либо средств для них, кроме тех сумм, какие удавалось получить такими чрезвычайно большими издержками. Спекулянты, конечно, в своих золотых сновидениях отчетливо видели эту большую прибыль. Однако при пробуждении, к концу своих операций когда они больше не были в состоянии продолжать их, им мне думается, удавалось видеть реализацию этих надежд¹. Векселя, которые А в Эдинбурге выписывал на Б в Лондоне, он обычно учитывал за два месяца до срока в каком-нибудь банке или у какого-нибудь банкира в Эдинбурге, а векселя, которые Б в Лондоне выписывал взамен этого на А в Эдинбурге, учитывались Б в Английском банке, или у других лондонских банкиров. Все эти векселя, которые выдавались под такие обращающиеся векселя, учитывались в Эдинбурге билетами шотландских банков, а в Лондоне — когда они учитывались в Английском банке, — билетами этого же банка. Хотя векселя, под которые выдавались эти билеты, все выдавались по очереди, когда наступал их срок, однако стоимость действительно выданная под первый вексель, в действительности никогда не возвращалась к банку, выдавшему ее; в самом деле,

описанный здесь способ не был ни самым обычным, ни наиболее убыточным способом, при помощи которых прожектеры получали деньги. Нередко случалось, что эдинбургский купец А, желая доставить средство лондонскому купцу Б уплатить по первому векселю, за несколько дней до истечения его срока выписывал на него новый вексель сроком на три месяца. И так как последний вексель учитывался по предъявлении написавшего его, то купец А и продавец в Эдинбурге по его цене, а на вырученную сумму он покупал векселя в Лондоне Б, с уплатой по ним по предъявлении, и пересылал в Лондон к Б. В конце последней войны за векселя при переводе из Эдинбурга в Лондон платили надбавку в 3 процента, так что А часто был платит такую премию при покупке векселей с уплатой по предъявлении. Поэтому такая операция, повторенная до четырех раз в год, с приростом $\frac{1}{2}$ процента за комиссию за всякое ее повторение, обходилась для купца А, по меньшей мере, в 14 процентов. Иногда же средство, которым прибегал А, чтобы доставить возможность Б уплатить по первому векселю, состояло в том, что он высылал за несколько дней до истечения срока на другой вексель на два месяца, но не на Б, а на третье лицо, например на лондонского купца В. Уплаты по этому векселю требовал Б, и, следовательно, как В акцептовал этот вексель, Б учитывал его у какого-нибудь банкира в Эдинбурге, а А доставлял возможность В уплатить по векселю, выданному ему за несколько дней до срока третий вексель тоже на два месяца тому же купцу Б или же на четвертое и пятое лицо, например Г или Д. Таким образом, вексель предъявлялся В, который, после того как вексель был акцептован, учитывал его таким же образом у какого-нибудь лондонского банкира. Таким образом, операция для займа денег, повторенная, по крайней мере, шесть раз в продолжение года, с присовокуплением $\frac{1}{2}$ процента за комиссию за всякое повторение и законных 5 процентов, подобно операции, описанной выше, должна обойтись А более чем в 8 процентов. Тем не менее по сравнению с операцией, описанной выше, она была менее выгодна, чем та, которая приведена в первой половине этого примечания, но зато требовала сношений с большим числом лондонских торговых домов, что влияло на некоторые затруднения для многих из указанных прожектеров.

еще до наступления срока каждого векселя всегда выписывал новый вексель на несколько большую сумму, чем вексель, лежащий в скором времени оплате, причем учет этого нового векселя был безусловно необходим для оплаты векселя, срок которого истекал. Поэтому уплата по нему являлась целиком фиктивной. Струя денег, отливающаяся благодаря этим обращающимся векселям из касс банка, никогда не возмещалась другой струей, действительной притекавшей к ним.

Количество бумажных денег, выпускавшихся под эти обращения векселя, во многих случаях достигало всей суммы, назначавшейся на выполнение какого-либо обширного и дорогого сельского хозяйственного, коммерческого или промышленного предприятия, а не только той ее части, которую должен был держать при себе, не вкладывая их в дело и наличными деньгами предприниматель для производства текущих платежей, следовательно, вообще не было бумажных денег. Вследствие этого большая часть этих бумажных денег превышала стоимость золота и серебра, которые обращались бы в стране, если бы не было бумажных денег. Они, следовательно, превышали то количество, которое могло быть поглотить и применить обращение страны; поэтому они неминуемо притекали обратно в банки для обмена на золото и серебро, и банки вынуждены были добывать во что бы то ни стало. Вот почему капитал эти прожектеры очень ловко ухитрялись извлекать из банков не только помимо их ведома или обдуманного согласия, но и в течение некоторого времени, пожалуй, при отсутствии согласия банков малейшего подозрения насчет того, что они фактически ссудили его.

Если два лица, постоянно трассирующие друг на друга, выдают свои векселя всегда у одного и того же банкира, он может сейчас же обнаружить, в чем дело, и увидеть, что они ведут операции не на собственный капитал, а на капитал, какой-то общий для них. Но обнаружить это не так легко, если они учитывают векселя то у одного, то у другого банкира и если эти лица не трассируют друг на друга, а иногда пользуются большим количеством спекулянтов, в интересах которых помогать друг другу в использовании этого средства добывать деньги и сделать в этих случаях возможно более затруднительным различие между действительным и фиктивным векселем, между векселем, выписанным действительным кредитором на действительного должника, и векселем, выписанным кредитором, собственно, не стоящим никакого действительного кредита, кроме банка, который учел его, и никакого действительного кредита, кроме прожектера, воспользовавшегося деньгами. И даже банкир и делал это открытие, он иногда обнаруживал его слишком поздно и убеждался, что учел уже векселей этих спекулянтов на столь значительные суммы, что своим отказом прекратить дальнейший учет он неизбежно приведет их всех к банкротству и, погубив их, может, пожалуй, погубить самого себя. В собственных интересах и ради собственной безопасности он должен

признать необходимым при таком очень опасном положении прекратить еще некоторое время учет их векселей, пытаясь, однако, конечно освободиться от этого дела и с этой целью делая с каждым годом все большие и большие затруднения при учете, чтобы заставить спекулянтов постепенно обращаться или к другим банкирам, или прибегать к другим способам добывания денег, а самому пользоваться возможностью поскорее выйти из этого круга. Поэтому затруднения, которые стали делать при учете векселей Английский банк, и лондонские банкиры и даже более осторожные шотландские банки, спустя некоторое время после того как все они зашли в такое далеко, не только встревожили, но и привели в ярость спекулянтов. Свое собственное разорение, которое, без сомнения, было непосредственным результатом этой благоразумной и разумной сдержанности банков, они объявили разорением страны и утверждали, что это разорение страны вызвано невежеством, трусостью и плохим управлением банков, которые не предоставили достаточно щедрой поддержки широко задуманным предприятиям тех, кто напрягал свои силы, чтобы возвеличить, улучшить и обогатить страну. Они, по видимому, думали, что обязанность банков — предоставлять ссуды на такой срок и в таких размерах, как им заблагорассудится занимать. Между тем банки, отказываясь в дальнейшем кредите тем, кому они уже без того ссудили слишком много денег, избрали единственный путь, каким теперь оказывают возможным спасти их собственный кредит или общественный кредит страны.

Возраст этих воплей и затруднений в Шотландии был учрежден банк со специальной целью облегчить стесненное положение страны. Намерения были благородны, но выполнение их неразумно, и характер и причины того стесненного положения, которое имелось в стране, облегчить, не были как следует поняты. Этот банк отличался от других своей щедростью, чем какой бы то ни было другой, как в отношении открытия текущих счетов, так и учета векселей. Что касается учета векселей, то он как будто не делал почти никакого различия между действительными и фиктивными векселями, учитывая одинаково и другие. Банк этот открыто усвоил себе правило ссужать сколько-нибудь разумное обеспечение всю сумму капитала, подлежащего вложению в такие предприятия, в которых возврат капитала ступает наиболее медленно и спустя продолжительное время, например, в предприятия сельскохозяйственные. Заявлялось, что содействие такого рода предприятиям составляет главную полезную цель, ради которых он учрежден. В результате своей щедрости в деле открытия текущих счетов и учета векселей банк несомненно, выпускал большие количества своих банкнот. Эти банкноты, поскольку большая их часть не могла быть легко выведена и употреблена обращением страны, притекали обратно

Вот идет о банке, который был основан в 1769 г. Дугласом, Героном и прекратил платежи в 1772 г.]

в банк для обмена на золото и серебро с такой же быстротой, с какой выпускались. Кассы банка никогда не обладали достаточной наличностью. Капитал банка, собранный по подписке по двум выпускам акций, достигал 160 тысяч фунтов, из которых оплачено было только 80 процентов этой суммы. Вся сумма должна была быть оплачена в несколько сроков. Большинство обладателей акций, сделав первоначальный взнос, открыли в банке текущий счет, а его директора, считая себя обязанными относиться к своим собственным акционерам с такой же благожелательностью, с какою они относились ко всем другим акционерам, позволяли многим из них занимать по этому текущему счету суммы, которые они потом вносили в банк в виде своих последующих взносов по акциям. Эти платежи поэтому лишь возвращали в одну кассу те суммы, которые только что были взяты из другой. Но как бы много денег ни было в кассах этого банка, его слепая политика широкие операции должны были опустошать их быстрее, чем они могли пополняться каким бы то ни было иным способом, и в результате разорительного способа трассирования векселей на Лондон и другие города в срок вместе с процентами и комиссией посредством выдачи векселей на Лондон же нового векселя. И поскольку у банка с самого начала было очень мало денег, он вынужден был, как передают, прибегнуть к этому средству спустя немного месяцев после начала своих операций. Недвижимое имущество владельцев этого банка стоило около нескольких миллионов, и, поскольку они подписались под учредительным актом банка, они фактически отвечали этим имуществом всем обязательствам банка. Благодаря большому кредиту, который давало банку столь солидное обеспечение, он мог, несмотря на то, что это было слишком щедрый образ действий, продолжать свои операции в течение более двух лет. Когда банку пришлось прекратить обращение своих банкнот, и на деле извести их, он имел в обращении своих банкнот на сумму около 200 тысяч фунтов. Чтобы обеспечить обращение этих банкнот, которые непрерывно возвращались к нему тотчас же после их выпуска, он должен был постоянно практиковать выписывание векселей на Лондон, стоимость которых непрерывно возрастала, так что к моменту приостановки операций банка сумма их превысила 600 тысяч фунтов. Таким образом, банк этот за два с небольшим года с различными лицам свыше 800 тысяч фунтов по 5 процентов в год касаясь 200 тысяч фунтов, обращавшихся в виде банкнот, по 5-6 и по 7-8 процентов можно, пожалуй, считать чистой прибылью, вычесть отсюда расходы по управлению. Но на 600 тысяч фунтов для получения которых он все время трассировал векселя на Лондон, банк платил в виде процентов и комиссии свыше 8 процентов, следовательно, терял более чем 3 процента с суммы, превращенной в три четверти его оборотов.

Операции этого банка привели, как кажется, к результатам прямо противоположным по сравнению с теми, какие имелись в виду его инициаторами и руководителями. Они, как кажется, начали оказывать поддержку широко задуманному предприятию, каковыми они считали предприятия, затевавшиеся в то время

в этих частях страны, и одновременно с этим заменить все другие банки, сосредоточив в своих руках все банковское дело, особенно имелось в виду вытеснить эдинбургские банки, от которых в области учета векселей вызвала некоторое недоверие. Новый банк, вне всякого сомнения, оказал некоторую финансовую поддержку этим предпринимателям и дал им возможность проводить их проекты в течение двух лишних лет. Но этим только дал им возможность еще глубже увязнуть в долгах, так что когда наступил крах, это тем тяжелее отозвалось как на них самих, так и на их кредиторах. Таким образом, операции банка вместо того чтобы облегчить, в действительности лишь усилили в конце концов затруднения и бедствия, которые эти предприниматели навлекли на себя и на свою страну. Было бы гораздо лучше для них, если бы для их кредиторов и для страны, если бы большинство из них было вынуждено было прекратить свои дела на два года раньше. Но временная поддержка, оказанная банком этим предпринимателям, оказала действительную и длительную помощь другим шотландским банкам. Все те, кто оперировал с обращающимися векселями и кому эти банки делали затруднения в учете таких векселей, отхлынули к этому новому банку, где их встречали с распробами обаяния. Благодаря этому остальные банки смогли избежать легкого выйти из этого фатального круга, выбраться из которого при других условиях не были бы в состоянии, не потерпев значительных убытков и не поколебав даже в известной мере своего авторитета.

Следовательно, в конечном счете операции нового банка только усилили затруднения и бедствия страны, которые он имел в виду избежать, и на деле избавили от весьма серьезных затруднений тех банкнот, которых предполагалось вытеснить.

В самом открытии нового банка некоторые люди держались мнения, что банк легко сможет пополнять свои кассы всякий раз, как они окажутся пустыми, посредством реализации обеспеченных от лиц, которым он ссудил свои банкноты. Опыт, однако, не кажется, скоро убедил их, что такой способ получения денег слишком медленен для того, чтобы служить этой цели, и что в тех случаях, в которых с самого начала было так мало денег и из которых так быстро отливали, можно пополнять не иначе, как посредством разорительной практики трассирования векселей на Лондон, в наступлении их срока — оплаты их путем выписывания новых векселей на тот же Лондон с добавлением накопившихся процентов и комиссии. Но хотя этот способ позволял добывать деньги, как и прежде, в них ощущалась нужда, однако, вместо того, чтобы получать деньги, банк должен был нести потери на каждой такой операции. Таким образом, банк, как коммерческое предприятие, в конце концов должен был потерпеть крах, хотя, может быть, и не так скоро, как это случилось бы при более широком пользовании этой системой выписывания и переписывания векселей. Банк не мог также извлекать никакой выгоды от процентов с выпускаемых им билетов,

ибо последние, представляя излишек, который не мог быть погашен обращением страны, возвращались к нему тотчас же после выпуска для обмена на золото и серебро, и для оплаты их он постоянно бывал вынужден занимать деньги. Напротив, все расходы, связанные с такими займами, с содержанием агентов для выискивания и имеющих свободные средства, с ведением переговоров с этими лицами и с составлением закладных или обязательств, должны падать на банк и являлись чистым убытком в балансе его счетов. Проект пополнения касс банка таким способом можно сравнить с проектом человека, имеющего пруд, из которого непрерывно протекает вода, но в который нет ниоткуда притока воды, и предполагающего сохранять в нем неизменный уровень воды при помощи нескольких рабочих, которые непрерывно отправляются с ведром к колодцу за несколько миль, чтобы таскать воду для наполнения пруда.

Но если бы даже эта операция и оказалась не только выполнимой и выгодной для банка как коммерческого предприятия, в стране не могла получить от этого никакой выгоды, а, напротив, должна была понести большие потери. Эта операция не могла в малейшей степени увеличить количество денег, свободных для ссуды. Она могла лишь превратить банк в своего рода централизованное учреждение для всей страны. Лица, нуждавшиеся в ссудах, должны были бы обращаться в банк, вместо того, чтобы обращаться к частным лицам, ссудившим ему свои деньги. Но ссужающий свои деньги, может быть, пятистам различным лицам, относительно большей части которых его директор знает мало, вряд ли будет в состоянии делать более правильный выбор своих дебиторов, чем частное лицо, ссужающее деньги непосредственно ему известным лицам, осторожности и бережливости которого, по его мнению, имеет достаточное основание доверять. Принципы такого банка, образ действий которого я охарактеризовал в большинстве своем должны, по всей вероятности, состоять из фантастических прожектеров, людей, постоянно выписывающих обращающиеся векселя, затрачивающих получаемые деньги на нелепые предприятия, которые, даже при всей помощи, какая может быть оказана им, они, вероятно, никогда не будут в состоянии погасить и которые, даже будучи доведены до конца, никогда не могут вернуть суммы, в действительности затраченные на них, когда не смогут доставить фонд для занятия того количества денег, которое было затрачено на них. Наоборот, осторожные и бережливые должники частных лиц скорее всего затратят занятые деньги на надежные предприятия, соответствующие их капиталам, а не будут брать более грандиозные и заманчивые, но зато более солидные и прибыльные, возвращающие с большей прибылью затраченные на них средства и таким образом образующие фонд, на который могут содержать большее количество труда, чем было вложено в них. Таким образом, успех описанной операции, не увеличивая ни в малейшей степени капитала страны, только перевел бы значитель-

часть из благоразумных и прибыльных предприятий в предприятия неразумные и невыгодные.

Известный Лоу был того мнения, что промышленность Шотландии развивается ввиду недостатка в деньгах. Учреждением банка того рода, который, как он, повидимому, воображал, может выдать бумажные деньги на сумму, равную всей стоимости всех земель страны, он предполагал устранить этот недостаток денежных средств. Шотландский парламент, когда он впервые выдвинул свой проект, не считал возможным принять его. Он был впоследствии принят некоторыми изменениями, герцогом Орлеанским, бывшим регентом Франции. Идея возможности умножать до любых пределов количество бумажных денег фактически лежала в основе так называемой Миссисипской компании¹, этого наиболее известного банковского и биржевого предприятия, какое когда-либо появилось в свет. Различные операции этого предприятия с такой полнотой и ясностью и с такой отчетливостью выяснены Дювернем² в анализе «Политических размышлений о торговле и финансах», в котором, что я не стану останавливаться на них. Принципы, положенные в основу его, изложены самим Лоу в «Рассуждении о деньгах и торговле»⁴, которое он издал в Шотландии, когда впервые представил свой проект. Блестящие, но сумасбродные идеи, развитые в некоторых других произведениях по поводу этих же принципов, все еще продолжают производить впечатление на многих людей, и, возможно, в известной мере содействовали тому непомерному умножению банковских операций, по поводу которого в последнее время слышались жалобы как в Шотландии, так и в других местах. Шотландский банк является крупнейшим из существующих в Европе. Он был утвержден в форме корпорации хартией, с приложением большой государственной печати, от 27 июля 1694 г., на основании специального акта парламента. В это время он ссудил в свое распоряжение 1 200 000 фунтов, с условием получать от последнего ежегодно 100 000 фунтов, каковая сумма составила из 96 000 фунтов процентов, считая по восемь на сто, и 4 000 ф. в год на расходы по управлению. Кредит нового правительства, установленного революцией, можно думать, был очень незначителен, если ему пришлось занимать деньги под столь высокие проценты.

¹ Компания называлась основанная Джоном Лоу в 1717 г. спекулятивная акционерная компания, имевшая целью колонизацию Луизианы. Вскоре эта компания под именем «Компании всех Индий» захватила в свои руки всю колониальную торговлю Франции. Для финансирования компании основанный Лоу банк начал к чрезмерным выпускам бумажных денег, в результате чего банк и компания в 1720 г. потерпели жестокий крах. [*Examen du Livre Intitulé Réflexions Politiques sur les Finances et le Commerce. La Haye, 1740.* Книга эта содержит критику сочинения Дюто.]

² *Dutot, Réflexions Politiques sur les Finances et le Commerce. La Haye, 1740.* Критике этого сочинения Дюто посвящена упомянутая выше книга Дю-

⁴ *John Law, Money and Trade considered, with a proposal for supplying the country with money. Edinburgh, 1703.*

В 1697 году банку было разрешено увеличить свой основной капитал на 1 101 171 ф. 10 шилл., так что весь его основной капитал к этому времени достигал 1 201 171 ф. 10 шилл. Это увеличение капитала, как утверждают, было произведено для поддержки государственного кредита. В 1696 г. купоны банка упали на 50 и 60 процентов, а банкноты банка — на 20 процентов¹. Во избежание общей переканки серебра, производившейся в этот период, банк решил нужным прекратить оплату своих банкнот, что неизбежно вызвало понижение их курса.

Согласно ст. 7 закона, изданного в 7-й год правления королевы Анны, банк ссудил и выплатил казначейству 400 000 ф., что увеличило до 1 600 000 ф. ту сумму, которую он выдал за первоначально установленный ежегодный платеж в 96 000 фунтов процентов и 400 000 на расходы по управлению. Следовательно, в 1708 г. правительство пользовалось не худшим кредитом, чем частные лица, поскольку могло занять деньги по 6 процентов, т. е. по обычной в то время законной и рыночной норме. Согласно этому же закону, банк выпустил шестипроцентные билеты казначейства на сумму в 1 775 000 ф. 17 шилл. 10¹/₂ п. и одновременно с тем получил разрешение от правительства на подписку в целях увеличения вдвое своего капитала. Таким образом, в 1708 г. капитал банка достиг 4 402 343 ф., из которых он выдал правительству 3 375 027 фунт. 17 шилл. 10¹/₂ п.

В результате объявления о дополнительном пятнадцатипроцентном взносе по акциям в 1709 г. было уплачено и превращено в капитал 656 204 фунт. 1 шилл. 9 пенс., а объявления о втором дополнительном десятипроцентном взносе в 1710 г. — 501 448 фунт. 12 шилл. 11 пенс., так что капитал банка достиг 5 559 995 фунт. 14 шилл. 8 пенс.

На основании ст. 8 закона, изданного в 3-й год правления королевы Анны, банк погасил на два миллиона билетов казначейства, так что к этому времени он ссудил правительству уже 5 375 000 ф. 17 шилл. 10¹/₂ п. На основании ст. 21 закона, изданного в 1708 г. правления Георга I, банк купил акции Южноокеанской компании на сумму в 4 000 000 ф., а в 1722 г. капитал его в результате выпуска новых акций для приобретения средств для этой покупки увеличен на 3 400 000 ф. Таким образом, к этому времени банк ссудил правительству 9 375 027 ф. 17 шилл. 10¹/₂ пенсов, тогда как его собственный капитал достигал лишь 8 959 995 ф. 14 шилл. 8 п. С этого времени сумма, которую банк дал в ссуду государству и на которую он платил проценты, стала впервые превышать его основной капитал. Эта сумма, на которую он выплачивал дивиденд владельцам акций, стала превышать сумму, на которую он выплачивал дивиденд владельцам других акций; другими словами, банк с этого времени стал ссужать сверхкапиталом, на который он платил дивиденды, капиталом, на который не платил никаких дивидендов. И с тех пор у него оставался такой капитал. В 1746 г. ссуды банка государству достигли 11 686 800 ф., а его акционерный капитал в ре-

¹ *Jones Postlethwaite, History of the Public Revenue, p. 301.*

выпусков акций и дополнительных взносов был увеличен до 780 000 ф. С того времени обе эти суммы оставались без изменения. Согласно ст. 25 закона, изданного в 4-й год правления Георга III, банк согласился заплатить правительству безвозвратно проценты на эти суммы, а также проценты на проценты за продление его привилегии 110 000 фунт. стерлингов. Таким образом, эта сумма не увеличила ни одну из указанных двух сумм.

Дивиденд, выдаваемый банком, колебался в зависимости от колебаний нормы процента, который банк в различные периоды получал от правительства, ссуженные им государству, а также в зависимости от различных обстоятельств. Эта норма процента постепенно понизилась с 10% до трех на сто. В течение нескольких последних лет дивиденд банка равнялся 5¹/₂ процентам.

Устойчивость Английского банка равна устойчивости британского правительства. Все то, что он ссудил государству, должно быть потеряно, прежде чем его кредиторы понесут какие-либо потери. Никакая другая банкирская компания не может быть учреждена в Англии актом парламента или состоять более чем из 6 членов. Банк производит операции не только как банк обыкновенного типа, но и как великий государственный механизм. Он получает и выплачивает большую часть ежегодных платежей, причитающихся крестом государства, он выпускает в обращение билеты казначейства и ссужает правительству годовую сумму земельного налога на солод, которые часто уплачиваются только спустя несколько лет. При выполнении этих различных операций обязанности перед государством иногда вынуждают его, не по вине его кредиторов, переобременять обращение бумажными деньгами. Банк таким образом учитывает коммерческие векселя и в ряде случаев эквивалент кредит главных фирм не только Англии, но и Гамбурга и Голландии. В одном случае, а именно в 1763 году, он, говоря о своей цели за одну неделю около 1 600 000 ф., главным образом в виде слитков. Впрочем, я не ручаюсь ни за размеры приведенных сумм, ни за краткость этого срока. В других случаях это крупное предприятие оказывалось вынужденным производить платежи не монетами, а монетами.

Благоразумные банковские операции могут содействовать развитию производительной деятельности страны не увеличением ее капитала, а превращением большей части существующего капитала в активный и производительный капитал, чего не было бы при отсутствии банка. Та часть капитала, которую коммерсант вынужден держать при себе без применения и в наличных деньгах на покрытие своих платежей, представляет собою мертвый капитал, который не производит ни для него самого, ни для страны, пока остается в том состоянии. Благоразумные банковские операции позволяют превращать этот мертвый капитал в активный и производительный, превращать его в материалы для переработки, в орудия производства и в средства существования для работающих, т. е. в капитал, производящий что-нибудь как для него самого, так и для

его страны. Золото и серебро, находящиеся в обращении либо страны и служащие средством для обращения и распределения между надлежащими потребителями годового продукта ее и труда, представляют собою, как и наличные деньги отделенного коммерсанта, мертвый капитал. Эта весьма ценная часть капитала страны ничего не производит для нее. Благоразумные банкирские операции, заменяя бумажными деньгами значительную часть золота и серебра, позволяют стране превращать большую часть мертвого капитала в капитал активный и производительный, питающий, производящий что-нибудь для страны. Золотые и серебряные деньги, находящиеся в обращении страны, можно с полным правом сравнить с шоссейной дорогой, которая, содействуя передвижению и доставке на рынок всего сена и хлеба страны, сама по себе производит ни одного снопа или вязанки. Благоразумные банкирские операции, создавая, если позволено употребить такую метафору своего рода воздушный путь, дают стране возможность как бы возвращать большую часть ее дорог в хорошие пастбища и хлебопашные поля и таким образом весьма значительно увеличивать годовой продукт ее земли и труда. Однако надо признать, что торговля и промышленность страны, хотя и могут несколько расширяться, но вообще не могут быть столь устойчивы, когда они держатся на скалах, а не на дедаловских крыльях бумажных денег, как если бы они развивались на твердой почве золота и серебра. Помимо случаев, когда бумажные деньги, каким они подвержены благодаря неумению распорядиться этими бумажными деньгами, они стоят под угрозой многих других случайностей, от которых их не может уберечь осторожность и осмотрительность этих распорядителей.

Неудачная война, например, во время которой неприятель захватил бы столицу, а следовательно и те сокровища, которые служат обеспечением бумажных денег, вызвала бы гораздо большее затруднение в стране, где все обращение питается бумажными деньгами, чем в стране, где обращение в большей своей части основано на золоте и серебре. Поскольку обычное орудие обмена утрачивает свою стоимость, ни одной меновой сделки нельзя было бы совершить иначе, как посредством натурального обмена или в натуральном виде. Поскольку все налоги уплачиваются обычно бумажными деньгами, король не имел бы чем платить своим войскам или снабжать военные склады; страна оказалась бы в гораздо более затруднительном положении, чем если бы значительнейшая часть ее обращения состояла из золота и серебра. Государь, желающий сохранить свои владения в любое время в таком состоянии, при котором было бы гораздо легче защищать их, должен ввиду этого не только воздерживаться от чрезмерного умножения бумажных денег, разоряющих самые банки, которые выпускают их, но и такого увеличения количества, которое приводит к заполнению ими большей части обращения страны.

Обращение каждой страны можно считать распадающимся на самостоятельные ветви: обращение, совершающееся между торговцами и обращение, происходящее между торговцами и потребителями. Хотя одни и те же денежные знаки, бумажные или металлические, могут употребляться то в одной ветви обращения, то в другой, все же, поскольку оба эти процесса обращения происходят одновременно и то же время, каждый из них требует для своего совершения определенной суммы денег того или иного рода. Стоимость денег, обращающихся между различными торговцами, никогда не может превысить стоимость товаров, обращающихся между торговцами и потребителями, поскольку все, что продается торговцами, должно быть куплено на их счете, предназначенном для продажи потребителям. Обращение между торговцами, носящий оптовый характер, требует обыкновенно довольно значительной суммы для каждой отдельной сделки. Обращение между торговцами и потребителями, напротив, требует лишь очень небольших сумм, — нередко бывает достаточно шиллинга или даже полпенни. Но мелкие суммы обращаются гораздо быстрее крупных. Шиллинг меняет владельцев гораздо чаще, чем гиней, а полпенни чаще шиллинга. Поэтому, хотя покупки и продажи за год всех торговцев, они по общему правилу могут быть сведены посредством гораздо меньшего количества денег, ибо те же монеты, благодаря более быстрому своему обращению, служат орудием для совершения гораздо большего количества покупок и продаж. Обращение бумажных денег может регулироваться таким образом, чтобы оно ограничивалось преимущественно сделками между различными торговцами, или же так, чтобы оно распространялось также и на значительную часть сделок между торговцами и потребителями. Там, где в обращении нет банкнот, обращение в фунтах, как это имеет место в Лондоне, бумажные деньги обращаются в обращении, главным образом, при сделках между торговцами. Когда бумажка в 10 фунтов попадает в руки потребителя, он обыкновенно бывает вынужден разменять ее в первой лавке, где ему приходится купить товаров на 5 шиллингов, так что она часто возвращается в руки торговца еще до того, как потребитель израсходует значительную часть своих денег. Там, где банкноты выпускаются в значительных суммах, как 20 шиллингов, как, например, в Англии, бумажные деньги распространяются на значительную часть обращения между торговцами и потребителями. До издания законодательства о реформе обращения банкнот в 10 и 5 шиллингов, они занимали еще большую часть обращения. В Северной Америке бумажные деньги обыкновенно выпускались такими мелкими купюрами, как шиллинг, и заполняли почти все обращение. В Йоркшире они выпускались даже в столь мелких купюрах, как шесть пенсов, где допускается и обычно практикуется выпуск банкнот на незначительные суммы, многие малосознательные люди пользуются этой возможностью и решаются делаться банкирами. Человек, обладающий капиталом в 5 фунтов или даже в 20 шиллингов будет

всеми отвергнуто, сумеет обеспечить прием его без всяких затруднений, если оно выдается на такую ничтожную сумму, как пенсов. Но частые банкротства, каким должны подвергаться и ныне нищенские банкиры, могут вызывать весьма значительные неудобства, иногда даже и очень большие бедствия для немощных людей, получивших в уплату такие банкноты.

Было бы, пожалуй, лучше, если бы в королевстве нигде не выпускались банкноты на сумму меньшую, чем в пять фунтов. Нигде в королевстве бумажные деньги не выходили бы, вероятно, пределы обращения между различными торговцами, как это место в настоящее время в Лондоне, где совсем не выпускаются банкноты стоимостью ниже 10 фунтов¹, ибо пять фунтов в большинстве местностей королевства представляют собою сумму, на которую хотя и можно купить, пожалуй, лишь несколько больше товаров, чем на половину десяти фунтов, но на которую там смотрят так же, как на 10 ф. в Лондоне, и столь же редко затрачивают ее сразу, как 10 ф. в расточительном Лондоне.

Следует заметить, что там, где, как в Лондоне, бумажные деньги ограничиваются, главным образом, обращением между торговцами, всегда наблюдается обилие золота и серебра. Там, где они составляют значительную часть обращения между торговцами и покупателями, как в Шотландии и еще больше в Северной Америке, почти целиком вытесняют из страны золото и серебро; почти все обычные сделки ее внутренней торговли происходят при посредстве бумажных денег. Изъятие из обращения десяти и пятишиллинговых банкнот несколько уменьшило недостаток золота и серебра в Шотландии, а изъятие банкнот в 20 шиллингов, вероятно, еще больше уменьшит его. Эти металлы, как сообщают, стали встречаться в Америке в большем количестве после упразднения некоторой доли ее денежных валют. Точно так же указывают, что их было больше и в Шотландии денная этих валют.

Если бы даже бумажные деньги были ограничены исключительно обращением между торговцами, тем не менее банки и банкиры были бы в состоянии предоставлять промышленности и торговле в стране почти такую же помощь, как и тогда, когда бумажные деньги заполняют почти все обращение. Наличные деньги, которые торговцы вынуждены держать при себе для текущих платежей, предназначены вообще для обращения между ним и другими торговцами, у которых он покупает товары. Ему нет нужды держать при себе деньги для обращения между ним самим и потребителями, которые являются его клиентами и приносят ему наличные деньги, а не берут их у него. Поэтому, если бы даже допускался выпуск бумажных денег на такие суммы, которые ограничивают их обращение между торговцами, однако банки и банкиры могли бы отчасти посредством реальных векселей, отчасти в виде ссуд по текущим счетам

¹ Банк впервые выпустил банкноты стоимостью в 10 фунтов в 1793 г.; в 1 и 2 фунта—в 1797 г. В 1844 г. был запрещен выпуск банкнот ниже 5 фунтов.]

большую часть этих торговцев от необходимости держать без употребления сколько-нибудь значительную часть своего капитала в наличных деньгах для покрытия текущих платежей. Они могли бы, следовательно, оказывать наибольшую поддержку, какую, ругаясь благоразумием, банки и банкиры вообще в состоянии оказывать торговцам и промышленникам всякого рода.

Можно сказать, что препятствовать частным лицам получать в силу обязательства банкира на большую или малую сумму, или сами согласны принимать их, или ограничивать банкира в выполнении таких обязательств, хотя все его соседи согласны принимать их, не представляет собою явное посягательство на ту естественную свободу, которую закон должен охранять, а не нарушать. А такое посягательство, без сомнения, может быть в некоторых отношениях рассматриваемо как подавление естественной свободы. Но такие ограничения естественной свободы немногих отдельных лиц, которые подвергают опасности благополучие всего общества, ограничиваются и должны ограничиваться законами всех правительств,—и в демократических, так и наиболее деспотических. Обязательство банкира не выпускать брандмауэры между домами, чтобы предотвратить распространение пожаров, представляет собою нарушение естественной свободы, совершенно такого же характера, как и регулирование банковских операций, предложенное здесь.

Бумажные деньги, состоящие из банкнот, которые выпускаются в обращение, обладающими безупречным кредитом, и подлежат оплате по предъявлению без всяких условий и фактически всегда оплачиваются именно по предъявлению, во всех отношениях равны по стоимости золоту и серебру, поскольку в любой момент в обмен на них можно получить золото и серебро. Все, что покупается или продается за бумажные деньги, обязательно должно покупаться или продаваться так же, как и при покупке или продаже на золото и серебро.

Следовательно, если бы вывали, что возрастание количества бумажных денег, увеличение общего количества обращающихся денег, а следовательно уменьшение их стоимости, неизбежно повышает денежную цену товаров. Но, как количество золота и серебра, извлекаемого из обращения, равно количеству бумажных денег, вливаемых в него, бумажные деньги отнюдь не обязательно увеличивают общее количество обращающихся денег. С начала истекшего столетия до настоящего времени предметы продовольствия никогда не были в Шотландии дешевле, чем в 1759 году, хотя благодаря обращению банкнот в 10 и 20 шиллингов там тогда было в стране больше бумажных денег, чем в настоящее время. Соотношение цен на предметы продовольствия в Шотландии и Англии и ныне такое же, какое было до появления в Шотландии банковских компаний в Шотландии. Хлеб в большинстве случаев в Шотландии столь же дешев, как и во Франции, хотя в Англии в настоящее время обращено очень много бумажных денег, а во Франции их почти не было в 1751 и 1752 гг., когда Юм опубликовал свои «Политические рассуждения» и вскоре после значительного увеличения количества бумажных денег в Шотландии, произошло весьма заметное повышение

ние цен на предметы продовольствия, вызванное, вероятно, не дефицитом, а не увеличением количества бумажных денег.

Конечно, иначе было бы с бумажными деньгами, состоящими из обязательств, немедленность оплаты которых зависела бы во всех случаях от усмотрения выдавших их или от условия, которое поставил держатель этих обязательств не всегда был бы в состоянии выполнить платеж, по которым можно было бы требовать только по истечении определенного числа лет и которые в течение этого времени не давали бы никаких процентов. Подобные бумажные деньги, без обеспечения, упали бы в большей или меньшей мере ниже стоимости серебра, в зависимости от большей или меньшей трудности или возможности получить оплату их или в зависимости от большего или меньшего срока, по истечении которого можно было бы требовать их.

Несколько лет тому назад некоторые шотландские банкирские компании имели обыкновение печатать на своих банкнотах обязательную оговорку об усмотрении, в силу которой они обязывали держателя предъявлять платеж по банкноте или немедленно по предъявлении, или, по усмотрению директоров, через шесть месяцев по предъявлении, с уплатой законного процента за эти 6 месяцев. Директоры некоторых из этих банков пользовались иногда этой оговоркой и нередко грозили тем, кто требовал золота и серебра в обмен на значительное количество их банкнот, что они воспользуются этой оговоркой, если эти лица не удовлетворятся частью того, что они требуют. Банкноты этих банкирских компаний составляли в ту пору важнейшую часть обращавшихся в Шотландии денежных знаков, и благодаря такой необеспеченности оплаты их стоимость неизбежно понижалась ниже стоимости золотой и серебряной монеты. Показательством этого злоупотребления (которое практиковалось, главным образом, в 1762, 1763 и 1764 гг.), в то время как курс обмена между Лондоном и Карлайлом держался на уровне паритета, курс в Лондоне на Демфри стоял иногда на 4 процента ниже против Демфри, хотя этот город отстоит не больше чем на 30 миль от Карлайла. В Карлайле векселя оплачивались золотом и серебром, тогда как в Демфри они оплачивались шотландскими банкнотами, и неуверенность в возможности обмена этих банкнот на золотую и серебряную монету понижала их, таким образом, на 4 процента сравнительно со стоимостью этой монеты. Тот же акт парламента, который в 1709 г. запретил выпуск банкнот в 10 и 5 шиллингов, воспретил и эту оговорку, и этим вернул курс обмена между Англией и Шотландией к его естественной норме, т. е. к той норме, которая устанавливается в зависимости от хода торговли и вексельного обращения.

В Йоркшире оплата столь ничтожной суммы, как 6 пенсов, обуславливалась тем, что предъявитель кредитного билета должен был дать сдачи с гиней лицу, выпустившему этот билет; условие это бывало очень трудно выполнить держателям таких кредитных билетов, и это должно было понижать курс этих бумажных денег сравнительно с золотом и серебром. Ввиду этого парламентским актом 1709 г. того рода оговорки и условия были объявлены незаконными, а

того рода кредитных билетов на предъявителя стоимостью ниже пяти шиллингов, так же как и в Шотландии, был воспрещен. Подобное денежное обращение Северной Америки состояло не из банкнот, оплачиваемых по предъявлении, а в государственных банкнотах, платежа по которым можно было требовать лишь спустя несколько лет после выпуска их; и хотя колониальные правительства выплачивали процентов держателям этих билетов, они все же не давали бы и фактически сделали их законным платежным средством только в том случае, если бы они давали полную сумму, обозначенную на них. Но даже если признать такую устойчивость колонии, все же в стране, где нормальный курс обмена достигает шести на сто, 100 фунтов, уплачиваемые через несколько лет, например, будут стоить немногим больше 40 фунтов наличными деньгами. Поэтому обязывать кредитора принимать такое количество наличных денег в погашение долга в 100 фунтов, фактически полученного, было актом такой возмутительной несправедливости, на какую, пожалуй, вряд ли решилось бы правительство любой другой страны, считающей себя свободной. Эта несправедливость носит на себе очевидные следы своего происхождения, будучи признана, как уверяет нас честный и прямодушный д-р Дуглас¹, в законе Пенсильвании, произведя в 1722 г. свой первый выпуск бумажных денег, думало придать этим последним такую же номинальную стоимость с золотом и серебром, установив для тех, кто назначал различные цены на свои товары в зависимости от колебания курса, платы за них колониальными бумажными деньгами или золотом и серебром, — мера столь же тираническая, но еще менее достигавшая цели, чем та, для проведения которой она предназначалась; и хотя справедливый закон может объявить шиллинг платежным средством, равным гинее, ибо может заставить суды освобождать от всякого рода обязательств должника, уплатившего эту сумму. Но никакой закон не может заставить человека, продающего товар, продавать его по своему усмотрению, или продающего товар, продающего по своему усмотрению, продать его или не продать, при этом принимая шиллинг в уплату за товары, стоящие гинеею. Несмотря на все это, ввиду того рода постановлений, в обмене с Великобританией выяснилось, что 100 фунтов стерлингов иногда признавались в некоторых колониях стоимостью 130 фунтам, а в других колониях столь большой сумме, как 150 фунтам бумажными деньгами; эта разница в стоимости обуславливалась неодинаковым количеством бумажных денег, выпущенных в различных колониях, и большей или меньшей продолжительностью срока и вероятностью окончательной оплаты их и выкупа. Поэтому ничего не может быть справедливее закона, изданного парламентом, на который так безосновательно жаловались в колониях, и который устанавливал, что никакие бумажные деньги, какие бы они ни были, в будущем там выпущены, не могут быть объявлены законным платежным средством.

[См. W. Douglas, A Summary, Historical and Political, of the First Planting, and the Present State of the British Settlements in America. 1760.]

Пенсильвания проявляла всегда большую умеренность в выпуске бумажных денег, чем все другие наши колонии. Ввиду этого сообщают, ее бумажные деньги никогда не падали ниже стоимости золота и серебра, находившихся в обращении этой колонии до нового выпуска там бумажных денег. Еще до этой эмиссии колониальная ассамблея повысила нарицательную стоимость своей монеты и актом общего народного собрания постановила, что монеты в 5 шиллингов должны приниматься за 6 шилл. 3 п., а впоследствии за 6 шилл. 8 п. Поэтому фунт в валюте колонии, даже когда ее денежное обращение состояло из золота и серебра, на 30 процентов с лишним стоило стоимости фунта стерлингов, а когда колония перешла к бумажному обращению, ее валюта редко понижалась намного больше 30 центов сравнительно с этой стоимостью. Повышение нарицательной стоимости монеты было произведено с той целью, чтобы предотвратить вывоз золота и серебра, так как одинаковые количества металлов в колониях представляли большую сумму, чем в метрополии. Однако обнаружилось, что цена всех товаров, поступающих из метрополии, повысилась пропорционально произведенному повышению нарицательной стоимости монеты колонии, так что золото и серебро продолжали вывозиться из нее в таких же больших количествах, как и прежде.

Поскольку бумажные деньги каждой колонии принимались в оплату местных налогов по полной стоимости, обозначенной на них, постольку это необходимо придавало им некоторую добавочную стоимость сравнительно с той, какую они имели бы на основании действительной или предполагаемой отдаленности срока их окончательной оплаты или погашения. Эта добавочная стоимость большей или меньшей в зависимости от того, насколько количество выпущенных бумажных денег превышало сумму, которая должна быть употреблена на уплату налогов выпустившей их колонии, во всех колониях это количество в значительной мере превышало ходимую для этого сумму.

Государь, который повелел бы, чтобы известная часть налогов уплачивалась бумажными деньгами известного рода, мог бы при таком путем некоторую стоимость этим бумажным деньгам, если бы срок их полной оплаты и погашения зависел от его усмотрения. Если бы банк, выпустивший эти бумажные деньги, стал постоянно следить за тем, чтобы их количество всегда было несколько меньше того, какое могло быть употреблено с этой целью, на эти деньги мог бы настолько усилиться, что они стали бы представлять некоторую премию или продаваться на рынке по цене несколько выше, чем соответствующие золотые и серебряные монеты, стоимость которых они были выпущены. Некоторые именно этим пользуются так называемое ажио Амстердамского банка или превосходят банковских денежных знаков над звонкой монетой, хотя эти бумажные деньги, как они заявляют, не могут быть взяты из банка по желанию их владельца. Большая часть заграничных векселей должна быть оплачиваема банковскими деньгами, т. е. переводом

банка, и директора банка, как утверждают, стараются удерживать всегда общее количество банковских билетов на несколько ниже уровня, чем это необходимо для указанной цели. Именно поэтому, по мнению некоторых лиц, банковские билеты продаются дешевле или дают ажио в 4 или 5 процентов сверх такой же номинальной суммы золотой и серебряной монеты страны. Как выяснилось ниже, это сообщение об Амстердамском банке в значительной степени лишено всякого основания.

Падение курса бумажных денег ниже стоимости золотой и серебряной монеты отнюдь не вызывает падения стоимости этих металлов, т. е. обмена одинаковых количеств их на меньшее количество товаров всякого рода. Соотношение между стоимостью золота и стоимостью товаров всякого рода зависит во всех случаях от природы или количества тех или других бумажных денег, находящихся в обращении в данной стране, а от обилия или скудости рудников, которые в данное время снабжают этими металлами местный рынок торгового мира. Оно зависит от соотношения между количеством труда, необходимого для доставления определенного количества золота и серебра на рынок, и количеством труда, нужного для того, чтобы доставить туда же определенное количество товаров.

Воспреещении банкирам выпускать какого-либо рода обращающиеся банкноты или кредитные билеты, оплачиваемые по предъявлении, купюрами ниже определенной суммы и при установлении определенных обязательства оплачивать немедленно и без всяких условий предъявляемые к платежу банкноты, их операции с полной безопасностью для публики могут быть оставлены во всех других отношениях совершенно свободными. Прошедшее в последнее время знаменитое увеличение числа банкирских компаний в обеих частях королевства, явление, сильно встревожившее многих людей, не уменьшает, а только усиливает безопасность интересов публики. Оно обязывает все банки быть более осмотрительными в своих операциях и, соблюдая надлежащую пропорцию между выдаваемыми ими бумажными деньгами и своей наличностью, избавить себя от последствий той злостной паники, которую соперничество столь многих конкурентов всегда готово вызвать против публики. Оно ограничивает обращение билетов каждого банка более узким кругом и сокращает их количество. При таком разделении обращения на большее число самостоятельных частей банковского дела одного какого-нибудь банка, — что должно иногда случаться в естественном ходе вещей, — будет иметь менее тяжелые последствия для публики. Свободная конкуренция равным образом заставляет всех банкиров проявлять большую предупредительность в своих операциях со своими клиентами, чтобы их соперники не переманили этих последних к себе. Вообще, если какая-либо отрасль промышленности и торговли или труда выгодна публике, то чем сильнее и шире конкуренция, тем более выгодными они окажутся для нее.

Глава III

О НАКОПЛЕНИИ КАПИТАЛА, ИЛИ О ТРУДЕ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ

Один вид труда увеличивает стоимость предмета, к которому прилагается, другой вид труда не производит такого действия. Первый, поскольку он производит некоторую стоимость, может быть назван производительным трудом, второй — непроизводительным¹. Так, труд рабочего мануфактуры обычно увеличивает стоимость материалов, которые он перерабатывает, а именно увеличивает ее на стоимость своего содержания и прибыли его хозяина. Труд домашнего слуги, напротив, ничего не добавляет к стоимости предмета. Хотя хозяин авансирует мануфактурному рабочему его заработную плату, последний в действительности не стоит ему никаких затрат. Как же, так как стоимость этой заработной платы обычно возвращается ему вместе с прибылью в увеличенной стоимости того предмета, к которому был приложен труд рабочего. Напротив, расход на содержание домашнего слуги никогда не возмещается. Человек становится богатым, давая занятие большому числу мануфактурных рабочих; он беднеет, если содержит большое число домашних слуг. Тем не менее труд последних имеет свою стоимость и заслуживает вознаграждения так же, как и труд первых, но труд мануфактурного рабочего закрепляется и реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, который можно продать и который существует по крайней мере, некоторое время после того, как закончен труд. Некоторое количество труда как будто откладывается про запас и накапливается, чтобы быть затраченным, если понадобится в каком-либо другом случае. Этот предмет или, что то же самое, стоимость этого предмета может впоследствии, если понадобится, превратиться в движение количества труда, равное тому, которое первоначально произвело его. Труд домашнего слуги, напротив, не закрепляется и не реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре пригодном для продажи. Его услуги обычно исчезают в самый момент

оказания их и редко оставляют после себя какой-либо след какой-нибудь стоимости, за которую можно было бы впоследствии получить равное количество услуг.

Труд некоторых самых уважаемых сословий общества, подобно труду домашних слуг, не производит никакой стоимости и не реализуется и не реализуется ни в каком длительно существующем предмете или товаре, могущем быть проданным, который продолжал существовать и по прекращении труда и за который можно было бы получить потом равное количество труда. Например, государь со своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и прочие представители общества и содержатся на часть годового продукта труда остального населения. Их деятельность, как бы полезна или необходима она ни была, не производит решительно ничего, за что потом можно было бы получить равное количество услуг. Защита безопасности и охрана страны, результаты труда в этом году, не купят защиты, безопасности и охраны ее в следующем году. К одному и тому же классу должны быть отнесены и некоторые из самых серьезных и важных, так и некоторые из самых легкомысленных профессий — священники, юристы, врачи, артисты всякого рода, актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и пр. Труд самого последнего из этих людей обладает определенной стоимостью, определяемой теми же правилами, которые определяют стоимость всякого иного вида труда, но труд даже самой полезной и самой полезной из этих профессий не производит ничего такого, на что можно было бы потом купить или достать равное количество труда. Подобно декламации актера, речи оратора или мелодии музыканта, труд их всех исчезает в самый момент его выполнения.

Производительные и непроизводительные работники и те, кто не работает, одинаково содержатся все на счет годового продукта земли и труда страны. Продукт этот, как бы значителен он был, никогда не может быть безграничным, он должен иметь определенные пределы. Ввиду этого, в зависимости от того, меньшая или большая доля его затрачивается в течение года на содержание непроизводительных людей, для производительных работников остается в одном случае больше, в другом меньше, и соответственно продукт следующего года будет более значительным или меньшим, ибо весь годовой продукт, если не считать естественных прироста земли, является результатом производительного труда. Вся стоимость годового продукта земли и труда каждой страны в конечном счете предназначается, без сомнения, для удовлетворения потребности ее жителей и для доставления им дохода, однако, поскольку он вначале получен от земли или от труда производительных работников, он естественно разделяется на две части. Одна из частей — и часто наибольшая — предназначается прежде всего на приобретение капитала или на восстановление предметов продовольствия, материалов и готовых продуктов, которые были взяты

¹ Некоторые французские авторы, отличающиеся большою ученостью и остроумием, употребляли эти слова в другом смысле. В последней главе четвертой книги я постараюсь доказать, что они употребляли их в неправильном смысле. [Смит имеет здесь в виду физиократов.]

из капитала; другая идет на образование дохода собственника капитала, как прибыль с его капитала, или какого-либо другого лица, как рента с его земли. Так, из продукта земли одна часть возмещает капитал фермера, другая оплачивает его прибыль и рента землевладельца, составляя, таким образом, доход собственника этого капитала в качестве прибыли на его капитал и доход какого-либо другого лица в качестве ренты с его земли. Точно так же и из всего продукта крупной мануфактуры одна часть — и притом самая наибольшая — возмещает капитал предпринимателя, а другая оплачивает его прибыль и таким образом образует доход владельца этого капитала.

Та часть годового продукта земли и труда какой-либо страны, которая возмещает капитал, всегда непосредственно употребляется на содержание только производительных рабочих сил. Она оплачивает только заработную плату производительного труда. Та часть, которая непосредственно предназначается на образование дохода, в виде ли прибыли или ренты, может идти на содержание как производительных, так и непроизводительных рабочих.

Какую бы часть своих запасов человек ни затрачивал в качестве капитала, он всегда ожидает, что она будет возмещена ему своей прибылью. Поэтому он затрачивает ее исключительно на содержание производительных рабочих сил; выполнив свою функцию капитала для него, она образует доход этих последних. Всякий же раз, когда он употребляет часть своих запасов на содержание непроизводительных работников всякого рода, она с этого момента исключает его капитал и поступает в его запасы, предназначенные для непосредственного потребления.

Непроизводительные работники и те, кто совсем не работает, держатся все на доход; они содержатся, во-первых, или на ту часть годового продукта, которая первоначально предназначается на образование дохода каких-либо отдельных лиц, в виде ли ренты с его земли или прибыли на капитал; или, во-вторых, на ту часть, которая первоначально предназначается на возмещение капитала и на содержание одних только производительных работников, однако, в их руки, может быть затрачиваема в части своей, превышающей то, что необходимо для их существования, на содержание безразлично как производительных, так и непроизводительных работников. Это не только крупный землевладелец или богатый купец, но и простой рабочий, если его заработная плата значительна, может содержать домашнего слугу или пойти иногда в театр или в клуб и таким путем вносить свою долю на содержание определенной группы непроизводительных работников; точно так же он может уплачивать некоторые налоги и таким образом помогать содержать другую группу их, правда, более почтенную и полезную, но и более непроизводительную. Однако ни малейшая часть годового продукта, предназначенная первоначально на возмещение капитала, никогда не обращается на содержание непроизводительных

раньше, чем она приведет в движение свою полную норму производительного труда или все то количество, которое она может ввести в движение тем путем, каким она затрачивается. Рабочий должен заработать свою заработную плату, выполнив свою работу, и где чем он сможет затратить часть ее указанным путем. Притом часть обычно очень невелика. Она представляет собою лишь небольшую часть из его дохода, а таких сбережений у производительных рабочих редко бывает много. Но кое-какие сбережения они обыкновенно имеют; и при уплате налогов их многочисленность может в известной мере компенсировать малые размеры вноса каждого из них. Поэтому рента с земли и прибыль на капитал образуют вместе с заработной платой главный источник, из которого непроизводительные элементы получают свои средства к существованию. Это именно такие два источника доходов, обладатели которых больше всего могут обычно сберегать. Они могут содержать без различия производительных и непроизводительных рабочих. Однако они, повидимому, отдают предпочтение последним. Расходы крупного землевладельца на содержание непроизводительных работников обычно больше, чем у мелкого землевладельца, и он платит обычно больше бездельников, чем трудолюбивых людей. Поэтому отношение между количеством производительных элементов, однако своими расходами, т. е. при употреблении своего дохода, дает обычно пропитание таким же людям, что и крупный землевладелец.

Поэтому соотношение между количеством производительных работников в каждой стране в весьма значительной степени зависит от соотношения между той частью годового продукта, которая, будучи получена от земли или от труда производительных рабочих, предназначается на возмещение капитала, и той частью, которая предназначается на образование дохода в виде ренты или прибыли. Это соотношение весьма различно в богатых и бедных странах.

В настоящее время в богатых странах Европы весьма значительная, часто наибольшая часть продукта земли предназначается на возмещение капитала богатого и независимого фермера; остальная часть идет на оплату его прибыли и ренты землевладельца. Но в бедные времена, при господстве феодального режима, было довольно весьма малой доли продукта для возмещения капитала, и большая часть шла на обработку земли. Он состоял обыкновенно из небольшого количества плохого скота, существовавшего исключительно на естественного продукта невозделанной земли, так что его можно было признать частью этого естественного продукта. К тому же этот обыкновенно принадлежал землевладельцу, который и предоставлял его в пользование земледельцу. Весь остальной продукт принадлежал ему в виде ренты за его землю или в виде заработной платы на этот ничтожный капитал. Земледельцы, обрабатывавшие эту землю, были по общему правилу крепостные, личность и пожитие которых тоже являлись его собственностью. Те, которые не были крепостными, являлись держателями по его воле, и хотя рента, которую они уплачивали, номинально часто лишь немного превы-

шала оброк, все же она на деле достигала суммы всего продукта земли. Их землевладелец мог в любой момент пользоваться их трудом в мирное время и их службой во время войны. Хотя они жили на некотором расстоянии от его дома, они столь же зависели от него, как и его дворня, жившая при нем. А ведь весь продукт земли принадлежит, без сомнения, тому, кто может распоряжаться трудом и услугами всех тех, кто живет за счет этого продукта. В современной же Европе доля землевладельца редко превышает треть, а иногда не превышает и четверти всего продукта земли. Между тем доход с земли в тех частях страны, где земля была улучшена, возрос с того давно прошедшего времени в три и четыре раза; и эта треть или четвертая часть годового продукта, повидимому, в три или четыре раза превышает то, чему раньше равнялся весь продукт. С развитием улучшенной культуры рента, хотя и возрастает значительно, однако уменьшается в отношении ко всему продукту.

В богатых странах Европы крупные капиталы вложены в настоящее время в торговлю и промышленность. В прежние времена, занятая незначительная торговля и немногие грубые и простые мануфактуры, которые были в ходу, требовали лишь весьма небольших капиталов. Однако последние должны были приносить очень высокие прибыли. Норма процента нигде не спускалась ниже десяти, сто, и их прибыли должны были быть достаточно высоки, чтобы оправдать этот высокий процент. В настоящее время в развитых частях Европы процент нигде не превышает шести на сто, а в некоторых наиболее развитых странах он понижается до четырех, трех и двух на сто. Хотя та доля дохода населения, которая получается от прибыли на капитал, всегда значительно больше в богатых странах, чем в бедных, однако это объясняется тем, что здесь сам капитал значительно больше: по отношению же к капиталу прибыль обыкновенно бывает гораздо меньше.

Следовательно, та часть годового продукта, которая полагается на возмещение капитала, не только значительно больше в богатых странах, чем в бедных, но она представляет также и значительную большую долю сравнительно с той частью, которая непосредственно предназначается на образование дохода в виде ренты или процентов. Фонды, предназначенные на содержание производительного труда, не только значительно больше в богатых странах, чем в бедных, они представляют и большую пропорцию по сравнению с теми фондами, которые, хотя и могут быть затрачиваемы на содержание производительного, так и непроизводительного труда, но, по общему правилу, затрачиваются предпочтительно на содержание последнего.

Соотношение между этими различными фондами по необходимости определяет в каждой стране характер ее населения в отношении трудолюбия или праздности. Мы более трудолюбивы, чем предки, потому что в наше время фонды, предназначенные на поддержание производительной деятельности, относительно гораздо больше, чем это было двести или триста лет тому назад, сравнительно

ми, которые употребляются на содержание празднолюбцев. Предки были праздны ввиду отсутствия достаточного поощрения производительному труду. Лучше, говорит поговорка, гулять даром, чем задаром работать. В торговых и промышленных городах, где низшие слои народа существуют главным образом благодаря приложению капитала, они по общему правилу трудолюбивы, бережливы, как это наблюдается во многих английских городах, в большинстве шотландских городов. В тех городах, которые своим источником своего существования имеют постоянное или прерывное пребывание в них двора и где низшие слои народа существуют главным образом за счет расходования дохода, они по общему правилу ленивы, развращены и бедны, как это имеет место в Риме, Неаполе, Компьене и Фонтенебло. Если не считать Руана и Бордо, в одном из парламентских городов Франции не существует значительной торговли и промышленности, и низшие слои населения этих городов, существующие главным образом за счет расходов на судах и тех, кто судится в них, отличаются праздностью и ленью. Обширная торговля Руана и Бордо является, повидимому, исключительно следствием их местоположения. Руан является главным складочным местом для всех почти товаров, привозимых для потребления великого города Парижа или из-за границы, приморских провинций Франции. Бордо точно так же служит главным местом вин, производимых на берегах Гаронны и рек, впадающих в одну из самых богатых винодельческих местностей мира, и притом производит вино, наиболее пригодное для вывоза в более соответствующее вкусам иностранных наций. Такое местоположение необходимо привлекает большие капиталы, поскольку обеспечивает им широкое приложение, и это по необходимости породило промышленность и торговлю этих двух городов. В этих парламентских городах Франции, повидимому, вложено не намного больше капиталов, чем это необходимо для удовлетворения их собственных нужд, т. е. чуть-чуть больше минимального капитала, который может найти в них производительное приложение. То же самое можно сказать и о Париже, Мадриде и Вене. Из этих трех городов Париж является наиболее промышленным, Париж сам служит главным рынком для всех промышленных предприятий, существующих в нем, и нужды его собственного населения составляют главную основу всей торговли, которую он ведет. Лондон, Лиссабон и Копенгаген представляют собою, верооятно, единственные города в Европе, которые служат постоянными местами жительства двора и вместе с тем могут быть признаны торговыми городами, т. е. городами, которые торгуют не только для покрытия собственного потребления, но и ведут торговлю для удовлетворения нужд других городов и стран. Местоположение этих трех городов чрезвычайно выгодно и удобно и естественно делает их

парламентами во Франции назывались высшие судебные учреждения, существовавшие в некоторых городах.]

складочными пунктами для большей части товаров, предназначенных для потребления отдаленных стран. В городе, где расходуются крупные доходы, вкладывать с выгодой капитал в другое дело, кроме удовлетворения нужд потребления этого города, веро-подобнее, чем в городе, где низшие слои народа не имеют средств к существованию, кроме тех, которые они получают в результате производительного приложения такого капитала. Пленность большей части людей, которые существуют за счет расхода дохода, ослабляет, весьма вероятно, трудолюбие тех, которые должны получать свое содержание из применяемого капитала, и делает приложение капитала в таких местах менее выгодным, чем в других. До соединения с Англией торговля и промышленность в Эдинбурге были слабо развиты. Когда здесь прекратились сессии шотландского парламента, когда этот город перестал быть резиденцией знати и помещиков Шотландии, он сделался городом с одной только промышленностью и торговлей. Он все же продолжает развиваться местопребыванием главных судебных установлений Шотландии, таможенного и акцизного управлений и т. п. Поэтому попрежнему расходуются значительные доходы. В отношении торговли и промышленности он много уступает Глазго, жители которого существуют главным образом за счет приложения капитала. Как иногда наблюдалось, население больших сел, сделавшее значительные успехи в области различных промыслов, становится праздным и бедным вследствие того, что какой-нибудь богатый землевладелец поселялся по соседству с ним.

Таким образом, соотношение между капиталом и доходом варьирует, повидимому, повсюду соотношение между трудолюбием и праздностью. Там, где преобладает капитал, господствует трудолюбие, где преобладает доход, там господствует праздность. Но всякое увеличение или уменьшение капитала естественно ведет к увеличению или уменьшению промышленной деятельности, к числу производительных рабочих, а следовательно и меновой стоимости годового продукта земли и труда страны, реального богатства и дохода всех ее жителей.

Капиталы возрастают в результате бережливости и уменьшаются вследствие мотовства и неблагоразумия.

Все, что какое-либо лицо сберегает из своего дохода, оно вкладывает в своею капиталу; оно или затрачивает это сбережение на содержание добавочного количества производительных рабочих или дает возможность сделать это кому-нибудь другому, с тем, чтобы ему это сбережение под проценты, т. е. за долю прибыли. Поэтому тому как капитал отдельного лица может увеличиваться только до той суммы, какую оно сберегает из своего годового дохода и прибыли, так и капитал всего общества, который равен общему капиталу всех отдельных личностей, составляющих его, может увеличиваться только таким же путем.

Бережливость, а не трудолюбие, является непосредственной причиной возрастания капитала. Правда, трудолюбие создает

и влияет сбережение. Но что бы ни создавало трудолюбие, капитал никогда не мог бы возрасти, если бы бережливость не сберегла и не накопила.

Бережливость, увеличивая фонд, предназначенный на содержание производительных рабочих, ведет к увеличению числа тех рабочих, труд которых увеличивает стоимость предметов, к которым прилагается. Она ведет поэтому к увеличению меновой стоимости того продукта земли и труда данной страны. Она приводит к увеличению добавочного количества труда, которое придает добавочную стоимость годовому продукту.

То, что сберегается в течение года, потребляется столь же регулярно, как и то, что ежегодно расходует, и притом в продолжение почти того же времени; но потребляется оно совсем другим способом. Доля дохода богатого человека, расходующая им в течение года, в большинстве случаев потребляется праздными гостями и домашними слугами, которые ничего не отдают взамен своего потребления. Доля его дохода, ежегодно сберегаемая им, посколь-ку в целях получения прибыли немедленно употребляется в дело капитала, потребляется таким же образом и почти в то же время, но другими людьми иного рода, — сельскохозяйственными рабочими, промышленными рабочими и ремесленниками, которые воспроизводят с ней прибавочную стоимость своего годового потребления. Предположим, что доход его выплачивается ему деньгами. При расходе им всего его дохода предметы питания, одежды и жилища, которые могли бы быть приобретены на всю эту сумму, были бы распределены среди первой группы лиц. При сбережении части этого дохода, посколь-ку она в целях получения прибыли немедленно употребляется как капитал им самим или каким-либо другим лицом, предметы питания, одежда и жилища, которые возможно приобрести, обязательно достанутся второй группе людей. Потребление изменилось, но потребители другие.

Вместо сбережения за год бережливый человек не только получает средства существования добавочному количеству производительных рабочих на этот или на следующий год, но, подобно тому, как в мастерской, как бы учреждает вечный фонд для содержания такого же количества их на все будущие времена. Вечное употребление этого фонда на указанную цель, конечно не всегда гарантируется каким-либо положительным законодательным правом и т. п. Но такое употребление всегда гарантируется весьма могущественным началом, явным и очевидным началом каждого отдельного человека, которому когда-либо должна принадлежать какая-нибудь часть этого фонда. Ни одна доля фонда не может быть никогда впоследствии затрачена на что-либо другое, кроме содержания производительных рабочих, без очевидного ущерба для того лица, которое таким образом изменяет свое назначение.

Вместо того, как поступает только расточитель: не ограничивая свои расходы своим доходом, он растрчивает свой капитал. Подобно человеку,

обращающему доходы какого-либо благотворительного учреждения на суетные цели, он оплачивает праздность из того фонда, который его бережливые предки как бы завещали на содержание трудоземель. Уменьшая фонд, предназначенный на применение производительного труда, он неизбежно уменьшает, насколько это зависит от количества труда, увеличивающего стоимость того предмета, который он затрачивается, а следовательно и годовой продукт и труда всей страны, действительное богатство и доход ее жителей. Если расточительность одних не уравновешивалась бы бережливостью других, то поведение всякого расточителя, который к тому же еще и тунеядца хлебом трудолюбивого работника, повело бы не только к его собственному разорению, но и к обеднению его страны.

Если даже расточительные люди производят свои расходы исключительно на приобретение отечественных товаров, а не иностранных, то влияние этого на производительные фонды общества будет не такое же самое. Ежегодно известное количество пищи и одежды, которое должно было бы идти на содержание производительных работников, будет все же затрачиваться на содержание непроизводительных элементов. И поэтому ежегодно имеет место некоторое уменьшение стоимости годового продукта земли и труда страны по сравнению с тем, что было бы в ином случае.

Конечно, можно сказать, что, поскольку расход этот производится не на иностранные товары и не вызывает вывоза золота и следовательно постольку в стране остается прежнее количество денег. Но если то количество пищи и одежды, которое, таким образом, потреблено непроизводительными элементами, было распределено среди производительных работников, последние воспроизвели бы с некоторой прибылью всю стоимость потребленного ими. Таким образом, в случае количества денег в стране тоже осталось бы прежним, вместе с тем были бы воспроизведены на такую же стоимость предметы потребления. Вместо одной налицо были бы две стоимости.

Помимо того, в стране, стоимость годового продукта уменьшается, не может долго оставаться одно и то же количество денег. Единственное назначение денег — содействовать обращению предметов потребления. Посредством их покупаются и продаются, распределяются между соответствующими потребителями продукты продовольствия, сырье и готовые изделия. Поэтому количество денег, какое может быть ежегодно в употреблении в какой-либо стране, должно определяться стоимостью потребительных благ, обращаемых в ней в течение года. Эти последние должны состоять или из годового продукта земли и труда самой данной страны, или из других предметов, покупаемых в обмен на часть этого продукта. Поэтому их количество должно уменьшаться в зависимости от уменьшения стоимости годового продукта, а вместе с этим должно уменьшаться и количество денег, которое может быть употреблено для обращения их. Но средства, устраняемые таким образом из внутреннего обращения страны, способствуют ежегодному уменьшению продукта, не могут быть оставлены в обращении. Интерес их обладателей требует, чтобы они были

И поскольку для них нет приложения внутри страны, они выносятся за границу, вопреки всем законам и запрещениям, чтобы быть использованы внутри страны. Таким образом, такой ежегодный вывоз денег будет в течение некоторого времени увеличивать потребление страны сверх стоимости ее собственного годового продукта. Те суммы, которые в дни ее преуспевания сберегались из годового продукта и употреблялись на покупку золота и серебра, теперь, при плохих обстоятельствах, в течение непродолжительного времени содействовать удержанию ее потребления на прежнем уровне. Вывоз золота и серебра в этом случае является не только вредной, а следствием упадка страны и может даже на непродолжительное время смягчить бедственные последствия этого упадка.

Напротив, с возрастанием стоимости годового продукта страны естественно увеличиваться в ней и количество денег. В результате увеличения стоимости потребительных благ, обращающихся в течение года внутри данного общества, потребуется для их обращения и большее количество денег. Поэтому часть этого увеличенного количества золота и серебра, необходимых для обращения годового продукта. В этом случае увеличение количества металлов будет следствием, а не причиной процветания общества. Золото и серебро покупаются всюду одним и тем же способом. Капитал прилагается на доставку золота и серебра из Перу или в Англию. Страна, которая платит за них одинаково в Перу или в Англии. Страна, которая платит эту цену, никогда не останется в течение долгого времени без того количества этих металлов, какое ей понадобится, одна страна не сохранит на долгое время того количества их, которое превышает ее нужды.

Поэтому, в чем бы ни состояли, по нашему мнению, реальное богатство и доход каждой страны, — в стоимости годового продукта земли и труда, как это, повидимому, подсказывается здравым смыслом, или в количестве драгоценных металлов, обращающихся в ней, как это предполагает грубый предрассудок, — в обоих случаях расточитель оказывается врагом общественного блага, а бережливый человек — общественным благодетелем. Следствия неразумных действий часто бывают таковы же, как следствия расточительности. Каждый неправильный и неудачный проект в области сельского хозяйства, горного дела, рыболовства или обрабатывающей промышленности ведет точно к уменьшению фонда, предназначенного на содержание производительного труда. Каждый такой проект, хотя капитал потребляется при этом только производительными элементами, однако сопровождается некоторым уменьшением производительного общества, так как эти производительные элементы ввиду

неправильного использования их не воспроизводят полностью стоимость потребляемого ими.

В действительности редко бывает так, чтобы на положении большой нации сколько-нибудь значительно отзывались расточительность или ошибки отдельных лиц. Расточительность или неблагоразумие одних всегда более чем уравнивается бережливостью и разумным поведением других.

Что касается расточительности, то к расходам толкает стремление к наслаждению, которое, хотя и бывает нередко очень сильным и трудно преодолимо, все же обычно непродолжительно и вызывается случайными причинами. Напротив, к бережливости побуждает желание улучшить наше положение, желание, облеченное страстностью и спокойное, присущее нам, однако, стремление и не покидающее нас до могилы. На всем протяжении жизни вряд ли бывает хотя один такой момент, когда человек бы настолько доволен своим положением, что совсем не стремился бы так или иначе изменить или улучшить его. Большинство людей предполагает и желает улучшить свое положение посредством увеличения своего имущества. Это — самое обыкновенное и самое простое средство; а самый надежный способ увеличить свое состояние — это — сбережение и накопление некоторой части того, что производится или регулярно, или ежегодно, или же при каком-либо особенном случае. Поэтому, хотя почти у всех людей в некоторых случаях берет верх стремление производить расходы, а у некоторых людей оно преобладает почти всегда, все же у большинства людей, если иметь в виду всю их жизнь, стремление к бережливости, к сбережению, конечно, не только преобладает, но и преобладает весьма значительно.

Что касается ошибок и неблагоразумного образа действия, то количество благоразумных и успешных предприятий повсюду гораздо больше числа опрометчивых и неудачных. При всех жалобах на большое число банкротств, неудачников, впадающих в это несчастие, составляют лишь ничтожную часть всех тех людей, которые занимаются торговлей и делами всякого иного рода. Банкротство, вероятно, не больше, чем один на тысячу. Банкротство, пожалуй, представляет собою величайшее и самое унижающее бедствие, какое может постигнуть невинного человека. Поэтому большая часть людей проявляет достаточную осторожность в избежании его. Конечно, не всем это удается, но и не всем удается избежать виселицы.

Великие нации никогда не беднеют из-за расточительности и неблагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительности и неблагоразумия государственной власти, или почти весь государственный доход в большинстве стран употребляется на содержание непроизводительных элементов. К последним следует отнести всех тех, кто составляет многочисленный и богатый двор, обширную церковную организацию, большие флоты и армии, в мирное время ничего не производящие, а во время

приобретающие ничего, что могло бы покрыть расходы на их содержание хотя бы во время военных действий. Эти элементы, хотя они сами ничего не производят, содержатся за счет продукта труда других людей. И когда поэтому число их увеличивается до необходимого, они могут потребить за год столь значительную часть этого продукта, что не останется достаточно для содержания производительных работников, чтобы воспроизвести его в следующем году. Ввиду этого продукт следующего года уменьшится сравнительно с продуктом предыдущего года; и если такой ненормальный недостаток будет существовать и дольше, то продукт третьего года будет еще меньшим, чем во втором году. Эти непроизводительные элементы, которые надлежало бы содержать лишь на часть сбереженного народного дохода, могут потреблять столь большую часть народного дохода и потому вынудить столь многих людей расходовать капиталы, расходовать фонды, предназначенные на содержание производительного труда, что вся бережливость и все благоразумие отдельных лиц могут оказаться не в силах уравновесить расточение и понижение производства, вызванные таким непомерным и ненужным расхищением.

Однако, как показывает опыт, эта бережливость и благоразумие большинства случаев достаточно для того, чтобы уравновесить непроизводительность и неблагоразумие отдельных лиц, расточение общественных средств правительствами. Одинаковое положение, — это начало, откуда вытекает как общественное и частное богатство, — часто оказывается достаточным для того, чтобы обеспечить естественное течение в сторону улучшения общего положения вопреки чрезмерным расходам правительства и величайшим ошибкам администрации. Так и неизвестная нам жизненная сила организма, оно часто навливает здоровье и силу вопреки не только болезни, но и вопреки предписаниям врача.

Первый продукт земли и труда какой-либо нации может быть увеличен в своей стоимости только посредством увеличения или уменьшения ее производительных работников или производительной силы занятых рабочих. Число ее производительных работников, следовательно, очевидно, может быть значительно увеличено только в результате увеличения капитала или фондов, предназначенных на содержание их. Производительная сила одного и того же количества рабочих может быть увеличена только в результате усовершенствования машин и орудий, облегчающих и сокращающих труд, или в результате более целесообразного распределения труда. В том и другом случае почти всегда необходима добавочная часть капитала. Только при помощи добавочного капитала предприниматель может снабдить своих рабочих лучшими инструментами или провести более целесообразное распределение работы между ними. Когда подлежащая выполнению работа состоит из множества операций, требуется гораздо больший капитал для

того, чтобы поставить каждого рабочего на выполнение той одной из этих операций, чем в том случае, когда каждый рабочий переходит от одной операции к другой. Когда мы сравниваем к этому состоянию какого-нибудь народа в два различные периоды и находим, что годовой продукт его земли и труда заметно увеличился во второй период сравнительно с предыдущим, что его земли лучше обрабатываются, его мануфактуры более многочисленны, больше преуспевают, а его торговля более обширна, то мы можем быть уверены, что его капитал возрос в промежутке между этими двумя периодами и что к нему было больше добавлено вследствие благоразумного поведения одних, чем взято из него вследствие порочного поведения других или вследствие расточительности правительства. Но мы убедимся, что это наблюдается почти у всех народов в сколько-нибудь спокойные и мирные эпохи, даже у тех, которые не обладали наиболее благоразумными и бережливыми правительствами. Однако, чтобы составить себе правильное представление о развитии какой-либо страны, мы должны сравнивать ее состояние в периоды, более или менее отдаленные один от другого. Прогресс часто происходит так медленно и постепенно, что в большие периоды прогресс не только не заметен, но часто возникает подозрение, что страна беднеет и ее промышленность падает, если наблюдается упадок некоторых отраслей промышленности или некоторых районов, — что действительно иногда имеет место, хотя страна, в общем, процветает.

Годовой продукт земли и труда Англии, например, без сомнения, много увеличился сравнительно с тем, что было сто лет с незадолго назад, при реставрации Карла II. Хотя в настоящее время не может быть сомнения, сомневаются в этом, однако в течение этого периода редко проходило пять лет, чтобы не появлялась какая-нибудь брошюра, которая благодаря своей талантливости завоевывала некоторый авторитет у публики и которая доказывала, что государство нации быстро уменьшается, что население страны сокращается, земледелие заброшено, промышленность в упадке и торговля падает. При этом произведения эти не все были партийными брошюрами, извращенным продуктом лжи и продажности, многие из них были написаны весьма искренними и очень вдумчивыми людьми, которые писали только то, в чем были убеждены, и только тогда, когда они были в этом убеждены.

В свою очередь годовой продукт земли и труда Англии был несомненно, гораздо значительнее при реставрации, чем, как можно предполагать, за сто лет до того, в момент восшествия на престол Елизаветы. А в последний период, как мы имеем все основания предполагать, страна тоже была гораздо богаче, чем сто лет перед тем, к моменту окончания борьбы между Йоркскими и Ланкастерскими домами. Даже в ту пору страна находилась, вероятно, в лучшем состоянии, чем во времена норманнского завоевания, а во времена норманнского завоевания — в лучшем состоянии, чем в период смут саксонского семивластия. Даже в эти ранние времена

несомненно, представляла собою более богатую страну, чем в эпоху вторжения Юлия Цезаря, когда ее жители находились в таком же самом состоянии, в каком находятся в настоящее время дикари Северной Америки.

Однако во все эти эпохи не только имела место большая расточительность частных лиц и государства, не только происходили многочисленные разорительные и ненужные войны, не только значительная часть годового продукта отвлекалась от содержания производительных работников на содержание непроизводительных элементов, но иногда среди смут гражданской войны, как можно предположить, происходило такое абсолютное расточение и уничтожение богатств, — как это, без сомнения, и было, — но и делать это к концу данной эпохи более бедной, чем в начале ее. Так, сколько было беспорядков и бедствий даже в самую счастливейшую из всех этих эпох, в эпоху после реставрации, — бедствий, которых, если бы только их могли предвидеть, ожидали бы не только в эпоху обеднения, но и полного разорения и гибели страны? Пожар в Лондоне, две войны с Голландией, беспорядки в Ирландии, война в Ирландии, четыре разорительные войны с Францией в 1688, 1701, 1742 и 1756 гг. вместе с двумя мятежами в 1715 и 1745 гг. За время четырех войн с Францией нация обременена долгами более чем на 145 миллионов фунтов, не считая других случайных ежегодных расходов, вызванных ими, так что общую сумму следует принять не менее чем в 200 миллионов. Такая большая часть годового продукта земли и труда страны была затрачена в различных случаях после революции на содержание чрезвычайного количества непроизводительных элементов. Но если бы эти войны не дали такого особого назначения столь значительному капиталу, его большая часть была бы естественно употреблена на содержание производительных работников, труд которых составил бы с некоторой прибылью всю стоимость их потребления. Благодаря этому стоимость годового продукта земли и труда страны действительно возрастала бы каждый год, а увеличение ее в каждом году было бы к еще большему увеличению в следующем году. Строились бы больше домов, улучшалось бы больше земель, а те, которые уже раньше улучшены, обрабатывались бы лучше, учреждались бы больше мануфактур, а старые мануфактуры расширялись бы так, как трудно даже представить себе, до каких размеров они бы тогда возрасли к настоящему времени реальное богатство страны.

Хотя расточительность правительства должна была, вне всякого сомнения, задерживать естественный рост богатства и культуры страны, она все же не могла совсем остановить его. Годовой продукт земли и труда в настоящее время, несомненно, намного значительнее, чем это было во время реставрации или революции. Поддержание этого труда, затрачиваемый ежегодно на обработку этой земли, должен быть тоже намного больше.

Вопреки всем вымогательствам правительства капитал этот медленно и постепенно накапливался благодаря частной бережливости и разумию отдельных лиц, благодаря их общим, непрерывным и стойчивым усилиям улучшить свое собственное положение. Им эти усилия, ограждаемые законом и допускаемые свободой притянуть свои силы наиболее выгодным образом, обеспечивали разрыв в Англии богатства и культуры в прежние времена и, надо надеяться, будут обеспечивать его и впредь. Однако, так как Англия никогда не могла похвастаться весьма бережливым правительством, то бережливость никогда не была добродетелью, отличающей ее жизнь. Поэтому высшей наглостью и самонадеянностью со стороны короля и министров являются поползновения их наблюдать за бережливостью частных лиц и ограничивать их расходы посредством запрета против роскоши или воспрещения ввоза заграничных предметов роскоши. Они сами всегда и без всяких исключений являлись самыми расточителями во всем обществе. Пусть они наблюдают за своими собственными расходами и предоставят частным лицам заботиться о своих. Если их собственная расточительность не вредит государству, отсутствие бережливости у их подданных во всяком случае, не приведет к этому.

Подобно тому как бережливость увеличивает, а расточительность уменьшает капитал общества, так и образ действий тех, расходы которых точно совпадают с их доходами, так что они не накапливают и не расходуют своего капитала, не увеличивает и не уменьшает капитала общества. Однако некоторые виды расходов средств, повидимому, в большей степени содействуют росту собственного богатства, чем другие.

Доход отдельного лица может затрачиваться на предметы, которые потребляются немедленно и расход на которые сегодня не может ни облегчить, ни улучшить расхода на них завтра; или он может затрачиваться на предметы более прочные, которые возможно к этому накапливать и расход на которые сегодня может, по желанию владельца, облегчить, улучшить или повысить полезное действие расхода на них завтра. Состоятельный человек, например, может расходовать свой доход на обильный и роскошный стол, на содержание большого числа домашних слуг и множества собак и лошадей; или, наоборот, удовлетворяясь умеренной пищей и небольшим числом слугами, он может затрачивать большую часть своего дохода на украшение своего дома или усадьбы, на полезные или красивые постройки, на полезную или красивую утварь и обстановку, на собрание книг, статуй, картин или на вещи более легкомысленные, как драгоценные камни, безделушки всякого рода, или на самозабвение—на составление большого гардероба из роскошных платьев, подобно фавориту и министру великого государя, умершего несколько лет тому назад¹. Если предположить, что два чело-

¹ [Повидимому, здесь имеется в виду граф Брюль, министр и камергер английского короля. После своей смерти он оставил гардероб из 365 великих костюмов.]

два дающие одинаковым состоянием, расходуют свои доходы одинаковым способом, а другой—вторым, то богатство того из них, который производит свои затраты главным образом на предметы, которые продолжают долгое время, будет непрерывно возрастать: ежедневный расход будет в той или иной степени улучшать и усиливать полезное действие его расходов следующего дня. Богатство первого, напротив, не увеличится к концу этого периода сравнительно с тем, каким оно было в начале. Первый к концу периода окажется более богатым, в его обладании будет некоторый запас предметов того или иного рода, которые, хотя и могут не стоить того, во что они обошлись, тем не менее будут всегда иметь некоторую стоимость. От затрат второго из них не останется ни следа, и плоды расточительности, которая длилась или двенадцать лет, будут уничтожены настолько полно, как если бы их никогда не существовало.

В первом роде затрат более благоприятствует возрастанию богатства отдельных лиц, чем другой, так наблюдается это и с национальным богатством. Дома, обстановка и утварь, одежда богатых людей спустя короткое время используются низшими и средними классами народа. Эти последние оказываются в состоянии приобретать те предметы, которые когда-то принадлежали богатым; таким образом, постепенно улучшается общая обстановка жизни всего народа, когда такой способ расходования своих средств становится распространенным у богатых людей. В странах, продолжительное время отличавшихся богатством, часто можно видеть низшие классы народа, обладающими вполне хорошими домами и обстановкой, которые, однако, не могли бы быть построены или изготовлены теми, кто их употребляет. Здание, прежде служившее резиденцией герцога Сеймур, служит теперь гостиницей на дороге, ведущей в Уорвик. Брачная постель английского короля Якова I, привезенная в Англию королевой из Дании как подарок, достойный государя, была несколько лет тому назад украшением пивной в Демфер-инге. В некоторых старинных городах, которые в течение долгого времени не развивались или пришли в некоторый упадок, иногда можно найти хотя один дом, выстроенный для его теперешних обитателей. Если вы зайдете в эти дома, вы часто найдете там много старых предметов обстановки и утвари, которые все еще вполне пригодны для употребления и которые не могли бы быть изготовлены для них. Изящные дворцы, роскошные виллы, собрания книг, статуй, картин и других редких предметов являются украшением и гордостью не только окрестной местности, но и всей страны, в которой они находятся. Версаль составляет украшение и гордость Франции, Стоу и Уильтон—Англии. Франция и по сию пору продолжает вызывать своего рода почтение и восхищение благодаря большому количеству памятников, которыми она обладает, хотя богатство, создавшее их, исчезло и не осталось, породивший их, повидимому, умер, может быть потому, что не находил прежнего занятия.

Вместе с тем расходы, производимые на предметы, долго сохраняющиеся, благоприятствуют не только накоплению, но и бережливости. Если кто-либо слишком расточителен в этом отношении, в какой-нибудь момент, он легко может исправиться, не навлекая на себя публичного порицания. Значительное уменьшение им числа слуг, замена обильного и роскошного стола очень скромным и простым, отказ от экипажа, которым уже пользовался, — все это такие перемены, которые не могут укрыться от наблюдения его соседей и которые внушают предположение о признании им необходимости его поведения в прошлом. Поэтому немногие из тех, кто однажды несчастье зайти слишком далеко по пути такого рода расходов, имеют впоследствии достаточно мужества, чтобы исправиться, пока к этому их не принудит разорение или банкротство. Но какой-либо человек затрачивал много средств на постройки, на обстановку, на книги или картины, изменение им своего поведения заставит говорить о неблагоразумии с его стороны. Ведь это такие вещи, дальнейшие расходы на которые часто делаются из нихими благодаря предыдущим расходам; и когда такой человек прекращает подобные затраты, всем будет казаться, что он делает это не потому, что исчерпал свои средства, а потому, что удовлетворил свою страсть.

Кроме того, затраты, производимые на предметы, сохраняющиеся долгое время, служат обычно источником существования для большего числа людей, чем такие, которые употребляются в целях роскошного гостеприимства. Из двухсот или трехсот фунтов израсходованных на званый ужин, какие иной раз идут на угощение во время большого пиршества, половина, пожалуй, выбрасывается в мусорную яму, и притом такое количество ее всегда пропадает задаром или портится. Но если бы расход, потребовавшийся на это угощение, был произведен на то, чтобы дать работу каменщикам, столярам, плотникам, слесарям и т. п., количество съестных продуктов такой же стоимости было бы распределенным между еще большим числом людей, которые покупали бы их по мелочам и не оставили бы неиспользованной и не выбросили бы ни одной унции из них. В одном случае это увеличивает, а в другом — уменьшает производительным элементам, в другом — непроизводительным; в одном случае, следовательно, он увеличивает, а в другом не увеличивает меновую стоимость того продукта земли и труда страны.

При всем том не следует понимать сказанное так, будто одни виды затрат всегда свидетельствуют о более щедром и широком характере человека, чем другой. Когда богатый человек затрачивает свой доход главным образом на гостеприимство, он делит значительную часть с своими друзьями и знакомыми; но когда он расходует его на приобретение перечисленных предметов, сохраняющихся продолжительное время, он часто затрачивает весь свой доход только на самого себя и не дает никому ничего без соответствующего вознаграждения. Поэтому последний вид затрат, в особенности, если они производятся на пустяки и ненужные вещи, каковы разные ук-

одежды и обстановки, драгоценные камни, погремушки и т. п., указывает не только на легкомысленные, но и на низменные эгоистические наклонности. Все, что я хочу сказать, сводится к тому, что один вид затрат, поскольку он всегда ведет к некоторому накоплению ценных предметов, более содействует частной бережливости, а следовательно и увеличению капитала общества, а поскольку он расходует средства к существованию больше производительным элементам, чем непроизводительным, он в большей степени, чем другой вид затрат, содействует росту общественного богатства.

Глава IV

О КАПИТАЛЕ, ССУЖАЕМОМ ПОД ПРОЦЕНТЫ

На свои запасы, ссужаемые под проценты, заимодавец смотрит как на капитал. Он ожидает, что в установленный срок будут возвращены ему и что заемщик в течение всего этого времени будет уплачивать ему за это некоторую ежегодную ренту. Заемщик может использовать полученные средства как капитал или как запасы, обращаемые на непосредственное потребление. Если он использует их как капитал, он употребляет их на содержание производительных рабочих, которые воспроизводят их стоимость с некоторой прибылью. В этом случае он может вернуть капитал и уплатить проценты, не отчуждая и не затрагивая других источников дохода. Если он употребляет их для непосредственного потребления, он играет роль расточителя и растрчивает на поддержание пристрасти то, что было предназначено для содержания трудящихся. В этом случае он уже оказывается не в состоянии ни вернуть капитал ни уплатить проценты, не отчуждив или не затронув какого-либо другого источника дохода, как, например, недвижимого имущества или земельной ренты.

Запасы, ссужаемые под проценты, без сомнения, употребляются обоими указанными способами, но первым гораздо чаще, чем вторым. Человек, занимающий для того, чтобы тратить, скоро разоряется, а тот, кто ссужает его, обычно будет иметь основания рассчитывать в своем неблагоприятии. Поэтому заем или ссуда для цели во всех случаях, когда не имеется в виду чистое ростовщичество, не в интересах обеих сторон; и хотя не подлежит сомнению, что люди порою делают это, однако, поскольку все люди стараются соблюдать свои интересы, мы можем быть уверены, что это происходит так часто, как это мы иногда склонны предполагать. Спросите любого богатого человека, отличающегося обычным здравым разумием, кому он ссудил большую часть своего капитала, и вы узнаете, ли, кто, по его мнению, даст ему прибыльное употребление, и вы увидите, тем, кто затратит его без всякого дела, — и он рассмеется в ответ на такой вопрос. Даже между людьми, берущими займы, — а это род людей не очень-то отличается бережливостью, — число расточительных и трудолюбивых значительно превышает число расточительных и празднолюбцев.

Важнейшая категория людей, которым обыкновенно дают деньги под проценты, не ожидая, что они дадут им какое-нибудь прибыльное употребление, это — землевладельцы, занимающие под залог своих земель. Но даже и они вряд ли когда-нибудь занимают исключительно для того, чтобы тратить. Можно сказать, что сумма, которую они занимают, обычно израсходована ими еще до заключения займа. По общему правилу, потребили такое большое количество этих предметов, предоставленных им в кредит лавочниками и ростовщиками, что видят себя вынужденными занять под проценты, чтобы уплатить эти долги. Занятый капитал возмещает капиталы лавочников и торговцев, которые землевладельцы не могли возместить за счет ренты со своих имений. Он в сущности занят не для того, чтобы быть растрченным, а для того, чтобы возместить уже ранее растрченный капитал.

Почти все займы под проценты получаются в деньгах, бумажных или же золотых и серебряных. Но в чем в действительности нуждается заемщик и чем снабжает его лицо, дающее займы, это — деньги, а стоимость денег или товары, которые можно купить на них. Если они ему нужны в качестве фонда для непосредственного потребления, он может этот фонд составить лишь из этих товаров. Если они ему нужны в качестве капитала для производительного потребления, он только за счет этих товаров может снабдить рабочими орудиями труда, материалами и средствами существования, необходимыми для выполнения работы. Посредством займа заимодавец как бы предоставляет должнику свое право на известную часть продукта земли и труда страны, какую он может распорядиться по своему усмотрению.

Вот почему величина капитала или, как обыкновенно выражаются, сумма денег, которая может в какой-либо стране отдаваться займы под проценты, определяется не стоимостью денег, бумажных или металлических, которые служат средством для совершения различных сделок в данной стране, а стоимостью той части годового продукта, которая, будучи получена с земли и от труда производительных работников, предназначается не просто для возмещения капитала, а для применения такого капитала, который его собственник не дает труда применять самолично. Так как подобного рода капиталы обыкновенно ссужаются и выплачиваются обратно деньгами, то они составляют то, что называют денежным капиталом. Этот капитал отличается не только от земельного, но и от торгового и промышленного капиталов, поскольку владельцы последних сами приносят свой капиталы. Тем не менее даже в денежном капитале они представляют собою как бы ассигновку, передающую из одних рук в другие те капиталы, которые их владельцы не хотят сами вложить в дело. Капиталы эти могут на любую сумму превышать сумму денег, которая служит орудием для передачи их из рук в руки, поскольку одни и те же денежные знаки служат последовательно для применения как многих займов, так и многих покупок. Так, например, А ссужает В 1 000 фунтов, на которые В сейчас же покупает

у *B* товары стоимостью в 1000 фунтов. *B*, которому деньги сейчас нужны, отдает в ссуду те же самые монеты *X*, а *X* сейчас же отдает на них у *C* другие товары стоимостью в 1000 фунтов. *C* так же и по той же причине ссужает их *У*, который в свою очередь покупает на них товары у *D*. Таким путем одни и те же денежные знаки, бумажные или металлические, могут на протяжении нескольких дней служить средством для совершения трех различных займов и трех различных покупок, причем в каждом отдельном случае сделка по стоимости равна всей сумме этих денежных знаков. То, что три денежных капиталиста *A*, *B* и *C* передают трем заемщикам *W*, *X* и *У*, сводится к передаче возможности вести эти покупки. В этой возможности и состоит значение и ценность займов. Капитал, отданный в займы тремя денежными капиталистами, равняется стоимости товаров, которые можно купить на него в три раза больше суммы денег, посредством которой производятся покупки. При всем этом все эти ссуды могут быть вполне обеспечены, поскольку купленные должниками товары употребляются так же, как условленному сроку вернут вместе с некоторой прибылью, равной же стоимости в звонкой монете или в бумажных деньгах. И поэтому тому как одни и те же денежные знаки могут, таким образом, служить средством для совершения нескольких займов на сумму, в три раза или же, совершенно аналогичным образом, в тридцать раз превышающую их стоимость, они точно так же могут во столько же раз последовательно служить и средством уплаты долгов.

Таким образом, на капитал, который ссужен под проценты, можно смотреть как на ассигновку со стороны займодавца заемщику, некоторую значительную часть годового продукта при том условии, что заемщик, в свою очередь, будет в течение всего времени пользования займом предоставлять займодавцу ежегодно небольшую часть, называемую процентом, а к концу договоренного срока возвратит ему часть, равняющуюся по величине той ассигновке, которую первоначально получил, что называется уплатой долга. Эти деньги, — звонкой монетой или бумажками, — служат обыкновенно средством для передачи как незначительной, так и большой части годового продукта (процентов и капитала), они сами по себе представляют собою нечто отличное от того, что передается при их посредстве.

В соответствии с возрастанием в какой-либо стране той доли годового продукта, которая, как только она получается с землей от труда производительных рабочих, предназначается на возращение капитала, естественно возрастает вместе с тем и то, что называется денежным капиталом. Возрастание тех особых капиталов, с которыми владельцы их желают получать доход, не давая себе труда пустить их в дело, естественно сопровождается общим увеличением капиталов. Другими словами, по мере возрастания капитала постепенно все больше увеличиваются и размеры капитала, отпущенного в займы под проценты.

По мере увеличения отдаваемых в займы капиталов неизменно уменьшается процент или цена, какую приходится платить за

этим капиталом. Это уменьшение происходит не только по тех общих причин, которые обыкновенно понижают рыночную цену товаров в соответствии с увеличением их количества, но и по ряду других причин, проявляющих свое действие только в этом случае. По мере увеличения в стране капиталов неизбежно уменьшается прибыль, которую можно получить от употребления денег. Постепенно становится все более и более трудным найти в делах страны выгодный способ применения для нового капитала. В результате этого возникает конкуренция между различными капиталистами, причем владелец одного старается овладеть областью, которая уже занята другим. Но в большинстве случаев он может навязать вытеснить этот другой капитал из данной области только в том случае, если он предлагает более льготные условия. Он не только должен продавать свои товары несколько дешевле, но и для того чтобы иметь возможность продать их, он вынужден иногда продавать свои закупки по более дорогой цене. Спрос на производимый труд благодаря увеличению капиталов, предназначенных на его содержание, возрастает с каждым днем. Рабочие легко находят себе работу, но владельцы капиталов испытывают затруднения в приискании рабочих. Их конкуренция между собою повышает оплату труда и понижает прибыль с капитала. Но если прибыль, которая может быть получена от приложения капитала, уменьшается таким образом, так сказать, с обоих концов, то и цена, которую возможно платить за пользование им, т. е. норма процента, на то же неизбежно уменьшаться.

Как и многие другие писатели, предположившие, что вызванное открытием испанской Вест-Индии увеличение количества золота и серебра явилось действительной причиной понижения нормы процента в большей части Европы, утверждают, что, поскольку эти металлы утратили сами небольшую долю своей стоимости, постольку и пользование той или иной частью их стало тоже представлять меньшую стоимость, и должна была уменьшиться цена, которую можно было заплатить за него. Это мнение, на первый взгляд представляющееся столь естественным, так обстоятельно разобрано Юмом³, что, пожалуй, не потребуется говорить еще что-нибудь по этому поводу. Все следующие краткие и простые соображения могут помочь к более убедительному выяснению ошибки, которая, по видимому, привела к заблуждению этих писателей.

Открытие испанской Вест-Индии обычной нормой было в большей части Европы, по видимому, 10 процентов. С тех пор она понижалась в различных странах до 6, 5, 4 и 3 процентов. Предполагается, что во всех странах стоимость серебра уменьшилась в той самой пропорции, в какой понизилась в них норма процента, и что

¹ См. *Locke*, Considerations on the Lowering the Rate of Interest and Raising the Value of Money, p. 6.]

² См. *Montesquieu*, Esprit des lois, liv. XXII, chap. VI.]

³ См. «Опыты» Юма, опыт о проценте.]

в тех странах, например, где процент понизился с десяти до пяти на сто, на одно и то же количество серебра теперь можно купить вдвое меньшее количество товаров, чем прежде. Такое предположение, мне кажется, вряд ли найдут где бы то ни было соответствующим действительности, но оно наиболее благоприятно точке зрения, которую мы намерены подвергнуть рассмотрению; однако даже в таком предположении совершенно невозможно, чтобы понижение стоимости серебра могло хотя бы в малейшей степени вести к понижению нормы процента. Если 100 ф. в этих странах стоят теперь не больше, чем стоили в то время 50 фунтов, то и 10 фунтов долее теперь обладать не большей стоимостью, чем 5 фунтов тогда. Каковы бы ни были причины, которые понизили стоимость капитала, те самые причины должны были понизить и стоимость процента в том же пропорции. Соотношение между стоимостью капитала и стоимостью процентов должно было остаться неизменным, если норма процента не изменилась; напротив, при изменении нормы процента соотношение между этими двумя стоимостями необходимо изменяется. Если 100 теперешних фунтов стоят не больше 50 фунтов прежних, то 5 фунтов теперешних не могут стоить более чем 2 1/2 фунта 10 шиллингов прежних. Следовательно, при понижении нормы процента с десяти до пяти на сто, мы даем за пользование капиталом, который предполагается равным лишь половине его прежней стоимости, процент, который равняется лишь четвертой части стоимости прежнего процента.

Увеличение количества серебра при неизменном количестве товаров, обращающихся посредством его, не могло бы иметь другого результата, кроме уменьшения стоимости этого металла. Номинальная стоимость предметов всякого рода увеличилась бы, но действительная стоимость осталась бы прежней. Они теперь обменивались бы на большее число серебряных монет, но количество труда, которое можно приобрести на них, или число людей, которых они могут дать содержание и занятие, осталось бы тем же самым. Капитал страны остался бы неизменным, хотя большее число людей может теперь понадобиться для перехода какой-либо его части от одних рук в другие. Средство для такого перехода станет, по крайней мере, на бумаге многословного нотариуса, более тяжеловесным, но передающийся из рук в руки предмет не изменится сравнительно с прежним временем и сможет оказывать лишь прежнее действие. Поскольку капитал останется неизменным фондом, предназначенным на содержание производительного труда, не изменится и спрос на последний. Поэтому и цена его или заработная плата останется фактически без изменения, хотя номинально повысится. Эта заработная плата будет выплачиваться посредством большего количества серебряных монет, но на них можно будет купить такое же самое, как и прежде, количество продуктов. Прибыль на капитал, номинальная и действительная, останется без изменения. Заработная плата за труд измеряется количеством серебра, которое выплачивается рабочему. Поэтому, когда это количество увеличивается, кажется, что

заработная плата повысилась, хотя в некоторых случаях она может быть не большей, чем прежде. Но прибыль на капитал измеряется количеством серебряных монет, какими она выплачивается, а не уменьшением суммы этих монет ко всему затраченному капиталу. Таким образом, говорят, что в данной стране 5 шиллингов в неделю представляют обычную заработную плату рабочего, а 10 процентов — обычную прибыль на капитал. Но если весь капитал страны остается неизменным, то не усилится и конкуренция между различными капиталами отдельных лиц, из которых он состоит. Они все будут бороться с тем же успехом и неудачами. Поэтому и не изменится то же соотношение между капиталом и прибылью, а, следовательно, не изменится и обычный денежный процент, поскольку то, что может давать за пользование деньгами, с необходимостью определяется тем, что можно извлечь от пользования ими.

Против увеличения количества товаров, обращающихся ежегодно внутри страны, при неизменном количестве обращающихся товаров вызывает много других важных последствий помимо повышения стоимости денег. Капитал страны, хотя номинально он может оставаться неизменным, в действительности увеличится. Он может оставаться в прежнем количестве денег, но сможет распоряжаться большим количеством труда. Увеличится количество производимого труда, которое он может содержать и занимать, а, следовательно, усилится и спрос на этот труд. Заработная плата, естественно, повысится вместе с усилением спроса и, однако, может остаться, что она понизилась. Она может выплачиваться в виде того же количества денег, но на это меньшее количество денег будет покупать больше товаров, чем раньше на большее количество денег. Прибыль на капитал уменьшится как фактически, так и по видимости. Вместе с увеличением всего капитала страны, естественно, усилится и конкуренция между различными капиталами, из которых он состоит. Владельцы этих капиталов будут вынуждены довольствоваться меньшей долей продукта того труда, который занимают их капиталы. Денежный процент, всегда изменяющийся в соответствии с прибылью на капитал, сможет, таким образом, значительно понизиться, хотя бы стоимость денег или количество товаров, которое можно купить на определенную сумму денег, и повысилось значительно.

В некоторых странах законом было воспрещено взимание денежного процента. Но поскольку везде пользование деньгами может принести некоторую прибыль, постольку и следует везде что-то платить за такое пользование ими. Этот запрет, как обнаружилось на опыте, вместо того, чтобы предотвратить, только усиливал ростовщичество, ибо должнику приходилось уже платить не только за пользование деньгами, но и за риск, которому подвергался кредитор, принимая вознаграждение за это пользование. Он был вынужден, если можно так выразиться, страховать своего кредитора случай кары за ростовщичество.

В странах, где взимание процента дозволено, закон в целях пред-

отращения вымогательства ростовщиков обычно устанавливается максимальную норму процента, которая может взиматься, не наказывая за это кары. Эта норма должна всегда несколько превышать самую низшую рыночную цену или ту цену, которая обычно устанавливается за пользование деньгами лицами, могущими предоставить наиболее верное обеспечение. Если эта законная норма устанавливается ниже низшей рыночной нормы, то последствия этого будут почти такие же, как и при полном воспрещении взимания процентов. Кредитор не захочет ссужать свои деньги дешевле той стоимости, которую имеет пользование ими, и должник должен платить с большим риском, которому тот подвергается, беря с него полную стоимость такого пользования. Если норма устанавливается в размере какой-либо из низшей рыночной цены, это подрывает у честных людей, уважающих законы своей страны, кредит всех тех, кто не в состоянии предоставить наилучшее обеспечение, и заставляет последних прибегать к ростовщикам-вымогателям. В такой стране, как Великобритания, где деньги ссужаются правительству по 3 процента, а частным лицам ссужаются под верное обеспечение по 4 и 4½ процента, установленная ныне законом норма в 5 процентов представляется жалкой, наиболее соответственной.

Следует, однако, заметить, что законная норма процента, она и должна несколько превышать низшую рыночную норму, но все же не должна превышать ее слишком много. Если бы, например, законная норма процента была установлена в Великобритании на таком высоком уровне, как 8 или 10 процентов, то большая часть денег, отдаваемых в займы, ссужалась бы расточителям и спекулянтам, которые одни проявляли бы готовность платить такой высокий процент. Здравомыслящие люди, готовые давать за пользование деньгами не больше, чем часть того, что они могут получить в результате пользования ими, не рискнут конкурировать с ними. Таким образом, значительная часть капитала страны не будет падать в руки тех именно людей, которые скорее всего могут дать им выгодное и прибыльное применение, и достанется тем, кто скорее всего растратит и уничтожит его. Напротив, там где законная норма процента установлена лишь немного выше низшей рыночной нормы, обычно будут предпочитать иметь должниками людей здравомыслящих и осторожных, чем расточителей и спекулянтов. Лицо, дающее в займы деньги, получает с первых почти такой же процент, как и с последних, а между тем его деньги гораздо безопаснее в руках первых, чем в руках последних. Значительная часть капитала страны попадает, таким образом, в такие руки, в которых скорее всего будет применен с выгодой.

Никакой закон не в силах понизить обычную норму процента ниже самой низшей рыночной нормы, существующей в момент издания закона. Несмотря на эдикт 1766 года, которым французский парламент пытался понизить норму процента с 5 до 4, деньги попрежнему ссужались во Франции по 5 процентов, а закон обходился различными способами.

Обычная рыночная цена земли, следует заметить, зависит везде от обычной рыночной нормы процента. Лицо, обладающее капиталом, от которого оно желает получать доход, не обременяя себя своим употреблением его в дело, имеет перед собою выбор: купить землю или отдать в займы под проценты. Большая обеспеченность помещения в землю, а также некоторые другие преимущественно связанные почти повсюду с этим видом собственности, в большинстве случаев побуждают его довольствоваться меньшим доходом, чем тот доход, какой он мог бы иметь, ссужая свои деньги под проценты. Эти преимущества достаточны для того, чтобы компенсировать некоторую разницу в доходе, но компенсировать они могут только некоторую разницу; и если рента с земли упадет значительно ниже обычного денежного процента, то никто не станет покупать землю, а это скоро восстановит ее обычную цену. Напротив, если рента с земли превысит обычный процент, избыточные преимущества и выгоды с избытком уравнивают эту разницу, все станут покупать землю, что, в свою очередь, скоро понизит ее обычную цену. Когда процент держался на уровне десяти процентов, земля обычно продавалась из расчета 10 или 12-летней доходности. Когда норма процента понизилась до 6, 5 и 4 процентов, земля повысилась, и ее стали продавать из расчета 20, 25 и 30-летней доходности. Рыночная норма процента во Франции выше, чем в Англии, а средняя цена земли ниже. В Англии она обычно определяется из расчета 30-летней, а во Франции 20-летней доходности.

Глава V

О РАЗЛИЧНЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ КАПИТАЛОВ

Хотя все капиталы предназначаются лишь на содержание производительного труда, однако количество труда, которое равны размерам капиталы могут привести в движение, чрезвычайно колеблется в зависимости от способа их употребления, равно как меняется и стоимость, какую их применение добавляет к годовому продукту земли и труда страны.

Капитал может затрачиваться четырьмя различными способами: он может, во-первых, употребляться на добывание сырого продукта, требующегося ежегодно обществу для его потребления и нужд; он может, во-вторых, употребляться на выделку и переработку этого продукта для непосредственного использования и потребления; в-третьих, он может употребляться на перевозку сырых или готовых продуктов из тех мест, где они имеются в избытке, в места, где недостает; наконец, в-четвертых, он может употребляться на производство тех и других продуктов на такие малые партии, которые соответствуют нуждам их потребителей. Первым способом употребляются капиталы всех тех, кто занимается улучшением или обработкой земли, разработкой рудников или рыболовством; вторым способом употребляются капиталы всех предпринимателей в мануфактурах, третьим способом — всех оптовых торговцев и четвертым — розничных торговцев. Трудно представить себе, чтобы капиталы употреблялись каким-либо иным способом, который нельзя было отнести ни к одному из перечисленных выше.

Каждый из этих четырех видов приложения капитала существует необходим как для существования и расширения трех других и для общего благополучия всего общества.

Если бы совсем не прилагался капитал для добывания в каком-нибудь достаточном количестве сырья, то не могло бы существовать никакой мануфактуры и торговли.

Если бы капитал совсем не прилагался к обработке той части сырых продуктов, которая требует значительной переработки прежде, чем стать пригодной для использования и потребления, то она или совсем не добывалась бы ввиду отсутствия спроса на нее или, если бы производилась, не обладала бы никакой меновой стоимостью, чего не добавляла бы к богатству общества.

ли бы капиталы не прилагались для перевозки сырых продуктов готовых изделий из мест, где они имеются в избытке, в места, где ощущается недостаток, они производились бы только в таком качестве, какое необходимо для потребления той местности, где они производятся. Капитал торговца обменивает избыточный продукт одной местности на избыточный продукт другой и этим дает толчок промышленности обеих этих местностей и увеличивает средства их потребления. Если бы капитал не употреблялся на то, чтобы делить сырые продукты или готовые изделия на такие небольшие части, которые соответствуют обычному спросу их потребителей, все было бы вынуждено покупать нужные им товары в большем количестве, чем это требуется им в каждом отдельном случае. Если бы, например, не существовало промысла мясника, всем приходилось бы покупать целого быка или овцу. Это было бы, по общему правилу, неудобно для людей богатых и гораздо более неудобно для бедных. Если бы бедному ремесленнику приходилось покупать проводоль сразу на месяц или на 6 месяцев, то значительную часть своих средств, которые он использует как капитал на приобретение инструментов или на оборудование мастерской и которые приносят ему доход, он вынужден был бы отнести к той части, которая предназначена для непосредственного потребления и не приносит ему никакого дохода. Для такого человека удобнее всего иметь возможность покупать нужные ему предметы необходимости изо дня в день, даже по самой малой час, в зависимости от потребности в них. Это позволяет ему использовать почти все свои средства как капитал. Это позволяет ему получать работу на большую стоимость, и прибыль, которую он получает благодаря этому, с избытком покрывает ту надбавку к цене, которую розничный торговец делает на товары, чтобы получить свою прибыль. Предубеждение некоторых политических писателей по отношению к лавочникам и торговцам вообще лишено всякого основания. Точно так же нет никакой необходимости облагать их особым налогом или ограничивать их число, потому что их никогда не может быть так много, чтобы причинять ущерб публике, хотя они могут быть друг другу. Количество колониальных товаров, например, которое может быть продано в каком-нибудь городе, ограничено спросом того города и его окрестностей. Поэтому капитал, который может быть вложен в торговлю колониальными товарами, не может превышать суммы, достаточной для покупки этого количества. Если капитал находится в руках двух торговцев, их конкуренция между собою будет вынуждать их обоим продавать свои товары дешевле, чем если бы он находился только в одних руках. Если же капитал оказался бы распределенным среди двадцати торговцев, конкуренция была бы соответственно сильнее, а возможность соглашения между ними в целях повышения цен меньше. Их конкуренция между собою могла бы, может быть, разорить некоторых из них, но принятие мер в предупреждение этого — дело заинтересованных лиц, и его можно всецело предоставить их осторожности. Такое же отношение конкуренции ни в каком случае не может задеть интересов

потребителя или производителя; напротив, это должно заставить розничных торговцев продавать дешевле и покупать дороже, в том случае, если бы вся отрасль торговли была монополизирована одним или двумя лицами. Некоторые из них могут, пожалуй, сознательно податливого покупателя купить то, что ему не нужно. Но эгоистическое явление имеет слишком мало значения, чтобы заставить общественное внимание, да его и нельзя устранить ограничением числа торговцев. Отнюдь не многочисленность пивных, — прибегнуть к наиболее сомнительному примеру, — порождает распространенную в простонародье склонность к пьянству; напротив, эта склонность, порождаемая другими причинами, необходима для поставления потребителей многочисленным пивным.

Лица, чьи капиталы употребляются одним из перечисленных четырех способов, сами являются производительными работниками. Их труд, если он надлежащим образом направлен, фиксируется и реализуется в каком-нибудь предмете или продажной вещи, к которой прилагается, и обыкновенно прибавляет к цене предмета, по мере мере, стоимость своего собственного содержания и потребления. Если были фермера, мануфактуриста, оптового и розничного торговца, получают все без различия из цены товаров, которые первые два производят, а два последние покупают и продают. Но одинаковы капиталы, употребляемые указанными четырьмя способами, приводят в движение весьма различные количества производительного труда, точно также в весьма различной степени увеличивают стоимость годового продукта земли и труда общества, к которому они принадлежат.

Капитал розничного торговца возвращает с прибылью как оптового торговца, у которого он закупает товары, и этим дает возможность продолжать свою торговлю. В розничном торговом предприятии его владелец является единственным производителем работником, занятым в нем. В его прибыли и заключается стоимость, которую его занятие добавляет к годовому продукту общества и труда общества.

Капитал оптового торговца возвращает капиталы, вместе с прибылью на них, фермеров и мануфактуристов, у которых он покупает сырые продукты и готовые изделия, составляющие предмет его торговли, и этим дает им возможность продолжать ведение своих предприятий. Главным образом выполнением этой функции он способствует поддержке производительного труда в обществе и увеличению стоимости его годового продукта. Его капитал дает возможность занятия матросам и извозчикам, перевозящим его товары из одного места в другое, и увеличивает цену этих товаров на стоимость только его прибыли, но и их заработной платы. В этом заключается весь производительный труд, который он приводит в движение, и эта стоимость, которую он непосредственно добавляет к годовому продукту. В обоих этих отношениях его операции стоят значительно выше деятельности розничного торговца.

Часть капитала предпринимателя-мануфактуриста вкладывается в виде основного капитала в орудия его производства и возвра-

щается с соответствующей прибылью, капитал какого-либо другого предпринимателя, у которого он приобретает их. Часть его оборотного капитала затрачивается на покупку материалов и возвращает, вместе с соответствующей прибылью, капиталы фермеров и горнопромышленников, у которых он покупает их; значительная его часть, однако, год или в более короткие сроки всегда распределяется между различными работниками, которые работают на него. Капитал промышленности увеличивает стоимость материалов на сумму заработной платы рабочих и на всю прибыль предпринимателей с капиталов, занятых на заработную плату, материалы и орудия производства в данном предприятии. Таким образом, он непосредственно приводит в движение гораздо большее количество производительного труда, чем добавляет гораздо большую стоимость к годовому продукту земли и труда общества, чем капитал таких же размеров в руках какого-либо оптового торговца.

Какой капитал не приводит в движение большего количества производительного труда, чем равный по размерам капитал фермера. Это не только его рабочие-батраки, но и его рабочий скот являются производительными работниками. Помимо того, в сельском хозяйстве скот также работает вместе с человеком; и хотя ее работа не требует никаких издержек, ее продукт обладает своей стоимостью точно так же, как и продукт наиболее дорого стоящих рабочих. Наиболее ценные сельскохозяйственные работы имеют целью не столько увеличение (хотя они делают и это), сколько направлять естественное плодородие природы к производству растений, наиболее выгодных для человека. Поле, заросшее терновником и кустарником, часто дает не меньше растений, чем самым тщательным образом возделанный виноградник или хлебное поле. Посев и обработка часто только пробуждают, сколько направляют деятельное плодородие природы, и после всех трудов земледельца главный труд всегда принадлежит на ее долю. Поэтому рабочие и рабочий скот, занятые в сельском хозяйстве, воспроизводят не только стоимость, равную стоимости потребления или стоимости капитала, дающего им занятие, вместе с прибылью его владельца, как это мы видели у мануфактурных рабочих, но и гораздо большую стоимость. Сверх капитала фермера его прибыли они регулярно воспроизводят ренту землевладельцу, которую можно рассматривать как продукт тех сил природы, управление которыми землевладелец предоставляет фермеру. Она выражается ниже в зависимости от предполагаемой величины этих сил или, другими словами, от предполагаемого естественного или искусственного плодородия земли. Ведь после вычета или оплаты всего того, что можно признать делом рук человеческих, остается только продукт деятельности самой природы. Этот остаток редко бывает меньше четвертой части, а часто превышает третью часть всего продукта. Такое же отношение производительного труда, затраченного в мануфактурах, к тому, что не даст такого большого воспроизводства. В мануфактурах человек не делает ничего, — все делается человеком, и полученный продукт всегда должен быть пропорционален размерам действующих сил,

создающих его. Таким образом, капитал, вкладываемый в землю не только приводит в движение большее количество производительного труда, чем таких же размеров капитал, вложенный в мануфактуру, но и добавляет, в отношении к количеству применяемого им производительного труда, гораздо большую стоимость к годовому продукту земли и труда страны, действительному богатству и доходу ее жителей. Это самый выгодный для общества из всех существующих способов приложения капитала.

Капиталы, вкладываемые в земледелие и в розничную торговлю данного общества всегда должны оставаться внутри этого общества. Их приложение связано почти всегда с определенным местом фермой или лавкой розничного торговца. По общему правилу, из этого и бывают некоторые исключения, они принадлежат по большей части жителям данной страны.

Капитал оптового торговца, напротив, повидимому, не имеет никакого вполне определенного или обязательного для него приложения, а может перемещаться с места на место в зависимости от того где он может дешево закупать или дорого продавать.

Капитал мануфактуриста должен, без сомнения, находиться там где ведется само производство, но не всегда обязательно предопределено, где именно оно должно вестись. Часто оно может вестись на значительном расстоянии как от места, где растет сырье, так и от места, где потребляются готовые изделия этого производства. Лион очень далеко отстоит как от местностей, которые снабжают его сырьем для его изделий, так и от тех пунктов, которые потребляют. Сицилийская шляпа делается в шелк, который везется в других странах из сырья, производимого ее собственными жителями. Часть испанской шерсти перерабатывается в сукно в Великобритании, и некоторая часть этого сукна ввозится после этого в Испанию.

Очень мало значения имеет, будет ли местным жителем или иностранцем купец, капитал которого вывозит за границу избыток продукта страны. Если он иностранец, число производительных работников страны уменьшится всего только на одного человека, в сравнении с тем случаем, если бы он был местным жителем, то количество ее годового продукта уменьшится всего только на прибыль одного человека. Матросы или возчики, которые у него работают, будут быть и в этом случае безразлично подданными или его страной данной страны, или какой-нибудь третьей страны, точно так же и в том случае, если бы он являлся местным жителем. Капитал иностранца придает избыточному продукту данной страны такую же стоимость, как и капитал местного жителя, обменивая его на товары, какие существует спрос внутри страны. Он столь же успешно производит капитал лица, производящего этот избыток, и столь же успешно дает ему возможность вести дальше свое дело; а ведь в этом случае стоит главным образом услуга, которую оказывает капитал оптовому торговцу для поддержания производительного труда и увеличения стоимости годового продукта общества, к которому он принадле-

жит. Его значение имеет, чтобы капитал мануфактуриста оставался внутри страны. Он необходимо приводит тогда в движение большее количество производительного труда и добавляет большую стоимость годовому продукту земли и труда общества. Тем не менее он может быть очень полезен для страны и в том случае, когда находится за ее пределами. Капиталы британских мануфактуристов, перерабатывающих лен и пеньку, ввозимые ежегодно с берегов Балтийского моря, особенно приносят большую пользу странам, производящим эти материалы. Они составляют часть избыточного продукта этих стран, который утратил бы всякую стоимость и больше не производился бы, если бы прекратился его обмен на другие товары, нужные этим странам. Торговцы, вывозящие эти материалы, возмещают капитал их производителей и тем самым поощряют их продолжать производство, а британские мануфактуристы возмещают капитал оптового торговца.

Капитал, вкладываемый в земледелие, так же как и отдельное лицо, часто может не только вкладывать капиталом, достаточным для улучшения и обработки ее земель, для переработки всего ее сырья с целью непосредственного использования и потребления и для перевозки избыточного сырья или готовых изделий на те отдаленные рынки сбыта, где могут быть обменены на другие товары, на которые существует спрос внутри этой страны. Жители многих местностей Великобритании не имеют достаточно капитала для улучшения и обработки всех своих земель. Шерсть южных графств Шотландии, после перевозки на большое расстояние по очень плохим дорогам, в значительной части перерабатывается в Йоркшире ввиду отсутствия капитала, нужного для переработки ее на месте. В Великобритании существует очень много небольших промышленных городов, жители которых не обладают достаточным капиталом для перевозки продукции своей промышленности на те отдаленные рынки, где имеется спрос на них и где они могут быть потреблены. Если здесь среди них встречаются торговцы, то это, собственно говоря, лишь агенты богатых торговцев, живущих в каком-либо крупном коммерческом центре.

Капитал какой-нибудь страны оказывается недостаточным для достижения всех этих целей, то чем больше та часть его, которая вложена в земледелие, тем больше будет количество производительного труда, которое приводится им в движение внутри страны, равно как и стоимость, которую приложение его добавляет к годовому продукту земли и труда общества. После земледелия наибольшее количество труда приводит к увеличению и добавляет наибольшую стоимость к годовому продукту общества, вложенный в мануфактуру. Тот же капитал, который уложен в вывозную торговлю, дает наименьшие результаты.

Страна, не обладающая капиталом, достаточным для всех трех этих целей, не достигла еще той степени развития и богатства, которая ей, повидимому, предназначена от природы. Но пытаться преодолеть и с недостаточным капиталом выполнять все эти три задачи, конечно не будет кратчайшим путем для общества, так же как и для

отдельного человека, для того, чтобы приобрести достаточный капитал. Общий капитал всех членов нации имеет свои пределы, как капиталы отдельного лица, и в состоянии служить только некоторому числу определенных целей. Общий капитал всех членов нации личивается таким же образом, как и капитал отдельного лица, в результате постоянного накопления и добавления к нему того, что сберегают из своего дохода. Поэтому возможно ожидать быстрого его возрастания в том случае, когда он прилагается таким образом, что приносит наибольший доход всем жителям страны; это позволит им делать наибольшие сбережения. Но доход всех жителей страны находится в необходимой зависимости от стоимости годового продукта ее земли и труда.

Главной причиной быстрого развития богатства и роста наших американских колоний явилось то обстоятельство, что почти все их капиталы прилагались до сих пор к земледелию. Они не имеют мануфактур, если не считать домашних и простейших промыслов, которые неизбежно сопровождают развитие земледелия и которыми занимаются в каждой семье женщины и дети. Большая часть экспортной и прибрежной торговли Америки ведется на капиталы торговцев, живущих в Великобритании. Даже многие магазины и торговые склады, в которых товары распределяются по некоторым провинциям, в частности в Виргинии и Мэриланде, принадлежат торговцам, постоянно живущим в метрополии, и представляют один из немногих признаков розничной торговли в обществе, ведущейся на капиталы лиц, не являющихся постоянными жителями данной страны. Если бы американцы путем соглашения или посредством каких-либо принудительных мер прекратили ввоз европейских промышленных изделий, и обеспечили таким образом монополию тем из своих соотечественников, которые могут вырабатывать подобные товары, отвлекли сколько-нибудь значительную часть своего капитала на это дело, они только затормозили бы, а не ускорили дальнейшее возрастание стоимости своего годового продукта и задержали бы, вместо того, чтобы ускорить развитие страны в сторону богатства и могущества. Это проявилось бы в большей степени, если бы они попытались таким же путем монополизировать в свою пользу всю свою экспортную торговлю.

В общем, ход развития благосостояния человечества, повидимому, вряд ли когда-либо отличался такой продолжительностью, чтобы была возможность какой бы то ни было большой стране накопить капитал достаточный для всех трех указанных целей, — конечно, если ты не придавать веры чудесным рассказам о богатстве и культуре Египта древнего Египта и древнего государства Индостана. Даже эти три страны, самые богатые, судя по этим рассказам, какие только существуют на свете, славятся главным образом своим превосходством в области земледелия и обрабатывающей промышленности. Они, как кажется, не выделялись своей внешней торговлей. Древние египтяне питали суеверное предубеждение против моря; суеверие почти такого же характера господствует и среди жителей Индии; китайцы никогда не проявляли себя в области внешней торговли. Значительнейшая

продукта этих трех стран всегда, повидимому, вывозилась иностранцами, которые в обмен на это давали что-нибудь другое, на что там существовал спрос, часто же золото и серебро. Таким образом, один и тот же капитал в какой-нибудь стране приходит в движение большее или меньшее количество производительного продукта и увеличивает на большую или меньшую стоимость годового продукта ее земли и труда в зависимости от того, в каких различных порциях он вкладывается в земледелие, мануфактуры и оптовую торговлю. Кроме того, получается различный результат в зависимости от характера оптовой торговли, в которую вкладывается та или другая часть его.

Всякую оптовую торговлю, всякую покупку для перепродажи можно свести к трем различным видам: внутренней торговле, внешней торговле предметами потребления и транзитной торговле. Внутренняя торговля занимается покупкой продуктов промышленности страны в одной ее части и продажей в другой. Она охватывает торговлю внутри страны, так и прибрежную торговлю. Внешняя торговля предметами потребления занимается покупкой иностранных товаров для внутреннего потребления. Транзитная торговля занимается ведением торговых сношений чужих стран, т. е. доставкой избыточного продукта одной страны в другую.

Капитал, употребляемый на покупку в одной части страны для перепродажи в другой продукта промышленности этой страны, обыкновенно при каждой такой операции возмещает два различных капитала, вложенные в сельское хозяйство или мануфактуры этой страны, и дает им возможность продолжать свою производительную деятельность. Когда он отправляет из места жительства торговца товары определенной стоимости, он обыкновенно возвращает обратно другие товары по меньшей мере такой же стоимости. Если эти товары в обоих случаях являются продуктами отечественной промышленности, он возмещает при каждой такой операции два различных капитала, каждый из которых затрачивался на содержание производительного труда, и этим дает им возможность продолжать такое содержание его. Капитал, посылающий шотландские промышленные изделия в Лондон и привозящий обратно в Эдинбург английский хлеб и английские изделия, при каждой такой операции возмещает два британских капитала, причем оба они вложены в сельское хозяйство и мануфактуры Великобритании.

Капитал, употребляемый на покупку иностранных товаров для внутреннего потребления, когда эта покупка производится в обмен на продукты отечественной промышленности, при каждой такой операции тоже возмещает два различных капитала, но только один из них затрачивается на поддержку отечественной промышленности. Капитал, отправляющий британские товары в Португалию и ввозящий обратно в Великобританию португальские товары, при каждой такой операции замещает только один британский капитал, другой замещаемый им капитал — португальский. Поэтому, если бы даже операции внешней торговли предметами потребления были столь же

быстры, как и обороты внутренней торговли, капитал, употребленный в ней, оказывал бы вдвое меньшее поощрение промышленности производительному труду данной страны.

Но обороты внешней торговли предметами потребления очень редко бывают так же быстры, как и обороты внутренней торговли. Во внутренней торговле капитал оборачивается обыкновенно в период времени меньше одного года, а иногда три или четыре раза в год. Во внешней торговле предметами потребления капитал редко оборачивается за год, а иногда оборачивается не меньше чем в два или три года. Поэтому капитал, вложенный во внутреннюю торговлю, успеет иногда произвести двенадцать операций или отправить и привезти товары двенадцать раз за то время, как капитал, вложенный во внешнюю торговлю, успеет выполнить одну операцию. Поэтому, если эти капиталы равны, первый из них окажет в двадцать четыре раза большее содействие и поощрение промышленности страны, чем второй.

Иностранные товары для внутреннего потребления могут иногда приобретаться в обмен не на продукты отечественной промышленности, а на какие-либо другие иностранные же товары. Но эти последние должны были быть приобретены или непосредственно продукты отечественной промышленности, или на что-нибудь другое, купленное в обмен на эти продукты, потому что иностранные товары никогда не могут быть приобретены (если не считать войн и завоевания) иначе, как в обмен на какие-либо произведения данной страны непосредственно или после двух или нескольких промежуточных сделок. Таким образом, капитал, вложенный в такую внешнюю торговлю предметами потребления, ведущуюся такого же окольным путем, производит во всех отношениях такое же действие, как и капиталы, вкладываемые в подобного же рода торговлю, только ведущуюся наиболее прямым путем, если не считать того, что оборачиваться он будет еще медленнее, так как его реализация зависит от оборотов двух или трех других операций внешней торговли. Если рижские лен и пенька покупаются в обмен на виргинский табак, приобретенный в обмен на британские промышленные изделия, то торговец должен выждать окончания оборота данных различных операций внешней торговли, пока сможет затратить свой же капитал на покупку вновь такого же количества британских промышленных изделий. Если виргинский табак был приобретен в обмен не на британские промышленные изделия, а на ямайский ром и ром, купленные в обмен на эти изделия, он должен будет дождаться окончания оборота трех различных операций. Если эти две последние три различные операции внешней торговли совершаются двумя или тремя различными торговцами, из которых второй покупает товары ввозимые первым, а третий—ввозимые вторым, чтобы в свою очередь вывезти их, каждый торговец в таком случае сумеет более быстро оборачивать свой капитал, но общий оборот всего вложенного во внешнюю торговлю капитала будет столь же медленным, как и прежде. Для страны не составляет разницы, принадлежит ли весь капитал, вложенный в такую многостепенную торговлю, одному или трем торговцам,

может иметь значение для отдельных торговцев. В обоих случаях должен быть вложен в дело втрое больший капитал, чтобы обрести известное количество льна и пеньки, чем это было бы необходимо, если бы эти изделия и лен с пенькой обменивались непосредственно на друга. Следовательно, весь капитал, вкладываемый в подобного рода многостепенную внешнюю торговлю предметами потребления, будет в меньшей степени поощрять и оказывать содействие производительному труду страны, чем равный ему капитал, вложенный в более непосредственную торговлю такого же рода. Если бы ни был иностранный товар, при помощи которого приобретаются иностранные товары для внутреннего потребления, этот же товар может иметь сколько-нибудь существенного влияния ни на характер, ни на степень оказываемого ею поощрения и содействия производительному труду страны, которая ведет ее. Если, например, эти товары покупаются на бразильское золото или перуанское серебро, то это золото и серебро, как и виргинский табак, должны быть приобретены в обмен на какие-нибудь продукты промышленности страны или на что-нибудь другое, купленное на такие продукты. Следовательно, поскольку дело касается производительного труда, внешняя торговля предметами потребления, ведущаяся при помощи золота и серебра, представляет те же выгоды и неудобства, что и другой вид внешней торговли предметами потребления, столь же многостепенной; в ней, равным образом, столь же быстро или медленно реализуется капитал, непосредственно употребляемый на поддержание производительного труда. Повидимому, подобного рода торговля отличается даже одним преимуществом сравнительно с другим видом столь же многостепенной внешней торговли. Перевозка этих металлов из одного места в другое благодаря их большому объему и большой стоимости обходится дешевле, чем перевозка почти всех других иностранных товаров такой же стоимости; расходы за перевозку их значительно ниже, а страховая премия не так высока, как у золота и серебра. В результате этого при посредстве золота и серебра часто можно приобрести определенное количество товаров в обмен на меньшее количество продуктов отечественной промышленности, чем при посредстве каких-либо других иностранных товаров. Спрос страны может, таким образом, удовлетворяться более дешево и с меньшими издержками, чем каким-либо иным путем. Но все же придется в дальнейшем¹ весьма подробно рассмотреть вопрос, не приводит ли иным путем торговля этого рода к обеднению страны вследствие непрерывного вывоза ею этих драгоценных металлов.

Часть капитала страны, которая вкладывается в транзитную торговлю, отвлекается вообще от содержания производительного труда данной страны, чтобы содержать производительный труд дру-

тих стран. Хотя он при каждой своей операции замещает два различных капитала, однако ни один из них не принадлежит данной стране. Капитал голландского купца, везущего хлеб из Польши в Португалию, а обратно привозящего в Польшу португальские фрукты и вино, замещает при каждой такой операции два различных капитала, причем ни один из них не служил для содержания производительного труда Голландии; один из них содержал производительный труд Польши, другой—Португалии. Только прибыли регулярно находят в Голландию и составляют все то добавление к годовому продукту земли и труда этой страны, которое является необходимым результатом этой торговли. Впрочем, когда транзитная торговля какой-либо страны ведется на кораблях и при посредстве моряков этой же страны, то та часть капитала, вложенного в нее, которая оплачивает фрахт, распределяется между некоторым числом производительных работников этой страны и приводит их труд в движение. Почти все нации, принимавшие сколько-нибудь значительное участие в транзитной торговле, действительно вели ее именно таким образом. Самый род торговли получил, вероятно, от этого название, ибо жители таких стран являлись и перевозчиками товаров других стран. Однако эта особенность отнюдь не представляет необходимо присущей чертой такой торговли. Голландский купец, например, может вкладывать свой капитал в торговлю между Португалией и Португалией, перевозя часть избыточного продукта в Португалию во вторую не на голландских, а на британских кораблях. И можно предполагать, что в некоторых особых случаях так и бывает в действительности. С этой точки зрения считалось, что для такой торговли, как Великобритания, защита и безопасность которой зависит от числа ее матросов и размеров ее флота, особенно выгодна транзитная торговля. Но тот же капитал может дать занятие такому же числу матросов и кораблей, если он вложен во внешнюю торговлю предметами потребления или даже в прибрежную торговлю, поскольку ведется судами каботажного плавания, как и в том случае, когда он прилагается в транзитной торговле. Количество матросов и кораблей, которым может дать занятие данный капитал, зависит от характера торговли, а отчасти от громоздкости товаров в сравнении с их стоимостью и отчасти от расстояния, на каком находятся порты, между которыми они перевозятся,—главным образом от первого из этих двух условий. Так, например, торговля между Ньюкэстлом и Лондоном дает работу большему количеству судов, чем вся внешняя транзитная торговля Англии, хотя эти порты находятся друг от друга совсем не на большом расстоянии. Поэтому применение в какой-либо стране исключительных поощрительных мер в целях более широкого привлечения капитала во внутреннюю торговлю в более значительных размерах, чем это требуется в естественном ходе вещей, не всегда обязательно ведет к увеличению судоходства данной страны.

Таким образом, капитал, вкладываемый во внутреннюю торговлю страны, обычно поощряет и содержит большое количество

продукта в этой стране и увеличивает стоимость ее годового продукта в большей мере, чем таких же размеров капитал, занимающийся внешней торговлей предметами потребления, а капитал, занимающийся в этой последней, имеет в обоих этих отношениях еще большее преимущество над одинаковой величины капиталом, вложенным в транзитную торговлю. Богатство каждой страны, а также возможность ее, поскольку это последнее зависит от богатства, всегда находится в соответствии со стоимостью ее годового продукта, а потому в конечном счете оплачиваются пропорционально. И главная задача политической экономии каждой страны состоит в увеличении ее богатства и могущества; поэтому она не должна давать преимуществ или оказывать особое поощрение внешней торговле предметами потребления предпочтительно перед внутренней торговлей или же транзитной торговле предпочтительно перед другой. Она не должна путем всякого рода поощрений приносить к одному из этих двух каналов большую долю капитала, чем к другому. Именно притекало бы к ним без всякого воздействия. Каждый из этих видов торговли, однако, не только выгоден, но необходим и неизбежен, когда он порождается естественным ходом вещей, без всяких принудительных и насильственных мер воздействия.

Когда продукт какой-либо отдельной отрасли промышленности превышает спрос страны на него, избыток должен отправляться за границу и обмениваться на другие товары, на которые в данной стране имеется спрос. Без такого вывоза должна быть приостановлена деятельность производительного труда страны, и стоимость годового продукта страны уменьшится. Земля и труд Великобритании производят обычно больше хлеба, шерстяных и металлических изделий, чем требуется существующим на ее внутреннем рынке спросом. Поэтому избыток их должен отправляться за границу и обмениваться на какие-либо товары, требующиеся внутри страны. Только по своему такому вывозу этот избыток может приобрести стоимость, достаточную для оплаты труда и издержек, затраченных на его производство. Места по морскому побережью и берега всех судоходных портов, потому только и представляют собою выгодное местоположение для промышленности, что облегчают вывоз и обмен такого избыточного продукта на продукты, на которые имеется большой спрос. Иностранные товары, приобретенные в обмен на избыточный продукт внутренней промышленности, превышают спрос внутреннего рынка, лишняя их часть должна быть снова вывезена за границу и обмениваться на какие-нибудь другие продукты, на которые здесь имеется спрос. Около 96 тысяч бочек табаку покупается ежегодно в Виргинии и Мэрилэнде на часть избыточного продукта британской промышленности. Но спрос на табак в Великобритании не может быть, более 14 тысяч бочек. Поэтому, если бы нельзя было вывозить оставшиеся 82 тысячи бочек за границу и обменивать их на другие товары, на которые имеется большой спрос внутри страны, то вывоз табаку немедленно прекратился бы, а вместе с этим дол-

жен остановиться и производительный труд всех тех жителей Великобритании, которые в настоящее время заняты изготовлением табаков, на какие ежегодно приобретаются эти 82 тысячи бочек табака. Должно быть прекращено производство этих товаров, которые составляют часть продукта земли и труда Великобритании, поскольку на них нет спроса внутри страны и поскольку она лишилась своего рынка сбыта за границей. Поэтому наиболее многостепенная внешняя торговля предметами потребления может в некоторых случаях быть столь же необходимой для поддержки производительного труда страны и для поддержания на известном уровне стоимости годового продукта, как и непосредственная внешняя торговля.

Когда масса капиталов в какой-либо стране возрастает до таких размеров, что они не могут быть целиком использованы в области обслуживания потребления и поддержки производительного труда этой страны, избыточная часть их естественно отливает в транзитную торговлю и употребляется для выполнения таких же функций в интересах других стран. Транзитная торговля представляет собою естественный результат и признак значительного национального богатства, но она, повидимому, не является естественной причиной его. Те государственные люди, которые проявляли склонность содействовать ее развитию посредством специальных поощрительных мероприятий, очевидно принимали результат и признак за его причину. Голландия, которая, если иметь в виду размеры ее поверхности и количество жителей, является самой богатой страной Европы, держит поэтому в своих руках наибольшую часть транзитной торговли Европы. Англия, стоящая по богатству, вероятно на втором месте после нее в Европе, тоже считается ведущей транзитную часть этой торговли, хотя то, что обычно считается транзитной внешней торговлей Англии, в большинстве случаев оказывается не чем иным, как многостепенной внешней торговлей предметами потребления. Таковую в значительной мере является торговля, доставляющая продукты Ост-Индии, Вест-Индии и Америки на различные европейские рынки. Эти товары обыкновенно покупаются или посредственно на продукты британской промышленности, или что-нибудь другое, приобретаемое в обмен на эти продукты, или что получается в результате всех этих торговых сделок, используется или потребляется в Великобритании. Торговля, которая ведется на британских кораблях между различными портами Средиземного моря, и небольшая торговля такого же рода, ведущаяся британскими купцами между портами Индии, составляют, вероятно, главные отрасли того, что следует считать собственно транзитной торговлей Великобритании.

Размеры внутренней торговли и капитала, который может быть вложен в нее, по необходимости ограничиваются стоимостью годового продукта всех тех отдаленных друг от друга местностей внутри страны, которые обмениваются своими продуктами друг с другом. Размеры внешней торговли предметами потребления ограничиваются стоимостью избыточного продукта всей страны и того, что

приобретено на него. Размеры транзитной торговли ограничиваются стоимостью избыточного продукта всех стран мира. Ее размеры поэтому в известной мере беспредельны в сравнении с размерами двух других видов торговли, и она способна поглощать наибольшие капиталы.

Поиски о своей собственной частной прибыли являются единственным мотивом, побуждающим владельца всякого капитала вкладывать его в земледелие, в мануфактуры или в какую-либо особую отрасль оптовой или розничной торговли. Его никогда не занимает мысль о том, какие различные количества производительного труда может он привести в движение и какую различную стоимость может прибавить к годовому продукту земли и труда общества в зависимости от того, в какой из этих различных областей применяется капитал. Поэтому в тех странах, где сельское хозяйство представляет собою самое выгодное из всех приложений капитала, а возделывание и улучшение земли—самый прямой путь к большому общему выигрыванию, капиталы отдельных лиц будут, естественно, прилагаться к самым выгодным для всего общества образом. Но, насколько можно судить, прибыль, даваемая сельским хозяйством, нигде в Европе не превышает прибылей, приносимых другими видами занятий. Правда во всех частях Европы прожектеры в последние годы тешили публику блестящими рассказами о прибылях, получаемых от обработки и улучшения земли. Не входя в подробное рассмотрение их оснований, простое наблюдение может убедить нас, что выводы их должны быть неправильны. Мы ежедневно наблюдаем крупнейшие состояния, приобретенные на протяжении всего одной жизни при помощи торговли и промышленной деятельности, причем дело часто начиналось с очень небольшим капиталом, а иногда и без всякого капитала. Между тем во всей Европе в течение текущего столетия не наблюдалось, должно быть, ни одного примера приобретения за тот промежуток времени такого же состояния от занятий земледелием. Между тем во всех больших странах Европы до сих пор остается разделанной много хорошей земли, а большая часть возделываемой земли далеко не улучшена еще в такой мере, в какой это возможно. Поэтому сельское хозяйство почти везде способно поглощать гораздо больший капитал, чем какой когда-либо прилагался в нем. В дальнейших двух книгах я попытаюсь подробно выяснить, какие элементы в хозяйственной политике Европы сделали городские продукты настолько более выгодными по сравнению с сельскими, что частные лица часто считают более выгодным для себя вкладывать свои капиталы в ведущуюся где-то очень далеко в Азии и Америке транзитную торговлю, чем на улучшение и обработку плодороднейших полей в их непосредственном соседстве.

КНИГА III

О РАЗВИТИИ
БЛАГОСОСТОЯНИЯ
У РАЗНЫХ
НАРОДОВ

такого провоза в цене всего того, что покупают. Сравните обработку земель в окрестностях любого большого города с обработкой земель, находящихся на более значительном расстоянии от него, сами легко убедитесь, как много выигрывает деревня от товарообмена с городом. Ни одна из всех нелепых теорий торгового баланса не пробовала утверждать, что деревня теряет от своего товарообмена с городом или что город теряет от своего товарообмена с деревней, которая кормит его.

Так как по самой природе вещей предметы питания представляют собою потребность, стоящую на первом месте сравнительно с предметами удобства и роскоши, то отрасль, доставляющая первые, должна предшествовать тем отраслям, которые производят последние. К этому возделывание и улучшение земли, доставляющей средства существования, необходимо должны предшествовать росту города, доставляющего лишь предметы удобства и роскоши. Только избыточный продукт деревни или тот продукт, который превышает потребности содержания земледельцев, доставляет городу средства существования, а потому последний может расти и развиваться только по мере увеличения этого избыточного продукта. Конечно, город всегда получает все средства для своего существования из непосредственно прилегающей к нему округи или даже из страны, в которой он находится. Он может получать их из очень отдаленных стран. Последнее обстоятельство, хотя оно и не составляет исключения из общего правила, в различные эпохи и у различных народов вызвало значительные колебания и изменения в общем ходе развития народного благосостояния.

Такой порядок вещей, вообще устанавливаемый необходимостью, хотя и не во всех без исключения странах, в каждой отдельной стране поддерживается естественными наклонностями человека. Если бы человеческие учреждения никогда не шли вразрез с этими естественными наклонностями, города нигде не могли бы увеличивать население за пределы того, что могло бы существовать на произрастание земледелия той местности, в которой они расположены до тех пор, пока крайней мере, пока земли этой местности не будут полностью обработаны и улучшены. При одинаковой или почти одинаковой обработке были бы большинство людей предпочитает вкладывать свои капиталы скорее в улучшение и обработку земли, чем в мануфактурную или внешнюю торговлю. Человек, вкладывающий свой капитал в землю, в большей степени может распорядиться им и наблюдать за своим состоянием менее подвержено разным случайностям, чем состояние купца, который часто бывает вынужден отдавать его на волю и волн и даже еще более ненадежных стихий человеческого безделья и несправедливости, когда он предоставляет большие кредиты в отдаленных странах таким людям, с характером и положением которых редко имеет возможность как следует ознакомиться. Напротив, капитал землевладельца, вложенный в улучшение земли, обеспечен от всяких случайностей, обеспечен в максимальной степени, доведенной к естественной природе человеческих дел. Красота природы, а также уд-

сельской жизни, спокойствие духа, которое она обещает, и зависимость, действительно даваемая ею, если несправедливость естественных законов не нарушает ее,—все это так заманчиво, что в большей или меньшей степени привлекает всякого. И так как возделывание земли было исконным предназначением человека, то во все эпохи своего существования он, повидимому, сохранил особое расположение к этому первоначальному занятию.

Конечно, без помощи и содействия некоторого количества ремесленников возделывать землю можно было бы только с большими неудобствами и с постоянными перерывами. Кузнецы, плотники, ковалы и плужники, бочары, сапожники и портные,—все это мастера, к услугам которых земледельцу часто приходится обращаться. Ремесленники часто нуждаются в содействии и услугах друг друга, и так как их местожительство не связано по необходимости с определенным местом, как у земледельца, то они, естественно, селятся по соседству друг с другом и, таким образом, образуют небольшие города или местечки. Скоро к ним присоединяются мясник, парикмахар и булочник, а за ними ряд других ремесленников и мелких торговцев, необходимых или полезных в деле удовлетворения их потребностей и в свою очередь содействующих дальнейшему развитию города. Жители города и жители деревни взаимно обслуживают друг друга. Город служит базаром или рынком, к которому приходят жители деревни, чтобы обменять свои сырые продукты на готовые изделия. Этот товарообмен и снабжает жителей города материалами для их работы, так и средствами существования. Количество готовых изделий, продаваемых ими жителям деревни, зависит от количества материалов и предметов продовольствия, которые они покупают. Поэтому количество имеющейся у них работы и количество их средств существования могут возрастать только в соответствии с возрастанием спроса деревни на готовые изделия, а спрос, в свою очередь, может возрастать только в соответствии с тем количеством улучшений и обработки земли. Следовательно, если бы человеческие учреждения никогда не нарушали естественного хода развития богатства и рост городов во всех государствах являлись бы последующим результатом и соответствовали бы улучшению обработки данной территории или страны.

В наших североамериканских колониях, где еще можно получить по дешевой цене невозделанную землю, ни в одном из их городов не могли развиваться еще промышленные предприятия, продающие свои изделия на отдаленных рынках. Когда какой-либо ремесленник накопляет несколько больший капитал, чем необходимо для ведения его предприятия при сбыте изделий в окрестностях, он в Северной Америке не пытается устроить на этот капитал мануфактуру, поставляющую свои продукты на более отдаленный рынок, а ограничивает его на покупку и обработку невозделанной земли. Из ремесленника он превращается в фермера, и ни высокий заработок, ни изобилие в достатке, которые эта страна обеспечивает ремесленникам, не в состоянии соблазнить его работать на других, а не на самого

себя. Он чувствует, что ремесленник является слугой своих помещиков, от которых получает средства к существованию, тогда фермер, сам обрабатывающий свою землю и добывающий средства к существованию трудом своей собственной семьи, является себе хозяином и независимым от кого бы то ни было.

Напротив, в странах, где нет свободной неводеланной земли, где ее нельзя получить по дешевой цене, каждый ремесленник, скопивший большой капитал, чем он может употребить при выполнении случайных работ для соседней местности, старается изготовить для сбыта на более отдаленных рынках. Кузнец строит какой-нибудь железодельный завод, ткач—полотняную или шерстяную фабрику. Эти различные промышленные предприятия с течением времени постепенно специализируются, а благодаря этому улучшаются различными путями, которые легко себе представить и которые этому здесь нет необходимости подробнее выяснять.

При приискании выгодного приложения капитала, при одной или почти одинаковой прибыли, мануфактурам, естественно, отдается предпочтение перед внешней торговлей по той же причине, по какой земледелие, естественно, предпочитается мануфактурам. Подобно тому как капитал землевладельца и фермера обеспечен, чем капитал владельца мануфактуры, так и капитал владельца мануфактуры, все время находящийся у него на его распоряжении, более обеспечен от всяких случайностей, чем капитал купца, ведущего заморскую торговлю. Разумеется, на любой ступени развития всякого общества избыточная часть его сырьевых и промышленных продуктов, т. е. та часть их, на которую отсутствует спрос внутри страны, должна отправляться за границу для обмена на продукты, на которые в данной стране существует спрос. Но пока мало значения имеет, какой капитал—иностранный или отечественный—доставляет за границу этот избыточный продукт. Если общество не накопило капитала, достаточного как для обработки его земель, так и для полной переработки всех его сырых продуктов, даже очень выгодно, чтобы сырые продукты вывозились иностранным капиталом, с тем, чтобы весь капитал общества мог затрачиваться на более полезные цели. Богатство древнего Египта, Китая и Индостана в достаточной мере свидетельствует о том, что народы достигли очень высокой степени благосостояния, хотя большая часть его вывозной торговли производится иностранцами. Развитие западных североамериканских и вестиндских колоний совершалось менее быстро, если бы для вывоза их избыточного продукта не существовало только капиталы, принадлежащие им самим.

Таким образом, при естественном ходе вещей большая часть капитала всякого развивающегося общества направляется прежде всего в земледелие, а затем в мануфактуры и, в последнюю очередь, во внешнюю торговлю. Такой порядок вещей настолько естественен, что во всяком обществе, обладавшем своей территорией, он в какой-то мере соблюдался в той или иной мере. Часть сырьевых продуктов должна была обрабатываться до того, как могли возникнуть ско-

пления в значительных городах, а в этих городах должна была существовать хотя бы неразвитая обрабатывающая промышленность, при чем они могли подумать о том, чтобы заняться внешней торгов-

лей, хотя такой естественный порядок вещей должен был в известной степени иметь место в любом обществе, во всех современных европейских государствах он оказался во многих отношениях перевернутым на голову. Внешняя торговля в некоторых городах вызвала развитие более тонких мануфактур или таких, которые рассчитаны для сбыта на дальних рынках; а мануфактуры и внешняя торговля, вместе взятые, породили главные улучшения в земледелии. Иллюстрации и нравы, привитые этим народам характером их первоначального правительства и сохранившиеся после того, как это правительство значительно изменилось, неизбежно толкали их на этот естественный и ложный путь.

Глава II

О ПРЕПЯТСТВИЯХ РАЗВИТИЮ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЕ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Когда германские и скифские племена наводнили западные провинции Римской империи, смута и замешательство, последовавшие за столь глубокой революцией, не прекращались в течение нескольких столетий. Грабежи и насилия, которым варвары подвергли коренное население, прекратили товарообмен между городами и деревней. Города обезлюдели, а земли оставались невозделанными. Западные провинции Европы, при римском господстве пользовавшиеся значительной степенью благосостояния, погрузились в глубокую нищету и варварство. За время этих смут вожди и главные военачальники этих варварских племен приобрели или захватили большую часть земель этих стран. Значительная часть их — необработанная, но независимо от того, была ли то возделанная или невозделанная земля, не осталось ни клочка земли, которая не была бы владельца. Земли соединялись в одних руках, и значительная часть их оказалась захваченной небольшим числом крупных собственников.

Такое первоначальное сосредоточение необработанных земель в немногих руках, хотя и было большим злом, могло, однако, явиться временным. Наследование и отчуждение могли скоро привести к разделу земель, если бы закон о первородстве не препятствовал такому разделу земель при наследовании, а установление фидеикомиссов не препятствовало разделу их на небольшие участки при отчуждении.

Когда в земле, как и в движимом имуществе, видят исключительно средство к существованию и к удовлетворению своих потребностей, естественный закон наследования делит земли, как и движимое имущество, между всеми детьми семьи, так как существование всех представляется одинаково дорогим отцу. Ввиду этого естественный закон наследования применялся у римлян, когда при передаче земель по наследству делали не больше разницы между старшими и младшими детьми, между детьми мужского пола, чем мы делаем это при разделе движимого имущества. Но когда землю стали считать не только источником существования, но и источником власти и влияния, было признано лучшим

ее неразделенной одному из детей. В те смутные времена каждый крупный землевладелец был своего рода небольшим государем. Деревья его земли были вместе с тем его подданными. Он был их судьей в некоторых отношениях был для них законодателем в мирное время и вождем во время войны. Он вел войну, когда считал это полезным, часто против своих соседей, а иногда и против своего государства. Поэтому безопасность поместья, защита, которую его владетель мог оказывать тем, кто жил в нем, зависели от размеров владения. Дробить его значило вести к его разорению и подвергать все его опасности угнетения и поглощения при набегах соседей. Ввиду этого при наследовании земельных владений установился, — правда, не сразу, а с течением времени, — закон о первородстве, ввиду той же причины, которая привела к установлению его для монархической власти, хотя и не всегда с самого момента ее возникновения. Для того, чтобы могущество, а, следовательно, и прочность монархической власти не ослаблялись разделениями, она должна целиком переходить к одному из детей. Кому именно из них должно отдаваться столь важное предпочтение, устанавливается каким-либо законом, основанным не на сомнительных признаках личных заслуг или достоинств, а на каком-нибудь ясном и очевидном признаке, не могущем допускать никаких споров. Между детьми одной и той же семьи бесспорные различия могут быть только по полу и по возрасту. Повсеместно мужскому полу дается предпочтение перед женским, а при прочих равных условиях старший всегда идет впереди младшего. Так возникли право первородства и так называемое наследование по прямой линии.

Эти законы часто продолжают сохранять свою силу долгое время после того, как исчезли обстоятельства, которые породили их, и которые только могут придать им какой-нибудь смысл. При современном состоянии Европы собственник одного какого-нибудь акра земли так прочно владеет им, как и собственник сотни тысяч акров. Тем не менее право первородства попрежнему признается и ныне, и поскольку оно больше всех других учреждений способно поддерживать и питать родовую гордость, надо думать, оно продержится еще не одно столетие. Во всех других отношениях ничто не может быть более противоречащим действительным интересам многолюдной семьи, чем право, которое в целях обогащения одного ребенка превращает в жертву всех остальных.

Фидеикомиссы являются естественным следствием закона о первородстве. Они были установлены для обеспечения определенного наследования по прямой линии, мысль о котором впервые дал закон о первородстве, и для предотвращения того, чтобы хотя бы часть первоначального недвижимого имущества вышла из владения основной линии путем дарения, завещания или отчуждения или вследствие расточительности или несчастий кого-либо из наследников. Фидеикомиссы были вообще неизвестны римлянам. Их субституции и фидеикомиссы не имеют ничего общего с современными фидеикомиссами, хотя некоторые французские юристы сочли уместным облечь

это современное учреждение во внешние формы и термины упомянутых древних учреждений.

В ту пору, когда крупные земельные владения представляли собою нечто вроде независимых княжеств, фидеикомиссы могли иметь некоторый смысл. Подобно так называемым основным законам некоторых монархий, они часто могли препятствовать тому, чтобы опасность многих тысяч находилась в зависимости от произвола или расточительности одного человека. Но в современной Европе где мелкие владения одинаково с крупными обладают устойчивостью и неизблемостью в силу законов страны, ничего не может быть полезнее этих фидеикомиссов. Они основываются на нелепейшем из всех предположений, — на предположении, что следующие друг другу поколения людей имеют неодинаковые права на землю. Все то, что она содержит, что собственность современного поколения должна ограничиваться и регулироваться в соответствии с капризами тех, кто умер, может быть, пятьсот лет тому назад. Тем не менее фидеикомиссы до сих пор еще признаются в большей части Европы в особенности в тех странах, где знатное происхождение является обязательным условием для занятия гражданских или военных должностей. Фидеикомиссы были признаны необходимыми для сохранения этой исключительной привилегии дворянства в тех странах, где сословие захватило это несправедливое преимущество перед остальными своими согражданами, было сочтено необходимым дать еще и другое, чтобы его бедность не сделала эту привилегию смешной. Правда, в Англии, как утверждают, обычное право относится относительно к фидеикомиссам, они соответственно этому ограничены здесь в большей мере, чем в какой-либо другой из европейских монархий, хотя даже и Англия не обошлась без них. Что касается Исландии, то считают, что более пятой части, а может быть и более трех четвертей всех земель страны находятся в настоящее время под строгим режимом фидеикомиссов.

Таким путем не только громадные пространства необработанных земель сосредоточились в руках отдельных семейств, но и наоборот была почти совершенно исключена возможность их нового приобретения. Между тем редко бывает, чтобы крупный землевладелец не был вместе с тем деятельным проводником значительных улучшений. В смутные времена, породившие этот варварский институт, крупный землевладелец был достаточно поглощен защитой своих собственных владений или распространением своей юрисдикции и власти на владения своих соседей. У него не было свободного времени для того, чтобы заниматься обработкой и улучшением земли. Когда упрочение порядка и закона дало ему этот досуг, у него не отсутствовали интерес и склонность к этому и почти всегда находились необходимые способности и умение. Если же расходы по содержанию самого и его замка поглощали целиком его доходы или превышали их, как это часто бывало, у него отсутствовал и капитал, необходимый для улучшений. Если он отличался бережливостью, он обыкновенно

считал более выгодным употреблять свои ежегодные сбережения на покупку новых земель, чем на улучшение уже принадлежавших. Для того, чтобы делать с прибылью земельные улучшения, требуется, как и во всех других коммерческих предприятиях, внимательно подмечать все возможные, хотя бы небольшие, сбережения и небольшие выгоды, на что очень редко бывает способен человек, обладающий с рождения крупными средствами, хотя бы по своему характеру он и отличался бережливостью. Положение такого лица, естественно, располагает его скорее к пыланию внешним блеском, который льстит его вкусам, чем о прибыли, в которой он испытывает так мало нужды. С самого своего детства он привыкает заботиться о таких вещах, как элегантность его собственной одежды, его выезда, его дома и домашней обстановки. У него естественно создается такой привычкой, не покидает его мысль, когда он начинает помышлять об улучшении своего поместья. Возможно, сделает более живописными 400 или 500 акров, окружающих его дом, затратив на это в десять раз больше того, что стоит после всех сделанных улучшений, и убедится после этого, что в случае улучшения остального имения на такой же манер, — а иначе он обанкротится, — он окажется банкротом, не выполнив и десятой части своих обязательств. В обеих частях Соединенного королевства существуют и поныне немногие крупные поместья, со времен феодальной монархии оставшиеся в руках одной и той же фамилии. Стоит только сравнить нынешнее состояние этих имений с владениями мелких собственников по соседству с ними, и тогда не надо будет других доказательств того, как неблагоприятно такое крупное замлевание земельными улучшениями.

Если мало улучшений приходилось ожидать от таких крупных владельцев, то еще меньше надежд можно было возлагать на тех, кто жил на их земле. В древней Европе крестьяне все были крепостными, почти все они были рабами, но рабство их отличалось мягким характером, чем известное у древних греков и римлян даже в наших вестиндских колониях. Предполагалось, что они принадлежат крепко земле, а не своему владельцу. Поэтому их можно было продавать вместе с землей, но не отдельно от нее. С согласия своего господина они могли вступать в брак, и он потом не мог развестись с женой, а брак продажей мужа и жены разным лицам. Если один из супругов наносил увечье или убивал кого-нибудь из своих крестьян, он подлежал некоторому наказанию, хотя обычно совсем незначительному. Крестьяне, однако, не имели права приобретать собственность. Все, что приобреталось ими, считалось приобретением их господина, и он мог по своему усмотрению отбирать у них приобретенное. Все улучшения и обработка земли, которые можно было производить при помощи таких рабов, производились, собственно, на его счет. Семена, скот, сельскохозяйственные орудия, — все принадлежало ему. В его пользу шел весь доход. Эти рабы-крепостные могли приобретать только то, что было необходимо для их повседневного существования. Та-

ким образом, в данном случае, собственно, сам землевладелец дел всеми своими землями и обрабатывал их руками своих крепких. Такой вид рабства существует еще и поныне в России, Польше, Венгрии, Богемии, Моравии и в других частях Германии. Только в западных и юго-западных частях Европы он постепенно был упразднен.

Но если редко можно ожидать значительных улучшений от крепостных землевладельцев, то меньше всего приходится ожидать их в тех случаях, когда они употребляют для работы своих рабов. Судя по всем векам и народам, как мне думается, свидетельствует о том, что работа, выполняемая рабами, хотя она как будто требует расходов только на их содержание, обходится дороже всякой другой. Человек, не имеющий права приобрести решительно никакой собственности, может быть заинтересован только в том, чтобы есть возможно больше и работать возможно меньше. Только насильственными мерами, а не его собственной заинтересованностью, можно заставить его работать больше того, что достаточно для оплаты его собственного существования. Как Плиний¹, так и Колумелла² указывают, в какой-то упадок пришло в древней Италии возделывание хлеба, как невыгодное дело для землевладельца с тех пор, как перешло в руки рабов. Не лучше обстояло дело и в древней Греции во времена Аристотеля. Говоря об идеальной республике, описанной в «Законах» Платона, он замечает, что на содержание пяти тысяч неработающих людей (такое число воинов считалось необходимым для ее защиты) вместе с семьями их и слугами понадобится территория безграничных размеров и плодородия вроде Вавилонской равнины³.

Присущая человеку гордость внушает ему любовь к власти, и то, что так не оскорбляет его чувства, как необходимость снисходительного уговаривания ниже его стоящих людей. Поэтому всюду, где это возможно, допускает это и где характер работы делает это возможным, человек по общему правилу предпочитает работу рабов работе свободных людей. Возделывание сахара и табака может вынести расходы по обработке земли рабским трудом; возделывание хлеба, как кажется, в настоящее время этих расходов вынести не в состоянии. В английских колониях, главным продуктом которых является хлеб, важнейшая часть работы выполняется свободными людьми. Насколько известно из постановления квакеров Пенсильвании об освобождении их рабов-негров свидетельствует нам о том, что количество их не было очень велико. Если бы негры составляли сколько-нибудь значительную часть их собственности, такое постановление никогда не могло бы быть принято. В наших колониях, производящих сахар, напротив того, вся работа выполняется рабами, а в колониях, занимающихся разведением табаку, весьма большая часть работ выполняется ими же. Прибыли от сахарных плантаций в любой из вестиндских колоний обычно гораздо больше, чем от какой-

¹ [«Hist. Nat.», 18, 4]

² [«De re rustica», I. 7]

³ [Aristot., Politic., II, 6.]

либо культуры, известной в Европе или Америке, а прибыли от сахарных плантаций, хотя и ниже, чем от плантаций сахарных, все же превосходят, как было уже указано, прибыли от возделывания табака. Как сахарные, так и табачные плантации могут оправдать поддержку рабского труда, причем первые еще в большей степени, чем последние. В соответствии с этим на наших сахарных плантациях количество негров в сравнении с числом белых рабочих гораздо больше, чем на плантациях табачных.

Обработка земли трудом рабов, преобладавшая в древности, сменилась постепенно обработкой ее своего рода фермерами, известными в настоящее время во Франции под названием половников. Полагается, что для настоящего времени мне неизвестно обозначение на английском языке для них. Землевладелец снабжал таких крестьян скотом и сельскохозяйственными орудиями, — одним словом, всем капиталом, необходимым для обработки участка земли. Полученный продукт делился поровну между землевладельцем и крестьянином после вычета из него того, что считалось необходимым для сохранения и восстановления капитала; последний возвращался землевладельцу, когда крестьянин покидал участок или продался с него.

Земля, занимаемая такими крестьянами, в сущности обрабатывается за счет землевладельцев, как и занимаемая крепостными. Крестьяне отличаются друг от друга только в одном весьма существенном пункте. Такие крестьяне, будучи свободными людьми, имеют право приобретать собственность; и поскольку они получают известную часть продукта земли, они явно заинтересованы в том, чтобы весь продукт в целом был возможно более значителен, чтобы и их доля была, таким образом, больше. Напротив, крепостной, не могущий приобрести ничего, кроме своего пропитания, старается лишь не перемешать себя чрезмерным трудом и не дает продукту земли ничего превысить то, что необходимо для его существования. Вероятно, отчасти благодаря этому, а отчасти благодаря также ограничению власти крупных землевладельцев, к которому поощряли крепостные государи, всегда соперничавшие с землевладельцами, и которое, видимо, в конце концов приняло такой характер, что сделало этот вид рабства неудобным, крепостничество постепенно исчезло в большей части Европы. Однако момент, когда произошла эта столь значительная революция, и способ, каким она произошла, представляются самыми темными пунктами современной истории. Римская церковь возмущена на большую заслугу в этом деле, и действительно установлено, что уже в XII веке папа Александр III издал буллу об освобождении рабов. Похоже, впрочем, что булла эта представляла собою скорее благочестивое увещание, а не закон, строгое повиновение которому требовалось от всех верных. Рабство продолжалось в течение нескольких столетий после того существовать почти совместно, пока оно не было уничтожено в результате соединительного воздействия двух упомянутых интересов — землевладельца, с од-

ной стороны, государя—с другой. Освобожденный крепостной, которому оставлено было пользование землей, но который не обладал собственным капиталом, мог обрабатывать эту землю только с помощью того, что ссужал ему землевладелец, и потому должен был превратиться в так называемого во Франции половника.

Однако интересы землевладельцев этого последнего рода никак не могут побуждать их затрачивать на дальнейшее улучшение земли хотя бы часть того небольшого капитала, который они могли бы получить из своей доли продукта, потому что землевладелец, не принимавший участия в этих затратах, должен был все же получать свою долю избыточного продукта, который мог получиться в результате этой затраты. Установлено, что десятина, составляющая только десятую часть всего получаемого продукта, служит все еще большим препятствием к улучшениям. Поэтому платеж, доходивший до половины продукта, должен был фактически совершенно остановить их. В интересах половника было извлечь из земли то, что она была в состоянии дать при затрате капитала, предоставленного ему землевладельцем, но никогда интересы его не требовали добавления к этому капиталу хотя бы доли его собственных средств. Во Франции, где пять шестых королевства, как сообщают, принадлежала этой категории земледельцев, помещики жалуются, что их половники не упускают ни одного представляющегося случая испортить помещичий скот для извоза вместо сельскохозяйственных работ, потому что в первом случае вся выручка целиком достается им, а в последнем делится с помещиком. Такого рода крестьяне существуют еще в некоторых местах Шотландии. Их называют арендаторами steel-bow¹ (со стальными луками). Те английские арендаторы давно минувших времен, которые, по словам верховного судьи Джильберта и д-ра Блэкстона, представляли собою скорее уполномоченных² землевладельца, чем собственно крестьян, принадлежат, наверное, к этой же категории.

Эту категорию крестьян сменили, хотя очень медленно, фермеры в точном смысле этого слова, обрабатывающие землю на собственный капитал и уплачивающие определенную ренту владельцу земли. Как и такие фермеры берут аренду на несколько лет, они иногда могут ходить в своих интересах вкладывать часть своего капитала в дальнейшее улучшение фермы, потому что они могут ожидать возмещения со значительной прибылью произведенных затрат еще до истечения срока аренды. Однако положение даже этих фермеров было до недавнего времени крайне неустойчиво и остается еще таким во многих частях Европы. Покупщик земли может по закону отобрать у них аренду на любой участок до истечения срока аренды; в Англии это может быть сделано даже посредством фиктивного иска о возвращении имуще-

¹ [Steel-bow tenants. Слово это, вероятно, обозначает вооружение, с которым эти арендаторы выходили в свое время на войну.]

² [Особый род низших судебных чиновников, которые взимали в пользу помещика поземельную подать, оброк, денежную пеню и другие сборы.]

tion of common recovery¹. В случаях, когда землевладелец незаконно насильно сгонял их с арендованного участка, процедура, посредством которой они могли восстановить свои права, была крайне непростой. В результате жалобы они не всегда получали обратно земельный участок, дело ограничивалось присуждением вознаграждения, которое никогда не покрывало действительно понесенных убытков. Даже в Англии, в стране, где отношение к свободным крестьянам (венецианцам) всегда было очень хорошее, только в 14-й год правления Генриха VII был введен в практику иск об изгнании, причем арендатор получал не только вознаграждение за убытки, но и утраченное владение, решение низшей судебной инстанции по его иску не считалось окончательным. Эта исковая процедура оказалась столь действительным средством, что в современной практике землевладелец, которому приходится вчинять иск о возвращении земли, редко пользуется процедурой, специально введенной для собственника земли, — не вчиняет иска о возвращении имущества или о введении во владение, а вчиняет иск о своем арендатора иск об изгнании. Таким образом, в Англии возможность владения арендатора такова же, как и собственника земли. Помимо того, в Англии пожизненная аренда с уплатой в год 40 шиллингов считается свободным участком и дает арендатору право голоса при выборах членов парламента; и так как значительная часть крестьян обладает свободными участками этого рода, то все их социальное и политическое значение, которое это дает им. Мне кажется, нигде в Европе, кроме Англии, нельзя найти примера того, чтобы арендатор строил здание на не принадлежащей ему земле, полагаясь на то чувство чести помещика не позволит ему воспользоваться таким значительным повышением стоимости его земли. Эти законы и обычаи, столь благоприятные для свободного крестьянства, вероятно, содействовали современному величию Англии, чем все остальное торговое законодательство.

Закон, обеспечивающий наиболее долгосрочную аренду и ограничивая ее от всякого рода правопреемников землевладельца, существует, насколько мне известно, только в одной Великобритании. В Шотландии он был установлен уже в 1449 г. при Якове II. Впрочем, благоприятное действие значительно парализовалось фидеикоммиссами, потому что они воспрещали назначаемым наследникам сдавать землю на сколько-нибудь продолжительные сроки, часто даже сроком больше одного года. Недавний акт парламента несколько ослабил эти ограничения, хотя они все еще остаются очень чувствительными. Кроме того, поскольку аренда не дает в Шотландии права свободного крестьянства пользуется там со стороны землевладельцев меньшим уважением, чем в Англии.

В других частях Европы, после того как было признано необходимо обеспечить права арендаторов от произвола наследников и

action of common recovery—особого рода процедура с целью возвратить арендатору суда недвижимое имущество и освободиться таким образом от обязательств и лежащих на нем обязательств.]

покупателей земли такие гарантии ограничивались очень кратко: во Франции, например, девятью годами с начала аренды. Впрочем, в названной стране срок этот недавно удлинён до 27 лет. В период все же слишком непродолжительный для поощрения арендатора произволить наиболее значительные улучшения. Землевладельцы в прежние времена являлись законодателями во всей Европе. Поэтому все законодательство, относящееся к земле, считалось интересами землевладельца. Как предполагалось, интерес землевладельца требовал, чтобы никакая аренда, сданная кем-либо его предшественников по владению землей, не препятствовала пользоваться на протяжении ряда лет полной стоимостью его земли. Жадность и несправедливость всегда близоруки, и они не предвидят, как сильно такое правило должно мешать улучшениям и потому в конечном счете причинить ущерб действительным интересам землевладельца.

Помимо уплаты ренты, фермеры в прежние времена обязаны были поносить ряд повинностей для своего землевладельца, которые точно перечислялись в договоре об аренде или устанавливались какими-либо правилами; они определялись обычаем и нуждами крестьянина. Эти повинности, поскольку они носили почти совершенно произвольный характер, причиняли арендатору много затруднений и неприятностей. В Шотландии отмена всех повинностей, не установленных точно в договоре об аренде, очень сильно изменила к лучшему течение немногих лет положение йоменов (свободных крестьян).

Государственные повинности, лежавшие на йоменах, отличались не менее произвольным характером, чем их частные повинности. Проведение и ремонт дорог, — повинность, существующая еще и ныне, как мне кажется, повсеместно, хотя неодинаково обременительная в различных странах, — была не единственной повинностью этого рода. Когда войска короля, его двор или какие-нибудь чиновники проезжали через какую-нибудь местность, йомены обязаны были доставлять им лошадей, подводы и продовольствие по ценам, назначаемым интендантом. Великобритания, насколько я знаю, представляет собою единственную монархию в Европе, где эта натуральная повинность совершенно уничтожена. Во Франции и Германии она существует до сих пор.

Государственные налоги, лежащие на крестьянах, столь же урегулированы и обременительны, как и натуральные повинности. Крупные землевладельцы прошлых времен, чрезвычайно неосмотрительно соглашавшиеся сами оказывать денежную помощь своему государству, легко позволяли ему стричь, как они выражались, своих арендаторов и были настолько невежественны, что не предвидели, как великие перемены концов это должно отразиться на их собственном доходе. Стрижка с дохода («талья»)¹, как она до сих пор существует во Франции, может служить примером этой стрижки былых времен. Это — налог предполагаемого дохода арендатора, который исчисляется в

¹ [См. также кн. V, гл. II.]

с капиталом, вложенным им в свое хозяйство. Арендатор, которому заинтересован представить себя малоимущим и, следовательно, затрачивать возможно меньше на обработку своего участка и совсем ничего не затрачивать на его улучшение. Если бы в руках французского крестьянина даже накоплялись какие-либо средства, «талья» почти равносильна полному запрету вложить их в землю. Кроме того, налог этот считается обесценивающим того, кто подносит его, и ставящим его в более низкое положение сравнительно только с дворянином, но и с мещанином, а всякий, снимающий землю в аренду, подлежит этому налогу. И ни один дворянин, ни горожанин, обладающие капиталом, не захотят подвергнуться такому унижению. Таким образом, налог этот не только препятствует употреблению на земельные улучшения капитала, накопленного в земледелии, но и устраняет от этого все другие капиталы. Такие же десятины и пятнадцатые деньги, столь распространенные в минувшие времена, поскольку они распространялись на все, представляли собою, по видимому, налог такого же характера, как и «талья».

При наличии всех обрисованных препятствий и затруднений, нельзя ожидать больших улучшений от держателей земли. При всей неопределенности и безопасности, которые может давать закон, этому классу приходится производить свои улучшения при весьма неблагоприятных условиях. Арендатор по сравнению с собственником находится в таком же положении, как и купец, ведущий свою торговлю на занятые деньги, в сравнении с купцом, ведущим свою торговлю на собственные деньги. Состояние обоих может увеличиться, но состояние одного при одинаково осторожном образе действия может всегда увеличиваться медленнее, чем состояние другого, и той большей доли, какую поглощают из прибыли проценты на вложенный капитал. Точно так же земля, обрабатываемая арендатором, может при прочих равных условиях улучшаться медленнее, чем земля, обрабатываемая собственником, ввиду большой доли, которую из полученного продукта поглощает рента и которую, если земля принадлежала арендатору, он мог бы употребить на дальнейшее улучшение ее. Кроме того, общественное положение арендатора, по самой природе вещей, ниже положения собственника. В большей части Европы крестьяне считаются низшим классом населения, даже по сравнению с высшим слоем торговцев и ремесленников, а повсеместно в Европе они считаются ниже крупных купцов и владельцев мануфактур. Поэтому редко может случиться, что человек, обладающий сколько-нибудь значительным капиталом, решится покинуть высшее общественное положение, чтобы занять более низкое. Следовательно, даже в современной Европе возможно ожидать из всех других профессий лишь небольшого притока капиталов для земельных улучшений в фермерском хозяйстве. По крайней мере, в Великобритании притекает таким путем больше капитала, чем в любой другой стране, хотя даже здесь крупные капиталы, накопленные в некоторых местах в фермерское хозяйство, были, по

общему правилу, накоплены в самом фермерском хозяйстве, мысли, где накопление происходит обычно, в сравнении с другими промыслами, медленнее всего. Тем не менее после мелких земель собственников богатые и крупные фермеры во всех странах бо всех других лиц занимаются улучшением земли. Их, вероятно, в Англии имеется больше, чем в какой-либо другой европейской империи. В республиках Голландии и Бернском кантоне в Швейцарии фермеры, как сообщают, не уступают английским.

Помимо всего изложенного, преобладавшая раньше в Европе политика была неблагоприятна для улучшения и возделывания земель, безразлично, кто бы ни производил их, — собственник земли или фермер. Первым препятствием служило общее воспрещение вывоза хлеба без специального разрешения, что, как кажется, было общим правилом; вторым препятствием служили стеснения и ограничения, которым подвергалась внутренняя торговля не только хлебом, но почти всеми другими сельскохозяйственными продуктами ввиду нелепых законов против повышателей и понижателей цен, скупщиков, а также привилегий, даровавшихся ярмаркам и рынкам. Уже было отмечено, что воспрещение вывоза хлеба вместе с некоторыми льготами, предоставлявшимися при ввозе заграничного хлеба, препятствовало возделыванию земель в древней Италии, от которой, по мнению некоторых, пошла сама торговля, от которой сама плодородная страна в Европе и в ту эпоху бывшей империей ром величайшей державы в мире. Трудно, пожалуй, представить себе, в какой сильной степени подобные стеснения внутренней торговли этим продуктом, вместе с общим воспрещением его вывоза за границу, должны были затруднять возделывание земли в странах, менее плодородных.

Глава III

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

После падения Римской империи население местечек и городов оказалось не в лучшем положении, чем сельское население. По своему составу оно резко отличалось от первоначального населения этих республик Греции и Италии. Последнее состояло главным образом из землевладельцев, между которыми была первоначально делена принадлежащая государству земля и которые сочли наиболее целесообразным строить свои дома один подле другого, окружив их стеной в целях совместной защиты. После падения Римской империи, напротив, землевладельцы, повидимому, жили по общему правилу в укрепленных замках в своих поместьях, среди своих деревень и зависимых крестьян. Города были населены главным образом торговцами и ремесленниками, которые в ту пору находились, повидимому, в зависимом или полузависимом состоянии. Особые права, предоставляемые древними хартиями жителям некоторых из этих городов Европы, достаточно показывают, каково было их положение до получения этих прав. Люди, которым жалуются привилегия выдавать своих дочерей замуж, не спрашивая согласия государя, оставлять после смерти свое имущество своим детям, а не родному брату, располагать своей собственностью по завещанию, должны были до получения этой привилегии находиться в такой же или в такой же крепостной зависимости, как и сельские жители. Повидимому, это, повидимому, был очень бедный и приниженный класс людей, кочевавший со своими товарами из одного места в другое, с ярмарки на ярмарку, подобно современным коробейникам и бродячим торговцам. В ту пору, как и в некоторых татарских государствах Азии в настоящее время, во всех европейских государствах пошлины взимались с путешественников и их товаров, когда они проезжали через поместья, переезжали через мосты, перевозили свои товары на ярмарку, сооружали на ярмарке лавочку или ларек для продажи их. Эти различные пошлины и сборы были известны в Англии под названием заставных, мостовых, весовых и лавочных. Иногда король, а иногда и крупный землевладелец, который, повидимому, имел в определенных случаях право делать это, предоставляли эти привилегии главным торговцам, в особенности жившим в их владениях, полное

освобождение от таких пошлин. Такие торговцы, хотя в других шениях их положение не отличалось или почти совсем не отличалось от положения крепостных, назывались ввиду этого вольными торговцами. За это они обычно уплачивали своему покровителю вроде ежегодной подушной подати. В ту пору покровительство предоставлялось иначе, как за значительное вознаграждение, подать следует, вероятно, считать возмещением того, что их покровители теряли благодаря освобождению их от уплаты остальных пошлин. Вначале как эта подушная подать, так и эти изъятия в принципе вообще личный характер и распространялись только на отдельных лиц пожизненно или в зависимости от усмотрения их покровителя. В весьма неполных данных, извлеченных из *Domesday-book*¹ (Исторического Страшного суда) и относящихся к некоторым городам Англии, встречается упоминание или о пошлине, уплачиваемой тем или иным горожанином королю или какому-нибудь могущественному землевладельцу за такого рода покровительство, или только общей сумме всех таких пошлин².

Но как ни зависимо было первоначально положение городских жителей, представляется очевидным, что они получили свободу в зависимости гораздо раньше, чем держатели земли в деревне. Такого рода дохода короля, которая получалась от взимания таких подушных податей в каком-либо городе, сдавалась обычно на определенное число лет и за определенную сумму на откуп шерифу графства или другим лицам. Часто сами горожане пользовались таким доверием, что отдавали на откуп доходы этого рода, получающиеся с их городов, причем они за круговой порукой несли ответственность за уплату всей условленной суммы³. Как мне кажется, государи всех европейских стран считали такие откупа делом весьма удобным и выгодным, они часто сдавали на откуп целые поместья крестьянам этих поместий, принимавшим на себя за круговой порукой обязательство уплатить всю сумму арендной платы; взамен этого им предоставлялось взимать ее по собственному усмотрению и вносить в королевскую казначейство непосредственно (это делал их староста), избавляясь таким образом, от вымогательств и насилий королевских чиновников. Это обстоятельство в те времена признавалось величайшим преимуществом.

Первоначально откуп сдавался горожанам, как и другим откупщикам, только на определенное число лет. Однако с течением времени вошло, повидимому, в обычай предоставлять его им без срока, навсегда, с установлением неизменной ренты, уже не подлежащей в дальнейшем увеличению. И поскольку постоянный характер

¹ [*Domesday-book*—общая поземельная опись всех земель Англии, составленная во время Вильгельма-Завоевателя (XI век), после того как все земельные владения передали свои поместья в руки короля, чтобы получить их от него на условиях военных ленов.]

² См. *Brady*, *Historical treatise of cities and boroughs*, p. 3 sqq.

³ См. *Madox*, *Firma Burgi*, p. 18; также «*History of the exchequer*», 1st chap. 10, sect. V, p. 223.

а сама пошлина, постольку и льготы, за которые она уплачивалась, тоже естественно приобретали постоянный характер. Ввиду подобных льгот утрачивали личный характер и в дальнейших уже нельзя было считать принадлежащими отдельным лицам, как таковым; они становились достоянием горожан данного города, который ввиду этого получал название вольного города, подобно тому как их жителей называли вольными горожанами или вольными гражданами.

В ряду с таким пожалованием городу горожанам обычно предоставлялись вышеупомянутые важные привилегии: право выдавать дочерей, наследование детей и свободное распоряжение своим имуществом путем завещания. Мне неизвестно, жаловались ли раньше горожанам привилегии вместе со свободой торговли отдельным горожанам, а не от других. Мне думается, что это вполне возможно, хотя я не могу привести каких-либо прямых доказательств этого. Но это ни было, поскольку они избавлялись от главных признаков крепостного или зависимого состояния, они становились действительными свободными в современном смысле этого слова.

Но это еще не все. Обычно они в то же время соединялись в общину или корпорацию, получившую право иметь собственных судей и городской совет, издавать законы для регулирования жизни города, строить стены для его защиты и подчинять всех своих жителей изъятию от этого рода военной дисциплине, обязывая их нести сторожевую службу, т. е., как это понималось в минувшие времена, охранять и защищать эти стены днем и ночью от возможных нападений. В Англии жители таких городов были обычно изъяты из подсудности судей епископов и графств, и все тяжбы, которые возникали между ними, решались исков короны, решались их собственными судьями. В других странах им часто предоставлялось гораздо более значительная и обширная юрисдикция¹.

Когда оказывалось необходимым жаловаться городам, получавшим откуп сбор пошлин со своих жителей, некоторую принудительную власть и судебные права, чтобы дать им возможность заставлять своих граждан вносить приходящиеся на их долю платежи. При неосуществлении в ту пору правопорядка могло быть чрезвычайно удобным заставлять города обращаться со своими исками такого рода к чужим судебным учреждениям. Но что кажется удивительным, так это то, что государи всех стран Европы уступали, таким образом, за определенную сумму, не подлежащую уже увеличению, часть своих доходов, которая в большей степени, чем все другие доходы, должна была возрастать в результате естественного хода вещей, без всяких издержек или усилий с их стороны, и что они, по этому поводу, добровольно создавали, таким образом, в самом сердце своих владений своего рода независимые республики.

1. См. «*Firma Burgi*» *Madox*'a, а также Пфеффеля о достопамятных событиях императора Фридриха II и его наследников из Швабского дома. [Смит имеет в виду книгу: *Pfeffel*, *Abrégé chronologique de l'histoire et du droit public de l'Allemagne*. 1754.]

ставительства городов в сословных собраниях всех больших городов Европы.

Таким образом, порядок и нормальное управление, а вместе с тем свобода и безопасность отдельных лиц установились в городах Европы в то время, когда жители деревень подвергались еще всякого рода насилиям. Но будучи в таком незащищенном состоянии, люди, естественно, довольствуются самым необходимым для жизни: приобретая богатство, они лишь могли бы избежать своих угнетателей. В стране, где жителям обеспечено получение плодов их труда, они, естественно, затрачивают его для улучшения своего положения и для приобретения не только необходимых средств существования, но и различных удобств и предметов роскоши. Поэтому промышленность, имеющая целью выработку некоего большего, чем одни только средства к существованию, возникла в городах задолго до того, как получила распространение среди сельского населения. Если бедному земледельцу, придавленному крепостным правом, удастся скопить небольшой капитал, он, естественно, с величайшей старательностью будет скрывать его от своего господина, который иначе завладеет им, и при первом удобном случае постарается убежать в город. Закон в то время был так снисходителен к городским жителям и так стремился ослабить власть феодалов над крестьянами, что, если такой беглец мог укрыться от поисков своего господина в течение одного года, он становился навсегда свободным. Поэтому капиталы, накопившиеся в руках трудолюбивой части сельского населения, естественно, искали прибежища в городе, в единственном надежном месте, где люди, приобревшие их, могли безопасно располагать ими.

Городские жители, правда, должны всегда в конечном счете продать часть свои средства существования, а также все сырые материалы и средства для их промышленной деятельности из деревни. Но жители города, расположенного на морском побережье или на берегах судоходной реки, не обязательно вынуждены получать их из окрестной сельской местности. В их распоряжении гораздо больше обширный рынок, и они могут приобретать все необходимое в самых отдаленных концах мира или в обмен на готовые изделия собственной промышленности, или выполняя функцию посредника, доставляющего товары из одной отдаленной страны в другую и продающего продукты одной из них на продукты другой. Таким образом, город мог становиться богатым и могущественным, в то время как не только окружающая его местность, но и страны, с которыми он вел торговлю, оставались бедными и разоренными. Каждая из этих стран, взятая в отдельности, могла, возможно, доставить только ничтожную долю нужных для города средств существования и промышленности, спрос только на небольшую долю его труда, но все они могли обеспечить то и другое в полной мере. В узком круге торговли древней эпохи существовали все же страны, отличавшиеся своим богатством и промышленностью. Такова была Греция, пока существовало греческое государство, а также Сарацинское государ-

ства династии Аббасидов. Таковы же были Египет вплоть до завоевания его турками, часть берега Берберии и все те провинции Испании, которые находились под властью мавров.

Кроме того, города Италии первые из городов Европы достигли благодаря торговле сколько-нибудь значительной степени богатства. Италия расположена в центре той области, которая в то время представляла собою единственную развитую и культурную часть Европы. Притом, хотя крестовые походы вследствие значительной затраты капитала и истребления населения, вызванных ими, должны были задержать развитие большей части Европы, они все же оказали чрезвычайно благотворное влияние на развитие некоторых городов Италии. Большие армии, двигавшиеся со всех сторон для завоевания Святой земли, дали сильнейший толчок развитию судоходства Венеции, Генуи и Пизы, поскольку из этих городов совершалась перевозка войск на восток и снабжение их потом довольствием. Города эти явились, так сказать, интендантами европейских армий, и одно из самых разрушительных безумий, когда-либо совершивших народы Европы, явилось источником богатства этих городов.

Жители торговых городов, ввозя изделия и предметы роскоши из более богатых стран, питали тщеславие крупных землевладельцев, которые охотно покупали их в обмен на большие количества сырых продуктов своих земель. В соответствии с этим торговлей значительной части Европы в ту пору состояла главным образом в обмене ее сырья на готовые изделия более культурных стран. Так, английская шерсть выменивалась на вина Франции и тонкое сукно Фландрии, точно так же как в наши дни хлеб из России обменивается на вина и ликеры Франции и на шелка и ткани Франции и Италии.

Таким образом, вкус к более тонким и улучшенным изделиям привнес заморской торговлей в тех странах, где не существовало их производств. Когда же употребление этих изделий стало настолько общераспространенным, что вызвало значительный спрос на них, купцы в целях сбережения издержек на перевозку, естественно, пытались поставить производство некоторых из этих изделий у себя на родине. Таково происхождение первых мануфактур для продажи на отдаленный рынок, которые, повидимому, возникли в западных областях Европы после падения Римской империи.

Следует заметить, что ни одна обширная страна никогда не существовала и не могла существовать без каких-либо промышленных производств, ведущихся в ней; и когда говорят, что она не имеет промышленности, под этим надо понимать, что она не имеет промышленности, производящей более тонкие и дорогие изделия или работающие на отдаленный рынок. В любой обширной стране одежда, домашняя обстановка и утварь подавляющего большинства населения представляют собою продукт его собственного труда. Это еще в большей степени относится к тем бедным странам, которые, как обычно

говорят, совсем не имеют промышленности, чем к странам богатые, которые обладают ею в избытке. В последних вы по общему праву найдете, что гораздо большая часть одежды и домашней обстановки низших классов состоит из предметов заграничного производства, в странах бедных.

Те производства, которые приспособлены для сбыта на отдаленный рынок, в различных странах возникли, повидимому, двумя различными путями.

В одних случаях они вводились упомянутым выше путем, насильственным, если можно так выразиться, действием капитала отдельных купцов и предпринимателей, которые заводили их в подражание иностранным мануфактурам подобного рода. Эти мануфактуры являются, таким образом, отпрысками иностранной торговли, и первоначально было, как кажется, происхождение старинных мануфактур шелка, бархата и парчи, которые процветали в Лукке в XIII веке. Они были изгнаны оттуда тиранией одного из героев Макиавелли, Каструччио Кастракани. В 1310 г. девятьсот семейств были изгнаны из Лукки, причем 31 из них удалилось в Венецию и предложило там шелковое производство¹. Их предложение было принято, и им было предоставлено много привилегий, и они начали производство с тремястами рабочими. Таковы же, как кажется, были мануфактуры тонкого сукна, в прежнее время процветавшие во Фландрии и в настоящее время в Англии в начале правления Елизаветы; таковы же со временем шелковые мануфактуры в Лионе и Спитальфильде. Мануфактуры, заведенные таким путем, работали обыкновенно на иностранном сырье, будучи подражанием заграничным мануфактурам. Когда впервые была устроена венецианская мануфактура, все необходимые материалы привозились из Сицилии и Леванта. Ранее возникшие мануфактуры Лукки тоже работали на заграничном сырье. Разведение тутовых деревьев и шелковичных червей не было, повидимому, распространено в Северной Италии до XVI века. Во Франции этим занимались только в царствование Карла IX. Фландрские мануфактуры работали главным образом с испанской и английской шерстью. Испанская шерсть служила сырьем, если не для первой шерстяной мануфактуры Англии, то для первой приспособленной для продажи на отдаленных рынках. Больше половины шелка-сырца, употребляемого в настоящее время лионской промышленностью, иностранного происхождения; при ее возникновении все или почти все сырье получалось из-за границы. Ни малейшая доля сырья, употребляемого в промышленности Спитальфильда, не произведена в самой Англии. Местонахождением таких предприятий, поскольку они устраиваются обычно по замыслу отдельных лиц, служит в одних случаях приморский город, в других — город внутри страны, в зависимости от интересов этих лиц, их соображений или прихоти.

В другие времена мануфактуры, работающие на отдаленный рынок, вырастают как бы сами по себе, в результате постепенного совер-

¹ См. Sandi, Istoria civile de Vinezia, part. II, vol. 1, 247, 256.

шения тех домашних и более грубых промыслов, без которых не могут обходиться даже самые бедные и некультурные страны. Такие мануфактуры пользуются, по общему правилу, сырьем, которое производит данная страна, и, повидимому, они часто являлись первыми в континентальных странах, которые были расположены, если не на очень большом, то все же на значительном расстоянии от морского побережья, а то и от всяких водных путей сообщения. Континентальная страна, обладающая естественным плодородием и легко возделываемая, производит значительный избыток предметов питания сравнительно с тем, что необходимо для существования земледельцев; эту дороговизну сухопутного транспорта и неудобства речной перевозки часто может оказаться затруднительным отправлять этот избыток за границу. Ввиду этого избытка делает предметы питания первыми и поощряет многочисленных работников поселяться поодиночке, ибо они убеждаются, что их промысел может обеспечить здесь больше предметов необходимости и удобства, чем в других местах. Они обрабатывают сырье, которое производит земля, и получают свои готовые изделия или, что то же самое, цену их на сырье и предметы питания. Они придают добавочную стоимость, добавляя к сырью, сберегая издержки по перевозке его к морю или к отдаленному рынку; в обмен на него они снабжают земледельцев предметами, полезными или приятными им, и притом на более выгодных условиях, чем они раньше могли получать их. Земледельцы получают лучшую цену за свой избыточный продукт и имеют возможность покупать другие предметы потребления, нужные им. Таким образом, это поощряет их и дает им возможность увеличивать количество этого избыточного продукта путем дальнейших улучшений и более тщательной обработки земли. И если плодородие земли породило обрабатывающую промышленность, то развитие этой промышленности, в свою очередь, отражается на земле и еще более повышает ее плодородие. Промышленные предприятия сперва снабжают ближайшую окрестность, а потом, по мере усовершенствования и улучшения своих изделий, более отдаленные рынки. Действительно, если ни сырье, ни готовые и простейшие промышленные изделия не могут без великих затруднений выдерживать издержки по перевозке сухим путем на значительное расстояние, то это вполне легко для более дорогих тонких продуктов промышленности. Небольшой объем их часто не соответствует значительному количеству сырья. Кусок тонкого сукна, например, весящий всего 80 фунтов, в своей цене содержит не только цену 80 фунтов шерсти, но и цену нескольких тысяч фунтов хлеба, пошедших на содержание рабочих и их непосредственных предпринимателей. Хлеб, который в своем естественном виде можно с трудом мог бы быть вывезен за границу, вывозится, таким образом, фактически в виде готовых промышленных изделий и легко может быть отправлен в самые отдаленные концы мира. Так естественно вырастают мануфактуры Лидса, Шеффилда, Бирмингама и Уольвергамптона. Эти ману-

факульты представляют собою порождение земледелия. В истории Европы в новейшее время их распространение и развитие обусловлены за возникновением мануфактур, порождаемых заморскими торговлей. Англия славилась производством тонких сукон, выделываемых из испанской шерсти, за сто с лишним лет до того, как открыта была для продажи за границу своих изделий хотя бы одна из тех мануфактур, которые процветают ныне в вышеназванных городах. Развитие и улучшение этих последних могло иметь место только в результате развития и улучшения сельского хозяйства, этого ближайшего и главнейшего следствия внешней торговли и промышленности, порожденной непосредственно этою торговлею. К изложению этого я сейчас перейду.

Глава IV

КАК ТОРГОВЛЯ ГОРОДОВ СОДЕЙСТВОВАЛА РОСТУ БЛАГОСОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЕЙ

Рост и богатство торговых и промышленных городов тремя различными путями содействовали увеличению благосостояния и культуры сельских местностей, в которых они находились. Во-первых, представляя собою большой и готовый рынок для сырьевых продуктов сельских местностей, они поощряли обработку земель и дальнейшее улучшение. Этот положительный результат не ограничивался даже странами, в которых они были расположены, а распространялся более или менее и на те страны, с которыми они поддерживали торговые сношения. Для всех их они служили рынком, как для некоторой доли их сырья или промышленных изделий и, следовательно, в известной степени поощряли промышленность и культуру их всех. Но их собственная страна, ввиду ее близости, извлекала большую выгоду от этого рынка. Поскольку на ее сырье ложились большие издержки по перевозке, торговцы могли платить за него производителям лучшую цену и все же доставлять его потребителям не дороже сырья более отдаленных стран. Во-вторых, богатства, приобретаемые жителями городов, часто направлялись на покупку имевшихся в продаже земель, из которых значительная часть нередко оставалась бы невозделанной. Купцы обычно проявляют стремление сделаться землевладельцами, и, став таковыми, они по общему правилу являются лучшими проводниками улучшения в сельском хозяйстве. Купец приучен затрачивать свои деньги таким образом на проекты, приносящие прибыль, тогда как коренной помещик привык расходовать их без пользы. Первый часто видит, как его деньги уходят от него и потом возвращаются к нему с прибылью, тогда как другой, раз расставшись с ними, очень редко может снова увидеть их. Эти различные привычки, естественно, влияют на их манеру и способ действий во всякого рода практических делах. Купец обычно бывает смелым предпринимателем, помещик — осторожным. Первый не боится вложить сразу значительный капитал в улучшение своей земли, если может ожидать от этого увеличения стоимости пропорционально произведенной затрате; второй, если вообще обладает капиталом, что бывает отнюдь не всегда, редко решается затратить его таким образом. Если он вообще делает улучшение

ния, то обычно не на капитал, а на те суммы, которые может собрать из своего ежегодного дохода. Кому приходилось жить в торговом городе, находящемся в стране с низким уровнем сельского хозяйства, должен был часто наблюдать, насколько смелее и умнее были в области действия купцов, чем коренных помещиков. Помимо привычка к порядку, бережливости и вниманию, которую воспитывает в купце занятие торговлей, делает его гораздо более способным к осуществлению, с прибылью и успехом, любого проекта изменений.

В-третьих, торговля и промышленность постепенно приводила к установлению порядка и нормального управления, а вместе с ней и к обеспечению свободы и безопасности личности в сельских местностях, жители которых до того времени жили в почти постоянном состоянии войны со своими соседями и в рабской зависимости выше их стоящих. И хотя это меньше всего замечалось, это было важнейшим из всех последствий развития торговли и промышленности Юм¹, насколько мне известно, является единственным писателем, который до сих пор обратил внимание на это обстоятельство.

В стране, в которой отсутствуют внешняя торговля и более совершенствованные мануфактуры, крупный землевладелец, так как он не может обменять большую часть продукта своих земель, которая остается после покрытия расходов на содержание обрабатывающих землю людей, употребляет ее целиком на деревенское гостеприимство у себя в поместьи. Если этого избытка хватает на содержание ста тысяч человек, он может его использовать не иначе, как на содержание ста или тысячи человек. Поэтому он бывает всегда окружен множеством клиентов и приближенных; не имея, чем оплатить содержание, и обязанные всем его щедрости, они должны повиноваться ему по той же причине, в силу которой солдаты должны повиноваться государю, оплачивающему их. До развития торговли и промышленности в Европе гостеприимство богатых и власть имущих начиная с государя и кончая незначительным бароном, превышало все то, что ныне мы в состоянии себе представить. Зал Вестминстерского аббатства служил столовой для Вильгельма Рыжего, и чем он оказывался слишком мал, чтобы вместить всех его сотрапезников. Расточительность и щедрость Фомы Бекета усматривали в том, что он приказывал устилать в дурную погоду пол своего зала свежим сеном или камышом, чтобы рыцари и сквайры, для которых тало стульев, не запачкали своих парадных одежд, усаживаясь на пол для участия в обеде. Могущественный граф Варвик, как и другие, дадут, содержал изо дня в день в своих многочисленных замках 30 тысяч человек; как ни преувеличено, возможно, это число, все же должно было быть очень велико, чтобы допускать такое увеличение. Гостеприимство почти такого же рода практиковалось не так давно во многих частях Шотландии. Оно, повидимому, существовало всем народам, у которых мало известны торговля и про-

мышленность. Я видел, рассказывает доктор Покок¹, как один арабский торговец обещал на улицах города, куда он пришел для продажи своего скота, и приглашал всех проходящих, даже простых нищих, садиться около него и принять участие в его пиршестве.

Крестьяне во всех отношениях так же зависели от крупного землевладельца, как и его дворян и приближенные. Даже те из них, которые не находились в состоянии крепостной зависимости, являлись свободными арендаторами, платящими ренту, которая не стояла в каком отношении к величине дохода, получаемого ими с земли. Она, полкроны, овца, ягненок составляли несколько лет тому назад в Шотландии обычную арендную плату за участок, который обеспечивал существование целой семьи. В некоторых местах это существовало и до сего дня, причем на известную сумму денег там нельзя приобрести большее количество продуктов, чем в других местах. В стране, где избыточный продукт крупного поместья должен быть потреблен в самом поместьи, владельцу часто выгоднее и удобнее, чтобы часть его потреблялась в некотором отдалении от его жилища, и только те, кто потребляет его, остаются столь же зависимы от него, как и его свита и слуги. Это избавляет его от хлопот и затруднений, связанных с наличием слишком многочисленной свиты и слишком многочисленной семьи. Свободный арендатор, имеющий достаточно земли, чтобы содержать свою землю, при уплате почти такой же номинальной аренды столь же зависит от землевладельца, как и любой из его слуг или приближенных, и должен так же безоговорочно повиноваться ему. Такой землевладелец у себя дома кормит своих слуг и приближенных, а своих арендаторов кормит в их собственных домах. Те и другие существуют за счет его щедрости, и от доброй воли зависит сохранение ими получаемого содержания. На власти и влиянии, которыми неизбежно обладали при таком положении вещей крупные землевладельцы по отношению к своим арендаторам и приближенным, основывалось могущество баронов былых времен. Они неизбежно становились для всех тех, кто жил в их поместьях, судьями во время мира, военачальниками во время войны. Они могли поддерживать порядок и осуществлять законы в своих поместьях, так как каждый из них мог обращать всю силу всех областей поместья против насильных или незаконных действий одного из них. Никто другой, кроме них, не имел власти делать это, даже в те отдаленные времена, когда король представлял собой почти не больше, чем крупнейшего землевладельца в своем государстве, которому в целях совместной защиты против общих врагов феодальные крупные землевладельцы оказывали известное уважение. Искание небольшого долга в пределах владений какого-нибудь землевладельца, где все жители были вооружены и привыкли поддерживать друг друга, потребовало бы от короля, если бы он попытался взыскать это своей властью, почти таких же усилий, как и подавление гражданской войны. Ввиду этого он был вынужден предоставить

¹ [См. «Опыты» Юма. опыт о торговле.]

[См. *Роскок*, Description of the East, I, 183.]

отправление правосудия в большей части своей страны тем, кто в состоянии справиться с этим делом, а также, в силу той же причины, поручить командование сельской милиции тем, кому милиция была готова повиноваться.

Было бы ошибкой думать, будто эта территориальная юрисдикция возникла из феодального права. Не только высшая юрисдикция гражданская и уголовная, но и право набирать войска, чеканить монету и даже издавать правила и законы для зависимого от них населения искони принадлежало в силу аллодиального права крупным землевладельцам за несколько столетий до того, как стало известно в Европе самое понятие феодального права. Власть и юрисдикция саксонских лордов в Англии, повидимому, были до завоевания столь же значительны, как и власть любого из норманнских лордов после него. Но феодальное право, как полагают, стало общепризнанным в Англии только после завоевания. Бесспорным фактом следует считать, что в порядке аллодиального крупные землевладельцы Франции искони обладали весьма обширной властью и юрисдикцией задолго до введения в этой стране феодального права. Такая власть и юрисдикция естественно выростали на почве вышеописанных отношений собственности и нравов. Не углубляясь в отдаленные времена французской или английской монархий, мы можем найти в гораздо более близкую нам эпоху много доказательств того, что подобные постановления всегда должны порождаться подобными причинами. Не прошло еще и 30 лет с тех пор, как м-р Кэмерон-оф-Лочизаль, помещик Локбэра в Шотландии, не имея на то никаких законных полномочий, не будучи так называемым тогда лордом королевства¹ или даже вассалом жателем земли непосредственно от короля, а будучи лишь вассалом герцога Аргайльского и не являясь даже мировым судьей, все-таки вынес уголовную расправу вплоть до смертной казни над подвластным ему населением. Как передают, он соблюдал при этом величайшую справедливость, хотя и не придерживался никаких судебных формальностей; и вполне возможно, что состояние этой части страны в то время вынуждало его присвоить себе эту власть, чтобы поддержать общественное спокойствие и порядок. Этот помещик, рента которого ни разу не превысила пятисот фунтов в год, увлек за собою в 1746 году в мятеж восемьсот человек из подчиненного ему населения.

Введение феодального права отнюдь не усилило власти крупных аллодиальных владельцев; оно скорее было попыткой ограничить их власть. Оно установило правильную подчиненность, связанную с рядом служб и обязанностей, начиная с короля и кончая самым маленьким землевладельцем. Во время несовершеннолетия землевладельца доходы вместе с управлением его землями передавались старшему непосредственно над ним; таким образом, доходы и управление землями крупных землевладельцев попадали в руки короля, на которого возлагались содержание и воспитание малолетнего и кото-

¹ [Lord of Regality. Так назывались владельцы, считавшие себя вправе признавать судебной власти короля.]

решение опекуна, имел право, как признавалось, устраивать его при том условии, если последний соответствовал его положению. Хотя это учреждение необходимо вело к усилению королевской власти и к ослаблению власти крупных землевладельцев, этого все-таки было недостаточно для того, чтобы установить порядок и хорошее управление среди сельского населения, потому что одновременно с этим не происходили в достаточной мере изменения в отношениях собственности и в нравах, которые порождали беспорядок. Власть королевства все еще оставалась слишком слабой наверху и слишком слабой внизу; чрезмерная сила низших членов являлась причиной беспорядка. После установления феодальной иерархии король оказался столь же неспособным обуздать произвол и насилия крупных владетелей, как и прежде. Попрежнему они продолжали по своему усмотрению почти непрерывные войны друг с другом, а очень часто и против короля; и деревня попрежнему оставалась ареной насилий, грабежей и беспорядков.

То, чего никогда не могли бы сделать при всей своей принудительности феодальные учреждения, было постепенно осуществлено умным и незаметным действием внешней торговли и мануфактур. Они стали постепенно снабжать крупных землевладельцев чем-то таким, на что они могли выменивать весь избыточный продукт своих земель и что они могли потреблять сами, не делясь со своими держателями или приближенными. Все для самих себя и ничего для других, — таково во все времена было, повидимому, неизменное право владетелей рода человеческого. И поэтому, как только они находят способ потреблять всю стоимость своих доходов, они утрачивают всякую готовность делиться ими с кем-либо другим. За пару бриллиантовых пряжек или за что-нибудь столь же суетное и бесценное они платили такую цену, которая соответствовала стоимости содержания тысячи человек в течение года, а вместе с тем отказывались от того влияния и власти, которые это могло давать им. Зато бриллиантовые пряжки являлись целиком их достоянием, и ни одно другое человеческое существо не пользовалось ими, тогда как при другом способе расходования своих средств они должны были делиться ими по меньшей мере с тысячей человек. Для тех, кто не имел, какой из этих способов предпочтительнее, указанное различие имеет решающее значение. Таким-то образом, ради удовлетворения своих потребностей роскошного, низменного и нелепого тщеславия, они постепенно отдали всю свою власть и влияние. В стране, где не существует внешней торговли или мануфактур, производящих предметы роскоши, человек, имеющий годовой доход в пять тысяч фунтов, не может затрачивать свой доход иначе, как на свое содержание приблизительно тысячу семейств, которые по необходимости зависят тогда от него. При современном состоянии Европы человек, получающий доход в десять тысяч фунтов в год, не может полностью расходовать его, — и он обычно и расходует его таким образом, — не имея на своем содержании непосредственно и двадцать человек или не имея в своем распоряжении более десяти слуг.

Косвенно он, возможно, обеспечивает содержание не меньшего, а даже большего количества людей, чем когда-либо мог это сделать при прежнем способе расходования: хотя количество дорого стоящих изделий, на которые он обменивает весь свой доход, очень незначительно, количество рабочих, занятых в собирании и изготовлении изделий обуславливается, по общему правилу, уплачиваемой за труд заработной платой и прибылями всех их непосредственных и принимаемых. Уплачивая эту цену, он косвенно оплачивает всю заработную плату и прибыли и таким образом косвенно участвует в содержании всех этих рабочих и их предпринимателей. Впрочем, участвует в содержании каждого из них лишь весьма незначительная доля: десятой долей, может быть, в содержании очень немногих долей — многих и тысячной, даже десятитысячной долей — в содержании остальных. Хотя он поэтому участвует в содержании всех, они все более или менее независимы от него, потому что, в общем, могут просуществовать и без него.

Когда крупные землевладельцы затрачивают свои доходы на содержание своих держателей и приближенных, каждый из них целенаправленно дает содержание каждому из своих держателей и каждому из своих приближенных. Когда же они затрачивают их на содержание торговцев и ремесленников, они могут, взятые все вместе, содержать торговцев и ремесленников, принимая во внимание расточительность, присущую деревенскому гостеприимству, даже еще большее количество людей, нежели прежде. Однако каждый из них, взятый в отдельности, часто вкладывает лишь очень небольшую долю на содержание каждого отдельного человека из этого большого количества. Каждый торговец или ремесленник получает свои средства к существованию не от одного, а от сотни или тысячи различных потребителей. Поэтому, хотя он в определенной степени обязан им всем, он не находится в абсолютной зависимости от каждого из них в отдельности.

Когда, таким образом, стали постепенно возрастать личные держки крупных землевладельцев, не могла не сокращаться численность их двора и свиты, пока они под влиянием совсем не распустили их. Та же самая причина постепенно заставляла их отпустить излишнюю часть своих держателей. Они увеличивали размеры ферм, и количество фермеров, несмотря на жалобы на недостаток людские, было сокращено до числа, необходимого для возделывания земли соответственно низкому уровню культуры и сельского хозяйства в ту пору. Благодаря удалению ненужных ртов и получению фермером полной стоимости фермы, землевладелец получал больше избыточный продукт или, что то же самое, цену большего избыточного продукта, причем купцы и промышленники скоро предоставили ему возможность затрачивать его на свои личные потребности, как он это делал с остальной частью продукта. И так как те же приемы продолжали действовать, он стремился повысить свои доходы с тем, что могли дать при данном их состоянии его земли. Его держатели могли соглашаться на это только при том условии, что

т. е. обеспечено обладание их участками на определенное количество лет, в течение которых они смогут вернуть с прибылью все, что затратят на дальнейшее улучшение земли. Тщеславная расточительность землевладельца побуждала его принимать это условие; так возникла долгосрочная аренда.

Свободный арендатор, уплачивающий полную стоимость земли, не находится в полной зависимости от землевладельца. Материальные выгоды, которые они получают друг от друга, взаимны и равны, и такой арендатор не станет рисковать своей жизнью и имуществом на службе у своего землевладельца. Если же он имеет дело на продолжительный срок, он вообще независим, и его землевладелец не должен ожидать от него даже самой ничтожной услуги, кроме того, что определено оговорено в арендном договоре и возлагается на него в силу общепринятого обычного права страны.

После того как арендаторы сделались таким образом независимыми, а дворянства была распущена, крупные землевладельцы лишились возможности мешать регулярному отправлению юстиции или нарушению общественного мира в деревне. Продав свое право первородства за чечевичную похлебку, как Исав в момент голода и нужды, землевладельцы под влиянием излишеств изобилия, ради побрякушек и безделушек, предпочли скорее быть игрушками для детей, чем интересоваться делами своих людей, они утратили всякое влияние и сравнялись с любым зажиточным мещанином или городским торговцем. В деревне, как и в городе, установилось нормальное управление, никто уже не обладал достаточной силой, чтобы нарушать его или там.

Смит, пожалуй, не имеет прямого отношения к нашей теме, но я не могу не отметить, что в торговых странах очень редко встречаются древние фамилии, из поколения в поколение обладавшие крупными средствами. Напротив, в местностях с мало развитой торговлей, как, например, Уэльс или горная часть Шотландии, они очень многочисленны. Арабская история изобилует генеалогиями, а история, написанная одним татарским ханом¹ и переведенная на несколько турецких языков, содержит почти только такие генеалогии; она показывает, что старинные фамилии очень распространены среди народов. В странах, где богатый человек может расходовать свои доходы не иначе, как имея на своем содержании столько людей, сколько возможно при данной величине дохода, он не рискует разориться, и щедрость его, повидимому, редко бывает так безгранична, как когда он пытался содержать больше людей, чем это ему по средствам. Когда он имеет возможность расходовать на самого себя очень большой доход, он часто не знает границ своим затратам, потому что не знает границ своему тщеславию или своему эгоизму. Поэтому в торговых странах богатство, вопреки строжайшим предписаниям

¹Здесь Смит имеет в виду «Генеалогическую историю татар» Абулгази Хивинского хана. На русский язык переведена Саблуковым под названием «История турок». Казань, 1854.]

закона, имеющим целью предотвратить его расточение, очень остается надолго в одной и той же семье. Напротив, это часто место у примитивных народов без вмешательства каких-бы то ни было предписаний закона, так как у скотоводческих народов кочевы татары и арабы, подобные предписания невозможны в том, что их имущество состоит из предметов потребления.

Таким образом, революция величайшей важности для общего блага была совершена двумя различными классами людей, которые не имели ни малейшего намерения служить обществу. Удовольствие самого смешного тщеславия — таков был единственный мотив крупных землевладельцев. Торговцы и ремесленники, гораздо более смешные, действовали исключительно в своих собственных интересах и придерживались присущего им торгашеского правила заставить копейку при всяком удобном случае. Ни те, ни другие не думали предвидели той великой революции, которую постепенно совершили безумие одних и трудолюбие других.

Таким-то образом торговля и промышленность городов явились в большей части Европы не следствием, а причиной подъема и развития деревни и сельского хозяйства.

Однако, поскольку такой порядок развития противоречит естественному ходу вещей, он неизбежно отличается медленностью и неустойчивостью. Сравните медленное развитие европейских стран, богатых торговых путей, в очень большой степени зависит от их торговли и промышленности, с быстрым успехом наших североамериканских колоний, богатство которых основано исключительно на земледелии. В большей части Европы число жителей, как предполагают, удваивается только в пятьдесят лет. В некоторых из наших североамериканских колоний население удваивается, как это установлено, за 25 лет. В Европе закон первородства и неотчуждаемость владения всякого рода препятствуют разделу крупных имений и этим замедляют возрастание числа мелких собственников. А между тем мелкий собственник, который знает каждый клочок своего маленького участка и относится к нему со всей привязанностью, естественно вносит свой вклад в общественную собственность, в особенности мелкою собственностью, которая поэтому доставляет удовольствие не только обработка его, но и его продажа, по общему правилу является наиболее трудолюбивым, наиболее сообразительным и достигающим наилучших результатов в сравнении со всеми другими, кто работает над улучшением земли. Кроме этих же ограничения держат вне рынка так много земли, что ввиду наличия больше капиталов, желающих купить ее, чем предложений земли, так что поступающая в продажу земля всегда продается по монополюной цене. Доход с земли никогда не оплачивается процентов на затраченную при покупке сумму и, сверх того, не менее расходуется на ремонт и другими текущими издержками, которые не имеют места при отдаче денег на проценты. Покупка земли повсюду в Европе представляет собой самое невыгодное вложение большого капитала. В целях большей верности и сохранности человек скромного достатка, уходящий на покой от дел, не всегда предпочитает вложить свой небольшой капитал в землю. Человек свободной профессии, доход которого получается из другого источника, часто предпочитает сохранить свои сбережения таким же образом. Но молодой человек, который вместо того, чтобы заняться торговлей или какой-нибудь свободной профессией, затратит свой капитал в две или три тысячи фунтов на покупку и обработку небольшого участка земли, конечно, рассчитывать на вполне счастливую и вполне независимую жизнь, но должен распрощаться всегда со всякой надеждой приобрести крупное состояние или большую известность, которые — при затрате своего капитала иным образом — он имел бы такие же шансы приобрести, как и всякий другой. Такой человек, хотя он и не может претендовать сделаться крупным собственником, часто не захочет снизойти до положения фермера. Улучшение на рынок лишь незначительного количества земли и высокая цена земли, поступающей на рынок, затрудняют затрату на обработку и улучшение земли многих капиталов, которые при других условиях были бы затрачены на это дело. В Северной Америке, например, 50 или 60 фунтов часто признаются достаточным капиталом для того, чтобы завести плантацию. Приобретение и улучшение незделанной земли представляют собою там наиболее выгодное вложение денег как самых небольших, так и самых крупных капиталов. Они идут самым прямым путем к богатству и известности, которые только трудно приобрести в этой стране. Такую землю в Северной Америке можно получить почти задаром или по цене, которая значительно ниже стоимости ее естественного продукта, — вещь, невозможная в Европе или в любой стране, где вся земля давно перешла в частную собственность. Но если бы поместья делились поровну между всеми нами после смерти владельца, оставляющего многочисленную семью, поместье по общему правилу поступало бы в продажу. На рынок вышло бы так много земли, что она уже не могла бы продаваться по монополюной цене. Доход с земли легче покрывал бы проценты на затраченный на ее покупку капитал, и мелкие капиталы могли бы затрачиваться на приобретение земли с не меньшей выгодой, чем на приобретение их иным путем.

Ввиду естественного плодородия почвы, большей протяженности ее морского побережья в сравнении с общей поверхностью всей Европы и наличия многих судоходных рек, прорезывающих ее и доставляющих преимущества водного транспорта некоторым наиболее ценным от моря частям ее, не меньше всякой иной крупной европейской страны предназначена самой природой быть средоточием европейской торговли, мануфактур, работающих на отдаленный рынок, и тех достижений и улучшений, которые обуславливаются этими средствами. К тому же с начала правления Елизаветы английское правительство проявляло особое внимание к интересам торговли мануфактур, и действительно, не существует в Европе страны, не обладающей даже Голландией, где закон, в общем, более благоприятствует бы этому роду деятельности и труда. В силу этого торговля мануфактуры непрерывно развивались на протяжении всего этого

периода. Земледелие, без сомнения, тоже постепенно развивалось, но оно, повидимому, медленно и несколько отставая следовало за более быстрым прогрессом торговли и мануфактур. Большая часть страны обрабатывалась, должно быть, еще до правления Елизаветы, но очень значительная часть ее до сих пор еще остается неводеленной, а еще большая часть ее возделывается гораздо хуже, чем в Англии, как кажется, является единственной обширной страной Европы, где земля была целиком возделана и подвергалась улучшению только косвенно, поощряя торговлю, но и непосредственно, разными мерами. За исключением неурожайных лет, вывоз хлеба из Англии только свободен, но и поощряется особой премией. В годы средних веков ввоз иностранного хлеба облагается пошлинами, по размерам имеющими запретительный характер. Ввоз живого скота, кроме как из Ирландии, воспрещен всегда, и только в последнее время он разрешен из Ирландии. Поэтому те, кто занимается обработкой земли, имеют монополию в отношении к своим согражданам на главнейших из сельскохозяйственных продуктов, а именно на шерсти и мясе. Такое поощрение, хотя в сущности оно может быть вполне иллюзорно, как я попытаюсь в дальнейшем показать¹, достаточно казывает, по крайней мере, намерение законодательства содействовать развитию земледелия. Но гораздо важнее всего этого то, что в Англии помещики пользуются столь прочным положением, несомненно и уважением, которые только может обеспечить им ввиду этого ни одна страна, где существует право первородства. Уплачивается десятина и где неотчуждаемость владения, хотя и противоречащая духу закона, в некоторых случаях допускается. В Англии. А между тем уровень его невысок. И каков был бы он, если бы закон не оказывал прямого поощрения сельскому хозяйству по отношению поощрения, которое косвенно получается благодаря развитию торговли, и оставил бы помещиков в том положении, в каком они находятся в большинстве других европейских стран? Прошло более двухсот лет со времени начала правления Елизаветы, — период который обычно требуется для развития человеческого благосостояния.

На Францию, повидимому, приходилась значительная доля международной торговли приблизительно за столетие до того, как Англия получила значение в качестве торговой страны. Согласно сообщению того времени, флот Франции был значителен еще до экспедиции Колумба в Неаполь. Однако сельское хозяйство Франции, в особенности стоит на более низком уровне, чем в Англии. Ее законодатель никогда не оказывало такого же прямого поощрения земледелию, как в Англии. Внешняя торговля Испании и Португалии с другими частями Европы, хотя она ведется главным образом на иностранных судах, весьма значительна. Их торговля со своими колониями ведется на их собственных судах и гораздо значительнее ввиду богатства и обширности этих колоний. Но эта торговля отнюдь не создала

из этих стран сколько-нибудь значительных мануфактур даже на отдаленных рынках, и большая часть их земель все еще остается неводеленной. Заморская торговля Португалии возникла гораздо раньше, чем в какой-либо иной большой стране Европы, по крайней мере Италии.

Италия, как кажется, является единственной обширной страной Европы, где земля была целиком возделана и подвергалась улучшению благодаря внешней торговле и мануфактурам, работающим на внутреннем рынке. До вторжения Карла VIII в Италию, по словам Гиациндо¹, земля возделывалась одинаково как в самых гористых и бесплодных частях страны, так и в самых равнинных и плодородных. Выгодное местоположение страны и большое число независимых государств, существовавших в то время в ней, немало содействовали, должно быть, такому широкому распространению земледелия. Впрочем, вполне возможно, вопреки этому общему замечанию одного из рассудительных и осторожных современных историков, что в Италии того времени была обработана не лучше, чем в Англии стоящее время.

Капитал, приобретенный страной путем торговли и мануфактур, составляет собою очень ненадежное и сомнительное достояние, пока большая часть его не закреплена и не вложена в обработку и улучшение ее земель. Вполне правильно было отмечено, что купец не обязан должен быть гражданином какой-нибудь определенной страны. Для него в значительной мере безразлично, из какого пункта свою торговлю, и самое ничтожное неудовольствие может побуждать его перенести из одной страны в другую свой капитал, а вместе с ним и всю ту промышленность, которую питает последний. Ни одну часть этого капитала нельзя сказать, что она принадлежит какой-нибудь определенной стране, пока этот капитал не будет рассеян по лицу этой страны в виде ли построек или в виде земельных земельных улучшений. Никаких следов не осталось в виде следов от больших богатств, которыми обладала, как полагают, большая часть ганзейских городов, если не считать упоминания о них в забытых историях XIII и XIV столетий. С точностью даже неизвестно, где были расположены некоторые из них, как каким городам в Европе относятся латинские названия, даны некоторым из них. Но хотя бедствия, пережитые Италией в XV и в начале XVI веков, значительно уменьшили торговлю мануфактуру городов Ломбардии и Тосканы, эти области все же продолжают оставаться в числе наиболее населенных и лучше всего обработанных областей Европы. Гражданские войны во Фландрии и Нидерландах, следовавшее за ними владычество испанцев заставили переместиться обширную торговлю Антверпена, Гента и Брюгге. Тем не менее Фландрия попрежнему остается одной из самых богатых и плодородных всего возделываемых и наиболее населенной областью Европы.

¹ Смит имеет в виду I том известного сочинения: *Guicciardini, La historia d'Italia*. 1-е изд. 1561—1564 гг. В 1763 г. появился неполный перевод на английский язык.]

¹ [Кн. IV, гл. 2, 5 и 8]

Потрясения, вызываемые войной, и политические революции истребляют источники того богатства, которое порождается только торговлей. Богатство, возникающее в результате более быстрых улучшений в сельском хозяйстве, более устойчиво и может быть уничтожено только в результате таких резких потрясений, которые порождаются грабежами и опустошениями враждебных и варварских народов и продолжаются в течение одного или двух столетий подряд, как это было за некоторое время до и после падения Римской империи в западных областях Европы.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- и—266
 взносы по акциям—270
 выпуск акций—266, 270, 271
 иверный капитал—270
 иверны—266
 да—109, 156, 236, 335—337, 351
 рендная плата—108, 109, 236, 340
 рендные договоры—36, 133, 355
 условия аренды—58
 да долгосрочная—38, 337, 355
 даторы—132, 155, 235, 334—336, 351, 354, 355
 и—246, 250—272, 274—276, 278, 279
 дебиторы банка—268
 выпуск акций банком—270, 271
 платежи банку—257—260, 264—266
 прибыль банка—261, 267
 расходы банка—254, 257, 261—263, 266, 269, 270
 текущий счет в банке—251, 257, 259, 262—267, 275
 счет векселей в банке—251, 253, 257, 259, 262—267, 275
 овская ссуда—257, 258, 260, 251, 264—266, 268, 270—272.
 овские операции—247—250, 252, 257—259, 267, 269, 271, 272, 275
 овский капитал—257, 259—261, 264—266, 268, 270—272
 основной капитал банка—260, 270
 оборотный капитал банка—259
 овский учредительный акт—266
 иры—44, 84, 246, 259, 261, 263—266, 273—275, 279
 банкирские компании—250—252, 254, 255, 258—261, 263, 264, 269, 271, 275, 276, 279
 ноты—246, 247, 256, 265—267, 270, 273—276, 278
 ротство—102, 155, 261, 264, 274, 279, 290, 296
 роты—88, 244, 262, 331
 тство—24, 25, 32, 33, 55, 67, 68, 76, 83, 86, 88, 89, 146, 157, 160, 164, 165, 169—174, 193—197, 201, 238, 251, 295, 311, 325, 342, 344, 345, 349, 355—357, 359
 действительное богатство—241, 244, 286, 288, 289, 293
 действительное богатство землевладельцев—221
 накопление богатств—86, 293
 монополия богатых—88
 стоимость богатства—159
 тство Китая, древнего Египта и Индостана—312, 326
 тство колоний—312, 336, 358
 тство национальное—16, 213, 291, 295, 318
 рост национального богатства и щедрая оплата труда—68
 тство мировое—158—160, 212
 тство общества—7, 61, 82, 194, 222, 223, 291, 294, 297, 306, 310

- Богатство рудников—211, 212
 Богатые страны—66, 84, 85, 108, 130, 170, 194, 197, 212—216, 223, 283, 284, 318, 345
 Ввоз—163, 172, 180, 186, 187, 189, 193, 207—209, 221, 294, 312, 314, 317, 333
 ввозные пошлины—154—157, 181, 187, 191—193, 207—209, 214, 221, 333
 Ввоз капитала—311
 Ввоз предметов роскоши—345
 Векселя—84, 244, 255—257, 261—268
 индоссирование векселей—262
 оплата векселей—279
 проценты по векселям—257, 260, 261, 264—267, 269, 271
 трассировка векселей—261, 266
 учет векселей—251, 253, 257, 259, 262—267, 275
 Векселя действительные и фиктивные—264, 265
 Векселя обращающиеся—267, 268, 276
 Вексельный курс—276
 Воспроизводство—290, 293, 298
 воспроизводство стоимости годового потребления—248, 287, 288
 воспроизводство стоимости потребления сельскохозяйственных рабочих
 рабочего скота—309
 Вывоз—67, 163, 164, 178, 190, 207, 209, 210, 214, 254, 289, 314, 315, 317, 338
 премия за вывоз—175, 177—179, 358
 Вывоз денег—289
 Вывоз избыточных продуктов—326
 Вывоз сырья—326
 Гильдии—114
 Государство—74, 80, 109, 119, 158, 185, 209, 325, 329, 339, 344, 351, 359
 банковская ссуда государству—270
 расточительность государственной власти—290, 291, 293, 294
 расходы государства—7, 294
 Государственные бумаги французские и английские—85
 Государственные лотереи—99
 Государственные повинности—336
 Государь—272, 278, 281, 329, 333, 340—343, 350
 доход государя или государства—7, 156, 239, 290, 341
 Гражданские власти—65
 Деньги—19, 26, 28, 30, 32—34, 36, 38, 39, 44, 45, 48, 50, 51, 57, 67, 82, 83, 88, 88—90, 94, 130, 143, 161—166, 171, 173, 185, 196, 207, 208, 219, 220, 233, 237, 238, 240, 242—247, 249—278, 287, 288, 299, 300, 303, 305, 323, 349, 351, 356
 количество денег, необходимых для обращения—247, 288
 стоимость денег—243, 244, 249, 299, 303
 денежное вознаграждение—98, 99, 105
 денежные знаки—273, 276, 299, 300
 Деньги и номинальная цена—35
 Деньги бумажные—246, 247, 249—251, 299, 300, 323
 выпуск бумажных денег—269, 273, 274, 277
 количество бумажных денег в обращении—250, 253—255, 257, 259, 260, 269, 271, 272, 275, 276, 278
 обмен бумажных денег на золото и серебро—264, 265, 268, 276
 покупательная сила бумажных денег—245
 функции бумажных денег—246
 Договоры—63, 88, 119, 132, 177
 Долги—7, 30, 51, 52, 91, 252, 299, 300, 351
 долг нации—293
 процент по государственному долгу—84
 Долгосрочный залог—7
 Должники—40, 90, 257, 260, 264, 277, 299, 300, 304
 Доходы—29, 51, 54, 59, 60, 63, 66, 68, 83, 89, 102, 103, 144, 192, 222, 223, 233—240—246, 248, 281—289, 293—296, 298, 300, 305, 307, 310, 313, 323,

- 331, 340, 350, 352—356
 валовой доход—241, 243, 246, 248
 годовой доход—98, 244, 354
 реальный доход—244, 246, 249
 фонды дохода—68
 чистый доход—241—243, 245, 246, 248
 чрезвычайный доход—59
 род главной массы народа—6
 род государя или государства—7, 156, 239, 290, 341
 род общества в целом—235, 291
 род рабочей семьи—73
 шники—51, 88, 89, 298—300
 юдавцы—51, 88, 90, 298—300
 ны—268, 298—300, 304, 305
 заемные обязательства—257, 259—261
 расходы по займам—268
 ны об оседлости—125—129
 работная плата—47—52, 55—59, 61—73, 75—79, 81, 83—87, 90—97, 102, 104—106, 108, 113—115, 117, 119, 120, 123, 124, 128—131, 134, 142, 143, 145, 158, 161, 181, 185, 191, 222, 223, 234, 241, 246, 249, 280, 282, 283
 попытки нормировать зарплату—129
 средняя или естественная норма зарплаты—54, 58—61, 82, 95, 130, 142, 143
 стоимость зарплаты—241
 фонд зарплаты—68
 плата за труд—60—63, 70, 76, 82, 89, 90, 103, 104, 121, 240, 354
 плата квалифицированного труда—94
 плата матроса—101
 плата сезонных рабочих—95
 плата солдата—100
 плата ученика—113
 землевладельцы—49, 52, 56, 58, 62, 64, 66, 87, 90, 108, 109, 115, 117, 132—136, 140, 142—149, 151, 154, 156, 159, 165, 177, 191, 209, 216, 222, 224, 240, 242, 252, 282—284, 286, 299, 309, 324, 327, 330, 331—336, 338—340, 345, 347, 349—352, 353—356
 действительное богатство землевладельца—221
 землевладелец—государь—329
 деление—6, 13, 24, 106, 136, 141, 152, 164, 169, 170, 176, 178, 182, 183, 213, 214, 217, 292, 310—313, 319, 324, 327—329, 337, 347, 357—359
 делельцы—146, 323, 325, 344, 347
 ля—13, 17, 49, 51, 52, 54, 56, 59—61, 63, 85, 86, 90, 107, 108, 109, 116, 132—140, 142, 144—148, 151, 153, 156, 159, 165, 167, 170, 182, 183, 196—204, 210, 211, 214, 217, 222, 235, 237—239, 241, 281—283, 292, 293, 305, 323—326, 328—337, 339, 340, 345, 347, 349—354, 356—359
 естественное плодородие земли—13, 135, 144, 145, 159, 169, 197, 198, 216, 309, 357
 обработка и улучшение земли—13, 63, 69, 140, 142, 144—146, 150, 151, 197—204, 216, 234, 236, 260, 283, 293, 306, 309, 311, 319, 324—327, 330—334, 336—338, 347, 349, 355, 357
 передача земель по наследству—328—330
 продукт земли—151, 168, 169, 170, 188, 193, 221, 237, 238, 281, 283, 284, 309, 333
 спрос на продукт земли—159
 стоимость земли—145, 214, 216, 335, 336, 349, 357
 цена земли—85, 305, 325, 326
 монополярная цена земли—356, 357
 рыночная цена земли—305
 частная собственность на землю—47, 49, 62, 63, 148, 357
 или культурные—86, 137, 139, 198, 209,
 сельный налог—177
 сельная рента—см. рента.

- Иммиграция—67
 Инструменты—14—17, 116, 232, 234, 249, 307
   изобретение инструментов—113
 Капитал—6, 47—52, 54, 56, 58, 59, 61, 63, 64, 66, 68, 78, 81, 82—90, 92—95, 100, 102—109, 115, 117—119, 123, 124, 130, 132—134, 143—145, 147, 157, 181, 191, 199, 204, 222, 223, 232—241, 243, 245, 249, 252, 281—287, 291—294, 297—319, 324—326, 330, 333, 334, 337, 344—346, 349, 350, 357, 359
   абсолютное уничтожение капитала—293
   ввоз капитала—311
   возмещение капитала—153, 155, 281—284, 293, 300, 310, 311, 333
   накопление капитала—6, 48, 62, 63, 66, 280, 287, 312, 337, 338
   недостаток капитала—в новых колониях—85
   оборот капитала—152, 314
   фонды капитала—68
   акционерный капитал—270
   банковский капитал—см. банки
   денежный капитал—299, 300
   добавочный капитал—253, 291
   мертвый капитал—271, 272
   оборотный капитал—234—239, 241—243, 245, 309
   основной капитал—234—239, 241—243, 245, 249
   производительный капитал—271, 272
   свободный капитал—83
   торговый капитал—117, 308, 310, 311, 326
   фермерский капитал—308, 309, 326
 Капитал нации—312
 Капитал общества—294, 297
 Капитализация—153
 Капиталистические издержки—13, 54, 76, 87, 140, 141, 142, 148, 149, 151, 154, 156, 165, 169, 191, 192, 201—204, 214, 240, 241, 243, 254, 309, 315, 323, 345, 347, 349, 354, 356
 Капиталисты—86, 300
   владельцы капитала—49, 81, 233, 236, 282, 299—301, 303, 319, см. владельцы мануфактуры, купцы, предприниматели, промышленники, торговцы, хозяева.
 Классы—6, 53, 76, 81, 94, 147, 220, 222, 223, 243, 281, 337, 339, 342, 345, 356
   связь интересов класса с интересами всего общества—222, 223, 224.
 Класс ученых—16
 Колонии—85, 86, 144, 209, 277, 278
   богатства колоний—312, 356, 358
 Колонии английские—67, 182, 183, 326, 332
 Колонии испанские—183, 188
 Колонии новые—199
 Колонии португальские—182
 Конкуренты—55, 58, 60, 82, 83, 96, 113, 144, 195, 207, 279
 Конкуренция—13, 33, 55, 56, 60, 66, 71, 82, 86, 87, 88, 99, 102, 106, 109, 110, 115, 117—122, 135, 142, 154, 224, 301, 303, 304, 307
   свободная конкуренция—279
 Конкуренция между покупателями—143
 Конкуренция между рабочими—68, 69, 80, 83
 Кораблестроение—24
 Королевство—343
 Король—339, 342, 351—353
   королевская власть—343, 353
   королевская хартия—113, 114
 Кредит—85, 87, 97, 104, 251, 252, 257—259, 261, 265, 267, 269—272, 299, 304, 307
   кредит государству—270
 Кредитные билеты—41, 251—253, 276, 277, 279
 Кредитоспособность—83, 88, 251, 262

- диторы—40, 44, 257, 260, 264, 267, 303, 304
 кредиторы государства—271
 цы—64, 82, 90, 91, 100, 109, 117, 124, 139, 144, 221, 223, 233, 234, 242, 251—253, 282, 283, 318, 337, 246, 349, 350, 354, 359
 купцы-спекулянты—105, 107
 уфактура—6, 11—13, 15, 48, 59, 59, 77, 79, 111, 115, 142, 292, 293, 306, 309—311, 313, 319, 324, 326, 345, 348, 350, 353, 356, 359
 владельцы мануфактуры—12, 64, 234, 238, 337
 мануфактурные изделия—см. промышленные изделия
 мануфактурные рабочие—94, 95, 117, 172, 280
 риалы—16, 22, 48, 52, 59, 63, 65, 78, 109, 113, 115, 116, 148—151, 160, 185, 231, 232, 234, 237, 238, 241—243, 246, 248, 249, 281, 299, 309, 311, 323, 325
 стоимость материала—90
 сырой материал—см. сырье.
 иностротители—16
 ины—11, 15—17, 94, 172, 217, 218, 220, 231, 232, 234, 236, 237, 241—243, 245, 249, 260
 изобретение машин—14, 15, 81
 производство машин—16
 усовершенствование машин—16, 291
 ины паровые—15
 ополии—144, 209, 278, 312
 тные дворы—28, 29, 42, 189, 191, 251
 ты—27—30, 35, 163, 165, 171, 176, 182, 186, 190, 191, 244—247, 249—251, 255, 256, 276, 300, 302, 303
 обесценение монет—175
 спрос на монету—186
 стоимость монет—175, 176, 246
 ты чеканные—27, 28, 36, 39—46, 182
 ополиты—59
 монопольные корпорации—130
 поля—59, 60, 114, 117, 135, 144, 183, 358
 монополия богатых—88
 пленение—6, 86, 104, 231—233, 236—238, 290, 293, 297
 накопленный запас общества—232, 235—242
 пленение капитала—см. капитал.
 ги—51, 126, 127, 138, 177, 207, 278, 282, 283, 307, 336, 337
 борщик налогов—79
 фонд оплаты налогов—317
 ды—5, 6, 16, 23—26, 39, 41, 77, 170, 183, 184, 261, 292, 324, 327, 345, 350, 356
 лагосостояние народов—324, 326
 низшие слои народа—285, 286, 295
 едность низших слоев народа—75, 217
 едность низших слоев народа в Китае—68
 улучшение положения низших слоев народа—74
 олитика народов—6
 ды бедные—172
 ды богатые—13, 27, 170, 172
 ды варварские—88, 148, 328, 360
 ды дикие—5
 ды цивилизованные—5, 30
 ды охотничьи Северной Америки—148
 ение—6, 76, 80, 94, 109, 113, 114, 123, 144, 146, 147, 150, 159, 160, 173, 182, 184, 210, 246, 284, 286, 292, 323, 324, 328, 339, 344, 352, 353, 356
 естребление населения во время крестовых походов—345
 недостаток населения в новых колониях—85
 ериост населения в Англии—67
 ериост населения в Британских колониях Северной Америки—67, 68
 ост населения в новых колониях—183
 а—16

- разделение занятий в науке—16
 Нации—290, 291, 316, 345
 национальное богатство—см. богатство
 долг нации—393
 разум нации—209
 Нации нищенские Европы—68
 Нации трудолюбивые—86
 Обмен—5, 16, 19, 20, 22, 26—28, 31—34, 37—39, 47, 49, 62, 134, 157, 158, 208, 220, 231, 233, 234, 243, 244, 246, 253, 255, 256, 272, 273, 277, 279, 311, 314, 315, 317, 318, 326
 орудие обмена—243, 245, 246, 272
 склонность к обмену—18—21
 Обмен бумажных денег на золото и серебро—264, 265, 268, 276
 Обмен натуральный—272
 Общество—6, 7, 16, 26, 27, 36—38, 47, 49—51, 53, 54, 64, 74—76, 79, 81, 87, 117, 181, 182, 185, 221, 223, 224, 242, 243, 245, 248, 281, 286, 306, 310, 323, 326, 327, 356
 общественное благо—289
 общественный благодетель—289
 бедность общества—61
 благосостояние общества—6, 16, 76, 130, 131, 169, 275, 306, 356
 богатство общества—7, 61, 82, 194, 222, 223, 291, 294, 297, 306, 310
 грубое состояние общества—231
 детское состояние общества—214
 дикое состояние общества—12
 накопленный запас общества—232, 235—242
 производительность общества—289
 прогресс общества—16, 36, 61, 76
 упадок или застой общества—61, 76
 хозяйственная жизнь общества—11, 231
 Общество первобытное—47, 62, 63, 93
 Общество свободное—114
 Общество цивилизованное—19, 75, 95, 222
 Община—341
 Обращение—243, 245, 247, 249, 251, 254—259, 264, 265, 268, 272—274, 288
 каналы обращения—247
 количество денег, необходимых для обращения—247, 288
 Орудия труда—50, 81, 116, 219, 220, 231, 232, 234, 236—238, 241, 243, 245, 249, 299
 усовершенствование орудий труда—218, 291
 Орудия ремесла—68
 Орудия сельскохозяйственные—183, 234, 331, 333
 Парламент—110, 120, 135, 177, 269, 271, 276—278, 286, 335
 Плантатор—52, 86, 144, 146
 Плантации—52, 206, 332, 333, 357
 Политика хозяйственная—6, 61, 213
 насильственная политика—61
 Политика Европы—6, 92, 119, 123, 221, 319
 Политика народов—6
 Политическая экономия—213, 317
 теории политической экономии и политика государей и государств
 власти—6
 Потребители—26, 82, 106, 119, 209, 235, 237, 246, 247, 273, 274, 287, 288, 308, 326, 349, 354
 Потребление—5, 26, 37, 74, 150, 184, 186, 188, 203, 233, 235—241, 243, 244, 248, 282, 285—287, 289—291, 293, 299, 306—308, 311, 313—315, 318, 323, 351, 353
 годовое потребление—6, 107, 193, воспроизводство стоимости годового потребления—248, 287, 288
 мировое потребление—188

- потребление неработающих—5
 производительное потребление—249, 250, 299,
 собственное потребление—20, 22, 67, 196, 222, 241
 потребности—16, 19, 26, 70, 106, 147, 150, 231, 239, 307, 325, 354
 потребность в отдыхе—77
 потребность в рабочих—68
 пошлины ввозные—154—157, 181, 187, 191—193, 207—209, 214, 221, 358
 пошлины специальные—181
 пошлины феодальные—339—342, откуп сбора феодальных пошлин—340—343
 предметы—15—17, 27, 30, 33, 35, 47, 62, 67, 70, 74, 78—80, 108, 112, 117, 134, 144, 150, 157, 158, 162, 173, 184, 217, 220, 231, 233, 234, 237, 238, 245, 247—249, 299, 302, 314—318, 329, 324, 347, 356
 предметы необходимости—6, 19, 32, 35, 55, 67, 73, 80, 81, 130, 146, 173, 180, 185, 195—197, 244, 280, 281, 287, 288, 294—296, 307, 308, 347
 предметы роскоши—173, 185, 192, 194, 196, 211, 220—222, 324, 344, 353
 спрос на предметы роскоши—164, 195
 прибыль—48, 49, 51, 52, 54—58, 60, 61, 63, 65, 66, 78, 82, 83—88, 90, 93—95, 97, 100, 104—107, 113—115, 117, 120, 131, 133—143, 145, 146, 151—155, 157, 158, 180, 181, 191, 197, 198, 204, 209, 210, 216, 222, 224, 233—243, 246, 248, 253, 255, 261—263, 282, 284, 286—288, 293, 298, 300, 301, 303, 307, 308, 316, 319, 331—333, 337, 349, 350, 354 норма прибыли—82, 85, 89, 97, средняя или естественная норма прибыли—54, 58—61, 82, 90, 102, 130, 142, 143, 180, 223, попытки регулировать прибыль путем нормирования цен на товары—130
 валовая прибыль—89
 годовая прибыль—82
 действительная прибыль—302
 номинальная прибыль—302
 чистая прибыль—89, 90, 144, 248
 чрезвычайная прибыль—58, 59, 106
 прибыль банка—261, 267
 прибыль торговца—84, 103, 308
 прибыль фермера—49, 50, 308, 323
 прогресс—161, 292
 прогресс Европы—172, 182
 прогресс культуры—173
 прогресс в области производительности труда—6
 прогресс общества—16, 36, 61, 76
 прогресс стран—67
 продукты—5, 6, 13, 21, 22, 27, 32, 33, 53, 58, 59, 62, 63, 66, 70, 80, 104, 106, 114, 115, 132, 134, 135, 137—139, 141—143, 145, 154, 155, 158, 182, 183, 185, 194—198, 200—205, 210, 215—217, 222, 281, 284, 296, 302, 309, 311, 313, 323, 325, 332—334, 337, 344, 353—354, естественное распределение продукта—6,
 валовой продукт—153, 155, продукт земли—151, 168, 169, 170, 188, 193, 221, 237, 238, 281, 283, 284, 309, 333
 продукт труда—5, 7, 22, 23, 33, 47, 48, 52, 62, 63, 80, 93, 108, 169, 303
 продукт труда других людей—20, 22, 26, 32, 33, 221, 222, 231, 291
 продукт всего труда общества—5, 26
 продукт собственного труда—16, 20, 22, 32, 49, 63, 74, 78, 231, 323, 345
 продукт соединенного труда—16
 годичный продукт труда—7, 51—53, 170, 171, 241
 годичный продукт земли и труда—211—214, 216, 232, 240—242, 246—248, 250, 251—272, 281—284, 286—288, 289, 291—293, 296, 299, 300, 306, 313, 316, 319
 сельскохозяйственный продукт—133, 134, 148, 149, 222, 324, 338
 производство—11, 12, 16, 47, 49, 56, 57, 59, 60, 62, 63, 73, 79, 90, 105, 107, 111, 119, 124, 137, 139, 142—145, 153, 201, 204, 206, 220, 221, 233, 234, 240, 248, 250, 291, 310, 318, 345, 346, изделия производства—218, 222, средний размер производства—57, производственные операции—11, 12, 14, 220, 291, 292
 производство людей—75
 производство машин—16

- производство предметов необходимости—17
 Промыслы 23, 26, 60, 61, 77, 78, 79, 93, 96, 103, 107, 111, 212, 220, 221, 231, 235, 248, 307, 312, 338, 347
 Промышленник-фабрикант—97, 117, 223, 238, 260, 261, 275, 309, 354
 Промышленность—6, 11, 13, 14, 16, 23, 24, 28, 39, 57, 60, 79, 80, 83, 85, 86, 90, 95, 97, 100, 103, 105, 109, 115—117, 124, 130, 131, 160, 164, 169, 182, 185, 206, 207, 209, 210, 212—214, 218, 221, 224, 232, 251, 252, 261, 274, 279, 284—286, 292, 314, 345—350, 356, 359
 промышленное развитие—12
 промышленный фонд—89
 рост производительности промышленности—182
 Промышленность городская—6
 Промышленность домашняя—14
 Промышленность Китая—68
 Промышленность мировая—212
 Промышленность обрабатывающая—50, 289, 327
 Промышленность сельская—6
 Профессии—11, 13, 16, 20, 22, 55, 61, 77, 89, 93, 94—96, 99—102, 107, 112, 118—123, 281, 337, 356, 357
 профессии либеральные—95, 97, 100, 110, 116
 Процент—51, 82, 85—89, 91, 99, 132, 140, 246, 251, 286, 298—300, 302—337, 356
 законная норма процента—84—86
 рыночная норма процента—83—90, 284, 301, 302, 304, 305
 Процент денежный в Китае—88
 Процент ростовщический—88
 Работа 6, 11—16, 22, 33, 52, 58, 63, 64, 73, 77—79, 90, 93—96, 106, 108, 113, 116, 119, 120, 123, 126, 218, 220, 221, 231, 232, 234, 241, 242, 248, 282, 283, 291, 296, 299, 301, 307, 332, 346
 безработица—95
 искусство, умение и сообразительность, применяемые при работе—6
 недостаток работы—68
 распределение работ—81
 Работоспособность—95
 Рабочие, работники—5, 11, 12—17, 22, 23, 27, 35, 36, 47—49, 52, 54, 56, 60, 63—69, 71, 73, 74, 76—81, 83, 88, 90, 93, 95—98, 100, 101, 105—111—115, 119, 120, 123, 124, 126, 127, 129, 130, 147, 150, 161, 170, 180, 221, 231, 232—234, 237, 241, 242, 245, 253, 268, 282, 283, 292, 298, 301, 309, 346, 354, ловкость рабочего—14, конкуренция между рабочими—69, 80, 83, недостаток рабочих в Северной Америке—68, обнищание рабочих—69 в Бенгалии и в Ост-Индии—69, размножение среди рабочих—74
 смертность среди рабочих—78, смертность среди детей рабочих—72
 содержание семьи рабочего—223, соглашение рабочих—64—66, 130, ст. о рабочих короля Эдуарда III в 1350 г.—161
 рабочие непроизводительные—281—283
 рабочие производительные—6, 281—283, 286, 287, 291, 298—300, 308—стоимость содержания производительных рабочих—288, фонд содержания производительных рабочих—287, 288
 рабочие мануфактурные—94, 95, 117, 172, 280
 рабочие ремесленные—96
 рабочие сельские, батраки—94, 107, 108, 116, 117, 287, 309
 Рабочий день—62, 86
 Рабочий скот—49, 50, 241, 309
 Рабочая сила—75
 Расходы—23, 52, 65, 100, 127, 135, 148, 172, 203, 235, 237, 242, 245, 246, 291, 294—296, 350, 353—356, годовой расход—98
 расходы банка—254, 257, 261—263, 266, 269, 270
 расходы государя или государства—7, 294
 расходы на подготовку квалифицированного труда—94, 97, 110
 расходы на содержание семьи рабочего—70—73

- расходы по разработке рудников—164
 расходы по управлению—240
 Революция—356, 359
 Ресс стран—182
 Ремесленники—16, 17, 22, 52, 66, 77, 93, 94, 96, 100, 103, 111, 113—115, 117, 124, 126, 183, 234, 287, 307, 325, 326, 337, 339, 354, 356, условия существования ремесленников в Китае—68
 Ресло—6, 11, 12, 17, 23, 33, 63, 94, 96, 110—119, 123, 124, 182, 183, 185, 220, орудия ремесла—68
 Рента земельная—35, 38, 49—52, 56—59, 61, 63, 66, 78, 87, 89, 90, 109, 132—140, 142, 143, 145—149, 157, 160, 165, 181, 191, 197, 204, 209, 210, 216, 221, 223, 235, 240, 282—284, 298, 299, 305, 309, 334—337, 340, 351, 352, первоначальный источник ренты—151, средняя или естественная норма ренты—54, 132, 142, 143, 155, стоимость ренты—35—37, 146, 158, 159
 валовая рента—240—242
 денежная рента—35, 36
 натуральная рента—36, 37, 165
 первоначальная рента—132
 чистая рента—240—242
 Рента с каменноугольной копи—151, 153
 Рента с лесных участков—152
 Рента с рудников—154, 155, 158
 Римская империя—328
 падение Римской империи—339, 345, 360
 Ростовщичество—304
 Ростовщичество—83, 87, 298, 303
 Русское хозяйство—57, 77, 108, 116, 118, 132, 135—137, 140—143, 152, 153, 199—202, 204, 205, 217, 251, 289, 309, 313, 319, 348—350, 354, 356, 358, 359, рост производительности сельского хозяйства—182
 сельскохозяйственные орудия—183, 234, 331, 333
 сельскохозяйственные продукты—133, 134, 148, 149, 222, 324, 338
 сельскохозяйственная техника—200, 202
 Сбережение годовое—5, 6
 Сбережения—6, 18, 64, 77, 115, 117—119
 законы против соглашений 65
 соглашения среди рабочих—64—66, 130
 соглашения среди хозяев—64—66, 130
 Сдерживание непроизводительных элементов—290, 291, 293, 297
 Скупянты—263—265
 Скупянтские—105, 106, 262
 Специальность—12, 16, 69, 113
 Спрос—11, 45, 55, 57, 66, 79, 106, 107, 134, 136, 137, 148, 149, 151, 182, 188, 194—197, 201, 202, 206, 210, 248, 306, 307, 310—313, 315, 317, 326, 345
 спрос и предложение—161, 169, 174
 абсолютный спрос—55
 годичный спрос—107
 действительный спрос—55—61, 142—145
 добавочный спрос—158
 средний спрос—169
 Спрос на драгоценные металлы—157—160, 164, 181—183, 188
 Спрос на лотерейные билеты—99
 Спрос на монету—186
 Спрос на предметы роскоши—164, 195
 Спрос на продукты земли—159
 Спрос на рабочих—68, 69, 76, 78, 106, 123
 Спрос на сельскохозяйственные продукты—160
 Спрос на труд—70, 72, 75, 80, 81, 86, 106, 117, 172, 180, 223, 301
 Судебная банковская—298—300
 Судебники—14, 17
 Стоимость—30, 32, 34—36, 40, 45, 47—49, 53, 55, 57, 58, 63, 67, 79, 85, 99—101,

- 107, 136, 138, 148, 149, 152—155, 157—160, 170, 173, 174, 177, 188, 206, 209, 212, 214, 215, 221, 234, 235, 241, 244, 245, 247—252, 256, 263, 273, 277, 280, 281, 286—289, 293, 295, 300, 304, 306—309, 311, 313, 316, 323, 347
- действительная стоимость—32, 36—38, 49, 169, 173, 178, 179, 189, 196, 208, 212, 214, 302
- меновая стоимость—30—34, 51, 52, 240, 286
- мерила стоимости—32—34, 37—41, 45, 46, 169, 170
- номинальная стоимость—189, 207, 212, 302
- потребительная стоимость—30, 31
- средняя стоимость—53
- Стоимость богатства—159
- Стоимость бумажных денег—275, 277, 278
- Стоимость детей—67
- Стоимость заработной платы—241.
- Стоимость земли—145, 214, 216, 335, 336, 349, 357
- Стоимость золота и серебра—34—38, 40—42, 44, 156, 161, 163, 165, 168—177—181, 184, 189—195, 205, 211, 213—216, 251, 257, 301, 302, 315
- Стоимость каменоломни—153, 160
- Стоимость монет—175, 176, 246
- Стоимость поместий в горной Шотландии—199
- Стоимость предметов роскоши—195
- Стоимость ренты—35—37, 146, 158, 159
- Стоимость рудника—153, 160, 212
- Страны—13, 14, 16, 23, 40, 49, 59, 66, 67, 69, 70, 83, 85, 87, 88, 90, 104, 111, 118, 141, 149, 152, 159, 169—173, 178—180, 182—186, 188, 190—191, 202, 204—206, 209, 211—216, 218, 220, 221, 233, 235, 239—242, 244—252—254, 256, 265—268, 272, 288, 289, 292, 293, 295, 299, 302, 303, 312, 315, 316, 324—326, 328, 337, 340—346, 349, 350, 352, 353, 355, 359, прогресс стран—67, упадок или застой стран—289
- страны бедные—212—215, 223, 283, 345, 346
- страны богатые—66, 84, 85, 108, 130, 170, 194, 197, 212—216, 223, 283, 317, 318, 345
- страны варварские, некультурные—196, 201, 209, 215
- страны культурные и промышленные—209
- страны торговые—355, 358
- страны цивилизованные—17, 52, 151, 214
- Страхование—23, 90, 99, 100
- страховая премия—99, 100, 315
- Сырье, сырой материал, сырые продукты—48, 49, 114, 115, 206, 238, 306—310, 311, 323, 325, 344—347, 349
- вывоз сырья—210
- стоимость сырья—134
- цена сырья—114
- Товарообмен между городом и деревней—323—325, 328
- Товары—13, 23, 24, 26—28, 30—40, 42, 47—52, 54—60, 62, 79, 81, 82, 86, 89—91, 103, 104, 107, 114, 115, 117, 130, 133, 134, 154, 157, 159, 168—175, 178, 181, 185, 168, 190, 192, 194, 195, 204—206, 208, 214, 217—221, 233, 234, 240, 241, 243—245, 248, 249, 252, 253, 257, 262, 274, 277, 281, 285, 286, 288, 299—303, 307, 308, 310—318, 323, 326, 339, 344
- Торговля—6, 23, 25, 27—30, 33, 59, 82—89, 95, 97, 100, 102, 103—106, 114, 115, 118, 124, 148, 160, 167, 172, 174, 182, 186, 205
- торговый оборот—250
- склонность к торговле—17, 20, 21
- торговля Англии—72, 84, 90
- торговля внешняя—25, 88, 95, 102, 118, 148, 149, 312, 313
- торговля внутренняя—176, 313, 314, 316, 318, 319, 338
- торговля колониальными товарами—307
- торговля контрабандная—188
- торговля меновая—34

- торговля морская—25
- торговля оптовая—313
- торговля Ост-Индии—183, 184
- торговля розничная—312, 313
- торговля спекулятивная—105
- торговля транзитная—247, 313
- торговля транспортная—85
- торговля Шотландии—72, 84
- торговля экспортная—311, 312
- товое развитие—148
- товые компании—59, 90, 100, 144, 184
- товые сделки—16, 54, 114, 273, 274
- новый мир—250
- новый союз—26
- новый флот—101
- товцы—26, 55, 56, 103, 114, 115, 224, 237, 244, 252, 259—261, 273—275, 299, 314, 315, 325, 337, 339—341, 349, 354, 356
- торговцы вольные—340, 341
- торговцы оптовые—306—308
- торговцы розничные—306—308, 310—312
- спорт—23
- транспорт водный—23—25
- 5—7, 13—15, 17, 23, 32—35, 39, 47—51, 53, 54, 56—61, 65, 66, 68, 76, 78, 81, 92, 93, 97, 102, 105—109, 112, 113, 119, 123, 124, 127—129, 130, 132—134, 136, 138, 145, 146, 149, 150—152, 154, 157—159, 166, 169—171, 177, 185, 192, 194—199, 210—213, 220, 223, 231, 233, 235—237, 241—243, 249, 279, 281, 284, 289, 293, 344
- высокая оплата труда—75, 76
- высокая почасовая оплата труда—77
- зарплата за труд—см. труд
- искусство, умение и сообразительность в применении своего труда—6
- количество труда—15, 32, 33, 36—38, 47, 49, 52, 53, 56, 62, 63, 69, 81, 107, 115, 126, 134, 135, 146, 150, 151, 154, 159, 160, 168—170, 173, 184, 185, 187, 194, 196, 203, 205, 207, 211, 212, 217, 219—221, 223, 232, 268, 279—281, 287, 303, 306, 308, 311, 317, 319
- нетрудоспособные—73
- орудия труда—см. орудия
- право собственности на свой труд—112
- продукты труда—см. продукты
- производительные силы труда—11, 62, 63, 81, 151, 232, 241, 245
- производительность труда—6, 12, 13, 78, 169, 222
- разделение труда—11—16, 18—20, 22, 23, 26, 32, 62, 150, 182, 217—219, 231, 232, 323 и прогресс в развитии производительной силы труда—11, 291.
- в крупных мануфактурах—11
- различные виды труда—13, 14, 103
- расходы на содержание труда—146, 232, 313, 315, 316
- реальное вознаграждение за труд—62, 63, 67, 73, 172, 180, 207, 216
- сотрудничество множества людей—19
- способность к труду—5, 73
- стоимость труда—см. стоимость
- спрос на труд—см. спрос
- утрата трудоспособности—75, 76
- фонд на оплату труда—68
- цена труда—см. цена
- д и богатство мира—32
- д годичный—5
- д детей—67
- д добавочный—80, 143, 198
- д квалифицированный—94, 95
- д по надзору и управлению—48

- Труд напряженный—14, 15, 77
 Труд необходимый—12
 Труд непроизводительный—280
 Труд общества—150
 Труд и первоначальная цена—32
 Труд производительный—280—285, 287, 288, 306, 308, 310, 311, 313—315, 319, фонд на содержание производительного труда—284, 289, 293, 296, 303
 Труд рабов, крепостных—76, 332, 333, его издержки—333
 Труд сельский—6, 115, 116, 309
 Труд сложный—12
 Труд специальный—59
 Труд учеников—94
 Трудолюбие—5, 48, 73, 76—78, 86, 105, 112, 120, 128—130, 172, 283—288, 356
 Трудлюбивые нации—86
 Ученичество—94, 110—113, 116, 124, 126
   законы об ученичестве—110—112, 123
 Ученики—94, 97, 110, 112, 113, 115, 116, 126, 127
   труд учеников—94
 Феодалная система—213, 239, 283
   феодалная иерархия—353
   феодалное право—352
   феодалные учреждения—353
 Феодалы—342—344
 Ферма—14, 22, 52, 140, 144, 197, 198, 203, 236, 241, 310, 334, 336, 354
 Фермерство—12
 Фермеры—12, 22, 50, 52, 58, 63, 64, 78, 107, 108, 115—117, 133—136, 140, 146, 177, 195, 201, 202, 204, 209, 216, 234, 235, 238, 240, 252, 282, 325, 333, 338, 354, 357
   прибыль фермера—49, 50, 308, 323
 Фонды—6, 66, 68, 80, 122, 248
   вечный фонд—287
   действительный фонд—54
   первоначальный фонд—5
 Фонд дохода—68
 Фонд зарплаты—68
 Фонд капитала—68
 Фонд промышленности—89
 Фонд на оплату налога—317
 Фонд на содержание рабочих—76, 80
 Фонд на содержание производительных рабочих—287, 888
 Фонд на содержание рабов—76, 78
 Фонд на содержание труда—68
 Фонд на содержание производительного труда—284, 289, 293, 296, 297, 302
 Хозяева—62—66, 68, 75, 76, 78, 94, 107, 126, 129, 130, 161, 280
 Цены—13, 16, 23, 31, 32, 34, 36, 37, 39, 42, 43, 45—51, 55—57, 67, 70—78, 80—82, 86, 90, 91, 100, 104, 106—108, 113—115, 117, 118, 133, 134, 141, 143—145, 148—154, 160—181, 185, 188—220, 225—228, 234, 235, 275, 276, 278, 280, 307, 308, 323, 324, 338, 347, 349, 353, 354
   действительная цена—32, 35, 38, 39, 61, 67, 173, 185, 194, 196, 205, 208, 212, 217—222
   договорная цена—177, 195.
   естественная цена—31, 54—61, 139, 181
   конверсионная цена—165, 166
   монопольная цена—60, 133
   номинальная цена—32, 35, 38, 39, 173, 185, 194, 196, 205
   рыночная цена—31, 42, 45, 54—61, 78, 84, 107, 165, 175, 195
   средняя цена—161, 163, 166, 168, 174, 178, 179, 180, 219, 225, 226
 Цена годовичного продукта—51

- драгоценных металлов—157, 158, 160, 164, 176, 181, 188, 191, 192, 212
 земли—85, 305, 325, 326, монопольная цена земли—356, 357, рыночная
 цена земли—305
 лотерейных билетов—99
 монет—176
 рабочей силы—75
 сырья—114
 труда—35—37, 39, 64, 67, 70, 71, 73, 74, 78, 80, 81, 97, 99, 108, 116, 122, 170—172, 180, 185, 217, 241, 302
   —110, 111, 113, 114—119
 цеховые законы—113, 114, 117, 124
 привилегии цеховых корпораций—109, 110, 123
 цивилизация—24
 цивилизованное общество—19, 75, 93, 222
 ная собственность—156
 частная собственность на землю—47, 49, 62, 63, 148, 357
 афы—110, 130
 валент—222
 рация—172